

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУКА И БИБЛИОТЕКА

Сборник научных трудов

Выпуск 1

Санкт-Петербург
2020

УДК 02:050
ББК 78.3я5
Н34

Редакционная коллегия:

И.М. Беляева, В.А. Клишева, Н.В. Колпакова (отв. ред.),
О.В. Скворцова, О.В. Холмогорова

Наука и библиотека: сборник научных трудов.
Н34 Вып. 1 / отв. ред. Н.В. Колпакова. —
Санкт-Петербург: БАН, 2020. — 240 с. —
(Серия: Летопись Библиотеки Академии наук).

ISBN 978-5-336-00280-5 (вып. 1)

Библиотека Российской академии наук возобновляет издание сборников научных трудов в серии «Летопись Библиотеки Академии наук». Начало этому положили выходившие в 1948–1963 гг. сборники «Трудов Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР», в семи томах которых были опубликованы работы крупнейших отечественных библиотечников и библиографов, работавших в БАН и ФБОН. Несколько позднее стали выходить сборники научных трудов «Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и Академий наук союзных республик» (1956–1973), которые в 1974 г. были преобразованы в тематические сборники научных трудов, объединенных в серию «Библиотеки Академии наук СССР и Академий наук союзных республик», выходившие в четырех ежегодных выпусках вплоть до 1987 г. В последующие годы выходили отдельные сборники научных трудов, не объединенные единым названием, оформлением или серией. Первый выпуск возобновленных трудов включает работы сотрудников Библиотеки Российской академии наук, а также работы представителей других учреждений, тематически связанные с проблематикой сборника.

Сборник предназначен для библиотечарей и библиографов научных универсальных и отраслевых библиотек, преподавателей и студентов библиотечно-информационных факультетов институтов культуры.

ISBN 978-5-336-00280-5 (вып. 1)
ISBN 978-5-336-00261-4 (серия)

© Библиотека Российской академии наук, 2020

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Горская Л.И. «Библиография изданий Академии наук» как зеркало истории Академии наук	5
Красникова О.А. Прекраснейшие небеса — от Античности до формирования Нового естествознания: Atlas coelestis seu Harmonia Macrocosmica / Andreas Chr. Cellarius. 1660	13
Кнорозова Е.Ю. Покровитель книгопечатания Lyonг Ньы Хок и ранняя вьетнамская антология «Тщательно отобранные старинные и современные поэты» (XV век)	23
Пригорицкая Ю.В. Становление научного изучения Африки в Европе по изданиям научных европейских обществ в фондах БАН (Royal African Society of Great Britain и пр.)	29
Дунаева Ю.А. Старинная нумерация на форзацах и шмуцтитулах книг отдела БАН при Зоологическом институте РАН	40
Данилов И.А. Портрет аугсбургского ювелира второй половины XVII в. (по материалам НИОРК БАН)	46
Кульматова Т.В. Мраморная бумага в России: материалы к истории	52
Цевелева И.В. Превентивная консервация. Современные подходы к организации хранения собраний и коллекций	76
Тилева Е.А., Крупин В.И., Заборовская В.А. Удаление масляных загрязнений с бумажных документов. Практическая реставрация: очистка загрязненных маслом листов книги «Псалтырь следованная». Москва: Изд-во Единоверческой церкви, 1875 г.	85

КНИЖНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Питулько Г.Н. О книжных раритетах эпохи Реформации в Европе в Библиотеке Академии наук	90
Гриша Е.А. Книжные памятники из коллекции Научной библиотеки Российской академии художеств: труды по анатомии XVII–XVIII вв. Франции и Италии	98
Реброва Н.А. О генезисе избранных трактатов из корпуса Псевдо-Раймонда Луллия в рукописи «Livre de Raymond Lulle» из коллекции Научной библиотеки Российской академии художеств	105
Вознесенская И.А. «Собрано новгородским дворянином...»: рукописные «родословия» П.Н. Крекшина и гравюра Алексея Зубова	109
Митрофанов В.В. Труды В.О. Ключевского и читатели в женском Педагогическом институте	116

Долгих Ю.А. «Из книг соборного диакона»: к вопросу о биографии Т.В. Кедрова и составе его библиотеки	125
Баженова Н.М. Веги создания в России государственной системы книгораспространения и книжной регистрации в XVIII веке (по материалам «Летописи БАН»)	132

ЛЮДИ И КНИГИ

Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г. Сотрудники Российской национальной библиотеки — участники проекта «Такая разная война...»	151
Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, январь–июнь 1945 года	158
Комарова О.А. Семья Круштейнов в Петербурге	183
Пономарева Н.В., Самара Л.О. Преданность профессии (Памяти М.Г. Бокан)	189
Беляев Н.С. Мария Михайловна Шателен — сотрудник Библиотеки Академии наук: известные и неизвестные факты биографии. К 125-летию со дня рождения	197
Дымская Д.Д. С.В. Меликова-Толстая: служба в Библиотеке Академии наук	205
Зенкевич С.И. «Звук понятный и знакомый...»	212
Лепехин М.П. О Феликсе Моисеевиче Лурье и книге его воспоминаний	221
ПРИЛОЖЕНИЕ	228

УДК 025.5
ББК 78.33г(2)

Л.И. Горская

«БИБЛИОГРАФИЯ ИЗДАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК» КАК ЗЕРКАЛО ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК

АННОТАЦИЯ

В статье прослеживается отражение истории Академии наук в структуре ежегодника «Библиография изданий Академии наук» и динамике публикационной активности ее научных учреждений. Приводятся статистические данные академического книгоиздания за более чем 60-летний период. Дана характеристика современной структуры Российской академии наук.

Ключевые слова: Российская академия наук, Библиотека Российской академии наук, издания Академии наук, библиография изданий Академии наук, структура Академии наук, Ежегодник Академии наук.

Библиотека Российской академии наук как фактический депозитарий академических изданий является отражением академической научной среды.

Значение библиотечного аккумулирования научных публикаций невозможно недооценивать. Массив документов, созданных Академией наук за почти трехсотлетний период ее существования, «является уникальной коллекцией научных документов» [1], отражающих высшие достижения научной мысли.

Следовательно, систематическое библиографирование академического документального потока является не только залогом надежного сохранения и трансляции научного потенциала страны, но и важной базой развития науки.

Понимание значения библиографической кумуляции документального научного знания воплотилось в долгосрочном проекте Библиотеки Академии наук — «Библиографии изданий Академии наук». Вот уже более 60 лет сотрудники Отдела изданий Академии наук ведут подготовку этого уникального библиографического указателя, в котором как в зеркале отражается история российской науки.

Как известно, к выпуску ежегодных библиографических указателей изданий Академии наук СССР БАН приступила в 1931 г. На первом этапе в свет вышло всего четыре указателя — за 1930–1933 гг. [2, 3, 4, 5]. Несмотря на то, что в дальнейшем возможностей для публикации не было, работа по их созданию продолжалась. Указатели за последующие годы дошли до нас в машинописном виде и в виде картотек. Эти материалы хранятся на правах рукописей в Академическом собрании Отдела изданий Академии наук БАН. В течение 2006–2010 гг. в рамках серии «Мемориальный проект» после доработки и редактирования машинописных указателей за 1941–1945 гг. были изданы 5 томов ежегодника за военный период (1) [6].

Наладить систематический выпуск библиографических указателей «академических» изданий удалось лишь во второй половине 1950-х гг.

Задача нового Ежегодника, первый том которого был издан в 1957 г. [7], состояла в организации системы регулярной информации о новейшей научной литературе, опубликованной учреждениями Академии наук СССР.

Библиографический указатель неоднократно становился объектом изучения специалистов. Научные публикации раскрывают историю становления ежегодника [8, 9], методические приемы и принципы его создания [10, 11], проблемы и перспективы автоматизации процесса библиографирования [12, 13], статистические данные накопленного библиографического массива [14].

Но несмотря на такое, казалось бы, исчерпывающее изучение, этот уникальный источник содержит еще много неисследованных и перспективных для науки данных. В статье предпринята попытка проследить отражение истории развития Академии наук периода СССР в структуре ежегодника и динамике публикационной активности ее научных учреждений.

Традиционно библиографирование изданий Академии наук базируется на применении формального критерия отбора объектов библиографического отражения в соответствии с их ведомственной принадлежностью к сети академических учреждений. Ведомственная принадлежность является одним из существенных типологических аспектов изданий Академии наук, позволяющим включать в библиографируемый поток разнообразные типы документов, подготовленные в учреждении, входящем в состав Академии наук, и изданные под грифом данного учреждения или Академии наук [15].

Первоначально каждый том включал все издания АН СССР, вышедшие в свет и поступившие в БАН за истекший год, впоследствии – все издания, подготовленные и выпущенные учреждениями Российской академии наук, в том числе совместно с другими научными учреждениями, и поступившие в БАН в истекшем году.

Материал библиографического указателя распределялся по научным учреждениям Академии наук, ответственным за подготовку и выпуск изданий. Научные учреждения группировались в соответствии со структурой Академии.

В соответствии с исторически сложившимися традициями и задачами Академия наук, построенная по научно-отраслевому и территориальному принципу, представляет собой иерархическую систему, состоящую из Президиума, отраслевых, региональных отделений и научных центров. Также при Академии состоят научные советы, комитеты, комиссии, организуемые в порядке, устанавливаемом Президиумом РАН. Академия наук тесно связана со всей системой научных исследований и высшего образования России.

Но структура РАН — величина непостоянная. На протяжении почти трех столетий существования Академии неоднократно менялись ее задачи, статус и состав, что нашло отражение в ее научных и библиографических изданиях.

В начальный период становления Академии наук как новой для страны формы научной организации исторически первым и основным способом расположения материала в ее изданиях становится научно-

отраслевая принадлежность публикаций. Отраслевая группировка материала начинает применяться уже с первого тома научного издания Академии — «*Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*» (Petropoli: Typis Academiae, 1728). Научные статьи видных европейских ученых, приглашенных для работы в только что созданную Петербургскую академию наук в этом сборнике трудов, издававшемся с 1728 по 1751 г., систематизированы по трем классам в соответствии с отраслями науки: «*Mathematica*», «*Physica*», «*Historica*».

Появление в 1930-х гг. библиографического ежегодника, призванного регулярно информировать о новых научных публикациях академических учреждений, свидетельствует о качественно новом этапе развития Академии наук. В этот период, когда структура Академии в целом сформирована и апробирована временем, ведущим принципом библиографирования академических изданий становится организационно-ведомственная принадлежность материала.

Но структура Академии наук не является чем-то законсервированным. Изменения ее состава и структуры естественны и неизбежны, они являются следствием не только динамического характера самой науки, но и реакцией на новые вызовы времени, среди которых можно выделить и актуальные потребности общества, и новые социально-экономические, технологические условия развития.

Все институциональные метаморфозы Академии наук влияют на методику подготовки библиографического указателя и находят отражение в его структуре.

Статистический анализ ежегодника показывает, что количество литературы, изданной академическими учреждениями в середине 1950-х гг., было сравнительно невелико — первый том указателя насчитывал всего 877 записей. Через пять лет объем ежегодника увеличился втрое (том за 1961 г. включал 2710 записей), с 1962 г. наблюдается небольшое снижение количества публикаций до 2330 записей. В течение следующих 3-х лет академический документальный поток держится в пределах этого уровня. С 1965 г. начинается новый подъем публикационной активности академических учреждений. Длительная положительная динамика, сохраняется вплоть до конца 1980-х гг. (т. 35 за 1990 г. насчитывал 7331 запись), что свидетельствует об относительно стабильном периоде развития Академии наук. За первые 30 лет систематического учета академического документального потока было суммарно отражено 140 771 научное издание.

После чего начинается закономерное для сложного периода распада СССР и, соответственно, перестройки всей структуры Академии наук снижение академического книгоиздания. Приведенные в предисловии к 38 тому основные показатели суммарного объема академической книжной продукции за 1989–1993 гг., отраженной в ежегоднике, показывали уменьшение объема ежегодника за этот почти период вдвое.

Изменения в политической и экономической жизни России 1990-х гг. стали причиной прекращения издания Ежегодника. В 1995 г. был опубликован последний перед длительным перерывом, 38 том «Библиографии изданий Российской Академии наук» [16]. Он включал 3280 записей. Представленный в нем перечень академических изданий наглядно

отражал неблагоприятную ситуацию, которая сформировалась в фундаментальной науке к этому времени.

Однако работа по составлению библиографического указателя не прекращалась. Два тома (т. 39 (за 1994 г.) — 3475 БЗ, т. 40 (за 1995 г.) — 3557 БЗ) были подготовлены в машинописном варианте и изданы в дальнейшем в рамках «Мемориального проекта» [17].

С 1994 г. библиографами Отдела изданий Академии наук началось описание документов, входящих в Ежегодник, в электронном виде с помощью пакета прикладных программ CDS\ISIS\IM (DOS). В 1999 г. в качестве пилотного проекта в среде DOS-ISIS подготовлен CD-ROM «Библиография изданий Российской Академии наук. Том 41». С 2010 г. формирование «Библиографии изданий РАН» ведется с помощью системы ИРБИС.

Последнее пятилетие принесло академической науке очередные масштабные изменения. Инициированная в 2013 г. Правительством Российской Федерации реорганизация академического сектора российской науки повлекла за собой перестройку всей системы академических учреждений в стране, изменение принципов ее финансирования и научно-методического руководства. В соответствии с федеральным законом № 253-ФЗ от 27.09.2013 Российская академия медицинских наук, Российская академия сельскохозяйственных наук вошли в состав Российской академии наук [18]. Организации, находившиеся в ведении трех ранее независимых академий, были переданы Федеральному агентству научных организаций (ФАНО) России, образованному в том же 2013 г. [19].

Следующим этапом реформы Российской академии наук стало объединение ее научных учреждений. Согласно первому плану реструктуризации научных организаций, утвержденному ФАНО в 2015 г., было предусмотрено создание 23 федеральных (национальных) исследовательских и научных центров на базе реорганизации и слияния 115 академических научных институтов.

В 2015–2016 гг. последовали наиболее значительные изменения всей системы академических учреждений. В этот период создан ряд Федеральных исследовательских центров (ФИЦ), например, «ФИЦ “Информатика и управление” Российской академии наук», «ФИЦ питания, биотехнологии и безопасности пищи», «ФИЦ “Фундаментальные основы биотехнологии” Российской академии наук» и др. К началу 2018 г. в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) был зарегистрирован 21 Федеральный исследовательский (научный) центр. Общее количество действующих научных учреждений варьируется по разным источникам от 450 до 605 [20]. Назвать точное количество научных организаций из бывшего академического сектора, установить их четкую ведомственную, организационную и научно-методическую подчиненность в настоящее время не представляется возможным.

Следующим, и, скорее всего, не последним шагом на пути реорганизации академической науки стало упразднение в 2018 г. ФАНО и передача его функции по нормативно-правовому регулированию и оказанию государственных услуг в соответствующей сфере деятельности, а также функции по управлению имуществом Министерству высшего образования и науки Российской Федерации [21].

Структура Академии наук

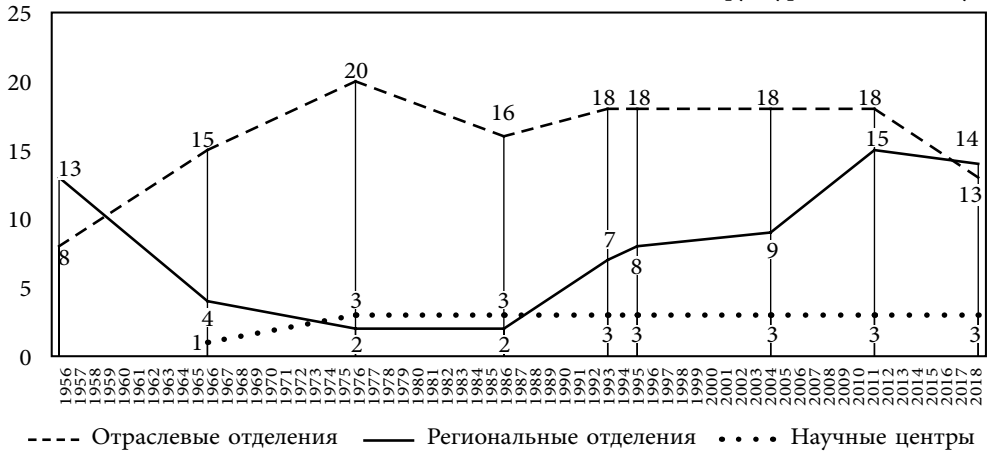

Табл. 1. Организационная структура Академии наук по материалам библиографического указателя «Библиография изданий Академии наук» за 1956–2018 гг.

Табл. 2. Публикационная активность Академии наук за 1956–1986 гг.

Табл. 3. Выборочная публикационная активность Академии наук за 1956–2004 гг.

Современная структура РАН условна. В настоящее время Академия осуществляет только научно-методическое руководство бывшими академическими институтами. РАН формально включает 13 отделений по областям и направлениям науки, 3 региональных отделения и 14 региональных научных центров. Список отделений РАН и перечень научных организаций, относящихся к каждому отделению и научному центру представлен на портале Российской академии наук [22]. Сведения данного ресурса, к сожалению, не всегда актуальны и точны.

Реорганизация академических учреждений привела к общей нестабильности академического сектора науки, в условиях которой выявление учреждений, некогда считавшихся академическими, стало проблематичным.

Перед БАН стоит непростая задача сохранения и передачи научного потенциала Российской академии наук в условиях дестабилизации академического сектора науки. Основным условием решения этой задачи, на наш взгляд, является сохранение традиции подготовки «Библиографии изданий РАН» (независимо от формы существования указателя). Ядром Ежегодника является база авторитетных данных «Учреждения РАН».

В переходный период сотрудниками НИОИАН было принято решение о включении в БД информации о зарегистрированных в ЕГРЮЛ федеральных исследовательских центрах. Учреждения, входящие в состав ФИЦ, связаны системой ссыльно-отсыльных записей, что помогает установить прежнее название и ведомственную принадлежность каждой организации. По возможности устанавливается источник информации, полное официальное название, сведения о переименованиях, реорганизации учреждения с указанием нормативно-правовых документов. Это позволяет рассматривать БД «Учреждения РАН» не только как основу формирования библиографического указателя, но также в качестве источника справочной информации по истории Академии наук.

Примечания

1. Вып. 1 за 1941 год издан в 2006 г. единичным тиражом в качестве презентационного экземпляра; выпуск основного тиража состоялся в 2010 г. Вып. 1 : 1941 год. 2010. 658 с.; Вып. 2 : 1942 год. 2007. 250 с.; Вып. 3 : 1943 год. 2008. 280 с.; Вып. 4 : 1944 год. 2009. 303 с.; Вып. 5 : 1945 год. 2010. 352 с.

Список источников

1. Пономарева Н.В. Издания Академии наук как специфический объект библиографического отражения // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 1. С. 64.

2. Издания Академии наук СССР за 1930 г. : библиогр. указ. / АН СССР, Б-ка. Ленинград, 1931. 106 с.

3. Библиографический указатель изданий, опубликованных АН СССР в 1931 г. / АН СССР, Б-ка. Ленинград, 1932. XVI, 131 с.

4. Библиографический указатель изданий, вышедших в Академии наук СССР в 1932 г. / АН СССР, Б-ка. Ленинград, 1935. 172 с.

5. Библиографический указатель изданий, вышедших в Академии наук СССР в 1933 г. / АН СССР, Б-ка. Ленинград, 1936. VIII, 170 с.
6. Библиография изданий Академии наук СССР, 1941–1945 : ежегодник / РАН, Б-ка РАН ; [рук. проекта Н.В. Колпакова ; ред. совет: Н.М. Баженова, О.В. Дроздова, В.П. Кудрявцева, Т.В. Кульматова (отв. сост.), В.П. Леонов, Н.В. Пономарева (библиогр. ред.), Ю.В. Шестаков, О.Г. Юдахина]. Санкт-Петербург : БАН : Альфарет, 2007. (Мемориальный проект).
Вып. 1 : 1941 год. 2006. 660 с.
Вып. 1 : 1941 год. 2010. 658 с.
Вып. 2 : 1942 год. 2007. 250 с.
Вып. 3 : 1943 год. 2008. 280 с.
Вып. 4 : 1944 год. 2009. 303 с.
Вып. 5 : 1945 год. 2010. 352 с.
7. Библиография изданий Академии наук СССР : ежегодник : т. I : Издания, вышедшие из печати в 1956 г. / Б-ка Акад. наук СССР ; [сост.: Э.А. Кононова при участии Д.С. Березиной ; под ред. С.П. Луппова, К.И. Шафрановского]. Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 343 с.
8. Баженова Н.М. Мемориальные библиографические проекты Отдела изданий АН БАН // Справочно-библиографическое обслуживание: традиции и новации : сб. науч. тр. / сост.: Н.А. Сидоренко, Н.В. Бекжанова ; отв. ред. В.П. Леонов. Санкт-Петербург, 2007. С. 93-101.
9. Баженова Н.М. Национальная академическая библиография военного времени / Н.М. Баженова, Н.В. Колпакова // Библиотеки национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития : науч.-практ. и теорет. сб. / Междунар. ассоц. акад. наук, Совет директоров науч. б-к и информ. центров. Киев, 2007. Вып. 5. С. 425-437.
10. Шафрановский К.И. К вопросу о библиографии изданий Академии наук // Тр. БАН. Москва ; Ленинград, 1948. Т. 1. С. 54-66.
11. Шафрановский К.И. Об описаниях сборников в библиографических указателях // Библ.-библиогр. информ. б-к Акад. наук СССР и акад. союз. респ. 1963. № 45. С. 110-112.
12. Горская Л.И. Автоматизированное формирование ежегодника «Библиография изданий Академии наук»: проблемы использования электронного массива данных / Л.И. Горская, В.В. Рубцов // Румянцевские чтения : материалы междунар. науч. конф. (21-23 апр. 2009 г.). Москва, 2009. С. 38-41.
13. Горская Л.И. Библиографирование изданий РАН в условиях реорганизации академического сектора российской науки // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 1. С. 126-133.
14. Баженова Н.М. Российская академическая наука в переходный период (1994–2004): По материалам ежегодника «Библиография изданий Российской Академии наук» / Н.М. Баженова, В.А. Васильева, Н.П. Петрова // Научная книга. 2005. № 1/2. С. 29-33.
15. Пономарева Н.В. Проблема типологии изданий Академии наук // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Т. 201. С. 182-185.
16. Библиография изданий Российской академии наук : т. XXXVIII : Издания, поступившие в БАН в 1993 г. : ежегодник / РАН, Б-ка РАН ; сост.: В.А. Васильева, М.В. Воронова, Ж.Г. Шигаева ; под ред. В.П. Леонова. Санкт-Петербург : БАН, 1995. 640 с.
17. Библиография изданий Российской академии наук: 1994–2004 : ежегодник / РАН, Б-ка РАН ; [рук. проекта В.П. Леонов ; ред. совет: Н.М. Баженова, Н.В. Колпакова, В.П. Леонов, Ю.В. Шестаков, О.Г. Юдахина ; оформление проекта: В.Е. Попова, А.В. Ухвалова]. Санкт-Петербург : БАН : Альфарет, 2006. (Мемориальный проект).
Вып. 1 : 1994 год. 2006. 697 с.
Вып. 2 : 1995 год. 2011. 776 с.
18. Российская Федерация. О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : федер. закон [№ 253-ФЗ] : [принят Гос. Думой 18 сент. 2013 г. :

одобр. Советом Федерации 25 сент. 2013 г. : в ред. от 29.07.2017 г. № 219-ФЗ] // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102439957&backlink=1&&nd=102167990> (дата обращения: 23.06.2020).

19. Российская Федерация. Президент. О Федеральном агентстве научных организаций : указ Президента Рос. Федерации от 27 сент. 2013 г. № 735 // Рос. газ. [Электронный ресурс]. 2013. № 6194 (218). URL: <https://rg.ru/2013/09/27/fano-site-dok.html> (дата обращения: 23.06.2020).

20. Об отнесении научных организаций, подведомственных Федеральному Агентству научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, к соответствующей категории научных организаций : [приказ ФАНО № 157 от 30.03.2018] // ФАНО России [Электронный ресурс]. URL: <http://fano.gov.ru/ru/documents/> (дата обращения: 23.06.2020). Загл. с экрана.

21. Российская Федерация. Президент. О структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента Рос. Федерации от 15 мая 2018 г. № 215 // Рос. газ. [Электронный ресурс]. 2018. № 7567 (104). URL: <https://rg.ru/2018/05/15/struktura-site-dok.html> (дата обращения: 23.06.2020).

22. Структура Российской академии наук // Российская академия наук [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/sciencestructure/departments.aspx> (дата обращения: 23.06.2020), свободный. Загл. с экрана.

О.А. Красникова

**ПРЕКРАСНЕЙШИЕ НЕБЕСА — ОТ АНТИЧНОСТИ
ДО ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ:
Atlas coelestis seu Harmonia Macrocosmica / Andreas Chr. Cellarius. 1660**

АННОТАЦИЯ

В коллекции картографических документов по астрономии из фонда Сектора картографии ОФО БАН находятся три издания «Atlas coelestis seu Harmonia Macrocosmica» немецкого астронома А. Целлария (1596–1665). Это альманах по истории развития астрономии, от античности до конца XVII в. В статье даны сведения об истории составления атласа, астрономии и основных вариантов системы мира — Птолемея, Коперника, Тихо Браге и др., позволяющие понять содержание карт атласа.

Ключевые слова: Сектор картографии (ОФО БАН), история астрономии, атлас, Андреас Целларий, Герард Меркатор, звездное небо, геоцентрическая и гелиоцентрическая модели системы мира, созвездия Зодиакального круга.

В фонде Сектора картографии Отдела фондов и обслуживания Библиотеки Академии наук (ОФО БАН) хранятся не только атласы и карты государств, материков, губерний, областей, городов, географических открытий, но и картографические документы по астрономии. Собрание их невелико, но разнообразно по составу: отечественные и иностранные атласы, карты звездного неба, туманностей, Солнечной системы, отдельных планет, обратной стороны Луны... По большей части это издания периода XVIII–XX вв., которые представляют собой целостные произведения, посвященные какой-либо одной теме. Однако, есть в картографическом собрании БАН и нечто удивительное — один из красивейших атласов небесного свода, «Atlas coelestis seu Harmonia Macrocosmica», можно сказать, альманах по истории астрономии, в котором собраны карты небесного свода, иллюстрирующие развитие представлений о небесной механике.

Атлас был составлен немецким астрономом и учителем Андреасом Христофором Целлариусом (1596–1665). А. Целларий (латинизированное имя — Андреас Целлариус) родился в 1596 г. в Нойхаузене, небольшом городке недалеко от Вормса, в Германии, в семье пастора. По окончании школы он в 1614 г. стал студентом Гейдельбергского университета. События, связанные с началом Тридцатилетней войны, вынудили его покинуть Германию, и в начале 1620-х гг. он оказался в Нидерландах, женился и начал работать учителем Латинской школы в Хааке (Гаага, нидерл.: Den Haag / 's-Gravenhage). В 1637 г. Целларий переехал в Хорн (Hoorn), где получил должность директора Латинской школы. Именно здесь состоялась его научная карьера, в этот период были опубликованы все его работы, в том числе и замечательный «Atlas coelestis seu Harmonia Macrocosmica».

Для того, чтобы лучше понять содержание карт атласа Целлария, напомним о созвездиях Зодиакального круга, основных чертах геоцентри-

ческих систем мира Птолемея, Тихо Браге и гелиоцентрической системы Коперника, а также коснемся истории картографирования небесного свода [1, 2, 3, 4]. Разумеется, многие имена, события и интересные подробности окажутся за рамками этого краткого повествования, но все же постараемся обратить внимание на то, что поможет понять содержание удивительных карт атласа «*Harmonia Macrocosmica*».

Ранние представления о космосе

С древнейших времен люди обращали внимание на усыпанное яркими огнями ночное небо. Возможно, уже тогда в сочетаниях звезд они видели фигуры животных и птиц, ведь еще с бронзового века сохранились наскальные рисунки, изображающие представителей фауны. Поэтому не так уж удивительно, что некоторые созвездия, как подтверждают археологические находки, известны именно с тех времен [1].

В VII–I вв. до н.э. в шумеро-аркадском государстве Вавилон, по берегам реки Евфрат, интенсивно развивалась математическая астрономия — изучение и описание движений светил, и прежде всего Луны. Тогда же в Вавилоне была введена должность придворного астронома для систематической записи наиболее важных изменений и явлений на небе.

Именно вавилонские астрономы в начале VII в. до н.э. выделили на небе круговую зону шириной около 30° , в пределах которой совершали свое видимое движение Луна, Солнце и известные им планеты. Из звезд этого круга были первоначально составлены 15 созвездий, почти все названные именами животных. В VII–VI вв. до н.э. для наблюдения за Луной вавилоняне (так же, как и египтяне) поделили эту приэкваториальную зону на 36 участков по 10° . В таком делении круга на 360° в астрономии была применена шумерская 60-ричная система счета. В VI в. до н.э. эти участки были объединены по три, и так вся зона оказалась разделенной на 12 участков-созвездий по 30° .

Астрономическая картина мира вавилонян имела еще мифологический характер, поскольку главными задачами астрономии были прикладные — нужды календаря, предсказание затмений. Большую роль вавилонские наблюдения сыграли в подъеме древнегреческой астрономии в эллинистическую эпоху (с III в. до н.э.) Так, именно от вавилонян переняли греки представление о разделенной на 12 участков зоне небесного свода, которой они дали название «Зодиак» — Круг животных.

Деление небесной сферы на созвездия служило и практической пользе. Египтяне связывали появление Сириуса, ярчайшей звезды в созвездии Большого Пса в лучах утренней зари, с разливами Нила, что было важно для земледельческих работ. Моряки средиземноморских стран, плывя с Крита в Афины, держали путь по звездам ковша Малой Медведицы; этим же ориентиром пользовались пастухи долины рек Тигра и Евфрата, перегоняя стада к прохладным горным пастбищам.

Геоцентрическая система мира и первые научные описания неба

Центром мироздания первоначально представлялась неподвижная Земля, жестко закрепленная на каком-либо основании: на спинах слонов, на плавающей в воде огромной черепахе... или даже «сама на себе»,

в центре океана, окруженного по сторонам высокими стенами, на которые опирается чаша небесного свода, согласно мировоззрению греческого писателя VI в. Козьмы Индикоплова, александрийского купца и путешественника по Востоку.

У египтян религиозно-мифологическая картина мира с астрономической основой существовала с IV тыс. до н.э. Согласно ей, Земля являлась центром Вселенной, вокруг нее обращались все светила, но Меркурий и Венера при этом обращались еще и вокруг Солнца.

Первая логически завершенная попытка установить истинное устройство Вселенной была предпринята древнегреческим философом **Аристотелем** (382–322 гг. до н.э.). Он предположил, что Вселенная выглядит словно «инженерное» сооружение: вокруг шарообразной Земли, стоящей в центре, обращаются концентрические прозрачные шарообразные сферы, вложенные одна в другую, с прикрепленными к ним планетами Солнечной системы и самим Солнцем, а за ними — сфера неподвижных звезд.

Великий александрийский астроном и математик **Клавдий Птолемей** (ок. 87–165 гг.) создал математическую геоцентрическую модель движений Солнца, Луны и планет, ставшую основой для формирования классической геоцентрической картины мира. Птолемей определял астрономию как «математическое изучение неба». Его фундаментальный труд «Мегале синтаксис» («Megale Syntaxis» — «Великое построение») или «Альмагест» (лат. «Almagest», в арабском — «Аль Маджисти») в 13 книгах (главах) охватывает все области античной астрономии. В первых восьми книгах содержится описание Млечного Пути, небесной сферы, противостояния Солнца и Луны, деление Земли по зонам продолжительности дня и ночи, года и месяца, условия затмений. В последних пяти содержится важнейший, фундаментальный и, несомненно, оригинальный вклад Птолемея в астрономию — геоцентрическая система, теория движения планет. Согласно ему, шарообразная Земля, находящаяся без всякой опоры в центре Вселенной, была окружена сферами небес. По семи из них двигались Солнце, Луна и пять планет, восьмую занимали звезды, все вместе обращавшиеся вокруг Земли за сутки. Геоцентрическая система Птолемея, доработанная до высокой степени совершенства, позволяла предсказывать положение на небе Луны, Солнца и планет, вычислять время наступления астрономических явлений, способствовала развитию мореходства и торговли, обеспечивая нужды практической вычислительной астрономии.

Астрономия в течение длительного времени была наукой лишь наблюдений, и сведения предшественников этого величайшего астронома античности не позволяли сделать однозначный выбор между гео- и гелиоцентрическими системами мира. И хотя на уровне гипотез даже тогда обе считались равнозначными, именно геоцентрическая система Птолемея господствовала в науке более тысячелетия.

Гелиоцентрическая система мира Николая Коперника

Гениальный польский астроном **Николай Коперник** (1473–1543) пришел к пониманию того, что между теорией мира Птолемея, математическим гением которого он искреннее восхищался, и непосредственными

наблюдениями небесной сферы существуют серьезные противоречия. Главным новым принципом в системе Коперника стало допущение подвижности Земли. Согласно Копернику, система планет вместе с подвижной Землей находилась практически в центре Вселенной, центр мира занимало Солнце, а планеты двигались по строго круговым орбитам. Коперник обратил внимание на то, что по свойствам движений планеты как бы разделялись Солнцем на две группы — «нижние» (расположенные ближе к Земле, чем Солнце) и «верхние». С помощью двух основных движений Земли — суточного и годового — теория Коперника объясняла смену дня и ночи, раскрывала причину суточного движения звездного неба, все главные особенности сложных неравномерных наблюдаемых движений планет. Копернику впервые за всю историю изучения неба удалось сделать обоснованный вывод о действительном расположении планет в Солнечной системе и получить весьма точные относительные расстояния планет от Солнца.

Его теория раскрыла важнейший принцип устройства Вселенной: признав, что Земля, как и другие планеты, подвижна, она устранила вековое представление и об уникальности Солнца, тождественность которого звездам предполагали еще в древности.

Система мира Тихо Браге

Родоначальником точной астрономии в Европе является датский астроном **Тихо Браге** (1546–1601). До середины XVI в. непосредственные наблюдения были не очень точными и производились нечасто, а важнейшие астрономические величины нередко заимствовались из сочинений древних авторов. Одной из важнейших заслуг Тихо Браге стала организация и проведение — впервые в европейской астрономии — систематических многолетних астрономических наблюдений, которые дали возможность выдвинуть новые гипотезы и теории об устройстве мира планет. Так, в течение 20 лет он выполнил несколько тысяч непрерывных наблюдений Солнца, а наиболее важными для последующего развития астрономии оказались весьма точные по тем временам его измерения положения Марса, проводившиеся непрерывно в течение 16 лет, за которые Марс успел 8 раз обойти вокруг Солнца. Браге не принял гелиоцентрическую систему мира Коперника, с которой познакомился по ее краткому изложению. В 1588 г. он обнародовал свою компромиссную и остроумную систему мира, с неподвижной Землей в центре Вселенной, вокруг которой обращаются Луна и Солнце, а уже вокруг последнего — остальные пять планет. Именно эту систему, распространенную на все планеты, надеялся подтвердить Браге с помощью своих наблюдений Марса, и пригласил для этой цели к себе в Прагу молодого немецкого математика и астронома Иоганна Кеплера (1572–1630). Однако, вопреки надеждам Браге, его наблюдения послужили фундаментом для создания иной механики неба, окончательно утвердившей справедливость гелиоцентрического принципа устройства планетарной системы.

Звездные карты и атласы

Первые кругосветные путешествия убедительно показали, что Земля изолирована в пространстве. Подобно тому, как накапливающиеся

знания о поверхности Земли находили отражение на картах различных территорий, с развитием астрономии появилась возможность создавать картографические произведения, охватывающие пространство небесного свода.

Первая печатная карта неба с точным расположением звезд относительно сетки небесных координат и фигурами созвездий была награвирована в 1515 г. Альбрехтом Дюрером (1471–1528) в сотрудничестве с немецкими учеными Иоганном Стабием и Конрадом Хейнфогелем. В XVI в. вышли в свет и несколько звездных атласов. Первым из них стал атлас Алессандро Пикколомини (1508–1578) «О неподвижных звездах» (*De le Stelle Fisse*) с текстом «О сфере мира» (*De la sfera del mondo*), опубликованные в Венеции в 1540 г. Впервые на его картах звезды обозначены буквами. В 1588 г. в Венеции был издан атлас Джованни Паоло Галуччи (fl. 1569–1597) под названием «Театр Мира и Времени» (*Theatrum Mundi et Temporis...*), в котором впервые появилась координатная сетка, а карты 48 созвездий напечатаны с деревянных досок [5]. Звездный атлас 1600 г. — «Построение по Арату» (*Hugo Grotii Syntagma Arateorum*), составленный голландским юристом Гуго Гроцием (1583–1645), сопровождался латинскими переводами «Феноменов» (*Phenomena* — Явления) древнегреческого астронома Арата (ок. 270–272 г. до н.э.), с комментариями и замечаниями о названиях созвездий и отдельных звезд у разных народов.

Самым значительным картографическим произведением начала XVI в. стала «Уранометрия» (*Uranometria*) — первый атлас всех видимых звезд, опубликованный в 1603 г. юристом г. Аугсбурга Иоганном Байером (1572–1625). Труд этот в основном базировался на перечне звезд, составленном Тихо Браге. Байер не только впервые объединил в своем атласе многие достижения своих предшественников, но и внес много нового. К каждой карте атласа прилагался список звезд, расположенных точно по небесным координатам и связанных с созвездиями греческих мифов и легенд. Но главное — Байер впервые использовал буквы греческого алфавита для указания блеска звезд и составил каталог убывания их блеска. В предисловии к атласу сказано: «Если я не ошибаюсь, до сих пор в подобной форме и с такой тщательностью аналогичных описаний не появлялось» [1]. Однако, система Байера не получила широкого распространения до XVIII в. — вот почему Целлариус не использовал ее на своих картах звездного неба, о которых сейчас пойдет речь.

«*Harmonia Macrocosmica*» А. Целлариуса: история создания

В 1660 г. вышел из печати «*Atlas coelestis sive Harmonia Macrocosmica*» Андреаса Целлария. Публикацией атласа завершился крупный картографический проект, начатый четверть века назад известными нидерландскими издателями Хенриком Хондием (1597–1651) и Иоганном Янссоном (1588–1664). Именно Янссоны удалось воплотить в жизнь замысел знаменитого картографа Герарда Меркатора (1512–1594), еще в 1569 г. высказавшего идею опубликовать многотомный атлас, описывающий не только античную и современную ему географию, моря, города мира, но также космос и его историю. Первые тома задуманного атласа опубли-

ликовал сам Меркатор между 1585 и 1589 гг., а последний, уже после его кончины, сын Меркатора Румольд (1545–1599). Весной 1604 г. Хондий и издатель К. Клаас (1560–1609) выкупили медные доски у внука Меркатора. К атласу постоянно добавляли новые карты, и в окончательном виде «Novus Atlas absolutissimus» включал восемь томов: четыре тома географических карт поверхности земли (1636), морской атлас (1650), описание городов (1657), картографию античного мира (между 1658 и 1662) и атлас небесной сферы «Harmonia Macrocosmica» (1660). Название атласа — «Harmonia Macrocosmica» — вероятно, было задумано самим Янсонием, а контракт с Целларием, скорее всего, заключил его сын, Иодок Янсониус (1613/14–1655), знакомый с Целларием по совместной работе над книгой о фортификации [6, с. 9].

Целларий начал работу над атласом в 1647 г. и задумал сделать его в двух томах. В первый должны были войти карты небесной сферы и наиболее известных в истории астрономии систем устройства мира, а во втором предполагалось более детально рассмотреть системы мира Тихо Браге и Коперника, солнечные и лунные эклипсы, а также поместить сведения об открытиях, сделанных с момента изобретения телескопа. Целларий выразил надежду, что Бог наградит его достаточно долгой жизнью, чтобы он смог увидеть свою работу завершённой, но этому не суждено было сбыться. В свет вышел только первый том, включающий 29 карт и обширный текст на латыни.

В просторном предисловии к атласу (125 с.) Целларий изложил историю астрономии, а в основной части текста (218 с.) дал детальное описание карт атласа. Выше были рассмотрены основные черты систем мира Птолемея, Коперника и Тихо Браге, поэтому здесь приведем лишь сведения о том, на каких картах атласа «Harmonia Macrocosmica» они отражены, на основании анализа, выполненного современным нидерландским историком Р. ван Гентом [6, с. 10]. Наибольшее число карт (№ 1–3, 10, 14, 16–18, 20, 21) посвящено отображению геоцентрической системы мира Птолемея. Альтернативная геоцентрическая система мира, по Арату, давшему в своих «Феноменах» («Явлениях») описание созвездий геоцентрической модели мира древнегреческого математика и астронома Евдокса Книдского (60-е гг. IV в. до н.э.) изображена на одной карте (№ 8). Гелиоцентрической системе мира Коперника посвящены две карты (№ 4 и 5), а геоцентрическая система мира Тихо Браге представлена на трех (№ 6, 7, 9). Несколько карт иллюстрируют движение и фазы Луны (№ 15, 18, 19), движение Солнца (№ 16, 17), а также различные астрологические концепции. Последние восемь карт посвящены видимой небесной сфере с изображением созвездий в виде аллегорических фигур. Из них две (№ 24 и 27) показывают созвездия северного и южного полушарий в принятой у греков традиционной форме, которая используется и сейчас, а две другие (№ 22 и 23) — «христианскую» концепцию созвездий, предложенную немецким юристом Ю. Шиллером, издавшим в 1627 г. атлас созвездий под заглавием «Христианское звездное небо» («Coelum stellatum christianum»). Шиллер придумал новые созвездия, и на небе появились персонажи Священного Писания, а двенадцать апостолов стали созвездиями Зодиака. История астрономии сохранила немало попыток изменить существующее деление небесной сферы — от введения не-

большого нового созвездия, сформированного в честь мецената до полной реформы деления небосвода. Однако, со времен Клавдия Птолемея мы видим созвездия эллинского времени, лишь немного измененные И. Байером и другими астрономами.

В научных кругах атлас Целлария был принят сдержанно, поскольку, хотя в нем и были собраны карты, подробно иллюстрировавшие историю астрономии и структуру мира в целом, новой информации там было мало, и он не давал возможности вычислять положения небесных тел. Однако, надо помнить, что замысел Целлария тогда не был осуществлен в полной мере.

В дальнейшем красивейшие карты атласа неоднократно переиздавались. После смерти И. Янсониуса в 1664 г. медные доски карт атласа перешли к его пасынку И. Янсониусу ван Весбергену (ок. 1617–1681) и затем к другим сыновьям — И. Янсониусу Младшему (ум. 1709) и Ж. Янсониусу ван Весбергену (ум. перед 1708). В 1694 г. два брата решили предложить полный комплект досок на продажу. Доски были приобретены амстердамскими издателями П. Шенком (1660–1711) и Г. Валком (1651/52–1726), которые в 1708 г. опубликовали последнее издание атласа Целлариуса, без текста. После 1725 г. медные доски были распроданы, и карты атласа издавались различными амстердамскими фирмами вплоть до XVIII в. как самостоятельные картографические произведения или в составе атласов. Кроме того, атлас был переведен на турецкий и арабский языки [6, с. 11]. Безусловно, он занял свое место и в череде нидерландских атласов того времени, и, в частности, среди атласов звездного неба [7, 8].

В картографическом фонде Библиотеки Российской академии наук хранятся три экземпляра этого атласа, один из которых датируется 1666 г., второй — 1708 и третий, предположительно, также 1708 г. Ниже приводится краткая характеристика каждого из этих атласов.

1. Atlas Coelestis seu Harmonia Macrocosmica [1666]. Включает титульный лист и 29 листов карт и схем, т.е. полный комплект картографических изображений атласа Целлариуса, а также дополнительные листы: первый — направления ветров (автор — И. Янсониус) и второй — два полушария небесной сферы — *Planisphaerium Coeleste*. Все листы нерасцвечены. Этот атлас является вторым аллигатом конволюта, первый аллигат которого — географический атлас мира. Конволют имеет два титульных листа, первый: *Atlas Maior F. de Wit. Ex officina Frederici de Wit. Amstelodami cum Priv. Regio. Potentissimorum D.D. Ordinum Hollandiae et Westfrisiae* (параллельно то же на голландском языке), и второй: *Joannis Janssonius Atlas Contractus. Amstelodami Apud Joannis Janssonij Haeredes. Anno MDCLXVI*. Переплет кожаный, крапчатый. Бинтовой, на корешке золотом вытиснено «ATLAS» и изображения армиллярной сферы в орнаментированных рамках. На верхней и нижней крышках переплета золотое тиснение — двойная орнаментированная рамка, по углам внутри которой — армиллярные сферы, в центре — титан, удерживающий армиллярную сферу на своих плечах, в картуше из цветов. Эклибрис Несвижской библиотеки Радзивиллов — на обороте верхней крышки переплета: *EX BIBLIOTHECA DUCALI RADIVILLIANA NESVISIENSI*, на верхнем защитном листе — овалный штамп с гербом и надпись

Рис. 1. Фамильный герб рода Круммес в экземпляре Atlas Coelestis seu Harmonia Macrocosmica [1666]

Рис. 2. Фамильный герб рода Круммес, выполненный акварелью, в экземпляре Atlas Coelestis seu Harmonia Macrocosmica [1666]

«O.F. Krumme[s]» (рис. 1). На втором титульном листе, в нижней части — запись от руки на латыни, а в верхней части — выполненный черной тушью и акварелью герб, как удалось установить, рода Круммес (рис. 2).

В конце вклеен лист, на котором помещен выполненный от руки железоголлловыми чернилами (или тушью) в алфавитном порядке от А до Z перечень карт с указанием их номера в атласе, на самих картах порядковые номера проставлены также от руки. (Шифр издания: V РТ/238)

Известно, что в 1772 г. российский генерал А. Бибииков вывез из Несвижа 14 тысяч книг, не считая карт и планов. Возможно, покинув библиотеку Раздзивиллов, атлас находился где-то еще, пока не оказался в книжном собрании, о котором пока совсем ничего не известно, принадлежавшем семье Круммес. Предварительные поиски сведений об этой семье дали пока незначительный результат: стало известно о двух российских военных с фамилией Круммес: Александр Круммес — выпускник Михайловской артиллерийской академии 1861 года (3) и Федор Христофорович Круммес (? — 2.10.1849), военачальник, генерал-майор с 06.12.1837 г. (1), кавалер ордена Святого Георгия IV класса (1.12.1835). Надеемся, что в дальнейшем удастся выяснить передвижения атласа.

2. Harmonia Macrocosmica seu Atlas universalis novus... 1708. Переплет бинтовой, кожаный, краповый, слепое тиснение, двойная рамка по верхней крышке переплета, кожаные ремни и медные замки хорошей сохранности. Экслибрис Несвижской библиотеки Раздзивиллов —

на обороте верхней крышки переплета: EX BIBLIOTHECA DUCALI RADIVILLIANA NESVISIENSI. Можно условно назвать это конволютом, где первый аллигат — различные географические карты стран и отдельных местностей, хронологические и исторические таблицы, фортификационные чертежи и планы военных действий, а второй — карты Целлария, однако не предваряемые отдельным титульным листом и не в полном составе (в частности, отсутствуют листы с «христианскими созвездиями»). Два титульных листа, первый расцвечен. Второй содержит длинный титул, по замыслу издателей относящийся ко всему содержанию тома: *Harmonia Macrocosmica seu Atlas universalis novus, totius universi creati Cosmographiam Generalem et Novam exhibens. In qua Omnium totius mundi Orbium Harmonica Constructio secundum diversas diversorum Auctorum opiniones ut & Uranometria, seu Totius Orbis Coelestis, ac Planetarum Theoriae & Terrestris Globus, tam Planis & Scenographicis Iconibus, quam Descriptionibus novis ab oculis ponuntur. Opus novum, antehac nunquam visum, cujuscunque conditionis Hominibus utilissimum, jucundissimum, maxime necessarium, & adornatum studio et labore Andreae Cellarii Palatini, Scholae Hornanz in Hollandia Boreali Rectoris. Amstelodami Apud Petrum Schenk & Gerardum Valk. Anno 1708.* В конце вклеен рукописный перечень имеющихся 145 карт и чертежей конволюта. (Шифр издания: V PT/210)

3. *Atlas Contractus sive Maparum Geographicarum Sansoniarum auctorum et correctorum Nova Congeries ex formis Petri Schenk Amstelae dami cum Priv: ord: Holl: et West Frisiae [1708].* Подробный географический атлас мира, включающий множество карт материков, государств, отдельных местностей и пр., и в том числе — атлас Целлария. Четыре тома в мягком кожаном переплете, карты не сложены пополам, а вплетены в развернутом виде, расцвечены акварелью, как и титульные листы. Признаки бытования томов (в том числе и рукописные пометы на верхних защитных листах) свидетельствуют о принадлежности этого издания первоначальному собранию БАН: [Т. 1] — на титульном листе — первый академический штамп, на нижнем защитном листе — латинские буквы ATL; [Т. 2] — на нижнем защитном листе — латинские буквы ATL; [Т. 3] — на нижнем защитном листе — латинские буквы ATL; [Т. 4] — титульного листа нет, на первой карте тома — первый академический штамп. Атлас Целлария «*Harmonia Macrocosmica...*» — в составе т. 3, является второй его частью — после географических карт присутствуют два титульных листа, однако здесь на обороте второго титульного листа помещен перечень всех имеющихся 29 листов атласа небесной сферы: *Index Tabularum, Quae in Hac Harmonia Macrocosmica Continentur.*

Целларий, много лет прослуживший педагогом и директором Латинской школы, первоначально подготовил атлас, по его свидетельству, лишь для знатоков и любителей астрономии, и только настойчивые обращения издателей побудили его сделать свой труд достоянием широкой общественности. В действительности, его атлас можно с полным правом назвать настоящим учебным пособием, ведь в нем беспристрастно собраны карты, иллюстрирующие главные вехи истории и развития представлений о космосе.

Примечания

1. Круммес, Фёдор Христофорович (? — 02.10.1849) — русский военачальник, генерал-майор с 06.12.1837.
URL: http://rusgeneral.ru/shik/alfshcom_k.html (последнее обращение: 10.04.2020); 08.05.1829 — 30.12.1837 — командир Черниговского пехотного (пехотного Графа Дибича-Забалканского, пехотного Фельдмаршала Графа Дибича-Забалканского) полка; в связи с реорганизацией дивизии 02.04.1833 назначен командиром переформированного полка; в приказе от 06.12.1837 сказано, что Круммес произведен в генерал-майоры с оставлением командиром полка.
30.04.1834 — 30.08.1834 — командующий 1-й бригадой 8-й пехотной дивизии (в связи с увольнением в отпуск г-м. Гельвига 2-го Алек. Як.); 1 декабря 1835 произведен в Кавалеры ордена Святого Георгия IV класса К.
30.12.1837 — 23.10.1845 — командир 2-й бригады 19-й пехотной дивизии; 13.04.1842 уволен в отпуск на 4 месяца.
09.12.1838 — 09.04.1839 — командующий 19-й пехотной дивизией.
?.?.1839 — 08.02.1840 — командующий 19-й пехотной дивизией (в связи с увольнением в отпуск г-л. Фези Карл. Карл).
02.12.1844 — 01.01.1845 — командующий 19-й пехотной дивизией.
01.01.1845 — 17.01.1845 — командующий 19-й пехотной дивизией (в связи с увольнением в отпуск г-м. Лабинцова Ив. Мих).
23.10.1845 — 05.03.1846 — командир 1-й бригады 20-й пехотной дивизии.
05.03.1846 — 08.10.1847 — командир 2-й бригады 21-й пехотной дивизии.
2. Герб рода Круммес. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Круммес> (последнее обращение 10.04.2020).
3. RIS_vstavka
4. Круммес, Александр.
1861 г. — выпускник Михайловской артиллерийской Академии. URL: <https://rosgenea.ru/familiya/krummes> (последнее обращение: 10.04.2020).

Список источников

1. Щеглов П.В. Отраженные в небе мифы Земли. Москва: Наука, Гл. редакция физ.-мат. литературы, 1986. 112 с.
2. Райков Б.Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России: и прошлого русского естествознания. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937.
3. Фламарион К. История неба. Москва: Изд-во Ассоциации Духовного единения «Золотой век», 1994. (Печ. по изданию С. Петербург, 1875 г.)
4. Еремеева А.И., Цицин Ф.А. История астрономии (основные этапы развития астрономической картины мира). Москва: Изд-во МГУ, 1989. 349 с.: ил.
5. Gallucci, Giovanni Paolo. Theatrum Mundi et Temporis in quo non solum precipuae horum partes... Venetiis: apud Ioannem Baptistam Somasum, 1589.
6. The Finest atlas of the Heavens: Andreas Cellarius «Harmonia Macrocosmica» of 1660 / Introduction and text by R.H. van Gent. Köln: Taschen, 2006.
7. Вернер Ян В.Х. Расцвет Нидерландской атласной картографии // Зеркало мира. Пять веков географического атласа. Из собрания Российской национальной библиотеки: каталог выставки. Санкт-Петербург: Ом-Пресс, 2004. С. 31–57.
8. Celestial Delights // Mercator World. V. 2. № 1. 1997. P. 20–27.

Е.Ю. Кнорозова

ПОКРОВИТЕЛЬ КНИГОПЕЧАТАНИЯ ЛЬОНГ НЬИ ХОК И РАННЯЯ ВЬЕТНАМСКАЯ АНТОЛОГИЯ «ТЩАТЕЛЬНО ОТОБРАННЫЕ СТАРИННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЭТЫ» (XV ВЕК)

АННОТАЦИЯ

Льонг Ньи Хок отредактировал антологию «Тщательно отобранные древние и современные поэты». Считалось, что он освоил в Китае искусство печатать ксилографы, вернувшись на родину, научил этому односельчан, которые стали почитать его как духа хранителя местности и основоположника, распространившего искусство ксилографии.

Ключевые слова: ксилографы, буддизм, Вьетнам, антология, книгопечатание, поэзия.

Как отмечает Н.И. Никулин, вьетнамские исследователи считают, что во Вьетнаме ранее X в. существовала развитая письменная традиция. При этом они опираются на тот факт, что в VIII–IX вв. молодые вьетнамцы ездили в Китай учиться конфуцианской премудрости, неотделимой от сочинительства. В китайских антологиях сохранились, например, экзаменационные сочинения вьетнамца Кхыонг Конг Фу (VIII в.). Примерно в это же время усилилось и буддийское духовенство, деятельность которого была связана с комментированием священных текстов, проповедями. Известно, что в VIII в. в столице танского Китая вьетнамские буддийские монахи Во Нгай, Фунг Динь, Зюй Зиам обменивались стихами с китайским поэтом и художником Ван Вэем [1, с. 18–19].

Известный вьетнамский ученый XVIII в. Ле Куи Дон (1726–1784) писал в предисловии к главе «Записи о литературе» из «Общей истории Великого Вьета» (Дай вьет тхонг ши), что во времена расцвета при династии Чан (1225–1400) литература тоже процветала. В начале правления императора Чан Нге-тонга (1370–1372) Тямпа разбила войска Вьетнама, враги почти все сожгли и разграбили. После этого книги постепенно снова собрали. Когда династия Хо (1400–1406) потеряла страну, минский генерал Чжан Фу повелел отправить в Китай все старинные книги. Династия Ле (1428–1488) подавила мятеж и восстановила мир, известные ученые, такие как Нгуен Чай (1380–1442), Ли Ты Тан (1378–1457), Фан Фу Тиен (XV в.) принялись собирать уцелевшие книги, но из-за военных действий и пожаров из десяти частей сохранились четыре-пять. Император Ле Тхань-тонг (1460–1497) горячо любил письменное слово: в начале годов под девизом правления Куанг-тхуан (1460–1469) был издан указ, повелевающий разыскивать неофициальные истории, старинные собрания в частных домах. В года правления под девизом Хонг-дык (1470–1497) император опять издал указ, требующий собрать в хранилищах уцелевшие книги. В связи с этим находились люди, подносявшие причудливые книги, тайно передававшиеся в семье сочинения; все они были щедро вознаграждены. Таким обра-

зом постепенно удалось собрать определенное количество текстов прошлых времен [2, с. 100–102].

После изгнания китайцев, пытавшихся в начале XV в. проводить программу ассимиляции и уничтоживших духовное наследие вьетнамцев, развернулось движение по собиранию и переписыванию старинных книг, чтобы заполнить образовавшиеся лакуны.

По словам Н.И. Никулина, наука располагает свидетельствами об усилении в XV в. во Вьетнаме внимания к истории и опыту предшественников. Большая работа велась по собиранию книг и рукописей, составлению комментариев, подготовке публикаций. Она сочеталась с осмыслением и обобщением литературных традиций и литературного опыта, что выразилось в составлении антологий, сводов и сборников, в написании предисловий, порой представлявших собой статьи, в которых выражались оценки произведений и литературно-эстетические взгляды авторов. Собираание книг во Вьетнаме не было новым делом, но оно никогда не велось с таким размахом и с таким осознанием значения этого дела, как в XV в., в период после изгнания китайских феодалов [1, с. 80–81].

В 1433 г. Фан Фу Тиен, историк, продолживший «Исторические записки Дайвьета» (Дайвьет шы ки) Ле Ван Хыу (1230–1322), составил одну из первых вьетнамских поэтических антологий — «Сборник стихов вьетского звучания» (Вьет ам тхи тап). Тю Са дополнил его и издал в 1459 г. Сборник состоит из стихов на китайском языке поэтов династии Чан и начала династии Ле (1428–1788). Сочинение разделено на 6 книг, в первой и четвертой книгах содержится почти исключительно поэтическое наследие императоров. Французский ученый Л. Кадьер отделяет от этой антологии анонимное собрание стихов написанное вьетнамской иероглификой-ном с тем же названием, возможно, составленное правителем-тюа Чинь Кыонгом (1709–1729) [3, с. 98–99].

Хоанг Туи Фу объединил в 1457 г. более ста сочинений в жанре *фу* (ода, поэма) в «Собрании *фу*, написанных талантливыми людьми» (Куан хиен фу тап). В 1497 г. Хоанг Дык Лыонг составил антологию вьетнамской поэзии «Свод превосходных стихотворных извлечений» (Чить зиет тхи тап).

В XV в. Зыонг Дык Нян составил антологию «Тщательно отобранные старинные и современные поэты» (Ко ким тьы зя тинь туен, другое название «Тщательно отобранные поэты» Тхи зя тинь туен), отредактирована Лыонг Ньы Хоком. Известный вьетнамский ученый Фан Хюи Тю (1782–1840) сообщает, что собрание состоит из 5 томов, записаны 472 стихотворения 13 поэтов династии Чан, начиная с Чан Нгуен Дана (1320–1390), Нгуен Чунг Нгана (1289–1370) [4, с. 84]. Чан Ван Зяп отмечает, что в настоящее время в Ханое в Библиотеке Общественных наук имеются два варианта сочинения:

1. А.574 — рукопись в двух томах (всего 362 стихотворения). В первом томе собраны поэты династии Чан:

- Чан Нгуен Дан — 44 стихотворения;
- Нгуен Чунг Нган — 42 стихотворения;
- Фам Ши Мань — 24 стихотворения;
- Фам Нян Кхань — 13 стихотворений;
- Нгуен Фи Кхань — 15 стихотворений;

Фам Ны Зык — 63 стихотворения;

Ле Кань Туан — 9 стихотворений.

Во второй том включены поэты династии Ле:

Ле Чай — 54 стихотворения;

Ли Ты Тан — 35 стихотворений;

Нгуен Монг Туан — 54 стихотворения;

Бу Монг Нгуен — 9 стихотворений.

Во второй том входит приложение, озаглавленное «Дополнительное поэтическое собрание, сделанное учителем Фу Зу Чаем» (Фу Зу Чай тиен синь тхи тап). Чан Ван Зяп отмечает, что кто такой Фу Зу Чай неясно, скорее всего это сочинение эпохи Ты-дык (1848–1883) династии Нгуен (1802–1945) [5, с. 30–31].

2. А.2657 — ксилографическое издание, в настоящее время имеются только два тома — четвертый и пятый. По мнению Чан Ван Зяпа, хотя часть сочинения утрачена, это ценный экземпляр, представляющий собой образчик старинной печати.

Т. 4 — Ле Чай — 52 стихотворения; Нгуен Ты Тан — 40 стихотворений.

Т. 5 — Нгуен Монг Туан — 99 стихотворений; Бу Монг Нгуен — 28 стихотворений.

Всего 219 стихотворений [5, с. 31].

Помимо стихов, в антологии приводятся краткие сведения об авторах, стихотворения сопровождаются поясняющими заметками [3, с. 103].

Составитель антологии — Зыонг Дык Нян, уроженец деревни Хазыонг уезда Виньлай, точные года жизни неизвестны. В 1463 г. сдал дворцовые экзамены и получил степень *тиенши*, занимал видные чиновничьи должности, в том числе был правым заместителем министра юстиции, удостоен титула Зыонгсюен-хау [5, с. 32].

Лыонг Ны Хок, отредактировавший антологию, был уроженцем общины Хонглиеу уезда Тхыонгтин (сейчас община Танхынг уезда Зялок провинции Хайзыонг), точные годы жизни неизвестны. В 1442 г. Лыонг Ны Хок стал лауреатом дворцовых экзаменов. В летописном своде сказано: «(1442 г.)... третья луна. Столичный экзамен для ученых мужей в Поднебесной. Троица — Нгуен Чыку, Нгуен Ны До и Лыонг Ны Хоку присвоили степени *тиенши*, разделенных на категории...» [6, с. 232]. Лыонг Ны Хок — первый *тхамхоаланг* (третий разряд первой ученой степени) в истории Вьетнама [6, с. 424].

Лыонг Ны Хок занимал должности в Академии Ханлам и придворном книгохранилище [7, с. 9]. В «Полном собрании исторических записок Дайвьета» отмечено: «(1449 г.)...Губернатора-*анфушы* провинции-ло Куихоа Нгуен Ны До и заместителя губернатора-*анфушы* провинции-ло Нижний Куокоай Лыонг Ны Хока назначили старшими учеными мужами-*чыкхокшы* [академии] Ханлам» [6, с. 267]. Он дважды выезжал послом в Китай (в 1443 и 1459 гг.), в должности дошел до старшего цензора-*донгышы*. Службу Лыонг Ны Хок завершил неудачно: в 1467 г. Ле Тхань-тонг обвинил его в выдвигании недостойного чиновника (Чан Куи Хуена), уволил и даже на некоторое время заключил под стражу. Дожил Лыонг Ны Хок до 82 лет [6, с. 424].

Лыонг Ны Хок — автор стихотворных сборников; один из них, раскритикованный императором Ле Тхань-тонгом и ныне утраченный, воз-

можно, был написан на *номе* [5, с. 32]. В «Полном собрании вьетнамской поэзии» (Тоан вьет тхи лук), подобранном известным ученым XVIII в. Ле Куи Доном, сохранились 6 его стихотворений [6, с. 424]. Кроме того, Лыонг Ньы Хок составил «Собрание старинных и современных произведений изящной словесности — императорских указов, речений» (Ко ким те ты тап) в четырех томах [5, с. 32].

Считалось, что Лыонг Ньы Хок освоил в Китае искусство печатать ксилографы и, вернувшись на родину, научил этому жителей деревень Хонглиеу и Лиеутянг в Хайхынге. Благодаря этому, исторические сочинения, конфуцианские канонические книги были отпечатаны во Вьетнаме и получили там широкое распространение. Жители указанных деревень почитали Лыонг Ньы Хока как *тхань-хонга* — духа хранителя местности и основоположника, распространившего искусство ксилографии [5, с. 32]. Лыонг Ньы Хок считается во Вьетнаме покровителем книгопечатания и продавцов книг [8, с. 211]. Существуют разные версии предания, рассказывающего о том, как он смог научиться книгопечатанию. Так, согласно одной из них, китайцы отказались обучать его секретам своего мастерства. Лыонг Ньы Хок, притворившись торговцем, поселился в доме рядом с типографией. Он проткнул дырку в стене и подсматривал, как печатают книги. Освоив все тонкости, Лыонг Ньы Хок вернулся во Вьетнам [8, с. 43].

Буддизм сыграл большую роль в культурном развитии Вьетнама. Видный исследователь вьетнамского буддизма Чан Ван Зяп называл ранний период — с начала III в. до конца VI в. — триумфом индийского буддизма [9, с. 256]. Буддизм проникал во Вьетнам как непосредственно из Индии, так и в результате контактов с северными и южными соседями, включая Бапном (Фунань) и Чампу (Линьи) [10, с. 906]. Как отмечают исследователи, многие проповедники прибывали в Зяотяу с севера, что обусловило преобладающее влияние здесь доктрин махаяны [10, с. 907]. В конце VI в. во Вьетнаме получила распространение одна из буддийских школ — *дхьяна* (вьет. *тхиен*). Впоследствии возникали как новые направления в рамках *тхиен*, так и другие школы. К XI в. буддизм во Вьетнаме достиг расцвета; школа *тхиен* имела большое значение для Вьетнама, отмечается ее тесная связь с *дхьяной* китайского толка — школой *чань* [9, с. 256].

Как отмечает К.К. Флуг, значение деятельности даосов и в особенности буддистов, в возникновении и развитии книгопечатания в Китае очень велико. Как известно, размножение религиозных текстов путем их переписки считалось у буддистов богоугодным делом, и книгопечатание, возникшее, вероятно, в одном из буддийских монастырей и открывшее широкие возможности для массового размножения буддийских сочинений, нашло широкое применение в этих монастырях. Точная дата появления книгопечатания в Китае неизвестна. Однако уже в IX в. техника книгопечатания достигла значительного совершенства, о чем свидетельствуют наиболее ранние образцы буддийских печатных изданий, дошедших до нашего времени [11, с. 28]. Наиболее важным следствием буддийского книгопечатания было его распространение за пределы Китая [11, с. 74].

Во вьетнамском летописном своде сказано о приобретении в 1009 г. при императоре Ле Нгоа-чиеу «Трипитаки»: «(1007 г.)...Весна. Направи-

ли младшего брата [императора Ле] Минь Сьонга и главного секретаря-*твьонгтхыки* Хоанг Тхань Ня преподнести Сунам белого носорога и попросить текст великой Трипитаки...(1009 г.) Весна. [Ле] Минь Сьонг вернулся от Сунов. Добыл текст великой Трипитаки...» [12, с. 107]. Ксилографическое издание Большой Трипитаки неоднократно ввозилось из Китая во Вьетнам во времена династии Ли (1010–1225). По распоряжению императоров династии Ли с них снимались рукописные копии, которые вместе с оригиналом хранились в специально построенных библиотеках [10, с. 910].

По словам А.Л. Федорина, «достоверно известно только то, что ремесло изготовления печатных досок и ксилографов с них появилось в Дайвьете не позднее XI в., а в XV в. было уже довольно развитым, в XVIII в. получило самое широкое распространение и достигло своего пика в XIX в.» [13, с. 37]. Ученый отмечает, что «уже в XI в. ксилографы буддийских канонов имели широкое хождение в стране, и, по-видимому, далеко не все из них были привезены из Китая» [13, с. 38].

Помимо буддизма, Вьетнам достаточно рано приобщился к конфуцианству, которое проникло во Вьетнам во времена эпохи зависимости от Китая. Конфуцианство насаждали китайские наместники, наибольшей активностью отличался Ши Цзю (вьет. Си Ниеп, 187–226). В начальный период эпохи Ли-Чан (1010–1400) эта доктрина не имела значительного влияния.

Во второй половине XIV в. буддизм быстро утрачивал свои позиции. В это время среди представителей вьетнамской правящей элиты усиливается влияние неоконфуцианских доктрин [10, с. 910].

По словам А.Л. Федорина, «во второй половине правления династии Чан по мере укрепления позиций неоконфуцианства во Вьетнаме возникает государственное производство ксилографов конфуцианских канонов, необходимых для организации процесса образования и подготовки к первым, еще редким и нерегулярным конкурсным испытаниям на выдвижение в чиновники» [13, с. 38].

Легенда о Лыонг Ньы Хоке, как отмечает А.Л. Федорин, «несомненно связана с появлением третьего (помимо монастырского и государственного) вида производства ксилографов — частного, который в дальнейшем стал наиболее распространенным и оставил после себя наибольшее количество памятников» [13, с. 39].

Таким образом, Лыонг Ньы Хок, видный сановник XV в., прекрасно образованный человек, поэт, стремясь внести свой вклад в сохранение культурного наследия, отредактировал антологию «Тщательно отобранные древние и современные поэты». Он считается во Вьетнаме покровителем книгопечатания и продавцов книг.

Список источников

1. Никулин Н.И. Вьетнамская литература X–XIX вв. Москва, 1977.
2. *Lê Quý Đôn. Đại Việt thông sử* (Сводная история Великого Вьета) // Toàn tập. Т. 3. Hà Nội, 1978.
3. *Gasparone E. Bibliographie annamite*. BEFEO. Т. 34. Hanoi, 1934.
4. *Phan Huy Chú. Lịch triều hiến chương loại chí* (Описание установлений минувших династий). Т. 4. Hà Nội, 1960–1961.

5. *Trần Văn Giáp*. Tìm hiểu kho sách Hán Nôm (Исследование книг, написанных на китайском языке и вьетнамской иероглифической письменность *ном*). Т. 2. Hà Nội, 1991.
6. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. / пер. с ханвьета, коммент., вступит. ст. и прил. *А.Л. Федорина*. Т. 5. Москва, 2014.
7. *Trịnh Kim Chi*. Đi tìm các bậc tiền bối ngành thư viện Việt Nam (Поиски людей прежних поколений, имевших отношение к библиотекам Вьетнама) // Tạp chí Thư viện Việt Nam, số 5(25). 2010.
8. *Nordemann E.* Chrestomathie annamite. Hanoi, 1898.
9. *Tran Van Giap*. Le buddhisme en Annam des origins au XIII siècle // BEFEO. Т. 32. Hanoi, 1932.
10. *Благов С.А., Никитин А.В.* Буддизм во Вьетнаме // Философия буддизма. Энциклопедия. Москва, 2011.
11. История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв. Москва; Ленинград, 1959.
12. Полное собрание исторических записок Дайвьета / перевод с ханвьета и комментарий К.Ю. Леонова и А.Л. Федорина при участии М.Ю. Ульянова; предисловие, вступительная статья и приложения А.Л. Федорина. Т. 3. Москва, 2012.
13. *Федорин А.Л.* Новые данные о вьетнамском летописании. Москва, 2008.

Ю.В. Пригорицкая

**СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ АФРИКИ В ЕВРОПЕ
ПО ИЗДАНИЯМ НАУЧНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ОБЩЕСТВ В ФОНДАХ БАН**
(Royal African Society of Great Britain и пр.)

АННОТАЦИЯ

В статье дан очерк развития африканских исследований в Европе в XVIII — начале XX в. на основе изучения изданий научных европейских обществ в Библиотеке Академии наук и по др. источникам. Приведены данные о содержании работы обществ на разных этапах, развитии концепции африканских исследований, научных изданиях, биографические сведения о видных членах, в т.ч. о первых женщинах-исследовательницах.

Ключевые слова: африканистика, Библиотека Академии наук, Африканская ассоциация, Королевское африканское общество Великобритании, Журнал африканского общества, Мэри Кингсли, Алиса Стопфорд Грин, Джон Доннели Фейдж.

В планах по раскрытию культурно-исторических фондов Библиотеки Российской академии наук числится каталог «Становление научного изучения Африки в Европе по изданиям научных европейских обществ в фондах БАН». В рамках его подготовки было обращено внимание на процесс становления изучения стран Востока в Европе, в частности в Великобритании, поскольку очевидно не только, что Великобритания и Франция были нациями-пионерами на Востоке и в сфере исследований Востока, но и что эти позиции были подкреплены их колониальной политикой.

Так называемый расцвет в изучении стран Востока совпадает с периодом экспансии Европы на Ближнем Востоке и в странах Африки. С 1815 по 1914 г. непосредственные колониальные владения Европы увеличились с 35% поверхности земли до приблизительно 85 %.

Колонизация означала, прежде всего, осознание своих интересов на Востоке: коммерческих, коммуникационных, религиозных, военных и культурных — и их обеспечение. Например, в том, что касается исламских территорий, Британия считала, что как христианская держава имеет законные интересы по обеспечению собственной безопасности, вследствие чего возникает сложный аппарат по обслуживанию религиозных интересов: появляются первые организации вроде Общества содействия распространению христианского знания (1698), Общества распространения Евангелия за рубежом (1701), Церковного миссионерского общества (1799), Британского и иностранного библейского общества (1804), Лондонского общества содействия распространению христианства среди евреев (1808). Плюс к этому торговые компании, научные общества, фонды географических исследований, переводческие фонды, насаждение на Востоке школ, миссий, консульских отделов, фабрик и иногда крупных европейских сообществ [1, с. 72].

С середины XVIII в. в Европе происходил рост систематического знания о Востоке, подкрепленный колониальным опытом, а также распространением интереса ко всему чужому и необычному, используемый этнологией, филологией и историей. Впоследствии к этому систематическому знанию добавился литературный корпус, созданный писателями, поэтами, переводчиками и талантливыми путешественниками.

На протяжении XIX в. престиж востоковедных исследований значительно вырос, как и репутация и влияние научных обществ, таких как Азиатское общество в Париже (1822), Королевское азиатское общество в Лондоне (1823), Германское востоковедное общество в Лейпциге (1845). По мере их роста стало больше профессиональных исследователей Востока, увеличилось число изучаемых языков и количество изданных, переведенных и прокомментированных манускриптов, существенную роль в этом сыграли также раскопки мертвых цивилизаций в Месопотамии, Египте, Сирии и Турции и географические экспедиции, неизменно проходившие через Восток.

Научные общества организовывали систематический сбор материала по Востоку и регулировали его распространение в качестве специализированного знания: один копировал и издавал работы по грамматике, другой приобретал оригинальные тексты, третий увеличивал число экземпляров и занимался их распространением, включая и периодические издания. Также был предусмотрен и способ хранения этой работы в архивах, как говорит Сильвестр де Саси (1) (*Antoine Isaac, Baron Silvestre de Sacy*), «музей», обширное хранилище разного рода объектов, рисунков, оригинальных книг, карт, отчетов о путешествиях, – все это должно быть открыто для тех, кто намеревается посвятить себя изучению [Востока]; так что всякий из этих ученых мог бы почувствовать себя перенесенным, как бы по мановению, в гущу монгольского племени или китайской расы, каков бы ни был предмет его изучения... Можно сказать, <...> что после публикации книг начального уровня по <...> восточным языкам нет ничего более важного, нежели заложить краеугольный камень музея, который я полагаю живым комментарием и толкованием [truchement] словарей [2, с. 122].

Исследование Африки в крупных масштабах началось лишь в 1788 г., когда группа ученых и других влиятельных граждан основала в Лондоне «Ассоциацию для содействия открытию внутренних частей Африки» (*Association for Promoting the Discovery of the Interior Parts of Africa*), также известную как Африканская ассоциация (*African Association*). Ее первый секретарь объявил задачи и объяснил связанное с ними довольно пространное название этой организации. «Сообразуясь с велением времени избавиться от груза незнания, так не соответствующего его характеру, несколько персон, глубоко убежденных в возможности и необходимости расширения человеческих знаний, предлагают план создания общества для содействия открытиям и исследования глубинных районов Африки» [3].

Председателем избрали сэра Джозефа Бэнкса (*Sir Joseph Banks*) (2), заручившись тем самым поддержкой самого видного британского естествоиспытателя своего времени. «Африканская ассоциация» не являлась колониальным союзом для раздела территорий, которые будут открыты

в будущем столетии, но не была и объединением независимых ученых, намеревавшихся собирать деньги для своих экспедиций на благотворительных балах, а ставила своей целью исследование и нанесение на карту неведомых районов Африки и наставляла своих путешественников обходиться с местными жителями только доброжелательно.

До этого времени на африканском континенте в целом не велось систематической исследовательской работы, и даже в тех областях, где кое-какие успехи были сделаны, они были малы по масштабу и невелики по значению. Причин, по которым открытие африканского континента шло так медленно, было несколько. Североафриканские пустыни изолировали средиземноморские народы от внутренней Африки, а единственная удобная дорога через Египет была частично преграждена турками. В других местах плоские прибрежные области были настолько «нездоровыми», что в большой доле приезжие европейцы умирали, отсутствие же судоходных рек, по которым можно было бы подняться от моря, мешало проникновению во внутренние области, в которые можно было добраться разве только пешком. К этим причинам географического порядка следует прибавить сложившуюся веками историческую обстановку. Африка, как известно, лежит на пути к Востоку. В ту пору она рассматривалась как препятствие, которое надо было обойти кругом и посетить только в тех случаях, если и когда к этому вынуждали осложнения в плавании. По сравнению с Востоком и с Новым Светом, экономические ресурсы Африки, за исключением «черной слоновой кости», как называли рабов, считались незначительными и неинтересными. Большого поля для развития торговой деятельности не предвиделось, а тут еще вдобавок во многих частях Африки фанатики-мусульмане делали невыносимой жизнь для христиан. Таким образом, на Африку европейцы обращали внимание только от случая к случаю, когда возникала какая-либо большая географическая проблема вроде вопроса о Нигере или же вопрос о таком позоре для человечества, как торговля рабами [4].

В первой половине XIX в. существовали такие общественные организации, как Африканская ассоциация, Клуб Роли (Raleigh Club, 1827) и Палестинская ассоциация (Palestine Association, 1805). Их целью было заполнение «белых пятен» на карте Африки, сбор и публикация этнографических и исторических сведений об исследуемых областях были лишь дополнением к географическим отчетам. В 1830 г. они были поглощены основанным в том же году под покровительством короля Вильгельма IV для развития географической науки Королевским географическим обществом (Geographical Society of London).

К 1900 г. Африка была разделена между рядом европейских держав, «с целью изучения обычаев, традиционных институтов, религий, древностей, истории и языков коренных народов Африки; содействия коммерческому и промышленному развитию континента, которое бы способствовало обеспечению благосостояния его жителей», а в качестве основного учреждения по изучению африканских обществ в Англии в 1901 г. было основано «Африканское общество» (African Society) (с 1935 г. Королевское африканское общество (Royal African Society)). Для достижения этих целей предполагалось издание журнала, создание библиотеки, читального зала и музея [5].

Как отмечает Джон Доннели Фейдж (John Donnelly Fage) (3), при подготовке для энциклопедии статьи «Африканские исследования в Соединенном Королевстве» он пришел к выводу, что кроме исследований отдельных выдающихся личностей в Англии (таких как Томас Эдуард Боудич (Thomas Edward Bowdich) (4), Уильям Уинвуд Рид (William Winwood Reade) (5), Мери Кингсли (Mary Kingsley) (6)) до этого времени не существовало единой концепции африканских исследований, не было организации, подобной Королевскому Азиатскому обществу, которая охватывала бы их деятельность и предоставила возможность публиковать свои труды [6].

«Африканское общество» провело свое первое заседание в театре Объединенного института услуг в Уайтхолле, генеральный комитет состоял из впечатляющего списка влиятельных администраторов, бизнесменов, ученых и политиков. Среди них был будущий премьер-министр Герберт Асквит; египетский проконсул, лорд Кромер; губернатор Лагоса, сэр Уильям Макгрегор; медицинский исследователь Патрик Мэнсон; и западноафриканский торговец сэр Джордж Голди. Новаторским представлялось участие африканцев и женщин [7].

В сущности никто из тех, кто вступил в Общество в первые годы его существования не был профессиональным африканистом, по большей части это были любители, чей интерес к Африке возник благодаря их службе: военные, государственные деятели, чиновники, торговцы, промышленники, миссионеры и т.д. Если некоторые из них писали об африканских землях, народах, обществах, языках или истории, то это было побочное занятие помимо основной карьеры [8].

К 1906 г. число членов и подписчиков равнялось 473, в него входили библиотеки, торговые и промышленные предприятия, судостроительные компании, книготорговцы и даже спортивный клуб. 117 участников проживали в Африке (не только на территориях британских колоний, но и в немецких и французских, большая часть в Западной Африке, меньшая в Восточной, из Южно-Африканских колоний был только один представитель, несколько из Либерии), 20 были иностранцами (12 с немецкими фамилиями, 3 француза, 2 американца, один голландец и один португалец), 57 состояли на колониальной или дипломатической службе, 18 — миссионеров, 30 являлись коммерсантами, 39 — учеными, 12 — собственно африканцы.

Примечательно, что 39 членов были женщинами (10 из них незамужними, одна проживала в Африке), многие из них просто разделяли интересы своих мужей, что не относится к леди Лугард (Flora Louise Shaw, The Lady Lugard) (7), которая, как известно, была обеспокоена колониальными вопросами и действительно интересовалась Африкой (при том, что имя ее мужа Фредерика Лугарда (Frederick John Dealtry Lugard) (8) отсутствует в списке членов). Наиболее выдающийся член Общества среди женщин, выполняющий функции Почетного Секретаря, — Алиса Стопфорд Грин (Alice Stopford Green), вдова историка Дж.Р. Грина (John Richard Green), одна из двух женщин-членов 1906 г., которая упоминается в Биографическом словаре, известная благодаря своим историческим произведениям и участием в ирландском национально-освободительном движении. Второй — мисс Люси Тулмин Смит (Lucy Toulmin Smith),

редактор текстов и какое-то время библиотекарь Манчестерского колледжа Оксфордского университета.

Движущей силой Общества в то время были его члены, входившие в группы: «Политика», «Бизнес», «Ученые».

Например, в группе «Бизнес» состояли мужчины, занимающие ведущие роли в британской торговле с Западной Африкой: прежде всего сэр Джордж Таубман Голди (Sir George Dashwood Taubman Goldie) из Королевской компании Нигера, Джон Холт (John Holt) из Ливерпульской компании, Дж.А. Хаттон (J. Arthur Hutton) из Ассоциации Британского хлопководства, сэр Альфред Джонс (Sir Alfred Lewis Jone) представитель судоходной линии Демпстер и Банка Британской Западной Африки, Дж.Б. Захонис (George Basil Zochonis) из Манчестерской торговой компании Paterson Zochonis, представитель «Ашанти Голдфилдс» (Ashanti Goldfields Corporation) и других горнодобывающих компаний Голд-Коста, Джордж Макмиллан (George Macmillan), из Macmillan & Co., не только издатель книг Мэри Кингсли, но и действительно ее друг, и лорд Авебери, возможно, более известный как сэр Джон Лаббок (John Lubbock, 1st Baron Avebury).

В 1906 г. в список членов Африканского общества вошли одни из самых известных ученых, которые были или станут Стипендиатами Королевского Общества, пять стипендиатов Британской академии, например, Джеймс Фрейзер (Sir James George Frazer). Были и другие менее известные, занимавшие преподавательские и исследовательские должности: Генри Бальфур (Henry Balfour), Реймонд Бизли (Charles Raymond Beazley), Элис Вернер (Alice Werner), пионер-преподаватель африканских языков. И третьи, занимающиеся исследованиями, литературой и чтением лекций, не находясь на официальной службе: Алиса Стопфорд Грин (Alice Stopford Green), сэр Чарльз Элиот (Charles Eliot), сэр Гарри Джонстон (Harry Hamilton Johnston) и сэр Мэтью Натан (Lieutenant-Colonel Sir Matthew Nathan), Стивен Гвинн (Stephen Gwynn), в 1906-1918 гг. ирландский депутат, писатель, первый биограф Мэри Кингсли.

Список «Политика» короче, но и он впечатляет. В 1900-1906 гг. не менее тринадцати членов Африканского общества были членами Палаты общин, к ним относятся такие крупные политики, как Герберт Асквит (Herbert Henry Asquith, 1st Earl of Oxford and Asquith), Джон Морли (John Morley, 1st Viscount Morley of Blackburn), Герберт Сэмюэл (Herbert Louis Samuel, 1st Viscount Samuel), Сидней Бакстон (позже граф Бакстон и генерал-губернатор Южной Африки, Sydney Charles Buxton, 1st Earl Buxton), Ноэль Бакстон (позже лорд Ноэль-Бакстон, министр, Noel Edward Noel-Buxton, 1st Baron Noel-Buxton), Фокс Борн (Henry Richard Fox Bourne) известный как секретарь Общества защиты аборигенов, Морель (Georges Edmond Pierre Achille Morel Deville), автор и журналист, секретарь Ассоциации реформ в Конго.

Каждая из трех групп имела свою особенность: бизнесмены были связаны с Западной Африкой, политики почти все придерживались либеральных или радикальных взглядов, а у многих ученых отсутствовала очевидная профессиональная связь с Африкой.

Можно сделать вывод, что большинство членов Африканского общества в ранние годы присоединились к нему не потому, что имели дело

с самой Африкой, а потому что были обеспокоены распространением знания в целом, и потому, что те отрасли, в которых они были заняты, обладали меньшим количеством сведений об Африке, чем о других частях света. Это объясняет, почему, например, исследователи зарождающейся социальной антропологии — Фрейзер, Хаддон (Alfred Cort Haddon), Риверс (William Halse Rivers), Бальфур (Henry Balfour) и Хартленд (Edwin Sidney Hartland) присоединились к новому Обществу. Но почему тогда Африканское общество не привлекало ботаников, геологов и зоологов? Может быть, они считали, что им уже достаточно информации?

Некоторый свет на деятельность Общества в ранние годы проливает жизненный путь женщины, в память о которой оно было основано (9). Мэри Кингсли вошла в историю как первая женщина, совершившая одиночное путешествие по Африке. Родилась Мэри Генриетта Кингсли в 1862 г. в Лондоне в семье доктора Джорджа Кингсли и его жены Мэри Бэйли. Помимо своей врачебной практики, отец Мэри был писателем и путешественником, кроме того Мэри была племянницей романистов Чарльза Кингсли и Генри Кингсли. Известно, что в период 1870–1875 гг. отец девочки побывал в Северной Америке и, приехав домой, много говорил о несправедливом отношении к коренному населению Америки, индейцам. Вероятно, именно эти разговоры и рассказы и пробудили в Мэри интерес к путешествиям и исследованиям.

Существует также легенда, что увлечение юной Мэри Африкой связано с тем, что ее мать внушала ей, будто с ее некрасивой внешностью у нее нет никаких шансов на замужество и обычную для женщин того времени судьбу. Известно, что в те годы образованию женщин много внимания не уделялось, а потому Мэри многому научилась сама. Кроме того, в библиотеке ее отца было огромное количество книг, а сам он много и охотно рассказывал о своих путешествиях, а также рассуждал о политике и социальной стороне жизни.

В 1880-х ее мать серьезно заболела и в начале 1890-х умерла. Отец Мэри умер в 1892 г., и Мэри с братом остались сиротами. Они разделили между собой родительское наследство — £ 8600, и Мэри решила использовать свою долю именно так, как она всегда и мечтала — отправиться путешествовать в Африку, чтобы закончить книгу об африканских культурах, начатую ее отцом. Примечательно, что одинокой белой женщине в те времена было невероятно сложно даже просто объяснить свое пребывание в Африке — для этого надо было быть женой миссионера или чиновника. Так, помимо прочих сложностей, Мэри приходилось и ломать стереотипы.

Поездка в Африку считалась тогда небезопасной. Путешественницу с самого начала пути удивило, что на пароходы, совершающие рейсы к берегам Западной Африки, нельзя купить обратных билетов. А первая фраза в полученном ею разговорнике была: «Помогите, я тону».

Мэри Кингсли прибыла во Фритаун в Сьерра-Леоне, а оттуда направилась по побережью к Луанде. Во время своего путешествия она встретила с Р.И. Деннетом (Richard Edward Dennett), бывшим английским торговцем, занимавшимся изучением африканских языков и фольклора,

который стал провожатым Мэри Кингсли, показывая ей местные достопримечательности.

Далее путь Мэри Кингсли лежал по реке Конго до Матади, а после по железной дороге до Французского Конго. Оттуда Мэри продолжила путешествие пешком с группой африканских носильщиков. В дороге она торговала с местными жителями (Мэри Кингсли приходилось выдавать себя за коммерсанта, чтобы не вызвать подозрений у местных жителей, поскольку иначе никак нельзя было объяснить, что одинокой женщине нужно в Африке), собирала образцы рыб и насекомых. Постепенно она научилась понимать местных жителей, обращаться с ядовитыми змеями, могла собирать местные растения без страха отравиться или пораниться. Так она дошла до Либервиля, где села на пароход и вернулась в Англию.

Второе путешествие в Африку Мэри Кингсли совершила в декабре 1894 г. Между первым и вторым путешествиями она год жила в Англии, работая над книгой об Африке, которую пока не решалась опубликовать. На этот раз она отправилась в путь с помощью работника Британского музея доктора Гюнтера (Albert Karl Ludwig Gotthelf Günther), который поручил ей собрать образцы рыб в бассейнах рек Нигера и Конго и обеспечил необходимым оборудованием. Мэри Кингсли высадилась на берег в Калабаре, некоторое время исследовала реку Кросс. Далее она хотела посетить Габон, а также собиралась совершить путешествие по реке Огове, добравшись на речном пароходе до Ламбарене.

Некоторое время Мэри Кингсли провела во французской евангелической миссии, где научилась управлять каноэ, и решила с группой из 8 местных жителей подняться дальше по реке в джунгли с целью изучения племен каннибалов и их традиционной религии, несмотря на уговоры окружающих отказаться от этой идеи. Она невредимой прошла через джунгли, пользуясь гостеприимством местных жителей. Путешествие Мэри Кингсли закончилось восхождением на гору Камерун, на вершину которой не ступала до этого ни одна женщина.

Мэри Кингсли вернулась в Англию в ноябре 1895 г., привезя 65 видов рыб и 18 рептилий. В последующие три года она путешествовала по стране с лекциями, став первой женщиной, выступившей в Ливерпульской и Манчестерской торговых палатах.

Она критиковала миссионеров за попытки изменить африканцев, чем навлекла недовольство Англиканской церкви. Она рассказывала об аспектах жизни туземных племен, многие из которых, например, полигамия, казались шокирующими европейским обывателям. Кингсли писала, что «кипящая масса позора, деградации и разрушения, царящая на местном побережье <...> естественное следствие разрушения упорядоченного многоженства в неупорядоченную моногамию». Она считала, что Великобритания имеет право находить новые рынки, и не выступала против колонизации как таковой, но считала, что, если южный регион должен быть колонизирован, то Западную Африку следует оставить в покое. С одной стороны, она согласилась с тем, что африканцы якобы не смогли создать великое искусство, но была решительно не согласна, что африканцы находятся на более низкой ступени развития, объясняя это культурными различиями и различиями жизненного уклада, а не расо-

вым фактором. Мэри Кингсли были написаны три книги: «Путешествие по Западной Африке», «Западноафриканские исследования» и «Рассказ о Западной Африке». Все они завоевали большую популярность среди читателей.

Тем не менее, главный вклад Кингсли в качестве этнографа — ее стойкость в защите африканской культуры от «разгрома» британской колониальной политики. Она смело назвала присутствие европейцев в Африке «бременем черных», характеризуя колониальное правление как «время белого человека». Она критиковала колониальную политику и образ Африки, созданный журналистами, так как создали его люди, состоящие на дипломатической службе, а не те, кто действительно знает Африку.

В марте 1900 г. Мэри Кингсли снова отправилась в Африку ухаживать за пленными бурами в Симонстауне, среди которых вспыхнула эпидемия тифа. Что в итоге стоило отважной женщине жизни. Мэри Кингсли заразилась тифом и 3 июня 1900 г. умерла; на момент смерти ей было всего 38 лет.

В 1998 г. экспедиция Географического общества по изучению пресноводного биоразнообразия Габона, названная в честь Мэри Кингсли, проследовала по ее стопам.

Мэри Кингсли отправилась в Западную Африку, чтобы собирать природные образцы. Это привлекло к ней внимание и вызвало поддержку со стороны некоторых ученых. Затем в сферу ее интересов попали народы Африки и способы управления ими, следовательно, исследовательские и коммерческие интересы при основании Общества присутствовали не только в память о ней, но и с целью продолжения ее дела.

Еще в 1897 г. М. Кингсли выдвинула идею создания общества, которое объединило бы разрозненные интересы ученых, политиков и коммерсантов, особенно тех, кто считал, что правительство, то есть имперская политика в Африке, вводит в заблуждение общество и наносит ущерб африканским народам. Перед тем, как отправиться в свое последнее путешествие в Кейптаун, Мэри состояла в переписке с Алисой Стопфорд Грин, которая, будучи умеренным ирландским националистом, также активно поддерживала буров (в 1901 г. она собиралась посетить бурских военнопленных, которые содержались в лагере на острове Святой Елены).

Временный Комитет 1900 г., рассматривая вопрос, как увековечить память Мэри Кингсли, решал образовать Африканское общество или создать больницу в Ливерпуле для лечения тропических болезней. В нем было 43 члена, десять из которых не вступили в Общество. Таким образом, в список был включен Роджер Кейсмент (Roger David Casement), Э.Д. Морель и два депутата Альфред Эммотт (Alfred Emmott, 1st Baron Emmott) и Стивен Гвинн, которые разоблачали европейские зверства в Конго и были враждебно настроены к современной политике британских консерваторов в отношении малых стран, таких как ирландцы и африканеры.

Возможно, было бы преждевременно говорить, что эта группа была «антиколониальной», но она была в оппозиции к колониальной политике, проповедуемой Консервативной партией. Итак, когда пришло время организовать Африканское общество в память о Мэри Кингсли, ее дру-

зья и почитатели прекрасно знали, чего она хотела: поддержать не только ученых и торговцев с Западной Африкой, которые были недовольны британской колониальной политикой, но и ведущих либеральных политиков.

По мнению основателя миссис Алисы Грин, общество должно было стимулировать исследования и сбор информации об Африке. Ее оппоненты высказывались за подход, способствующий расширению деловых контактов и торговли.

В конце концов, оба направления существовали параллельно, Грин редактировала «Журнал африканского общества» до 1906 г.

Задуманный Обществом музей так и не появился, но журнал издается с 1901/02 г. и продолжает оставаться авторитетным журналом в области африканских исследований. На титульном листе «Журнала» печаталось «основанные в память о Мэри Кингсли», а до 1923 г. также и ее портрет с указанием лет жизни и девизом «Талант преуспеваает» (затем он был заменен изображением Африки).

Темы в журнале варьировались — от изучения местных языков до системы налогообложения в Северной Нигерии, и по тону часто отражали противоречивое восприятие Африки и африканцев членами Общества, утверждая, что африканцы достойны уважения, но им требуется тщательное руководство европейцами.

Первоначальная склонность Грин продвигать, распространять знания и внушать современные представления об Африке по-прежнему встречает колебания как в Обществе, так и в журнале. До недавнего времени редакторы поддерживали многодисциплинарный подход и предоставляли заинтересованным лицам место и право высказать несопоставимые и противоречивые взгляды. Статьи, привлекающие ученых, инженеров, этноботаников или тропических медиков, соседствовали с религиозными исследованиями, по истории, археологии и антропологии. Современный характер Африки во всех его многогранных политических и культурных противоречиях был сфокусирован в объективе предвидения Грин по сбору и распространению сведений об Африке.

Примечания

1. Antoine Isaac, Baron Silvestre de Sacy (21.09.1758–21.02.1838) — французский востоковед; изучал самостоятельно арабский, персидский и турецкий языки, в 1785 г. член Академии надписей. В 1795 г. стал профессором арабского языка в Особой школе живых восточных языков (*École speciale des langues orientales vivantes*). С 1806 г. занимал должность профессора персидского языка. Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1969.

2. Sir Joseph Banks (13.02.1743–19.06.1820) — английский натуралист, ботаник, сопровождал Джеймса Кука в его первом кругосветном путешествии. Президент Королевского общества с 1778 по 1820 г. В 1799 г. участвовал в создании Лондонского Королевского как базы для совместных исследований ученых и их преподавательской деятельности. Ермолович Д.И. Англо-русский словарь персоналий. Москва: Рус. яз., 1993. 336 с. (С. 44).

3. John Donnelly Fage (03.06.1921–06.08.2002) — английский африканист, доктор философии, выпускник Кембриджского университета. Во время войны Фейдж в течение пяти лет служил в Южной и Восточной Африке; после защиты диссертации

ции по истории Южной Родезии он вернулся в Африку, где в течение десяти лет (1949–1959) преподавал в качестве профессора истории университетского колледжа и университета Ганы в Аккре. В это время он подготовил и опубликовал «Введение в историю Западной Африки» (1955), «Атлас африканской истории» (1958), «Гана: историческая интерпретация» (1959). После возвращения в Англию в 1959–1963 гг. работал в Школе восточных и африканских исследований при Лондонском университете, а в 1963 г. стал директором Центра по изучению Западной Африки в Бирмингеме. Основатель совместно с Роландом Оливером и в 1960–1973 гг. ответственный редактор журнала «Journal of African history», главный редактор многотомной «Кембриджской истории Африки». Африка: в 2 тт.: Энциклопедический справочник / гл. ред. Ан.А. Громыко. Москва: Советская энциклопедия, 1986. Т. 2. К-Я. 672 с. (С. 511).

4. Thomas Edward Bowdich (20.06.1791–10.01.1824) — английский путешественник, натуралист и писатель. В 1817 г. был направлен с миссией в Кумаси к королю Ашанти, в основном благодаря его умелой дипломатии миссия преуспела и обеспечила контроль Британии над Золотым побережьем. В 1819 г. опубликовал отчет о своей миссии и исследованиях. С 1820 по 1822 г. жил в Париже, изучал математику и естественные науки, во время своего пребывания во Франции издал несколько работ по Африке. В 1822 г. отправился в Лиссабон, где изучал исторические рукописи, опубликовал отчет об открытиях португальцев в Анголе и Мозамбике. В 1822 г. отплыл из Англии с целью посвятить себя исследованию африканского континента, после нескольких месяцев, проведенных на Мадейре и островах Зеленого Мыса, прибыл в Батурсте (сейчас Банжул) в устье Гамбии, намереваясь ехать в Сьерра-Леоне, заболел малярией и вскоре умер. Encyclopædia Britannica, vol. 4 (11th ed.), Cambridge University Press, p. 341.

5. William Winwood Reade (26.12.1838–24.04.1875) — английский философ и антрополог, исследователь Африки. В 1862 г. отправился в первую африканскую экспедицию, на территорию современного Габона и Анголы. Вернувшись оттуда, опубликовал отчет о своем путешествии, «Дикая Африка» (Savage Africa). Несмотря на то, что книга вызвала нарекания тогдашних критиков своим излишне легковесным стилем, она содержала весьма ценные антропологические сведения. В 1868 г. предпринял второе путешествие по африканскому континенту, целью которого была империя Ашанти. Хотя ему не удалось проникнуть в эту страну, исследовал малоизученные в то время районы Африки, находящиеся ныне на территории государства Сьерра-Леоне. В 1873 г. издал том «Африканских зарисовок» (African Sketch-Book). Dictionary of National Biography, Errata (1904), p. 231. A.C. Grayling & Andrew Pyle (2006). The Continuum Encyclopedia of British Philosophy, Vol. 1, Thoemmes Continuum, p. 2673.

6. Mary Kingsley (13.10.1862–03.06.1900) — английская путешественница, которая, не считаясь с условностями своего времени, осуществила путешествие по Западной и Экваториальной Африке и стала первым европейцем, посетившим часть Габона.

7. Flora Louise Shaw, The Lady Lugard (19.12.1852–24.01.1929) — британская журналистка и писатель. Автор 5 романов для детей и юношества. В качестве специального корреспондента «Таймс», специализировавшегося на политике и экономике, посещала Южную Африку, Австралию и Новую Зеландию, Канаду. С 1902 г. замужем за Ф. Лугардом.

8. Frederick John Dealtry Lugard (22.01.1858–11.04.1945) — британский военный, колониальный деятель, исследователь Африки. 1900–1906 верховный комиссар протектората Северная Нигерия, 1912, 1914–1919 генерал-губернатор единой колонии Нигерия, автор системы «косвенного управления».

9. Сведения о биографии Мэри Кингсли даны на основании исследования Blunt Alison. Travel, Gender, and Imperialism: Mary Kingsley and West Africa. New York: Gilford Press, 1994, o Грин А.С. см. Green A.S. Mary Kingsley // African Affairs. 1901. Vol. 1 (1). P. 1–16.

Список источников

1. Саид Эдвард Вади. Ориентализм. Западные концепции Востока. Санкт-Петербург: Русский мир, 2006. 636 с.
2. Саид Эдвард Вади. Ориентализм. Западные концепции Востока. Санкт-Петербург: Русский мир, 2006. 636 с.
3. *Bitterli Urs*. Die «Wilden» und die «Zivilisierten»: Grundzüge einer Geistes- u. Kulturgeschichte der europäisch-überseeischen Begegnung. München: Beck, cop. 1976. 494 S.
4. *Fage J.D.* When the African society was founded, who were the Africanists? // *African Affairs*. 1995. Vol. 94 (376). P. 369–382.
5. *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований. Москва: Изд-во иностр. лит., 1950. 648 с.
6. *Fage J.D.* When the African society was founded, who were the Africanists? // *African Affairs*. 1995. Vol. 94 (376). P. 369–382.
7. Rules of the African society // *African Affairs*. 1901. Vol. 1 (1). P. 150.
8. *Fage J.D.* When the African society was founded, who were the Africanists? // *African Affairs*. 1995. Vol. 94 (376). P. 369–382.
9. *Blunt Alison*. Travel, Gender, and Imperialism: Mary Kingsley and West Africa. New York: Gilford Press, 1994. 190 p.
10. *Green A.S.* Mary Kingsley // *African Affairs*. 1901. Vol. 1 (1). P. 1–16.

Ю.А. Дунаева

СТАРИННАЯ НУМЕРАЦИЯ НА ФОРЗАЦАХ И ШМУЦТИТУЛАХ КНИГ ОТДЕЛА БАН ПРИ ЗООЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ РАН

АННОТАЦИЯ

В 2018 г. в отделе БАН при ЗИН РАН на форзацах и шмуцтитутах 236 единиц хранения была обнаружена оформленная определенным образом старинная нумерация. Ее удалось связать с разделом систематического каталога БАН, составленного около 1790 года. В случае обнаружения оформленной аналогичным образом нумерации на книгах, хранящихся в других отделах БАН, ее можно будет привязать к тематическим разделам того же самого каталога.

Ключевые слова: история Библиотеки Российской академии наук, каталоги Академической библиотеки XVIII века, пометы рукописные, отдел Библиотеки Академии наук при Зоологическом институте Российской академии наук, библиотека Зоологического института Российской академии наук.

В 2018 г. в отделе БАН при Зоологическом институте РАН проводили фронтальный просмотр изданий XVI–XIX вв. с целью выявления экземпляров с экслибрисами, владельческими автографами, дарственными надписями, рукописными пометами и прочими свидетельствами истории бытования книг (1). В ходе этой работы на некоторых форзацах и шмуцтитутах были обнаружены однотипные надписи, сделанные старыми (орешковыми) чернилами. Каждая надпись состояла из двух сокращенных слов — *Hist. Nat.* — и однозначного, двузначного или трехзначного номера, в некоторых случаях снабженного дополнительным буквенным индексом. Надписи были выполнены двумя разными почерками (рис. 1). Номера не составляли непрерывного ряда. Самое маленькое число после слов *Hist. Nat.* было 6, самое большое — 638. Всего было обнаружено 102 издания XVI–XIX вв. с подобными надписями, с учетом томов многотомов это составило 236 единиц хранения. Однотипность надписей давала возможность предположить, что все они связаны с регистрацией книг в библиотечном каталоге или каталогах изданий по естественной истории. Значение сокращенных слов *Hist. Nat.* сомнений не вызывало. Это могло быть сокращение латинских слов *historia naturalis* или французских *histoire naturelle*, что в обоих случаях означает: *естественная история*. Было решено провести небольшое исследование, чтобы установить, с каким именно каталогом, или каталогами, связана обнаруженная нумерация.

Самое раннее издание с надписью (*Hist. Nat.* 60) было опубликовано в 1555 г., самое позднее (*Hist. Nat.* 337) вышло в 1828 г. Для семи экземпляров с надписями ранее уже было установлено, что они поступили в Академическую библиотеку не позднее первой половины XVIII в. [1]. На этом основании можно было предположить, что обнаруженная нумерация имеет отношение к фондам Академической библиотеки, а не какого-либо другого книжного собрания.

Чтобы привязать нумерацию к конкретному каталогу или каталогам, был проведен поиск документов в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Сведения о хранящихся в архиве каталогах Академической библиотеки представлены в первой описи основного фонда документов, связанных с Библиотекой Российской академии наук (2). Просмотр этой описи вывел на два рукописных каталога книг по естественной истории.

Оба каталога имели латинские заглавия. Первый каталог назывался *Scriptores Historiae Naturalis* (3). Вторым документом имел более длинное заглавие: *Catalogus librorum Bibliothecae Academiae scientiarum imperialis historia naturalis scriptores enarans* (4). Оба документа представляют собой тематические разделы двух многотомных систематических каталогов Библиотеки Академии наук XVIII в. Первый документ является частью каталога, составленного в 1770-х гг. [2]. Вторым — частью многотомного систематического каталога, который начали составлять около 1790 г. (возможно, в 1789 г.) [3].

Было проведено сопоставление нумерации книг в этих каталогах с нумерацией, обнаруженной на экземплярах книг в отделе БАН при ЗИН РАН.

При изучении каталога *Scriptores Historiae Naturalis* (3) было обнаружено, что он имеет две нумерации — первичную и вторичную. Все номера, под которыми книги были изначально зарегистрированы в каталоге, перечеркнуты, и поверх них написаны новые номера (5). Номера первичной нумерации не совпадали с номерами записей, обнаруженных на форзацах и шмуцтитулах книг отдела БАН при ЗИН РАН. Номера вторичной нумерации совпадали с номерами записей.

В документе *Catalogus librorum Bibliothecae Academiae scientiarum imperialis historia naturalis scriptores enarans* (4) номера регистрации книг не перечеркивались, новых номеров поверх старых нигде обнаружено не было. Номера книг, зарегистрированных во втором каталоге, на 100% совпали с номерами, указанными на форзацах и шмуцтитулах экземпляров отдела. Из 102 изданий (236 единиц хранения) с надписями всего 8 изданий (19 единиц хранения) не были обнаружены в каталоге ни под каким номером. Случаев расхождения номера на экземпляре и номера издания в каталоге не было. На основании полученных результатов можно утверждать, что вторичная нумерация первого документа соответствует единственной нумерации второго. Обнаруженные на форзацах и шмуцтитулах книг отдела БАН при ЗИН РАН надписи, состоящие из сокращений Hist. Nat. и номеров (рис. 1), связаны с конкретным рукописным каталогом книг по естественной истории, хранящимся в СПбФ АРАН (4).

Теперь остановимся более подробно на этом архивном документе. *Catalogus librorum Bibliothecae Academiae scientiarum imperialis historia naturalis scriptores enarans* представляет собой рукопись формата *in folio* в переплете светло-коричневой кожи. На верхней и нижней крышках переплета есть золотой суперэкслибрис Академической библиотеки в виде простого двуглавого орла без картуша и гербов на груди и крыльях. Переплеты с подобными суперэкслибрисами, предположительно, изготавливали в академической Переплетной палате во время правления Екатерины II [5].

Рис. 1. Образцы старинной нумерации, обнаруженной на форзацах и шмуцтитулах книг, хранящихся в отделе БАН при ЗИН РАН

Каталог разделен на три части по форматам: *In Folio*, *In Quarto*, *In Octavo*. В конце рукописи имеется также алфавитный указатель — *Index*. Нумерация книг в каждом формате независимая, алфавитного порядка ни по заглавиям, ни по авторам нет. Записи в каталоге можно условно разделить на первичные и приписки.

К первичным можно довольно уверенно отнести все записи определенного стиля, с которых начинается каждый раздел каталога. Они выполнены очень аккуратно, крупным каллиграфическим почерком, который идентичен одному из двух почерков записей на книгах (рис. 1, *Hist. Nat.* 8^{aaa}, *Hist. Nat.* 84, *Hist. Nat.* 629; рис. 2). Орешковые чернила этих записей либо сильно выцвели со временем, либо изначально были светло-коричневыми, гораздо светлее, чем чернила всех прочих записей. Нумерация первичных записей, как правило, состоит только из цифр и не содержит буквенных индексов. После внесения в каталог первичных записей в каждой форматной части были оставлены пустые листы для

более поздних приписок. Самое позднее издание, для которого в каталоге была сделана первичная запись, имеет дату публикации: 1787.

Все записи, стиль которых отличается от первичных, можно считать более поздними приписками. Приписки сделаны более темными чернилами, разными почерками и с разной степенью аккуратности. Наиболее аккуратные и ясные приписки продолжают ряды первичных записей, их нумерация также не содержит буквенных индексов. Многие дополнительные записи (приписки) в каталоге не продолжают изначальный ряд регистрации книг, а вставлены между более ранними записями. Номера таких записей в каталоге повторяют номера первичных записей или номера более ранних приписок, но с прибавлением буквенных индексов. Например, в разделе *In Quarto* на листе 39 под номером 94 (первичная запись) значится шеститомное издание Естественной истории насекомых Карла де Гера [6]. В том же разделе, на обороте листа 38, под номером 94^a сделана приписка для двухтомного издания Краткой истории насекомых Этьена Луи Жофруа [7]. На лицевой стороне листа 38 того же раздела *In Quarto* есть приписка под номером 94^b для пятитомного труда Гийома Антуана Оливье, посвященного жукам [8]. Эти же номера с аналогичными буквенными индексами обнаружены и на форзацах экземпляров соответствующих изданий в отделе БАН при ЗИН РАН. Данный пример показывает, что составители каталога пытались объединять под одним номером издания сходной тематики, приписки для более поздних поступлений снабжались дополнительными буквенными индексами и делались там, где было для них место на страницах. К такому же выводу приводит и анализ всех прочих записей каталога, сделанных под одним номером, но с добавлением буквенных индексов.

Буквенные индексы номеров записей каталога можно разделить на два типа. Индексы первого типа сделаны с помощью одной литеры (*a* или *b*), которую повторяли необходимое количество раз. Например, в разделе *In Octavo* существуют записи под номерами: 8, 8^a, 8^{aa} и 8^{aaa}. Индексы второго типа сделаны с использованием разных литер латинского алфавита, от *a* до *e*. Например, в том же разделе есть записи под номерами: 57, 57^a, 57^b, 57^{bb}, 57^c, 57^d, 57^e. Подобные ряды в каталоге могут говорить о том, что номер, под которым то или иное издание было зарегистрировано в каталоге, был еще и шифром расстановки, принцип которой был тематический.

Многие записи каталога, как первичные, так и приписки, дополнены разнообразными рукописными пометами. Наиболее распространенная помета — карандашный плюс. Все прочие пометы сделаны старыми (орешковыми) чернилами. В большинстве первичных записей заглавие книги предшествует имени автора. В ряде случаев, с помощью более позднего подчеркивания, имена авторов как бы выведены в начало записи (рис. 2). Другие распространенные пометы касаются наличия иллюстраций (гравюр) в книгах. Такие пометы всегда сделаны на немецком языке. Они либо просто сообщают о наличии гравюр: *Mit Kupferst.*, либо также уточняют их количество, например: *Mit 14 Kupferst.*, либо же сообщают о наличии цветных (раскрашенных) иллюстраций: *Mit. color... Kupferst.* Все пометы в каталоге, касающиеся иллюстраций, сделаны одним и тем же почерком (рис. 2). Наличие многочисленных приписок и помет гово-

рит о том, что данный, хранящийся в СПбФ АРАН, экземпляр рукописного каталога книг по естественной истории — это рабочий документ, который вели на протяжении некоторого времени и по которому проводили проверки наличия книг в библиотеке. Судя по наиболее поздним датам выхода зарегистрированных книг, каталог пополнялся пред-

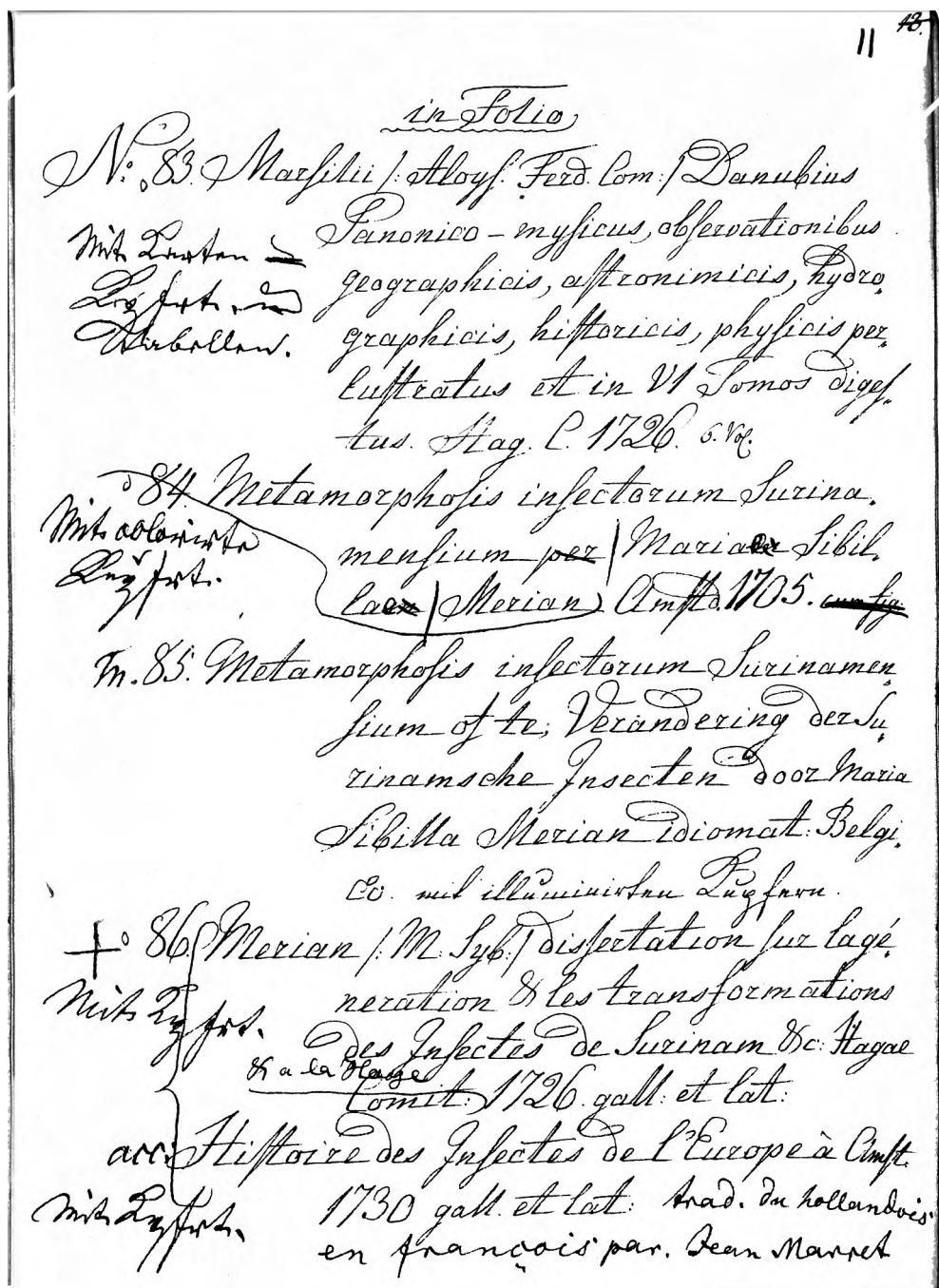

Рис. 2. Страница рукописного каталога книг по естественной истории, составленного около 1790 г.: *Catalogus librorum Bibliothecae Academiae scientiarum imperialis historia naturalis scriptores enarans*. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. № 106. Л. 11

положительно до начала 30-х гг. XIX в. Эти наблюдения не противоречат опубликованным ранее сведениям о многотомном систематическом каталоге Библиотеки Академии наук, составленном около 1790 г. [3].

Основным результатом проведенного исследования стала привязка обнаруженной на экземплярах книг отдела БАН при ЗИН РАН характерной старинной нумерации к конкретному рукописному каталогу XVIII в. (4). Известно, что этот каталог является частью многотомного систематического каталога Академической библиотеки, составленного около 1790 г. [3]. Если на экземплярах книг, хранящихся в других отделах БАН, будет обнаружена оформленная аналогичным образом старинная нумерация (рис. 1), ее можно будет привязать к тематическим разделам того же самого каталога.

Примечания

1. Работа проводилась в рамках темы государственного задания «Сохранение и изучение книжных коллекций БАН». Регистрационный номер НИОКТР: 0011-2019-0022.

2. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1.

3. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. № 74.

4. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. № 106.

5. Аналогично тому, как показано для другого тома того же каталога в Истории Библиотеки Академии наук СССР... [4].

Список источников

1. Книги из ранних поступлений Академической библиотеки: каталог / сост. Ю.А. Дунаева; отв. ред. И.М. Беляева. Санкт-Петербург : БАН, 2020. №№ описаний: 20, 25, 34, 74, 77, 91, 110.

2. История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 / С.П. Луппов и др.; отв. ред. М.С. Филиппов. Москва ; Ленинград: Наука, 1964. С. 150.

3. История Библиотеки Академии наук СССР... С. 152–154.

4. История Библиотеки Академии наук СССР... Рис. 16.

5. Дунаева Ю.А. Отражение истории Российской империи на переплетах книг, хранящихся в отделе БАН при ЗИН РАН // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 4(52). С. 18.

6. Geer C. de. Mémoires pour servir à l'histoire des insects... T. 1–6. Stockholm : De l'Impr. de L.L. Grefing, 1752–1776.

7. Geoffroy E.L. Histoire abrégée des insects... T. 1–2. Nouv. ed. Paris : Chez Delalain, fils, libr., 1800.

8. Olivier A.G. Entomologie ou histoire naturelle des insects... Coleopteres. T. 1–5. Paris : De l'Impr. de Baudouin, impr. de l'Assemblée nat., 1789–1807.

УДК 929.52/53/55"17"
ББК 63.2; 63.3(0)512

И.А. Данилов

ПОРТРЕТ АУГСБУРГСКОГО ЮВЕЛИРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. (по материалам НИОРК БАН)

АННОТАЦИЯ

В статье описывается надгробная проповедь пастора Георга Филиппа Риса, посвященная аугсбургскому ювелиру Иоганну Абрахаму Йордану (1652–1688). Эта уникальная казуалия является не только единственным источником сведений о мастере, но и включает его гравированный портрет работы Филиппа Килиана, отсутствующий в других известных экземплярах данного издания. Ранее оно находилось в библиотеке графов Герсдорфов. В настоящее время хранится в собрании НИОРК БАН.

Ключевые слова: редкая казуалия, гравюра, Библиотека Российской академии наук, раннее Новое время, Аугсбург, Саксония, Иоганн Абрахам Йордан, Георг Филипп Рис, Филипп Килиан.

Для исследователей истории высшего и низшего дворянства Саксонии в период Позднего Средневековья и раннего Нового времени казуалии из библиотеки верхнелужицких графов Герсдорфов (1) в собрании Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Академии наук (НИОРК БАН) представляют исключительный интерес. Герсдорфская библиотека — это уникальный корпус изданий по генеалогии и казуалий, прежде всего надгробных проповедей. Кроме того, она включает редкие печатные Библии, описания городов (*Theatrum Europaeum*), а также многочисленные исторические сочинения, посвященные прежде всего саксонскому дворянству. История самой Герсдорфской библиотеки плохо документирована и требует дальнейших изысканий. Кто именно в семье графов Герсдорфов начал собирать редкие книги, точно не известно, но есть три наиболее вероятных кандидата. Это мог быть камергер курфюрстов Саксонии, известный коллекционер, в том числе собиратель гравюры, Ганс фон Герсдорф, родившийся в 1630 г. и умерший в 1692 г. Не исключено также, что это был его отец, тоже советник курфюрстов и камер-юнкер Ганс Вольф фон Герсдорф, живший в 1605–1648 гг. Наконец, еще один возможный претендент на роль основателя библиотеки — обер-камергер курфюрста Саксонии Иоганна Георга III Николь фон Герсдорф (1629–1702) (2). Таким образом, Герсдорфская библиотека, с большой долей вероятности, сформировалась во второй половине XVII в., и ее можно причислить к характерным проектам эпохи пиетизма, на которую как раз и приходится расцвет жанра казуалий.

После Второй мировой войны книжное собрание Герсдорфов попало в число перемещенных культурных ценностей, которые были вывезены с занятой советскими войсками территории Германии и затем отложились в разных государственных хранилищах СССР (3). Однако, скорее всего, речь может идти лишь о части этой библиотеки, истинные масштабы которой пока не известны. По крайней мере, в БАН она пред-

ставлена лишь фрагментарно, причем книги из Герсдорфского собрания рассеяны по разным отделам (Отдел редкой книги, Рукописный отдел, Иностраннный фонд).

Надгробная проповедь, посвященная Иоганну Абрахаму Йордану [7], входит в состав конволюта (шифр: 3629.f/ 17854. R, 17997-18048. R, al. 42; инв. № 18037), включающего 53 аллигата. Согласно инвентарной книге № 7/1849, он поступил в БАН 25 марта 1955 г. На одном из форзацев имеется владельческий экслибрис прямоугольной формы с надписью в центре: «Графская Герсдорфская библиотека в Баруте». Сверху изображение орла с орленком. Вероятно, это эмблема преемственности в собирании библиотеки от отца к сыну. Внизу изображен герб Герсдорфов. А под ним, от руки — шифр самой Герсдорфской библиотеки, с указанием номера шкафа и места на полке. На титульном листе в правом нижнем углу проставлена цифра 27 (скорее всего, владельческий номер аллигата).

Эта казуалия уникальна по целому ряду причин. Прежде всего она напечатана в Аугсбурге, откуда происходил ее главный герой — ювелир и золотых дел мастер Иоганн Абрахам Йордан (1652–1688). Вместе с тем в рамках конволюта данный аллигат окружен исключительно изданиями, опубликованными на территории Саксонии, где находились владения и протекала основная служебная деятельность Герсдорфов. Еще одной его особенностью является то, что большинство включенных сюда надгробных проповедей посвящено представителям высшей и низшей знати, а этот аллигат — ремесленнику. Конечно, прощальное слово пастора сопровождало в последний путь каждого члена общины. Но сам факт его издания следует отнести к числу характерных примет Нового времени, когда началась диффузия ранее незыблемых сословных границ.

Наконец, эта казуалия украшена гравированным портретом Йордана (4) работы известного аугсбургского гравера Филиппа Килиана (1628–1693), о котором следует сказать несколько подробнее. Он был сыном гравера и издателя Вольфганга Килиана (1581–1663). Первоначально учился у собственного отца, а затем вместе с братом Иоганном совершенствовал мастерство в Венеции, Флоренции и Риме. Вернувшись в Аугсбург, Филипп сделал портреты своих братьев Бартоломеуса (Варфоломея) и Иоганна, а впоследствии стал выдающимся мастером [8, 9, 10]. Гравированный портрет Иоганна Абрахама Йордана помещен на фронтисписе и выполнен на меди. Килиан изготовил также гравированные на дереве инициалы и виньетки для этой казуалии. На портрете изображен довольно молодой еще человек (Йордан умер в возрасте 36 лет) с умным открытым лицом. Обнаженной правой рукой с кольцом на мизинце он опирается на край прямоугольной колонны. При этом его пальцы касаются расположенной на обращенной к зрителю стенке этой подставки благочестивой надписи: «Ich las der Weldt gerýmel / Und Wehle Mir den Hýmel» (Я оставил суетный мир / И выбираю себе небо). Гантированной левой рукой, в которой он держит перчатку с правой руки, Иоганн Абрахам упирается в бок. Его богатая одежда — изысканный кафтан, модный воротник, отороченная тончайшим кружевом рубашка — свидетельствует об основательности и достатке. И этот яркий образ в полной мере соответствует посмертному жизнеописанию Йордана.

Ich las der Welt
Das Mehl
Mir den Hymel

Johann Abraham Jordan
Ist geboren den 7 July 1652. Starb den 25 November 1688 seines Alters 36 Jahr
Philipp Jakob

Автор проповеди — пастор первой аугсбургской евангелической церкви Святой Анны (5) Георг Филипп Рис (1629–1691) — сообщает, что Иоганн Абрахам был сыном мастера золотых дел Кристофа Йордана, который родился в Саксонии и лишь затем перебрался в Аугсбург, с XV в. неизменно считавшийся, наряду с Дрезденом, одним из ведущих ювелирных центров не только Германии, но и всей Европы. Таким образом, становится понятно, почему аугсбургская надгробная проповедь попала в один конволют с саксонскими казуалиями. Мать Иоганна Абрахама звали Бландина. Иоганн Абрахам родился 7 июля 1652 г. и был крещен в лютеранской вере 9 июля, т.е. спустя всего два дня по рождении. Обычно такие спешные крестины свидетельствовали о том, что младенец был слаб, и близкие торопились его окрестить, опасаясь смерти. Однако Иоганн Абрахам выжил. Уже в 1664 г. он стал заниматься ювелирным делом. Как сообщает казуалия: «Закончив обучение, он захотел посетить родину своего любимого отца в Саксонии и его друзей там; отправился в путешествие по саксонской земле, но задержался из-за работы в главном городе — Дрездене; оттуда он отправился в Силезию, где практиковался в своем мастерстве. Наконец, он добрался до имперского города Вены в Австрии...» [7]. В 1677 г. Иоганн Абрахам вернулся в Аугсбург, так как преклонный возраст его отца не позволял тому управлять собственным магазином. А в 1679 г. молодой Йордан изготовил шедевр и был принят в цех золотых дел мастеров, который именно в XVII в. достиг своего наивысшего расцвета. 18 сентября того же года он вступил в брак с Анной Лидией — вдовой торговца Андреа Райнхарда, скончавшегося в 1673 г. Этот брак был счастливым, но бездетным. Вместе с тем Иоганн Абрахам воспитывал приемных детей от первого брака жены и, как пишет Рис, стал для них истинным отцом. От какой болезни умер Йордан, нам не известно. Автор проповеди лишь сообщает, что он болел в течение шести недель, но не был прикован к постели, и скончался в четверг 25 ноября в час дня, обретя мир в своем сердце. Таким образом, жизнь и смерть Иоганна Абрахама Йордана были примером протестантского благочестия.

В заключение еще раз подчеркнем, что знакомство с текстом этой аугсбургской казуалии позволяет понять мотивы, которыми было продиктовано ее помещение в один конволют с саксонскими изданиями. Несмотря на то, что она посвящена уроженцу и жителю Аугсбурга, опубликована в этом городе, написана аугсбургским пастором и украшена гравированным портретом работы известного аугсбургского же мастера, т.е. является продуктом коллективных интеллектуальных усилий представителей одной евангелической общины, семья Йордана была тесно связана с Саксонией. Там родился отец Иоганна Абрахама, а сам он провел немало лет, изучая ювелирное мастерство, и достиг значительных высот в сфере своей деятельности. Стоит добавить, что курфюрсты Саксонии, при дворе которых работал начинающий ювелир, уделяли огромное внимание уровню развития находящегося под их покровительством прикладного искусства. Вещественным доказательством этого является знаменитое собрание *Grüne Gewölbe* (Зеленый свод) в Дрездене. Выше уже отмечалось, что уникальную черту казуалии составляет в целом нетрадиционная для данного жанра сословная принадлежность

нашего героя. Вместе с тем само появление этой надгробной проповеди свидетельствует о том, что в немецком обществе второй половины XVII в. происходит важный поворот в сторону, условно говоря, «демократизации». Как известно, жанровый канон предписывает проповеднику представить портрет усопшего в качестве духовного образца для живых. Выбор на эту роль ремесленника-ювелира, а не дворянина, со всей очевидностью указывает на социальный сдвиг в сторону низших сословий и наступление нового времени.

Примечания

Статья апробирована на Научно-практической конференции молодых ученых «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение: глобальные перспективы и локальные возможности», посвященной 305-летию Библиотеки Российской академии наук и 295-летию Академии наук (СПб., БАН, 29 ноября 2019 г.).

1. Подробнее об этой дворянской фамилии, известной с XIII в. и имевшей одну из основных резиденций в Баруте, см. [1, 2, 3]. См. также краткое описание ее истории на сайте родовой ассоциации Герсдорфов: URL: <https://www.von-gersdorff.family/die-familie/> (дата обращения: 22.06.2020).

2. Под впечатлением ужасов Тридцатилетней войны вместе со своей супругой Генриеттой Катариной (урожд. фон Фризен; 1648–1726) Николь фон Герсдорф стал активным сторонником пиетизма. Об их общественной деятельности, проникнутой духом этого течения в протестантизме, а также о контактах с ведущими пиетистами Филиппом Якобом Шпенером (1635–1705) и Августом Германном Франке (1663–1727) (см. [4, 335–337]). Нельзя не отметить, что на гравированном портрете Генриетты Катарины работы Самуэля Боттшильда, приложенном к посвященной графине надгробной проповеди Адольфа Готтлоба [5], она изображена на фоне книжных стеллажей (см. [4, 337]). Из этого можно сделать предположение, что, как и ее супруг, Генриетта Катарина могла быть не только совладелицей, но и одной из собирательниц Герсдорфской библиотеки.

3. На протяжении всего послевоенного периода проблема перемещенных ценностей остается в повестке межгосударственных российско-германских отношений. В настоящее время в самой Германии этими вопросами занимается специальный исследовательский Центр по поиску произведений искусства, утраченных или украденных во времена национал-социализма (Deutsches Zentrum Kulturgutverluste). Между тем ученые двух стран смогли наладить диалог в обход политиков и приступить к совместному изучению своего наследия. О первых результатах этого продуктивного проекта см. [6].

4. Следует особо подчеркнуть, что в других известных экземплярах описываемой надгробной проповеди, например, из собрания Баварской государственной библиотеки или из коллекции Аугсбургской государственной городской библиотеки, гравюра отсутствует, что придает раритету, хранящемуся в НИОРК БАН, дополнительную ценность. Ср., например, оцифрованный экземпляр из баварского книгохранилища: URL: https://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb11194357_00003.html (дата обращения: 22.06.2020).

5. В дореформационный период эта церковь и находящийся при ней монастырь, построенные в 1321 г., принадлежали ордену кармелитов. Для нас важно, что она была связана с цехом ювелиров, так как в 1420 г. здесь появилась Goldschmiedekapelle (капелла мастеров золотых дел). Не менее знаменателен и тот факт, что в октябре 1520 г. именно в этом монастыре останавливался Лютер, вызванный папой из Виттенберга в Аугсбург якобы для богословской дискуссии с его представителем кардиналом Гаэтаном, а на самом деле в намерении арестовать главу церковного раскола, несмотря на данные императором гарантии безопасности, и препроводить в Рим для суда и последующего отлучения. Аугсбургский инцидент, как известно, благо-

получно завершившийся санкционированным городским магистратом бегством Лютера под защиту курфюрста Саксонии, стал одним из ключевых эпизодов раннего периода Реформации. Таким образом, в самой истории церкви Святой Анны, прихожанином которой определенно был Йордан, символически соединялись профессиональные интересы и духовные начала его личности.

Список источников

1. *König V.* Genealogische Adels-Historie oder Geschlechts-Beschreibung derer im Chur-Sächsischen und angränzenden Landen...: In 3 Bd. Leipzig, 1736. Bd. 3. S. 315–416.
2. *Transehe-Roseneck A. von.* Genealogisches Handbuch der livländischen Ritterschaft. Bd. 2. Görlitz, [ca. 1935]. S. 731–746.
3. *Lemper E.-H.* Gersdorff, von // Neue Deutsche Biographie (NDB). Berlin: Duncker & Humblot, 1964. Bd. 6. S. 318 f. (URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd139786074.html#ndbcontent>; дата обращения: 22.06.2020).
4. *Bannert L., Geissler D.* Adel und Herrnhuter Pietismus // Adlige Lebenswelten in Sachsen. Kommentierte Bild- und Schriftquellen / Hrsg v. M. Schattkowsky. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2013. S. 335–341.
5. *Gottlob A.* Letztes und schuldiges Ehren-Gedächtnis... Bautzen, [1726].
6. Durch Dialog zur Zusammenarbeit: über den Deutsch-Russischen Bibliotheksdialog zu kriegsbedingt verlagerten Büchersammlungen: [Referate der Treffen des DRBD] / zusammengestellt von Olaf Hamann. Berlin: Staatsbibliothek zu Berlin. Preußischer Kulturbesitz, 2016. 257 S.
7. *Ris Georg Philipp.* ... Der Kinder Gottes Freud im Sterben. Aus den Worten St. Pauli / welche zu lesen im 1. Cap. seiner Epistel an die Philipper geschrieben im 21. Versicul. Christus ist mein Leben. Als... Johann Abraham Jordan... Augspurg / Gedruckt bey Jacob Koppmayer / 1689. фронт. (гравюра на меди), 19 S.
8. *Pilz K.* Kilian, Philipp // Neue Deutsche Biographie (NDB). Berlin: Duncker & Humblot, 1977. Bd. 11. S. 603f, 604.
9. *Schmidt W.A.* Kilian (Familie) // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Leipzig: Duncker & Humblot, 1882. Bd. 15. S. 737.
10. *Данилов И.А.* Саксонские гравюры — оформители печатных изданий надгробных проповедей XVII века (по материалам собрания научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Академии наук) // История книжной культуры XV–XX веков. Ч. 2. Москва: Пашков дом, 2018. С. 50–57 и др.

УДК 001.891.32
ББК 76.10

Т.В. Кульматова

МРАМОРНАЯ БУМАГА В РОССИИ: материалы к истории

АННОТАЦИЯ

Декоративная мраморная бумага в России в 1676–1911 гг.: бытование и производство. Публикация руководств XVIII в. по ее изготовлению.

Ключевые слова: декоративная бумага, мраморная бумага, русский переплет.

Задача настоящей статьи — привлечь внимание к изучению мраморной бумаги как важному элементу книжного переплета, предмету декоративно-прикладного искусства, своеобразному историческому источнику (1). Традиция ее изготовления насчитывает более 10 веков и берет свое начало на Востоке: в Японии, Китае. В XVI в. секрет ее изготовления проникает из Турции в Европу. Она используется как декоративная, отделочная, упаковочная бумага. Применяется для оформления интерьеров, предметов быта: ею оклеивают внутренние поверхности ларчиков, коробочек и даже мебель (шкафы). Вскоре она становится важным конструктивным и декоративным элементом книги: ее используют в качестве мягкой (временной) обложки, защитных листов (форзацев), оклеивают крышки составных переплетов, место корешка брошюр, оформляют футляры для книг, карт, моделей. Благодаря своей декоративности, именно она зачастую обеспечивает эстетический успех книжному переплету, способствует переключению внимания читателя, готовит его к встрече с таинственным миром книги.

Несмотря на это, отечественные исследователи до сих пор не уделяли ей должного внимания. Нам известна только небольшая статья М.Б. Золотовой [1]. Библиографы, книговеды, искусствоведы сосредоточились на изучении и описании других элементов переплета. Любопытно, что при изучении корешка, видов плетения каптала, тиснений, способов крепления форзацев, — не принято обращать внимание на мраморную бумагу, определять ее разновидности (паттерны, мотивы), технику исполнения, цветовую гамму и другие характеристики. Возможно, это говорит о том, что знания такого рода не входили в компетенцию переплетчиков: декоративные бумаги изготавливались другим мастером — мрамористом. Переплетчик, как правило, приобретал уже готовую бумагу (2). Кроме того, секретами мастерства долгое время не было принято делиться, они передавались от мастера к ученику изустно и не выходили за пределы мастерской.

Традиционно предметом описания и изучения являются также элементы книги, возникшие в процессе ее бытования: владельческие книжные знаки (экслибрис) и невладелецкие (ярлык переплетчика, книго-

продавца), автографы, вложения и пр. И хотя эти элементы часто располагаются как раз на форзацах, мраморная бумага, их сопровождающая и создающая выигрышный репрезентативный контекст, фон, тем не менее, не попадает в поле зрения библиографов, исследователей. Эксперты антикварной книги в аукционных каталогах приводят провенанс — изложение легенды экземпляра, уникальных особенностей истории его происхождения, бытования, владения им — и его внешний облик. Но и здесь в отношении мраморной бумаги обнаруживается досадное неведение.

В лучшем случае в библиографической аннотации встречаем один из вариантов ее упоминания: 1) «форзац из мраморной бумаги» или 2) «форзац бумаги павлинье перо» (иногда: «павлиний глаз» и даже «клюв»). Первая фраза свидетельствует о самом общем и приблизительном подходе, представлении. При этом зачастую мраморными называют другие виды декоративных бумаг, например, псевдомраморные, т.е. имитирующие мраморные (технология их создания совершенно иная: если мраморные бумаги создаются путем рисования на воде с последующим наклеиванием на нее листа бумаги и получением таким образом оттиска, то псевдомраморные создаются путем нанесения красок непосредственно на бумагу, на ее увлажненную поверхность). Вторая же фраза является результатом вынужденного стихийного народного осмысления характерного мотива, узора некоторых мраморных бумаг, созданных с использованием гребня, действительно иногда напоминающего яркие перья павлина или скорее жар-птицы (много красного цвета, а не сине-зеленого). Словосочетания «Бумага павлинье перо» у художников-производителей мраморной бумаги не существует. Есть паттерн (тип узора) «Павлин» или «Павлиний хвост», но это совершенно определенный рисунок (один из множества), возникший в середине XIX в. В любом случае, оба наименования неточны, не исчерпывают всего разнообразия мраморных бумаг и, кроме того, не способствуют возникновению у читателя конкретного точного образа, представления, о чем идет речь, наконец свидетельствуют о неосведомленности отечественных исследователей в области истории мраморирования бумаги. И тут нам приходится констатировать неутешительный факт: отечественная терминология в области описания мраморных (как и других декоративных) бумаг отсутствует.

Что касается европейской традиции, то здесь ситуация намного лучше. Существует обширная литература по этому вопросу, к сожалению, не переведенная на русский язык, в которой с использованием сложившейся терминологии описываются исторические паттерны (мотивы, узоры, типы рисунка) мраморной бумаги и технология их создания. На сайте Вашингтонского университета выложен общедоступный ресурс — оцифрованная и описанная коллекция декоративных бумаг. Конечно, и у иностранных коллег есть проблемы: белые пятна в истории, слишком большое разнообразие наименований одних и тех же паттернов (синонимия). Но главное, есть исторически сложившаяся терминология, здесь проблема скорее в ее избыточности. Самое беглое ознакомление с этой темой позволяет увидеть, что мраморная бумага на протяжении столетий изменялась: на смену одним паттернам приходили другие, появление каждого паттерна было связано с определенной страной, регио-

ном, что получило отражение в названиях (*turkish stone, old dutch, french curl, spanish wave, italian veins*), было обусловлено открытием новых техник, применением новых веществ, наконец изобретением специальных приспособлений и машин и т.д. Каждый паттерн был создан и был популярен в свое время. Таким образом, лист мраморной бумаги обладает потенциальными информационными возможностями, может и должен быть использован как вспомогательный источник для изучения книги, например, для датировки переплета, определения периода активного бытования экземпляра.

Неосведомленность отечественных исследователей отчасти объясняется объективными причинами. Первоначально в России мраморная бумага закупалась за границей или, возможно, производилась приезжими иностранцами, поступившими на русскую службу. К середине XVIII в. появляются отечественные производители, но после 1917 г. традиция резко прерывается и начинает восстанавливаться лишь с 2007 г. через всплеск интереса к турецкому эбру (от тур. *ebru* — воздушные облака — техника рисования на поверхности воды с последующим переносом изображения на бумагу), а потом и европейскому искусству мраморирования — марблингу (*art of marbling*).

Именно в 2000-х гг. появляются первые попытки библиографов описать (а не просто упомянуть) мраморную бумагу в составе переплета. Но не всегда они удачные: не хватает знания, знакомства с традицией. Так, например, С.В. Королев [2] в работе, посвященной книгам из Эрмитажной иностранной библиотеки, несколько раз упоминает мраморную бумагу «Голландский камень». Подобная бумага в XVIII в. могла закупаться в Голландии, но называлась «Турецкий камень». В некоторых случаях, когда автору не удавалось определить паттерн, он придерживался традиционной, устоявшейся формулировки: «форзац мраморной бумаги». В нескольких случаях упоминалась «мраморная бумага типа “глостер”». Но после вышесказанного уже нет уверенности в точности такой атрибуции, хотя, может, она и верна (*Gloster* появляется в конце XVIII — начале XIX в., а речь идет о екатерининской эпохе, правда, переплет мог быть изготовлен и позднее). Тем не менее, нам представляется очень важным почин автора. Это первая известная нам попытка в отечественном книговедении описать мраморную бумагу в составе переплета.

Впервые описание мраморной бумаги с точным использованием исторической терминологии и описанием цветовой гаммы выполнено А.И. Марковой в каталоге «Книжные переплеты генерала А.П. Ермолова» [3]. Радует лаконичность, четкость, информативность описания. Приведены фотопортреты всех переплетов, что очень важно, ведь даже самые точные описания не могут исчерпать всех особенностей экземпляра. Однако названия паттернов даны по-французски, в соответствии с французской же терминологией. Список терминов с переводом и альтернативными названиями на других языках, к сожалению не приводится. Автор убедительно обосновывает свой выбор тем, что переплетная мастерская Ермолова ориентировалась на французскую традицию. Полагаем, что иностранная терминология, употребляемая обоснованно и локально для описания отдельно взятого собрания, возможна и допустима.

Однако ясно, что отечественный исследователь нуждается в общеупотребительной русской терминологии, а она не разработана. И в этой ситуации каждый решает для себя, как ему описывать. Нам представляется важным сделать первый шаг к ознакомлению отечественных исследователей с историей мраморной бумаги (прежде всего в России), с ее историческими паттернами. Описание мраморной бумаги в составе переплета должно стать, как нам кажется, обязательной частью описания особенностей экземпляра. Кроме того, знание истории ее развития, техники изготовления, исторической последовательности, смены паттернов существенно помогает в изучении и описании владельческих экземпляров и личных библиотек. В настоящей статье мы постарались собрать сведения по истории мраморной бумаги в России.

В России мраморная бумага появилась не позже второй половины XVII в. Первоначально ее называли «пестрой», а также «цветеной волнистой». Согласно «Словарю Академии Российской» в XVIII в. слово «пестрый» означало «разноцветный, или имеющий разноцветные узоры» (СПб., 1793. Ч. 4. Стб. 780), а «цветеный» — не только разноцветный, но и окрашенный: «*Цветчу*, цветить. гл. д. Крашу; придаю, навожу какой-либо светлой цвет. ...*Цветенный*, нная, нное. прил. имеющее знаменование своего глагола» (Ч. 6. Стб. 619).

В XVIII в. мраморную бумагу стали называть «турецкой волнистой» или просто «турецкой», «волнистой». Почему турецкой, понятно: имелась в виду страна ее происхождения. Почему волнистой? В том же словаре читаем: «*Волнистый* <...> Говоря о узорах значит: струистый; подобие струй, волн речных имеющих» (Ч. 1. Стб. 765). Мраморная бумага, распространенная в то время (тип узора «old dutch» — старый голландский) действительно имела волнообразный рисунок. В книготорговых объявлениях, публиковавшихся в течение XVIII в. на страницах газеты «Санктпетербургские ведомости» нередко упоминается «турецкая бумашка». Так, в 1773 г. переплетчик Андрей Томас продавал «*Lettre a Monseigneur Visconti...*» «во французском переплете по 1 р., в турецкой бумаге по 75 к. и без переплету 65 к.» [4, с. 160]. В 1783 г. Г. Клостерман продавал «Недоросля» «по 80 коп., а в Турецкой бумашке по 1 рублю» [4, с. 160]. (Т. е. мягкая обложка из мраморной бумаги в 1770–1780 гг. стоила 10–20 копеек).

Со второй половины XVIII в. начинает встречаться еще одно название — «мраморная бумага» (от лат. *marmor* и греч. *marinos*). Со временем, в русском языке (в отличие от европейских) в слове «мрамор» произошла метатеза — замена звуков, и «мрамор» превратился в «мрамор», — так было удобнее произносить. Уже в 1793 г. в «Словаре Академии Российской» приводятся два варианта употребления этого слова: «*Мáрмор*, или *Мрáмор*, ра. с. м. *Marmor*». «*Мáрморный*, или *Мрáморный*, ная, ное. *Мáрморовый*, вая. прил. <...> 2) На пестрой мрамор видом, цветом похожий. *Мраморной цвет*. *Мраморной переплет*; <...> *Мрáморник*, ка. с.м. <...> Художник, делающий из мрамора» (Ч. 4. Стб. 46–47). В словаре II Отделения Академии наук 1847 г. уже произношение «мрамор» фиксируется как основное, от «мрамора» делается отсылка [5, с. 287, 328–329]. Также и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Здесь в качестве примера приводится интересующий нас

предмет: «Мраморный прил. <...> — бумага, правильнее мрамористая, окрашенная под мрамор... *Мраморить* что, расписывать или брызгать под мрамор» (М., 1881. Т. 2. С. 355). Однако название «мраморная бумага» вытеснило «турецкую волнистую» лишь в XIX в. Нам только один раз в архивных делах середины XVIII в. (в репорте академического переплетчика Фридриха Розенберга, не знавшего русский язык) встретилось наименование «мраморная».

Когда же в России появляется мраморная бумага? Самый ранний (из обнаруженных нами) образец хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей (НИОР) БАН. Это подносной экземпляр Симеона Полоцкого, поэма «Орел российский» [6], написанная им на день объявления наследником престола царевича Алексея (1654–1670), сына царя Алексея Михайловича (Полоцкий впоследствии преподавал царевичу латинский и польский). Датируется поэма 1 сентября 1667 г. В качестве форзацев использована мраморная бумага, выполненная при помощи гребня. Тип узора «french curl» (французский завиток) на базе распространенного в то время узора «old dutch» (старый голландский). Цветовая гамма традиционная, включает пять цветов: красный, черный, желтый, зеленый и белый (цвет бумаги), красный цвет преобладает.

В начале XVII в. в России мраморную бумагу, вероятно, еще не знали. Во всяком случае в «Описи архива Посольского приказа, 1626 года» (М., 1977) она не упоминается. Впервые она начинает использоваться во второй половине XVII в. для переплета книг из царских библиотек и библиотек высокопоставленных сановников. В монастырских и церковных библиотеках, переплетных мастерских ее, судя по всему, не применяли, возможно, она считалась слишком светской, прелестной, к тому же консервативные православные «традиционалисты» не жаловали всякую «латинскую» новизну. Во всяком случае, в опубликованных «Описях имущества Новгородского Софийского собора» (Москва; Ленинград, 1988–1993) она не упоминается.

Согласно каталогу И.Н. Лебедевой [7], в собрании рукописных книг Петра I из 343 экземпляров (250 были приобретены Петром I, 93 происходили из библиотек его родственников) было не менее 45 (7-я часть собрания), на форзацах и обложках которых была использована пестрая или волнистая бумага. Часть из этих книг была переплетена в России, часть за границей. Среди последних — голландские, английские, и французские подносные экземпляры. В каталоге И.В. Хмелевских и А.Е. Карначева, посвященном западноевропейскому книжному собранию Петра I [8] и отразившем 341 экземпляр, в описании 116 книг (почти треть) упоминается «волнистая бумага» (это узор, известный в Европе под названиями: «Old Dutch», «Wide comb», «Arch», «Peigne d'Arc», «Bogen»). Из них в 7 случаях бумага называется составителями «мраморной» — из чего мы заключаем, что она имеет другой узор, скорее всего, это «Турецкий камень» или «Французский завиток» — паттерны мраморной бумаги также распространенные в XVIII в. В 91 случае эта бумага использована на форзацах и в 25 — ею оклеены крышки переплета или выполнена мягкая обложка. Однако следует отметить, что переплеты некоторых изданий более позднего происхождения: 8 экземпляров были переплетены в «академический переплет» в 1740-е гг. (вероятно, масте-

Рис. 1. Мраморная бумага на форзацах книги Симеона Полоцкого «Орел российский» (1667 г.) из собрания НИОР БАН. Факсимильное издание (М., 2015)

ром Переплетной палаты АН Ф. Розенбергом, сменившем в 1742 г. умершего И.К. Криппендорфа) и 18 в «библиотечный» в 1760-е гг. (им же или сменившим его в 1767 г. В.К. Миллером). Еще в одном каталоге — «Библиотеки М.В. Ломоносова» — составители в описаниях 13 книг (из 60) упоминают бумагу «павлинье перо» [9].

Самое раннее найденное нами в опубликованных документах упоминание мраморной бумаги относится к 1675 г. и связано с организа-

Рис. 2. Турецкая волнистая бумага (мраморная бумага, известная в Европе под названиями: «Old Dutch», «Wide comb», «Arch», «Peigne d'Arc», «Bogen»)

цией в Москве первого общественного театра. Под влиянием боярина А.С. Матвеева царь Алексей Михайлович (1629–1676) увлекся театром, вызвал в Москву странствующую немецкую труппу Иоганна Готфрида Григори, устроил в Преображенском селе «Комедийную хоромину», а в Кремле «Комедийную палату». Осенью 1675 г. решено было поставить 6 комедий. Тексты всех комедий были переплетены. «В нынешнем во [7]184 году по указу в. г. (титул) переплетал в Посолской приказ иноземец [капитан] Яган Элкур: <...> 7 книг переплетено и в том числе 4 в красной сафьян, по обрезу и на досках травки золотом, а 3 книги в *пеструю бумагу*, а в них писаны комедии: Артаксесова, Юдифина, Темир-Аксакова, Георгиева, Иосифова, Адамова действия. ... [7]184 г. декабря в 9 д. по указу в. г. боярин Артемон Сергеевич Матвеев, слушав сей выписи, приказал иноземцу Ягану Элгузе за то число книг за переплет, и за дело, и за приклад дать в приказ 15 рублей» [10, с. 66].

Также известно, что для 12-летнего Петра I в 1684 г. были приобретены за границей переплетные инструменты и материалы, в т. ч. «волнис-

тая бумага» [11, с. 80]. В образовательный процесс Петра входило переплетное дело.

Еще одно сравнительно раннее — от 1689 г. — упоминание содержится в «Розыскных делах о Федоре Шакловитом и его сообщниках», в деле о князьях Василии Васильевиче и Алексее Васильевиче Голицыных. В описи и оценке их имущества сказано: «на их московском болшом и на загородном дворех, что за Никицкими воротаы, и привозных»; значит-ся: «Поставец о пяти уступех крашеной... А в нем: 4 книги печатных, печати киевския, О дарех Духа Святаго великим государем; оклеены бумагою цвеченою волнистою. Цена 13 алт. 2 д.» [12, стб. 32]. «В его же князь Васильеве другой столовой неотделанной полате, что над поварнею <...> Книга в полдесть, писанная: Похвала благочестивым царем, — сложение иеромонаха Антония Русаковского, в бумаге волнистой. Цена 6 д.» [12, стб. 9]. В нижней же казенной палате «Календарик прошлых лет, в волнистой бумаге, на немецком языке. Цена 10 д.» [12, стб. 56].

В делах Переплетной палаты Академии наук середины XVIII в., сохранившихся в СПбФ АРАН, приводятся сведения о закупках мраморной бумаги. Так, в «Ведомости израсходованным в Переплетной палате материалам в 1752–53 гг.» значит-ся: «Бумаги турецкой за 5 стоп — 20 р. 80 к.» [13, л. 5–5 об.] (т. е. 2400 листов), а за 1753 г.: «Турецкой бумаги за 3 стопы 2 дести — 10 р. 90 к.» [13, л. 6], т. е. 1488 листов (3). Из заказа Комиссией Академии наук в 1771 г. вольному переплетчику Ивану Попову, в книжную лавку: «все оныя книги переплести в волнистую бумагу», «Немецких разных книг в осмуху в турецкую бумагу каждая по 8 к. — 56 к.» [14, л. 8–9]. «Для переплетной палаты выписать <...> из заморя волнистой турецкой бумаги шестнадцать стоп [т. е. 28 800 листов]... Августа 9 дня 1761 г.» [15, л. 13]. Как видим, в середине XVIII в. мраморная бумага еще закупалась за границей. К сожалению, в «репортах мастера переплетного художества», не указывались ни страна, ни поставщик-изготовитель, ни продавец. Однако мы узнаем цену и объемы закупок: 1 стопа мраморной бумаги (480 листов) стоила 4 р. 16 к., 1 лист обходился меньше копейки (0,86 к.), в год уходило не менее 3–5 стоп бумаги, а закупалось сразу на несколько лет вперед (16 стоп). Переплет одной книги в «турецкую бумажку» стоил, как уже было сказано, 10–20 к. (4).

Нам неизвестно, когда точно в России появляется отечественное производство мраморной бумаги, но к середине XVIII в. оно уже существует и носит фабричный характер. Мраморная бумага изготавливается на писче-бумажных фабриках. Вероятно, одной из первых стала фабрика петербургского купца Василия Елизаровича Ольхина (1712(?)–1786), выходца из заонежских крестьян (д. Харчевская (Ольхино, Ямка) о. Киж), «бумажной и перловых круп, картонной фабрик и ластовых мореходных судов содержателя». В 1751 г. он открыл фабрику игральных карт. В 1753 г. в Александровской слободе (Белоостров) построил бумажную фабрику, и к 1800 г. 55% бумажных мануфактур принадлежало Ольхиным [16, с. 13–25]. На страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» 1764 г. (5) встречаются его объявления такого рода: «На Адмиралтейской стороне идучи от гостиного двора от овошной линии в рынок железных рядов, от угла в пятой лавке фабрики Василья Ольхина, продаются повольною ценою разных манеров бумажные шпалеры, цветная

разных колеров называемая Турецкая, картузная, оберточная и пищевая бумага, да перловая крупа» (1764.04.09.07; 09.07.07; 11.09.08). В его лавке также продавались краски, политура и квасцы.

Важным моментом фиксации традиции и залогом ее самовосстановления (в случае исчезновения) является создание и публикация пособий, содержащих инструкции, технологию изготовления. Кроме того, сам факт создания таких источников свидетельствует о достаточной развитости традиции. Чем же мы располагаем?

Первые (обнаруженные нами) инструкции по изготовлению мраморной бумаги датируются 1780–1790 гг. Уже в 1778 г. в периодическом издании «Сельской житель» появилась заметка от издателя «В пользу любопытных, и таких деревенских жителей, которые не любят препровождать время в праздности, но имеют склонность всегда в чем-нибудь упражняться, мог бы я сообщить известие об одном деле, которое между прочими делами может иногда служить им весьма малым и легким трудом делать пеструю, или паче сказать, мраморною разноцветную и такую бумагу, которою можно оклеивать книги, внутренности ларчиков, футляры, бумажные коробочки, и другое тому подобное. И так, ежели кому угодно, и о сем знать похочется, то я не премину ему рассказать, когда мне о том знать дано будет» [17]. Однако охотников не сыскалось, и статья на страницах издания так и не появилась.

Видимо, первая статья-инструкция была опубликована в «Экономическом магазине» Н. Новикова в 1781 г. [18] в статье «Вещица для детей». Она была переиздана в 1794 г. священником Иоанном Алексеевым во всеобщем историческом словаре «Пространное поле, обработанное и плодоносное» [19]. Позже эти материалы были включены Павлом Константиновичем Симони (1859–1939) в «Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси», изданной в 1903 г. [20, с. 195–197]. В ней описывалось приготовление грунта, красок (с использованием пигментов: для желтой — рахпигмента, синей — крутика, красной — бакана Флорентинского (6), голубой — крутика с мелом, зеленой — крутика с рахпигментом), лощения уже готовой мраморной бумаги. Сам же процесс мраморирования излагался очень общо и кратко, автор отмечал, что «узоры сии как лучше сделать, может догадаться уже и сам художник». Из чего мы заключаем, что искусство мраморирования в это время продолжает оставаться не вполне освоенным. Уже известны материалы и инструменты, но о самом процессе представление смутное.

В 1787 г. в «Словаре коммерческом, содержащем познание о товарах всех стран» был помещен перевод Василия Левшина статьи о мраморной бумаге из энциклопедии Дидро и Д'Аламбера [21]. Эта статья написана более обстоятельно. Кое-что автор добавил от себя. Но и здесь мы не встречаем подробного пошагового описания техники создания мраморных бумаг, классификации уже существовавшего в то время многообразия их узоров. Автор ограничивается следующим: «Можно оным [гребнем] вывести волны, подобие пламени, разные жилы и проч. или нечаянным поведением руки произвести странные смеси. Таковым способом можно делать бесчисленные разнообразности на бумаге сего

роду; но нет ничего удивительнее маленьких почти глазу неприметных жилочек, производимых движением сего гребня» (см. публикацию ниже). В 1791 г. А. Решетников издает книгу «Любопытный художник и ремесленник», в которой есть раздел о «делании волнистой и мраморной бумаги» (публикуется ниже), важный описанием пигментов, используемых для составления мраморных красок и подробной техники исполнения паттерна old dutch, называвшегося в России «турецкой волнистой бумагой».

Итак, перед нами один перевод и две статьи (новиковская и решетниковская), первая потом дважды переизданная, причем, адресованная детям (!) — для развлечения и времяпрепровождения. Наблюдая сегодня за адаптацией турецкого эбру в России, мы видим то же самое: то, что на Востоке является предметом духовной практики, а на Западе — серьезного ремесла, совершенствуемого годами, у нас становится прежде всего шоу, развлечением, ориентированным на детскую аудиторию, что свидетельствует о самом начальном этапе восприятия традиции.

Вероятно, только к 1860-м гг. в России происходит качественное развитие искусства мраморирования. Об этом читаем у В.И. Анисимова: «Только в нынешнем веке, именно в шестидесятих годах, окрашивание “под мрамор” достигло совершенства (7). С тех пор во всех крупных переплетных введено это окрашивание и поручено специальным рабочим, производящим его с изумительным искусством» [22, с. 50]. Именно в это время, с конца 1860-х гг. в России возникают переплетные фабрики, первыми среди которых были организованные в 1869 г. в Москве Товарищество «И.Н. Кушнерев и К°» и Товарищество Т.И. Гагена, а в Петербурге — фабрика О.Ф. Кирхнера (1871).

Итак, к концу XIX — началу XX в. мраморная бумага изготавливается в типографских и фабричных переплетных мастерских, а также, возможно, на обойных фабриках и других производствах, связанных с обработкой бумаги. К 1909 г. в России существовало 1332 производства, связанных с обработкой бумаги и бумажных изделий (включая полиграфические), которые делились на 11 групп. В группу № 4 входили производства «разных изделий из бумаги: обоев, крашеной бумаги, золоченой, мраморной и т.д.», в группу № 6 производство «брошюровочное, футлярное, переплетное, альбомов, конторских книг, тетрадей всяких», в № 11 «типо-литографское» производство [23, с. 99]. На всех этих производствах могла изготавливаться мраморная бумага.

При этом ряд фабрик, занимался изготовлением только декоративных бумаг. В Петербурге, например, были: бумагокрасильная фабрика «Хромо» (Обводный канал, 90), вырабатывавшая бумагу «крашеную, золоченую, мраморную, печатную и др.», на ней было занято 14 рабочих, фабрика «вырабатывала» 11 000 р. в год. Владельцем ее был немецкий подданный Виктор Викторович Шварц. Он же был владельцем хромолиитографии «Р. Шварц» (Петербургская наб., 24). На 5-й линии ВО, в д. 68 находилась бумагокрасильная фабрика Л. Берниц и Ко, которая вырабатывала «крашеную, золоченую, мраморную и т.п. бумагу» с числом рабочих 42, годовая производительность составляла 100 000 р. в год [24, с. 124, 129].

В 1897 г. врачом Л.Н. Симоновым при содействии переплетной мастерской Эдуарда Ро (8) издается книга «Переплетное мастерство и искусство украшения переплета» [24]. Один из разделов посвящен «Мраморированию книжных обрезов» (автор замечает, что таким же образом окрашиваются и листы бумаги). Здесь помимо подробного изложения процесса подготовки грунта, красок, инструментов, лощения мраморной бумаги, впервые дается несколько техник мраморирования. При этом используется явно рабочая терминология (выделено курсивом). Подробно описывается процесс создания: 1) *пятнистого мрамора* («обыкновенного пятнистого или *турецкого мрамора*», «*французского мрамора*» (триколор), «*сетчатого мрамора*» — «тонкая сеть жилок на белом или цветном фоне»; 2) *узорчатого или гребневого* («*простого*» и «*перистого*»); 3) с помощью двойного гребня — *павлиньего или очкового мрамора*. Заметим при этом, что сам автор не был переплетчиком. Несколько раз он ссылается на немецкую терминологию: *Adermarmor*, *Pfauenmarmor*, *Augenmarmor* (сетчатый, павлиний и очковый мрамор). При описании элементов мраморного рисунка использует термины: «пятна», «кольца», «жилы», «жилки», «зерна». (Вероятно, Л.Н. Симонова имеет в виду М.Б. Золотова, предлагая термин «жилковато-пятнистый узор»). Отметим, что в европейской традиции относительно этого узора есть исторически сложившиеся термины: «*Turkish stone*» (турецкий камень), «*Antique spot*» (пятна [краски] в старинной манере). Точное и последовательное описание техник исполнения, в т. ч., в виде схем, использование терминов свидетельствует о зрелости традиции. Вместе с тем, пока еще нет исчерпывающей картины всего многообразия мраморных бумаг. Автор знакомит нас с выборочными паттернами.

О производстве мраморной бумаги, мраморных обрезов упоминается в различных руководствах конца XIX — начала XX в. Исключительно мраморную бумагу использовали в конторских, полуконторских и бланковых переплетах. Традиционный конторский переплет изготавливался для бухгалтерских, хозяйственных книг, инвентарей, в которые записывался приход-расход, дебет-кредит и т.п. Это был переплет составной, полукожаный, с качественной прошивкой, со вставкой на корешке (могло быть золотое тиснение заглавия) и ярлыком для заглавия на верхней крышке, обе крышки оклеивались мраморной бумагой, обязателен был мраморный обрез. Полуконторский переплет был проще, дешевле и ниже качеством, изготавливался без мраморных обрезов, но с мраморной бумагой на крышках. Бланковый переплет был еще проще, вероятно, без кожаного корешка. В одном из руководств читаем: «Исполнение хорошего мрамора на обрезе, далеко не всем переплетчикам удастся, и на это идет очень много времени. Есть переплетчики, которые никогда не делают хорошего мрамора и не окрасят обреза. Мастера, делающие мрамор и стоящие на работе *конторских главных книг*, получают сравнительно приличное жалованье, следовательно, и переплеты должны цениться по их стоимости, а не наравне с простыми книгами. При большом заказе конторских главных книг, когда книги работают партией, одна книга может обойтись заказчику сравнительно дешевле, т.к. мрамор, приготовленный для одной книги, может обслужить несколько книг, в то время, когда при работе одной книги он должен ставиться в счет заказчику, и

расход этот падает только лишь на одну книгу» [25, с. 75–76]. Автор упоминает один любопытный момент, касающийся отличий типографского и фабричного производства: на фабрике книги «работаются» большими партиями, с использованием разделения труда, когда несколько человек заняты одной книгой. «Когда рабочий специализируется в какой-либо одной части переплета, работа идет быстрее и стоит дешевле» (там же). В типографских переплетных нет ни большого потока, ни разделения труда, конторские книги работают обычно 1–2 человека. Поэтому они стоят дороже. Составляя расценку на бланковые переплеты автор рекомендует работать партией, чтобы получить прибыль и предлагает расценку для книги в 50 листов, 100 разворотов, «считая рабочего в 1 р. 25 к. в день, и принимая во внимание 9-ти часовой рабочий день: рабочего времени будет потрачено 1 ½ ч. — 21 к., картон — 4 к., корешок простой — 3 к., мраморная бумага — 1 ½ к., разный материал — 3 к. Итого: 32 ½ к.» — вот себестоимость бланкового переплета с мраморной бумагой, при этом цену автор предлагает установить в 59 к. [25, с. 80]. Автор также приводит расценку на простые переплеты, крытые мраморной бумагой: «Книга в 25 целых листов — 40 к., в 50 — 45 к., 75 — 50 к., 100 — 55 к., 150 — 60 к., 175 — 70 к., 200 — 80 к., 250 — 90 к., 300 — 1 р., 400 — 1 р. 25 к.» [25, с. 81].

Собранные нами сведения о бытовании и изготовлении мраморной бумаги в России охватывают период с 1678 г. по 1911 г. и красноречиво свидетельствуют о ее широком использовании в переплетном деле. Если в XVII–XVIII вв. мраморная бумага закупалась в основном за границей и была редка, так что в переплетах использовали даже обрезки, кусочки (в Академическом собрании БАН встречаются экземпляры, форзацы и обложки которых составлены из 2–4 фрагментов), то к концу XIX в. в связи с развитием фабрик, ее изготовление получает широкое распространение, внутренний рынок буквально наводняется ею. Впрочем, ненадолго: после 1917 г. ее производство сходит на нет и начинает возрождаться лишь к 2010-м гг.

Ниже публикуются три руководства XVIII в. по изготовлению мраморной бумаги, которые упоминались в статье.

Примечания

1. Автор благодарит за неоценимую помощь в работе мастера мраморной бумаги Александру Лоц, которая безвозмездно провела для сотрудников БАН мастер-класс с лекцией по турецкому эбру, в ходе которого дала представление о турецких истоках европейского искусства мраморирования бумаги и продемонстрировала создание шести исторических паттернов. Автор также выражает Александре благодарность за пройденный у нее индивидуальный курс обучения искусству мраморирования, разработанный специально под нужды автора. В настоящее время на базе Академического собрания БАН совместно с Александрой автором ведется работа по изучению и описанию исторических паттернов XVIII в. в русском переплете. Готовится совместная статья. Автор благодарит также за консультацию и обсуждения мастеров мраморной бумаги: *Екатерину Савельеву, Анну Кервинен и Елену Белозёрову*.

2. «Мраморная окраска обрешеток... редко производится самими переплетчиками, а поручается ими большею частью особым специалистам, которые одним и тем же

способом окрашивают под мрамор не только обрезы книг, но и бумагу и, при достаточной работе, могут исполнять ее очень недорого — гораздо дешевле, чем она обходится в мастерской переплетчика» (Симонов Л.Н. Переплетное мастерство и искусство украшения переплета. Художественные стили, чистка, исправление и хранение книг. При содействии переплетной мастерской Э. Ро. Санкт-Петербург: Тип. Е. Евдокимова, 1897. С. 143).

3. Стопа и десть — меры или счет писчей бумаги. 1 стопа = 20 дестей = 480 листов бумаги. 1 десть = 24 листа.

4. Для сравнения: пуд хлеба (16,4 кг) стоил в 1760 г. 86 к., в 1773 г. — 2 р. 19 к., в 1788 г. — 7 р. Ведро водки (12,3 л.) — 85 к. К 1769 г. пуд ржаной муки стоил 8 к., пшеничной — 17–20 к. В 1790 г. пшеничную муку продавали по 30–40 к. За рубль при Екатерине II можно было купить пару небольших книг без переплета, проехать 300 верст (около 600 км) на ямских лошадях, или 100 верст (200 км) в почтовой карете. Чуть больше рубля в год составляла подушная подать, которую платили все крестьяне мужского пола, независимо от возраста. Она тоже постепенно увеличивалась.

5. Автор благодарит научного сотрудника Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения БАН Станислава Юрьевича Нечаева за помощь в работе и поиск по БД «Газета XVIII в. “Санктпетербургские ведомости”»: указатели к содержанию».

6. *Крутик* — синяя органическая краска. В России добывалась из растения вайда (крутик или синило). С XVIII в. обычно называется индиг. *Рахпигмент* — вероятно, то же, что раушгельб — желтая краска с оранжевым оттенком, привозимая из Европы в XVIII в. «Рахгиль желт аки курячий желток». Состав неизвестен. Возможно, природный минерал из сернистого мышьяка. *Бакан* (от араб.-тур. *bakkan* «красное красящее дерево», «красильное дерево») — общее название органических пигментов от оранжево-красного до красно-бурого и лилового цвета. Лучшим сортом бакана считался венецийский (венецианский) бакан, который относился к дорогим краскам. В 1749 г. один из способов изготовления венецийского бакана разработал М.В. Ломоносов.

7. Вот как В.И. Анисимов описывает процесс мраморирования: «На первом плане длинный широкий и плоский сосуд с какой-то мутной жидкостью. Это — грунт, представляющий собою отвар или вернее, выжатый сок отварного карагенского мха. За сосудом с грунтом помещаются баночки с красками, выписываемыми из Будапешта и представляющими ту особенность, что они приготовлены в соединении с бычьей желчью; придача желчи сообщает краскам замечательное свойство: капли их, попав на грунт, не идут ко дну, а расплываются на поверхности в большей или меньшей мере, в зависимости от входящего в них количества желчи... Мастер обмакивает постепенно кисточки в краски и набрызгивает их. Получается разноцветный пестрый ковер из капель, то круглыми, то продолговатыми, то правильными, то неправильными глазками плавающих на поверхности жидкости. С каждым прибавлением краски рисунок становится все пестрее, все прихотливее. Стоит теперь наложить на этот покров обрез книги, и на него перейдет весь красочный рисунок... Получившийся рисунок из крупных пятен и прожилок — “крупный мрамор” — можно было усовершенствовать для “прихотливых требований современного утонченного вкуса” с помощью специальных инструментов: штифта и гребенки. Так мастер описывает штифтом в жидкости, испещренной пятнами красок, ряд зигзагов, сообщающих перемешавшимся краскам разного рода более или менее ясные рисунки. Затем он проводит по поверхности гребенкой вдоль всего рисунка, от одного до другого края сосуда. Прорезанные зубьями краски сгруппировываются в симметричные ряды и образуют те красивые разноцветные узоры, в виде роскошных павлиньих перьев, которым все дивятся, никак не догадываясь, как они произошли, сколько труда и искусства положено было для их произведения» (Анисимов В.И. Книжный переплет: крат. конспект по истории и технике переплет. дела, с рис. на отд. листах. Санкт-Петербург: Гос. изд-во, 1921. С. 51–53).

8. Мастерская Эдуарда Ро (Роу, Е. Rau) начала работать в Петербурге не позднее 1890-х гг., находилась по двум адресам: ул. Малая Морская, д. 6 (адрес с подписью тиснились на переплете: в хвосте корешка или на подвертке) и Моховая ул., д. 26.

Последний адрес приводится в разделе «Переплетные и брошюровочные» петроградских адресных книг: «Эдуард Ро Моховая 26. Т. 4773. Влад.[елец] Ро Ир. Абр.» (Сеславинский М.В. Аромат книжного переплета: отечеств. индивидуал. пер. XIX–XX вв.: альбом-каталог. Москва: Астрель, 2008. С. 467).

Список источников

1. Золотова М.Б. Форзацы в индивидуальных отечественных переплетах XVIII — первой трети XIX века // Румянцевские чтения — 2018. Москва, 2018. Ч. 1. С. 306–311; Золотова М.Б. Декоративные бумаги в русских переплетах XVIII в. // Румянцевские чтения — 2011. Москва, 2011. Ч. 1. С. 156–160.
2. Королев С.В. Книги с «суперэкслибрисами» императрицы Екатерины II из собрания бывшей Эрмитажной иностранной библиотеки. Ч. 1 // Про книги: журнал библиофила. Москва, 2007. № 3. С. 113–120.
3. Маркова А.И. Книжные переплеты генерала А.П. Ермолова / науч. ред. И.Л. Великодная. Москва: ООО «ИПК Парета-Принт», 2020. 236 с.
4. Зайцева А.А. Частная книжная торговля в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII века. Санкт-Петербург: БАН, 2005. 365 с.
5. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии Наук. [В 4 т.]. Т. 2. Санкт-Петербург: В Тип. Императорской Академии Наук, 1847. 473 с.
6. Симеон Полоцкий. Орел российский / изд. подгот. Л.И. Сазоновой; Ин-т мировой лит. РАН, Б-ка РАН. Москва: Индрик, 2015. 376 с.: ил.; НИОР БАН. Собрание Петра Великого. Шифр: П I А № 1.
7. Лебедева И.Н. Библиотека Петра I: описание рукописных книг / авт.-сост. И.Н. Лебедева; РАН, Б-ка РАН. Санкт-Петербург: БАН, 2003. 431, [1] с.
8. Библиотека Петра Великого: западноевропейские печатные книги: [в 2 т., 3 кн.] / Б-ка Российской акад. наук; [сост.: И.В. Хмелевских, А.Е. Карначев]. Санкт-Петербург: БАН, 2016. Т. 1, кн. 1: Западноевропейские печатные книги. В 2 кн. Кн. 1. 2016. 576 с.: ил.
Т. 1, кн. 2: Западноевропейские печатные книги. В 2 кн. Кн. 2. 2016. С. 577–978, [2]: ил.
Т. 2: Византийская история = Byzantine du louvre / [сост. А.Е. Карначев]. 2016. 136, [1] с.: ил.
9. Библиотека М.В. Ломоносова: науч. описание рукописей и печ. кн. / Б-ка РАН; [сост.: А.Е. Карначев, И.Н. Лебедева, Е.А. Савельева, Sirkka Havu]. Москва: Ломоносов, 2010. 280, [54] с.: ил.
10. Московский театр при царях Алексее и Петре. Материалы, собранные С.К. Богоявленским / изд. Император. о-ва истории и древностей российских при Московском ун-те. Москва: [Тип. В.И. Воронова], 1914. 220 с.
11. Хотеев П.И. Немецкие переплетчики на службе в Петербургской Академии наук (1724–1770) // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. Санкт-Петербург, 2005. С. 80–86.
12. Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках. Издание Археографической комиссии. [В 4 т. Т. 4]. Санкт-Петербург: [Тип. «Обществ. польза»], 1893. II с., 1102 стб.
13. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 7. № 60. 40 л.
14. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 7. № 56. 17 л.
15. СПбФ АРАН. Ф. 3. оп. 7. № 61. 51 л.
16. Гуцин Б.А. О петербургских купцах и промышленниках, выходцах из Заонежья // Кижский вестник. Петрозаводск, 2011. Вып. 13. 296 с.
17. Сельской житель. 1778. Лист № 33 (ноября 17 дня). С. 110–111.
18. Вещица для детей // Экономический магазин. 1781. Ч. 6, № 28. С. 17–27.
19. Способ делать пеструю или Турецкую бумагу // Пространное поле, обработанное и плодоносное или Всеобщий исторический оригинальный словарь, из наилучших авторов, как российских, так и иностранных, выбранный, сочиненный, и

по азбучным словам расположенный п. п. священником *Иоанном Алексеевым*. Москва, 1794. Т. 2, ч. 1. С. 864–867.

20. *Симони П.К.* Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси, преимущественно в до-Петровское время, с XI-го по XVIII-ое столетие включительно. Тексты. Материалы. Снимки / собр. и примеч. снабдил Павел Симони. [Санкт-Петербург], 1903. XIV, [2], 307, [6] с., 73 л. ил. (ОЛДП ; 122).

21. Словарь коммерческий, содержащий Познание о товарах всех стран, и названиях вещей главных и новейших, относящихся до Коммерции, также до Домостроительства; познание Художеств, Рукоделий, Фабрик, Рудных дел, Красок, пряных Зелий, Трав, дорогих Камней и проч. Переведен с Французского языка Васильем Левшиным. Москва: В Тип. Компании Типографической, 1787. Ч. 1. С. 268–277.

22. *Анисимов В.И.* Книжный переплет: крат. конспект по истории и технике переплет. дела, с рис. на отд. листах. Санкт-Петербург: Гос. изд-во, 1921. 90, [4] с., [20] л. цв. ил. : ил.

23. Список фабрик и заводов Российской империи / сост. по офиц. сведениям Отд. пром-сти М-ва торговли и пром-сти под ред. В.Е. Варзара. Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 720 с.

24. *Симонов Л.Н.* Переплетное мастерство и искусство украшения переплета. Художественные стили, чистка, исправление и хранение книг. При содействии переплетной мастерской Э. Ро. Санкт-Петербург: Тип. Е. Евдокимова, 1897. 464 с., [12] л. табл.

25. Краткое руководство к расценке типографских, переплетных и линовальных работ / сост. А. Ларченко. Сумы: Тип. П. Вертикова, 1911. 93 с.

ПУБЛИКАЦИЯ

Пособия XVIII века по изготовлению мраморной бумаги

1. Публикуется по: *Турецкая бумага* // Пространное поле, обработанное и плодоносное, или всеобщий исторический оригинальный Словарь, из наилучших авторов, как российских, так и иностранных, выбранный, сочиненный, и по азбучным словам расположенный Спасскаго Собора, что на Бору, Священником Иоанном Алексеевым. Москва: В Университет. тип., у Ридигера и Клаудия, 1794. Т. 2, ч. 1. С. 864–867. Особенности написания, курсивное выделение сохранены.

Под именем *Турецкой Бумаги* разумеется та пестрая и волнистая Бумага, которая продается у нас в зеркальном ряду и употребляется на разныя обклейки, а наиболее в аптеках на обвязывание пузырьков, и переплетчиками на обклейку внутренней стороны отгибающихся книжных досок. Все сии *пестрыя Бумаги* двояким образом *разпецряются*, и *вопервых при помощи гуммидраганта, вовторых простаго клестера*, сваренаго из обыкновеннаго крахмала. С *клеем гуммидраганта* употребляются разныя и по большей части свмыя простыя краски, также редкие гребни, делаемые из медной проволоки, а именно: берется несколько речной, или дождевой воды, кладется в нее довольно количество гуммидраганта, размешивается и подливается еще воды, и дается время ему разойтись. Когда же разойдется, то перебивается мешалкою гораздо, переливается несколько раз из одного судна в другое, по том процеживается сквозь тряпицу, или полотенцо; и как часа два или три после того постоит, то выливается в ящик. Ящик к тому должен быть сделан деревянной очень плотной, или жестяной, или из тонких свинцовых листов, величиною против листов Бумаги, а вышиною пальца в два или три. Он наливается помянутым клеем, который должен иметь густоту желея, и полон; по том накапливается сей клей разными красками.

Какия к тому употребляются краски?

Из красок употребляются к тому: для желтых *рахнигент*, для синих *крутик*, для красных *бакан Флорентинской*. Голубая *составляется из крутика с мелом*, а зеленая *из крутика с рахнигентом*. Все сии краски трутся на водке и прибавляется к ним не много желчь рыбьей. Но о сей желчи замечается, что ежели положить мало, то краски по драганту будут расплываться; а ежели слишком много, то краски будут бледны. *Желчь* можно употреблять к тому из *щук, карпов и других рыб*; а в недостатке можно употреблять и бычачью осмидневную и имеющую хороший зеленой колер. Желчь имеет при сей работе великое действие, и потому надлежит чрез опыты и прибавление, или убавление воды находить наилучшую пропорцию. Кладется она в краски каплями во время трения. Стираются же краски каждая особо и брызгаются на клей щетинными кистями, так чтобы оне упали каплями, и капли сии не слишком сплывались друг с другом. Сие брызганье продолжается до тех пор, покуда вся поверхность клея ими испестрится; при чем замечается, что теми красками, которыя лучше прочих, брызгается после. После сего берется помянутой редкой гребень, который делается из медной толстой проволоки, однако можно употреблять и роговой, и водится им

по краскам взад и вперед; и как при сем случае краски между собою будут перемешиваться, то и изображаются помощью сего гребня все те разные узоры, какие на Бумагах сих бывают. Для изображения же больших пежин и пятен употребляется мех, а иногда и бахрома пера. Словом, узоры сии как лучше сделать, может догадаться уже и сам художник. После сего берется лист Бумаги и возлагается на сию испещренную поверхность клея, и по немного придавливается.

Для пестрения какая употребляется Бумага?

Бумага употребляется к тому не клееная, а точно такая, на какой печатаются книги, и таким же образом наперед смачивается. Когда же краска к листу пристанет, тогда снимается он за края и вешается на шнур для сушения; а на место его возлагается другой лист, и так продолжается далее, покуда изойдет вся краска, а тогда составляется новая. Когда же она высохнет, то натирается не много сухим мылом, и гладится гладилом, или стеклом. Ежелиж к помянутым краскам присовокупить и несколько творенаго золота, разведеннаго на камедной воде, то пестрота будет того лучше.

Чем и как бумагу лощить?

Таковую Бумагу лощить надобно в первой раз как можно лучше, и употребить к тому хороший зуб, а того лучше кремневой, какие употребляют маляры для полирования позолоты и каковые можно достать купить в ряду маскательном; а чтоб могла она скорее и лучше вылощиться, то лощить ее надобно на гладкой и твердой доске, а того лучше на плите, на которой трут краски.

И как для сего делается состав?

Впрочем для удобнейшаго и скорейшаго придавания оной лоска, делается особый состав: берется четверть фунта мыла и 2 лота желтаго воску, что растопив в чемнибудь вместе, должно остудить и по том смять и сделать шар. Между тем шить надобно небольшую суконную подушечку и набить ее шерстью или плевою, и когда лощить, то помянутым мылом натирается не много оная подушка, а ею перетираются уже все листы Бумаги сплошь, чтоб нигде пустова места не было; ибо без того гладило с места не сдвинется; но примечать притом надобно, чтоб Бумага была совершенно суха, а доске, на которой Бумага будет лощиться, необходимо надобно быть грушевой или кленовой, и выструганной очень гладко, и прежде возлагания на нее Бумаги изчерченной кой-где мелом: сие делается для того, чтоб Бумага лежала тем тверже и не слишком ерзала; почему сие натирание доски мелом повторяется и во время самага лощения, равно как и мыло с подушечкою должно быть тут же, дабы в случае, где окажется пропущенное место, можно было натирать оною.

2. Публикуется по: *Бумага мраморная, или Турецкая* // Словарь коммерческий, содержащий Познание о товарах всех стран, и названиях вещей главных и новейших, относящихся до Коммерции, также до Домостроительства; познание Художеств, Рукоделий, Фабрик, Рудных дел, Красок, пряных Зелей, Трав, дорогих Камней и проч. Переведен с Французского языка Васильем Левшиным. Москва:

В Типографии Компании Типографической, 1787. Ч. 1. А. Б. В. С. 268–277. Особенности написания сохранены.

Бумага сия раскрашивается разными тенями, что производится чрез обмакивание листа в нарочно для того приуготовляемую воду, на которой кладут после разные краски, распущенные на постном масле или на бычачьей желчи. Для учреждения красок в некоторой виде употребляется род гребня, коим по желанию выводят волны, перья, цветы и проч. — Много сей Бумаги делают в Париже и около Руана; великой на нее расход при переплете книг и оклеивании моделей. Привозят же сию Мраморную и золотую Бумагу из Аугсбурга, Лейпцига и некоторых мест Немецкой земли, которая очень добротна.

Лучший способ к деланию Мраморной Бумаги

Великой расход на Мраморную Бумагу доказывает, сколько она для торговли полезна, и потому средство к лучшему выработыванию оной не должно быть оставлено в пренебрежении. Художники составляют из того тайну, рачительно хранимую. Мало из них умеющих работать оную в настоящей степени красоты и совершенства. Немцы превосходят в том Французов; почему от них надлежит покупать, что есть превосходнейшаго в своем роде. — Не безважным почитаю я сообщить здесь всем тайну эту, и показать, как лучшим образом мраморовать бумагу, чтоб цветы красок были очень живы и совершенны, лучше б смешаны были тени, лучше расположены, нежели бывает то обыкновенно. Всякому можно для препровождения времени наделать сей бумаги множество и с малыми издержками; ибо употребляемые к тому краски дешевы, и идет их очень мало.

О приуготовлении воды, на которую бросают краски

Первое вещество, употребляемое к деланию Мраморной Бумаги, есть простая вода, на которой бросаемые краски плавая, мешаясь и распространяясь на ее поверхности, составляют множество странных видов, кои совершенно уподобляются всем родам Мраморов. Но первое внимание при делании хорошей Мраморной Бумаги надлежит обращать на выбор воды сей. Надлежит, чтобы она была самая светлая, чистая, и взята из колодезя текучего. Первое приуготовление оной состоит в подмешании, или распущении в оной несколько гуммы адраганта. Верного размеру в том определить не можно; ибо то зависит от меры и легкости воды и удобства, с каковою драгант в оной распускается; однакож можно без опасения класть полфунта на ведро воды. Надобно оставить драгант распускаться в воде на неделю, или дней на восемь; и как оной не легко распускается, то время от времени помешивать лопаткою, или простою палочкою. — Ведро, в которое приуготовляется вода эта, должно быть дубовое, или глиняной горшок. Должно держать оное всегда закрыто, чтоб сору и дряни не навалилось. Когда гумма распустится, должно пропустить воду сквозь тонкое полотно, сложенное вдвое. Густоту гуммную, которая останется на полотне, надлежит положить в другое ведро воды равной меры, и разводить, мешая по часту палочкою; после чего пропустить оную по вышеписанному сквозь полотно, и смешать последнюю воду с первою.

По сделании сего расписывают поверхность воды красками; а как оная приготовить, скажется после. Расписывание это производится кистью, обмакивая кончик оной в краску, и отряхивая с ней в воду, так чтоб краска падала с кисти самыми маленькими капельками. Надлежит притом примечать, будет ли краска плавать на поверхности; ежели оная расплывается кружками, или глазками по мере своей около рубля окружности, значит, что состав хорош; естли же напротив капли будут делать в расплывании своем кружки маленькие, значит, что гуммы положено в воду мало, и надлежит оной по несколько прибавлять, пока краски начнут хорошо расплываться; однакож когда и слишком оная расплываются, доказывает, что гуммы положено в воду много, и должно тогда подбавлять свежей воды, пока окажется надлежащая мера; при чем хорошенько воду взмешать, чтоб все гораздо соединилось, оставить для сего стоять еще на три дня, или на два, мешая по временам палочкою. От мерного количества гуммы, в воде распущенной, зависит вся доброта Бумаги Мраморной; надобно, чтоб размер воды против гуммы держал на поверхности своей краски так, как масло плавает на воде обыкновенной. Вот уже часть сей тайны.

Приготовление красок для делания жил Мраморных

Надлежит употреблять краски, очень мелко истертые на каменной плите; чем мельче оные будут, тем лучше. Растирать их надлежит на простой воде; и когда густы будут, разводить простою же водою с прибавлением малого числа бычачьей желчи.

Когда надобно будет растирать бакан надлежит взять по кусочку сандалу и Индийского дерева, и поварить в медном чистом судне с простою водою. На сей воде должно растирать бакан, подмешивая при разведении также не много бычачьей желчи. Желчь сия придает связь краске как масло, или еще лучше; учиняет смесь легкою и придает ей способность плавать на поверхности воды. Надлежит ведать, что не должно желчь класть вдруг всю, сколько надобно, но мало помалу и в несколько раз, испытывая краску пусканием на воду, как сказано выше. Естли окажется, что оная не распространяется, не делает потребной меры кругов, надлежит тогда еще мало помалу подбавлять желчи, пока будет довольно. Следует замечать, чтоб краски имели потребную легкость, как вода, надлежащую густоту от гуммы, когда желать хорошего успеху.

Индиго, или кубовую краску, шижгель (1), сажу Голландскую, хорошие белила, ярь и прочие употребляемые живописцами краски надлежит также растирать на простой воде, подбавляя бычачьей желчи, сколько нужно. Ежели синяя краска будет темна, подмешивать белил; то же разумеется и о других красках. Ярь, как известно, сама собою не составляет хорошей зеленой краски, но когда смешивается с шижгелем, даст цвет зеленее и подобной изумруду. Можно также делать темнозеленую краску, мешая по равным частям индиго с шижгелем; смесь эта с подбавлением бычачьей желчи доставляет зелень совершенную.

Мешая индиго с баканом, получишь прекрасной фиолетовой цвет; чем больше положишь индиго, тем темнее будет краска. — Киноварь, растертую мелко на воде, в которой варено сандаловое дерево, доставляет

красивую алую краску. Но как краска эта по свойству своему тяжелее других, надлежит в нее подмешивать желчи бычачьей больше, дабы получила она соразмерную прочим краскам легкость. Киноварь несколько дорога, почему художники редко употребляют оную в свои Мраморы; однакож она придает великую красу. — По вышеписанному приготавлиются и все другие краски, какие угодно употребить.

О судне, в которое наливается гуммная вода, и о том, как пускать в оную краски

Надлежит иметь для сего такое судно, в которое бы вошла вся приготовленная с гуммою вода; оное должно быть дубовое, четверугольного виду, какова Бумага, и быть длиною 10 вершков, а шириною 8, чтоб лист Бумаги свободно умещался в нем, не касаясь к краям. Глубина судна сего полагается в два с половиною, или в три вершка. Ставится оное на стол, или другое место, как способнее работающему. Стол этот должен быть тверд и не шаток; в противном же случае вода взмутится, и испортит все дело. Наливают оное гуммной воды полно, чтоб только на полвершка не дошло до краев.

По установлении судна с водою пускают на поверхность оной кистью краски приуготовленные одна за другою, и точно так, как выше сказано. Сперва надлежит пускать ту краску, какового цвета быть полю, или главному цвету на Бумаге, например, черному, или голубому: увидишь тогда, что оной распространится по всей поверхности воды; потом сверх того пускают красную; сей цвет не столько распространится, и составит круги величиною по мере капель краски; после красной кладут желтую, и она расходится уже меньше красной, и так далее, чем больше будет пускаемо разных красок. — Зеленой цвет кладется после желтого, синий после зеленого, и белый после всех. Но как все краски сии сами собою не могут смешаться и развиться в довольно тонкие жилки сходственно к Мрамору: надлежит для вспомоществования тому иметь полную рюмку чистой воды, в кою подбавлено две маленьких чайных ложечки бычачьей желчи; берут сей смеси на кончик кисти, и прыщут на краски, плавающие на поверхности, но так, чтоб падали капельки самые мелкие, что производится, держав кисть поперек воткнутой в нее спички, и ударяя по концу оной легонько, повторениями. Вода сия тотчас рассеет и разделит приятным образом для виду все краски, и произведет из них жилы и вихри Мрамороподобные.

Каким образом переводятся краски на бумагу

Когда краски на поверхности воды приведены будут в желаемый вид вихрей и жил Мраморных, берется лист Бумаги белой и сухой, который надобно наложить ровно на поверхность воды, не подернув вдоль, и остерегаясь, чтоб не взмутить воду. Лист сей прижимается слегка к воде рукою в том месте, где окажется, что Бумага к краскам не коснулась. Не надлежит опасаться, чтоб Бумага в воду потонула; она действием гуммы, коею вода наполнена, останется хотя год времени лежащею на поверхности, равно как и краски.

Когда Бумага примет все краски, снимают оную ровно, взяв за оба противоположенные бока листа руками. Все краски, как были, останут-

ся прилипшими к Бумаге, так что ничего оных на воде не останется; после чего кладут сей лист на дощечку, нарочно для сего и величиною в Бумажной лист делаемую, и несколько покато положенную, для того чтоб вода стекала; оная стечет, не унося ни мало с собою красок. Желчь бычачья так вгоняет оные в Бумагу, что отстать не могут; и частицы гуммоватой воды стекают, ни мало не вредив красок. Дав малое время на стечение воды, вешают лист сушить на снурок, протянутой в тени, а отнюдь не на солнце, от которого блекнет цвет красок.

Для каждого листа надлежит снова накладывать краски точно так, как предписано выше, тем же порядком, мерою и обстоятельствами, чтоб все листы были между собою единообразны; ибо хоть в малом чем отступишь в расположении красок, выдет из того разнота очень приметная. Когда вода, краски и Бумага будут приготовлены, и не останется кроме того, чтоб пускать краски на воду и прикладывать Бумагу, то один работник может наделать листов Марморных множество. Есть такие художники, что в день переделывают по полустопе.

Особливое примечание

В сей работе развод Марморных жил можно делать разнovidно, как кому в голову войдет, и как наложить краски. Ежели кто желает совершенно подражать завиткам Марморным, надобно присматриваться тому на настоящие Марморы и смесь главных оного красок; потом стараться накладывать сходно с тем свои краски. Что не трудно учредить, употребив прилежание.

Естьли же не надобно подражать естественным Марморам, и предаться на волю случайности: надобно употребить к тому гребенку, имеющую зубья в полвершка длиною, и вырезанные друг от друга в некотором расстоянии; длина такового гребня должна быть равна с шириною листа бумажного, а ширина его вершка в два. Гребень сей употребляется для произведения некоего разводу в красках после того, как наложены оные на поверхность воды в судне. Можно оным вывести волны, подобие пламени, разные жилы и проч. или нечаянным поведением руки произвести странные смеси. Таковым способом можно делать бесчисленные разнообразности на Бумаге сего роду; но нет ничего удивительнее маленьких почти глазу неприметных жилочек, производимых движением сего гребня.

Иногда принуждено бывает налагать лист только частями, а не весь на краски, потому что иногда они не всю займут поверхность воды в судне: от сего выходят также странные виды. Надлежит наконец примечать, чтоб воды, смешанной с желчью, не прыскать через лишек; естьли попадет оной много, взмешивает она краски чрез меру, и надвигает их одну на другую. Впрочем опытность и прилежание может лучшее подать наставление к усовершению сей работы.

О вылащивании Марморной Бумаги

Чтоб придать лучшую красоту и блеск Марморной Бумаге после того, как высохнет, надлежит оную лощить; это возвышает вид красок начертания. Один взгляд покажет, какая великая разнота между Бумагою лощеною и нелощеною. Для наведения сего лоску выглаживают оную тем

же образом и тем же орудием, которые употребляются для вылащивания листов карточных. Но как не всякой может иметь машину, употребляемую на фабриках карточных, и которая стоит не дешево; а сие наставление пишется более в пользу художников частных: то следует показать им и способ к лощению простой и неубыточный.

Надлежит сыскать для сего кремента серого или черного цвету, который был бы без трещин и толщиной в гусиное яйцо; по тому обточить оный на мельничном жернове клином к одному боку островатую лопаткою, однако чтоб острие его не таково было, как у ножа, но шире, нежели обух ножевой, и должно оное поокруглить со всех сторон гладко; после чего вылощить оной с наждаком трепелом (2) и поташом, так как лощат все дорогие камни на оловянном жернове, а по нужде и на оловянной старой тарелке; по вылощении вставить этот кремента в деревянный брусок, аршин двух с половиною или трех длиною, и вершков двух в поперешнике. Этот брусок надлежит утвердить в потолок на веревке над самым тем местом, где будет установлен стол, на коем надобно лощить Бумагу. Стол сей должен стоять твердо и не шататься, а в него врезана доска гладкая мраморная или другого твердого и вылощенного камня величиною в лист Бумажной. Гранит камень всего к тому способнее; потому что оной в частях своих бывает плотен. — (Сего граниту очень много и очень не малой величины лежит на поверхности в разных местах Калужской губернии в урочище, называемом Желова, на скате высокой и крутой горы, идущем к речке тогож имени около большой дороги, идущей из города Лихвина в Калугу. Нет сомнения, чтоб внутри горы сей не находилось богатых слоев сего камня, когда весенняя вода обмывает оного столько много. — Замечание переводчиково).

На вышеупомянутый врезанный в стол камень накладывают листы друг на друга, и взяв лощилен, или означенный тот кремента за бока обеими руками, водят по Бумаге вдоль, начав с одного боку, и захватывая место от часу больше подаваться к другому боку листа; когда будет пройдено по всему листу равно, окажет оной на себе такой лоск, как бы покрыт был лаком. Но что б лощилен скользил по Бумаге легче, и не задирает оной, потирают листы слегка белым мылом; от сего лощение происходит легче, и Бумага бывает блистательнее. Гумма драгант и бычачья желчь, находящиеся тут, достаточно придают ей лоску. Многие испытывали покрывать сию Мраморную Бумагу лаком, но без успеху; лак портит краски, и взмешивает жилы; однакож уповательно, что можно дойти до способа покрывать их лаком, когда составить оной по подобию того, каковой найден к покрыванию пастельной краски и эстампов, печатанных разными цветами.

Наконец самой легкий способ лощить Бумагу Мраморную теми толстыми стеклами, кои делаются на стеклянных заводах нарочно для лощения разных вещей. Оные льются обыкновенно на подобие опрокинутого гриба, и коего корень служит рукоятью, за которую держать. Стекла сии довольно известны, и на всяком стеклянном заводе можно их найти. Однако ж должно признаться, что вещество стекла, быв мягче кремня и наполнено песчаными крупинками, не таково удобно по тому к сему лощению; оное царапает Бумагу, и больше портит, нежели украшает работу; для сего лучше употреблять кремента.

3. **О делании волнистой и мраморной бумаги**, и о крашении оной разными красками // Решетников А. Любопытный художник и ремесленник или записки... Москва: печ. в вольной Типографии А. Решетникова, 1791. С. 160–165.

Прежде всего должно к сему приуготовить краски, которая истереть курантом на плите как можно мельче, разводя оныя крепким винным спиртом, к тому же прибавляя в каждую краску капель по 6 и по 10 рыбьей или бычачьей желчи, которая для того в них кладется, что она не допускает их разплываться тогда, когда они разкладываемы будут на крохмальную воду, но содержит она их так, как бы сжатыми в том положении, в каком с кисти оне на крохмальную воду спущены будут.

Краски же к тому употребляются следующие: для голубаго цвета лазурь, которая б в разломе была так как бы сизаго цвета, и фиолетовой имела с гланцом отлив, притом же есть ли приложен будет кусок сей краски к языку, то крепко к себе его притягивает; все сие означает хорошую и цветную лазурь, к ней естли примешать несколько тертых белил, то будет из того светло-голубая; одна же лазурь составляет темно-синюю краску.

Для желтой, шижгель или аврипигмент, которой должно прежде истереть на воде, его надобно с осторожностью и очень легко разтирать, потому что он от крепкаго теренья может почернеть, и потерять весь свой нежной цвет, по истерении его мелко, сложить должно в глиняное судно и высушить сухо, потом уже приуготовлять к делу растирая со спиртом и с рыбьею желчью, так как и прочия на сию работу употребляемыя краски.

Зеленая составляется из аврипигмента или из шижгеля смешанных с лазурью, кои истертые уже можно перемешивать: из чего и составится зеленая краска, и даст цвет по произволению; естли количество лазури будет более то и зелень темнее, когда же аврипигменту или шижгелю более, то светлее из того зелень будет. Из аврипигменту составленная зелень, нежнее бывает цветом нежели из шижгеля.

Ранжевая; из раушгельба или из сурику смешеннаго с аврипигментом. Раушгельб краска вид имеет так как бы красноватой кремень, она и твердостью подобна оному. Ее тереть должно так же как и аврипигмент, и с такоуж осторожностью, чтоб во время теренья его не зажечь, и не испортить бы тем цвета, его высуша употреблять к сей работе так как и прочия краски.

Красная или малиновая из бакана, к чему можно употребить Ржевской ступчетой или кусковатой, который называется Турецким баканом.

И так запасясь всеми оными красками, должно еще иметь к сему делу деревянной ящик, величиною в лист пицей бумаги, котораго края чтоб были вышиною в полтора вершка.

Во вторых гребень, сделанной из проволоки зеленой меди, котораго б зубья были длиною в вершок или в полтора, к тому ж имели бы и ровное друг от дружки расстояние, на одну четверть вершка или менее, сие может быть по произволению каждаго.

Когда все оныя принадлежности уже готовы, то возьми Гумми драганту полфунта, налей на него чистой воды, и дай ему в ней размокнуть, а как размокнет, то должно его несколько время гораздо деревянную мешалкою побить так, чтобы он между собою соединился, и сделался бы

как сметана, потом налить на него чистой речной воды, и распустить его в ней так; чтобы легко можно было сквозь чистое льняное полотно процедить, и чтоб он был как самая густая камедная вода, на которой бы краски стоять могли, и не разплываться.

Процедя таким образом Гумми драгант, вылей его в тот ящик, о котором сказано было выше. На сию Гумми драгантовую воду накладывай по разным местам тертыя на спирте, и после разведенныя на крохмальной воде краски по произволению; красную, голубую, желтую и зеленую, напрыскивая оными по поверхности драгантовой воды, длинною щетинно кистью, начиная с левой стороны, и так далее от одного угла.

До другаго, то есть: от верхняго с левой руки угла, до нижняго на правую руку красною краскою из редка, потом промеж оной синею начинать от левой руки с нижняго третьяго угла до верхняго четвертаго угла, а желтою по немногу между ими из редка попрыскать; и когда таким образом весь ящик наполненный Гумми драгантовою водою красками изпестрен будет, то возьми тот проволочной гребень, о котором прежде сказано было, проводи им с верху до дна в низ, то и будут краски растягиваться, и соединяться между собою вместе и стоять волнами; и всякия фигуры какия кто пожелает чрез проволочку сего гребня можно сделать, и сию работу кто только будет производить, то удобность употребления сего гребня на самом деле может с успехом рассмотреть.

На конец взять не клееной бумаги, и намочить ее на ночь так, чтоб чуть только волгла была, и положить в пресс, или под тяжелый гнет, дабы она вся равно отволгла, и потом из оной по одному листу класть на приуготовленную в форме краску, и придавливать его ровнее к оным, чтоб бумага всю на поверхности находящуюся краску в себя вобрала, и потом стягивать лист с формы долой, и для просушки развешивать на приуготовленные к тому веревки.

Когда ж оне совершенно просохнут, то должно их глянцевать, нарочно сделанною для сего деревянною лощилкою, или на плите кремнем на картошной лощильне, натирая по немногу Грецким ее мылом.

Примечания

1. Шижгель от шютгельб — светло-желтая краска органического состава. Сок крушины или березового листа, осажженный на минеральную основу — квасцы, мел.

2. Трепел — опаловая порода с рыхлой структурой, осадочного происхождения. Состав содержит некрупные опаловые глобулы, примесь глины, полевого шпата, кварца. Образуется за счет донных наслоений из морских водорослей, содержащих кремний. Имеет кремнистый состав. Отличается мягкой структурой, легкостью, влагу впитывает хорошо, на соляную кислоту реакции не имеет. Хотынецкий трепел добывается в Орловской обл.

И.В. Цевелева

ПРЕВЕНТИВНАЯ КОНСЕРВАЦИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ХРАНЕНИЯ СОБРАНИЙ И КОЛЛЕКЦИЙ

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждаются современные способы и приемы оптимизации условий хранения документов и коллекций в библиотеках, архивах и музеях. Мировой опыт специалистов в области обеспечения сохранности документов показывает, что использование простых и доступных приемов позволяет улучшить качество хранения. Эти методы просты, но достаточно эффективны.

Ключевые слова: культурное наследие, превентивная консервация, хранение коллекций, стандарты, микроклимат, экосистемы, зонирование, материаловедение.

Перед хранителями и службами всего мира, обеспечивающими сохранность книжных коллекций и музейных собраний, стоят одинаковые задачи — задачи создания условий, необходимых для продления жизни памятника. Ведь, как бы виртуозно и мастерски ни была выполнена реставрация, если после предпринятых усилий он в дальнейшем будет храниться в ненадлежащих, разрушающих условиях, то в итоге будет потерян для следующих поколений. Здесь цели реставрации и консервации тесно смыкаются, и инструментом для решения встающих задач становится превентивная консервация, методы которой направлены на предупреждение повреждений коллекций. Что же это за общие цели? В первую очередь — предотвращение разрушения материальной основы объекта хранения, ее стабилизация.

Необходимость изменения подходов к обеспечению сохранности библиотечных и архивных фондов возникла уже в конце XX в. Стало очевидно, что даже при самых благоприятных условиях невозможно отреставрировать все поврежденные и повреждающиеся в процессе бытования объекты [4, с. 12; 14, с. 13; 10, с. 99].

Для решения этих задач была предложена идея превентивной консервации. Общеизвестного определения превентивной консервации пока нет, но, обобщая, можно сказать, что это комплекс профилактических мероприятий или система мер, направленная на предотвращение повреждений и замедление процессов старения, обеспечивающая физическую сохранность объектов культуры и истории [9, с. 25; 4, с. 5].

Здесь необходимо четко понять, чего мы хотим достичь в результате, сформулировать задачу.

Существует термин «вечное хранение». Некоторые хранители уверены, что хорошая реставрация обеспечит вечное хранение документа, и должным образом отреставрированный документ будет существовать вечно, а проблема заключается только в квалификации реставратора.

Но «вечное хранение» — это не более чем миф. Мы знаем, что все материальное конечно и рано или поздно закончит свое существование. Вещи, созданные человеком, к сожалению, могут только разрушаться. Наша задача — отодвинуть этот печальный финал, продлить жизнь памятника на максимально длительный срок, создать условия, препятствующие разрушению. Понимание этого момента очень важно, потому что правильно сформулированная задача приводит к верному и эффективному решению, а неправильная формулировка чревата ошибками и ведет в тупик.

Чтобы остановить процесс разрушения во времени, необходимо направить деятельность всех служб в двух направлениях: предотвращения повреждений и замедления процессов старения (стабилизации).

Для предотвращения повреждений могут быть предприняты следующие меры:

- ограничение доступа к памятнику, что крайне нежелательно;
- создание условий, предупреждающих механические повреждения — контейнерное хранение;
- цифровое копирование и последующая работа с копией.

Для замедления процессов старения проводится ряд консервационных мероприятий. В ГОСТ 7.48-2002 «Консервация документов. Основные термины и определения» дано определение консервации документов:

Консервация документов — это обеспечение сохранности документов посредством режима хранения, стабилизации, реставрации и изготовления копии.

В этом определении указаны методы консервации, а далее даны их определения.

Режим хранения документов — это нормативные условия хранения документов.

Стабилизация документа — это обработка, замедляющая старение и предотвращающая повреждение документа.

Реставрация документа — это восстановление эксплуатационных свойств, а также формы и внешнего вида документа.

К режиму хранения ГОСТ относит:

- санитарно-гигиенический режим (условия хранения, определяемые нормативными параметрами санитарии и гигиены);
- гигиеническую обработку;
- микологический надзор;
- энтомологический надзор;
- меры по уничтожению биологического фактора посредством дезинфекции, дезинсекции и дератизации;
- температурно-влажностный режим;
- световой режим.

Стабилизация документов включает, наряду с нейтрализацией кислотности, введением щелочного резерва и дезинфекцией фазовое хранение и инкапсулирование. Хочется особо обратить внимание на следующий момент: фазовая консервация — это не просто «изготовление коробочек», как некоторые думают, а вполне серьезная профилактическая мера, предотвращающая механические, химические и биологические повреждения.

ГОСТ 7.50-2002 «Консервация документов. Общие требования» регламентирует требования к температурно-влажностному режиму хранения, световому режиму, воздухообмену, к концентрации вредных примесей в воздухе, указывает рекомендуемое расстояние до окон и отопительных приборов, о котором часто забывают.

В настоящее время внимание ответственных хранителей сосредотачивается на попытках поддержания нормативных параметров температуры и относительной влажности воздуха. К сожалению, в большинстве книгохранилищ нет технической возможности соблюдать данные параметры. Но это не значит, что нельзя ничего сделать для организации оптимальных условий хранения. Даже если говорить о микроклимате, то для материальных объектов, которыми являются в том числе и памятники культуры, не столь губительны пусть и не оптимальные, но стабильные условия, как резкие скачки параметров. Каждый материал имеет свой коэффициент линейного расширения, который характеризует изменение линейных размеров тела при изменении температуры. То есть различные материалы реагируют на изменение температуры по-разному. Так же не одинаково материалы изменяются при колебаниях влажности. В местах соединения различных материалов при варьировании указанных параметров неизбежно возникают большие или меньшие напряжения, которые рано или поздно приводят к разрушению объекта. Из этого следует, что первым шагом на пути к стабилизации материальной основы могут стать мероприятия, направленные на уменьшение скачков температуры и влажности воздуха. Доказано, что в тех хранилищах, в которых присутствие персонала сведено к минимуму, подобные явления практически отсутствуют. Нужно стремиться к вынесению рабочих зон персонала из помещений книгохранилищ.

Это исключит и загрязнение воздушной среды, тем более что в упомянутом ГОСТ 7.50-2002 «Консервация документов. Общие требования» в разделе «Санитарно-гигиенический режим» пункт 4.4.3 гласит: «В помещениях для хранения документов не допускается наличие предметов, не имеющих отношения к работе с документами».

О путях и методах превентивной консервации в своих публикациях размышляли ведущие специалисты в области реставрации и консервации, в том числе сотрудники Библиотеки Академии наук (БАН). Много работ посвятила этой тематике Л.Г. Левашова; Е.В. Старова писала о консервации с точки зрения практического применения к крупным коллекциям в поврежденных пожаром фондах. В диссертации «Превентивная консервация как перспективное направление обеспечения сохранности фондов научных библиотек» И.М. Беляева подробно освещает историю вопроса, обозначает базовые положения теории превентивной консервации, исследует опыт внедрения фазовой консервации в БАН [4].

В своей последней работе «Парадигма консервации», ставшей итогом многолетних размышлений, доктор биологических наук, заслуженный работник культуры РСФСР Ю.П. Нюкша, вводит понятие «экосистема книгохранилища»:

«...Хранилище культурных ценностей — не просто помещение, занятое книгами, а функционирующая экосистема по крайней мере из пяти составляющих:

- конструкционные элементы здания, хранилища, его оборудование;
- объекты хранения — документы;
- воздушная среда, внутренняя и внешняя за пределами хранилища;
- живые организмы, обитающие в хранилищах;
- человек с его многообразными функциями.

Если материальный носитель информации со временем разрушится, то не спасут никакие способы консервации и мероприятия по его поддержанию. Содержащуюся в документе информацию так или иначе придется хранить в какой-то иной форме. Однако любой прием может только продлить жизнь, но не сделать документ вечным.

Так, вопреки принятому словоупотреблению, консервация проявила себя как отрасль знания отнюдь не консервативная. Всего за несколько последних десятилетий она достаточно кардинально меняла и преобразовывала стратегию своей деятельности» [11, с. 210].

О важности консервации говорит тот факт, что в документе «Основные направления развития деятельности по сохранению библиотечных фондов в Российской Федерации на 2011–2020 годы» одна из составляющих программы — направление «Консервация библиотечных фондов» [12].

Нам представляется, что только в нашей стране из-за недостаточного финансирования стоит проблема грамотной организации пространства и микроклимата хранения: недостаточно площадей и помещений; нет, как правило, систем кондиционирования воздуха. Но обзор иностранных источников показывает, что аналогичные проблемы существуют и за рубежом: при растущем спросе на доступ к оригинальным историческим материалам там также не хватает мест для хранения и демонстрации коллекций, которые бы отвечали стандартным требованиям сохранности, также остро стоит вопрос финансирования и рационального распределения ресурсов. Возникают и новые вызовы — изменение климата, всеобщая цифровизация, потребность информационной доступности. В этой новой атмосфере перемен крайне важно делать на акцент на выявлении лучших практик и стандартов для сохранения культурного наследия. Именно об этом, о современных подходах и новых взглядах на решение встающих задач, рассматриваемая ниже статья Фенеллы Франс, специалиста по сохранности отдела консервационных исследований и тестирования Библиотеки Конгресса США. В 2009 г. на сайте Библиотеки конгресса США в разделе «Достижения в области исследования сохранности бумаги» опубликована статья «Best practice and standards in environmental preservation for cultural heritage institutions: goals, knowledge, gaps» [15]. Название можно перевести как «Передовая практика и стандарты в области стабилизации окружающей среды для объектов культурного наследия: цели, знания, пробелы». Доклад был представлен на конференции «Прогресс в исследованиях сохранения бумаги» в Британской библиотеке 23–24 марта 2009 г. В работе сформулированы общие проблемы сохранности фондов библиотек и предложены новые взгляды на их решение.

Автор утверждает, что давно назрел пересмотр стандартов и подходов к организации сохранности. В частности, например, в понятие среды для объектов культурного наследия сейчас принято включать не только

микроклимат помещений, но и экономические, политические вопросы, аспекты глобального изменения климата, а также проблемы цифровизации и роста спроса на доступ к знаниям. Автор отмечает, что в сложных экономических условиях, когда растет спрос на доступ к оригинальным историческим материалам, требуется правильная расстановка приоритетов.

Она считает, что при создании оптимальных условий для охраны объектов культурного наследия необходимо опираться не столько на общепринятую сложившуюся практику, сколько на стандарты, основанные на материаловедении, исходя из материальной основы артефакта.

Автор предлагает зонирование, разделение объектов хранения в соответствии с различными свойствами материалов, из которых они изготовлены, что облегчит оптимизацию параметров окружающей среды по зонам, в соответствии с требованиями материалов памятников, и минимизирует возможный ущерб.

Существует еще одна проблема при регулировании температурно-влажностного режима: здания, в которых хранятся объекты культурного наследия, сами могут быть памятниками архитектуры. Системы регулирования микроклимата помещений и прочие инженерные установки и сооружения оказывают влияние непосредственно на само здание, что может нанести ему ущерб, как памятнику архитектуры.

Об этом же писал В.Д. Коркин — специалист в области отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха, в том числе при реставрации исторических и архитектурных памятников: «...В старинных зданиях пароизоляционные слои обычно отсутствуют. Поэтому непродуманное оснащение их системами кондиционирования воздуха может привести к разрушению наружного слоя ограждений и другим неприятным последствиям. Это совсем не значит, что системы кондиционирования для старинных зданий противопоказаны, но грамотный выбор расчетных параметров и учет особенностей ограждающих конструкций здесь необходимы» [8, с. 51].

Контроль и регулирование среды вокруг объекта рассматривается в статье на нескольких уровнях. Макро-уровень — это строение, помещение, в котором размещены артефакты. Микро-уровень — футляр, в котором можно создавать и контролировать микроклимат для артефактов, требующих особых условий хранения. И хотя затраты на организацию такого уровня регулирования могут показаться большими, в долгосрочной перспективе затраты значительно снижаются, а стабильная защита от внешних колебаний сводит к минимуму риск повреждения памятника.

Автор пишет: «В настоящее время мы просто контролируем такие факторы, как относительная влажность и температура в целом, и существует несоответствие в понимании того, что происходит на микроуровне с точки зрения молекулярных изменений, которые приводят или к необратимому повреждению, или к приемлемым изменениям, которые не оказывают отрицательного влияния на механическую стабильность артефакта» [15, с. 23].

Условия должны быть настроены для регулирования какого-либо конкретного параметра окружающей среды, который является основной

причиной ухудшения материальной основы артефакта — будь то относительная влажность, температура, кислород или загрязняющие вещества. Нам известно такое регулирование для отдельных артефактов, требующих особых условий хранения, которые обеспечиваются герметичными контейнерами, где создается и поддерживается особый микроклимат.

С 1970-х годов стандартами рекомендуются: относительная влажность воздуха 50 или $55 \pm 5\%$, температура 19 или $24 \pm 1^\circ\text{C}$ для зимы и лета соответственно. Но, чтобы продлить срок службы артефактов, создаются специальные модули хранения, которые поддерживают температуру 10°C и относительную влажность 30%.

Существует ряд стандартов и руководств, в которых прописаны условия хранения для архивов и библиотек. Каждая организация, устанавливающая стандарты, руководящие принципы и рекомендации, исходит из различных требований и мотивов. И хотя потребности коллекций и людей (с точки зрения комфортных условий для работы) часто не совпадают, оптимизация условий хранения не должна означать ограничения доступа к объектам культурного наследия. Необходимость доступа к коллекции требует корректировки условий в конкретных помещениях, т.к. комфортные для человека условия могут вызвать повреждения исторических объектов.

Большинство учреждений поднимают температуру, чтобы удовлетворить потребности людей, работающих в собраниях или имеющих доступ к ним. Необходимо связать две области: область комфортных условий для исследователя и область допустимых изменений, основанную на свойствах материалов для сохранения артефактов, создать баланс между потребностями сохранения и доступа.

В качестве технологии, обеспечивающей сохранность артефакта, автор рассматривает и цифровое копирование. Цифровой объект часто предоставляет исследователю больше информации, чем обычно можно получить визуально из оригинала.

Развитие спектральной визуализации для выявления информации в ультрафиолетовой, видимой и инфракрасной областях спектра с низким уровнем нагрева и низкой освещенностью позволяет проводить неразрушающие исследования чернил, красителей, подложки и способов обработки, а также раскрыть информацию, невидимую в видимой области.

Эти технологии позволяют расширить доступ к объектам, одновременно улучшая их сохранность за счет сокращения проводимых с ними манипуляций и воздействия изменяющихся условий окружающей среды.

От себя хочется добавить, что создание цифровой копии — это гарантия сохранения информации в случае гибели памятника при чрезвычайной ситуации. Можно вспомнить пожар 2019 г. в Нотр-Дам де Пари, после которого, благодаря лазерному сканированию, проведенному в 2015 г. искусствоведом Эндрю Таллоном, существует возможность воссоздать утраченные элементы по цифровой 3D копии. Или другой недавний пример: в сентябре 2016 г. российские военные топографы при помощи беспилотных летательных аппаратов выполнили аэрофотографическую съемку Пальмиры и местности вокруг нее. На основе этих

материалов специалисты Института истории материальной культуры РАН разработали трехмерную электронную ландшафтно-архитектурную модель Пальмиры. С ее помощью сирийская сторона надеется осуществить процесс восстановления всемирно известного архитектурного ансамбля.

Говоря об экосистеме книгохранилищ, нельзя забывать, что одним из составляющих ее компонентов является оборудование для хранения: папки, футляры, стеллажи, тот самый макро-уровень, о котором говорится в статье американских коллег. При плановой замене системы хранения нужно помнить, что материалы, из которых изготавливается оборудование, при старении не должны выделять вещества, разрушающие книги. Так, например, широко применяемые ранее деревянные конструкции на протяжении всего срока службы выделяют кислые летучие соединения. Папки и футляры должны изготавливаться из материалов долговременного, так называемого, архивного хранения со щелочным резервом. Правила организации хранения в соответствии с научными рекомендациями подробно изложены в главе «Хранение и использование» руководства, подготовленного Северо-Восточным центром консервации документов (NEDCC) в 1998 г. [13, с. 95–151], в методическом пособии, подготовленном Федеральным центром консервации библиотечных фондов Российской национальной библиотеки [7, с. 16–23] и в приложении «А» к ГОСТ 7.50-2002 «Консервация документов. Общие требования» [2].

Превентивная консервация помимо грамотного размещения коллекции, регулирования микроклимата и цифрового копирования включает в себя и вопросы предупреждения чрезвычайных ситуаций, и разработку плана действий в чрезвычайных ситуациях.

В статье, посвященной реализации Национальной программы сохранения библиотечных фондов России, С.А. Добрусина пишет о важности планирования действий на случай возникновения чрезвычайных ситуаций: «Пора, наконец, осознать, что катастрофы и аварии случаются не только у кого-то другого. И чем профессиональнее будет подход к оценке факторов риска, тем реальнее уменьшить возможные последствия катастрофы» [6, с. 22].

Федеральный центр консервации документов Российской национальной библиотеки (ФЦКБ РНБ) разработал комплексный подход к обследованию книгохранилищ. Т.Д. Великова, зам. руководителя ФЦКБ пишет: «Анализ условий хранения документов в библиотеках начинался с подробного описания состояния зданий и хранилищ: состояния всех действующих систем, конструкций и оборудования, водопровода, обогрева, вентиляции, полов, потолков, покрытий стен, стеллажей и выявление каких-либо повреждений, которые могут привести к аварийным ситуациям» [5, с. 35].

Современная организация хранения предусматривает четкое ведение документации, в том числе паспортов сохранности на каждый объект хранения. Базы данных на их основе позволяют давать объективный анализ состояния сохранности фондов, планировать реставрационные и консервационные мероприятия. Опыт работы с базами данных по сохранности подробно рассмотрен в докладе коллектива авторов Биб-

лиотеки Академии наук «Информационные технологии в обеспечении сохранности фондов БАН: фактографические базы данных по сохранности», представленном в феврале 2019 г. на конференции в Северо-Западном институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы «Фонды отделов редких книг научных библиотек в цифровую эпоху» [3, с. 16–28].

В целом, можно сказать, что современные методы превентивной консервации требуют не сложной, но регулярной работы и включают в себя:

- научный подход к размещению коллекции в помещении хранилища;
- методы контроля и регулирования микроклимата, воздушных потоков, освещенности, загрязненности воздуха;
- ведение паспортов сохранности;
- цифровое копирование;
- предупреждения чрезвычайных ситуаций, и разработку плана действий в чрезвычайных ситуациях;
- обучение персонала научному подходу к организации хранения.

Этот краткий обзор призван показать, что смещение акцентов в сторону правильной организации хранения собраний и коллекций, которая будет основываться на материаловедении, климатологии, экологии, цифровом копировании сможет сыграть решающую роль в деле сохранения культурного наследия.

Список источников

1. ГОСТ 7.48-2002 Консервация документов. Основные термины и определения. Взамен ГОСТ 7.48-90: введ. 01.01.2003 / Минск: Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации. Москва: Издательство стандартов, 2002. III, 8 с. (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу).
2. ГОСТ 7.50-2002. Консервация документов. Общие требования. Взамен ГОСТ 7.50-90: введ. 01.01.2003 / Минск: Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации. Москва: Издательство стандартов, 2002. II, 9 с. (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу).
3. *Белинская М.А., Тилева Е.А., Цевелева И.В., Катыева Я.В.* Информационные технологии в обеспечении сохранности фондов БАН: фактографические базы данных по сохранности // Фонды редких книг научных библиотек. По материалам международной научно-практической конференции «Фонды отделов редких книг научных библиотек в цифровую эпоху» (14–15 февраля 2019 г., Санкт-Петербург): сборник докладов. Санкт-Петербург: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 354 с.
4. *Беляева И.М.* Превентивная консервация как перспективное направление обеспечения сохранности фондов научных библиотек: автореф. дис. канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2001. 22 с.
5. *Великова Т.Д.* Обследование книгохранилищ библиотек России // Национальная программа сохранения библиотечных фондов России. Подпрограмма «Консервация библиотечных фондов» 2001–2008 гг. Москва: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. С. 33–43.
6. *Добрусина С.А.* Федеральный центр консервации библиотечных фондов и реализация Национальной программы сохранения библиотечных фондов России // Национальная программа сохранения библиотечных фондов России. Подпрограмма «Консервация библиотечных фондов» 2001–2008 гг. Москва: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. С. 14–22.

7. Комплексное обследование книгохранилищ: методическое пособие / Федеральное агентство по культуре и кинематографии, Российская нац. библиотека, Федеральный центр консервации библиотечных фондов; [сост. Т.Д. Великова]. Санкт-Петербург: РНБ, 2013. 231 с.

8. Коркин В.Д. Инженерные системы библиотек и архивов в экстремальных ситуациях // Библиотеки и архивы в экстремальных ситуациях: Материалы международного обучающего семинара. 2–6 октября 1995 г.: сборник статей. Санкт-Петербург: Нотабене, 1996. 128 с., ил. (Сохранность культурного наследия: наука и практика. Вып. 1). С. 44–53.

9. Левашова Л.Г. Превентивная консервация в организации и проведении выставок // Материалы 2-го обучающего семинара «Экспонирование и сохранность памятников культуры и истории» 21–25 октября 1996 г. (С.-Петербург — г. Пушкин) / Сохранность культурного наследия: наука и практика. Выпуск второй. Санкт-Петербург: Нотабене, 1997. С. 24–28.

10. Лиурс Дж., Вехтер В., Бекер Э. Сохранение культурного наследия в библиотеках и архивах — иллюзия или возможность // Теория и практика сохранения памятников культуры: сборник научных трудов. 1998. Вып. 19. С. 99–105.

11. Нюкиа Ю.П. Парадигма консервации для современной научной библиотеки // Материалы VII Междунар. конф. «Збереження, дослідження, консервація та експертиза пам'яток культурного насліддя». Киев, 2009. С. 210–213.

12. Основные направления развития деятельности по сохранению библиотечных фондов в Российской Федерации на 2011–2020 годы / сост. Н.А. Щербачева. Москва: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2013. 35 с.

13. Сохранение библиотечных и архивных материалов (руководство) / пер. с англ.; под ред. Ш. Огден. Санкт-Петербург: Европейский дом, 1998. 257 с.

14. Уотерс П. Сохранение культурного наследия библиотек: Избранные работы / Питер Уотерс; перевод с англ. Н.И. Яшугина, И.М. Беляевой, Л.Г. Левашовой. Санкт-Петербург: БАН, 2005. 129 с.

15. Best practice and standards in environmental preservation for cultural heritage institutions: goals, knowledge, gaps // Advances in Paper Conservation Research: Developing Conservation Research at the British Library: British Library Conference Centre, 23–24 March 2009. [PDF: 263 KB / 11 p.]. URL: <https://www.loc.gov/preservation/resources/staffpubs/France%20Best%20Practices.pdf> (accessed 5 September 2019).

УДК 025.85
ББК 78.36

Е.А. Тилева, В.И. Крупин,
В.А. Заборовская

**УДАЛЕНИЕ МАСЛЯНЫХ ЗАГРЯЗНЕНИЙ С БУМАЖНЫХ ДОКУМЕНТОВ.
ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ:
очистка загрязненных маслом листов книги «Псалтырь следованная».
Москва: Изд-во Единоверческой церкви, 1875 г.**

АННОТАЦИЯ

Одна из сложных задач в реставрации бумажных документов — это удаление обширных жировых или масляных загрязнений, когда документ полностью залит маслом или пропитан жиром. Часто такие загрязнения имеют внушительный срок давности. Масло или жир, пропитывающие бумагу, собирают пыль и окисляются, что приводит к ускоренному разрушению документа и делает невозможным его использование. В статье обсуждается один из методов очищения бумаги документа, который возвращает ей эксплуатационные свойства.

Ключевые слова: реставрация бумаги и книг, масляное, жировое загрязнение документа, метод реставрации, бумажный документ, сохранение документов, химические растворители.

В практической реставрации специалисты сталкиваются с проблемой удаления обширных жировых и масляных загрязнений, когда документ полностью залит маслом или пропитан жиром. Нередко такие загрязнения имеют внушительный срок давности, и масляная фаза, пропитывающая блок и переплет книги, сорбирует пылевые загрязнения; масло может высыхать, окисляться, и эти процессы могут приводить к ускоренному разрушению материальной основы документа.

Комплекс реставрационных работ, который позволил бы вернуть документу эксплуатационные качества, и сделать возможным его дальнейшее использование и исследование, представляет собой серьезную методическую, практическую и исследовательскую проблему для реставраторов. Методы, позволяющие удалять масляные и жировые пятна небольшой площади в практической реставрации широко распространены, но подходы и методы, позволяющие очищать документы с обширными загрязнениями, в настоящее время в достаточной степени не разработаны.

В Научно-исследовательский отдел консервации и реставрации фондов библиотеки Академии наук поступила книга «Псалтырь следованная». Сотрудниками Научно-исследовательского отдела редкой книги она была атрибутирована как «Псалтырь следованная», издательство Единоверческой церкви, город Москва, 1875 г.

Книга привезена сотрудниками библиотеки из археографической экспедиции. Физическое состояние книги требовало обширной и полной реставрации из-за множественных разрушений (повреждения корешка, крышек, уголков, капталов, шитья блока, форзацных листов, тетрадей и др.) и сильных загрязнений (книга залита маслом). Но на момент по-

Рис. 1. Книга «Псалтырь следованная» (Москва: Изд-во Единоверческой церкви, 1875). С обширными масляными загрязнениями. Общий вид

ступления книги не было ни методов, ни оборудования, позволяющего провести необходимые реставрационные мероприятия.

Загрязнению подверглась большая часть площади каждого листа, использование документа с такими обширными масляными загрязнениями невозможно.

Краткое заключение о состоянии книги до реставрации

Книга сильно пострадала от использования, различных загрязнений и разлитого на нее масла. Наблюдается деформация цельнотканевого переплета и книжного блока. Маслом полностью пропитаны ткань переплета, деревянные крышки, кожаный корешок и часть бумажного блока. Заметно, что под пленкой высохшего масла, ткань на переплетных крышках неравномерно потерта. Наибольшие разрывы, утраты и потертости ткани наблюдаются по краям и углам крышек. Шитье блока нарушено. Листы блока (бумага верже) пожелтели. Наблюдаются потертости типографской печати. Пятая часть листов в блоке полностью залита маслом. Остальные листы пострадали частично. Книга нуждается в полной реставрации.

Фотографии книги до реставрации

Специалистами Научно-исследовательского отдела консервации и реставрации библиотечных фондов Библиотеки Академии наук была предпринята попытка провести удаление масляных загрязнений нескольких листов Псалтири. На научно-методическом совете Научно-исследовательского отдела консервации и реставрации библиотечных фондов было принято решение исследовать масло, которым залита книга, и начать очистку. За основу была взята разработанная в 2018 г. методика очистки бумаги от загрязнений высыхающими маслами с внесением некоторых дополнений и изменений.

Рис. 2. Книга «Псалтырь следованная» (Москва: Изд-во Единоверческой церкви, 1875). С обширными масляным загрязнением. Листы блока

Лабораторный анализ показал, что масляные пятна на книге старые, содержат продукты окисления жиров и полимерных масел. В результате связывания с компонентами бумаги они превратились в плотную, однородную пленку коричневого цвета. Загрязнению таким маслом в книге подверглась все листы. Пятая часть листов полностью залита маслом. Поэтому при очистке листов полностью залитых маслом был применен метод полной обработки листа реагентами на стекле с подложкой из бумаги «Чара». Первоначально очистку провели на пяти листах книги, выбранных из начала, середины и конца книжного блока.

Очистке подверглись пять листов книги, взятых в начале, середине и конце книжного блока. При очистке листов книги применен метод полной обработки листа реагентами на стекле с подложкой бумаги «Чара».

Процесс очистки включал следующие операции:

- пропитка 5% раствором гидрокарбоната натрия на стекле с подложкой бумаги «Чара»;
- выдержка между стеклами под небольшим грузом — 5 мин;
- прогрев листа между стеклами в термошкафу при температуре воздуха 55–60°C (максимальная температура поверхности листа 40°C) — 30 мин;
- отжим на стекле фильтровальной бумагой;
- обработка на стекле эмульсией желчи;
- прогрев листа между стеклами в термошкафу при температуре воздуха 55°C (максимальная температура поверхности листа 45°C) — 60 мин;
- отжим на стекле фильтровальной бумагой;
- обработка на стекле смесью «скипидар + этанол» в соотношении (1 : 1);
- выдержка между стеклами под небольшим грузом — 5 мин;
- прогрев листа между стеклами в термошкафу при температуре воздуха 100°C (максимальная температура поверхности листа 80°C) — 30 мин;
- отжим на стекле фильтровальной бумагой;

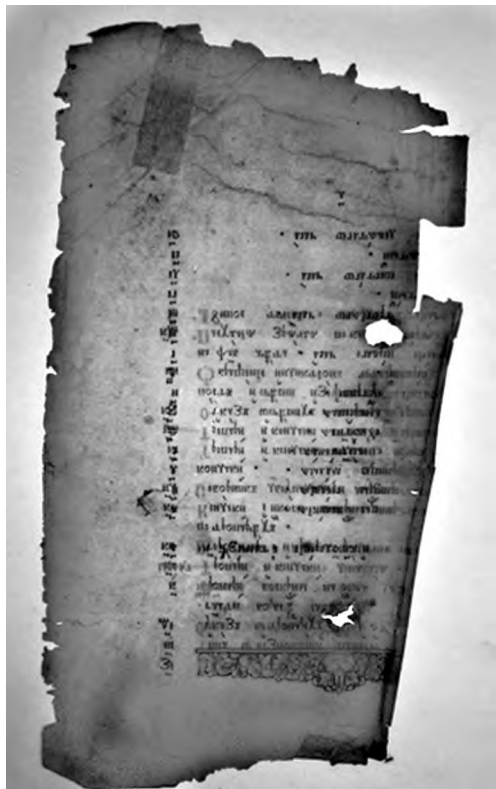

Рис. 3. Первый лист книги «Псалтырь следованная» (1875). До очистки и удаления масла

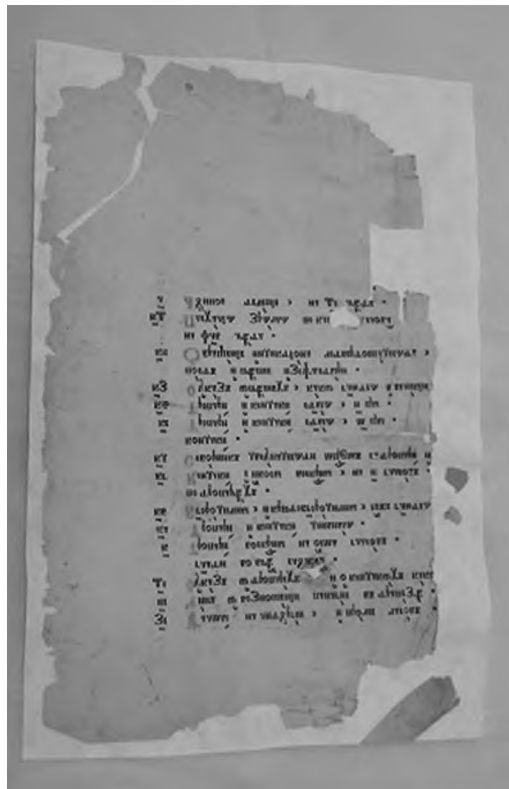

Рис. 4. Первый лист книги «Псалтырь следованная» (1875). После удаления масла

- обработка на стекле органическим растворителем циклогексаном, выдержка между стеклами под небольшим грузом (30 мин), отжим фильтровальной бумагой с двух сторон. Повторить 2 раза;
- нейтрализация 5% раствором гидрокарбоната натрия при температуре 45–50°C — 20 мин;
- промывка горячей водой при температуре (50±2)°C — 20 мин;
- выдерживание в ванночке с дистиллированной водой комнатной температуры — 20 мин;
- осушение листа фильтровальной бумагой и подсушивание на воздухе 20–30 мин;
- сушка в прессе между листами фильтровальной бумаги.

Фотографии листов книги до и после очистки

После выполнения этих операций были получены положительные результаты (см. фото листов до и после очистки). Впервые в реставрационных работах, проводимых в Библиотеке Академии наук, для удаления масляных загрязнений была использована медицинская желчь и прогревание документа для размягчения и увеличения текучести масляных загрязнений.

Листы после обработки не утратили основных характеристик бумаги верже, и после реставрационных работ текст на листе читается полностью и воспринимается целостно.

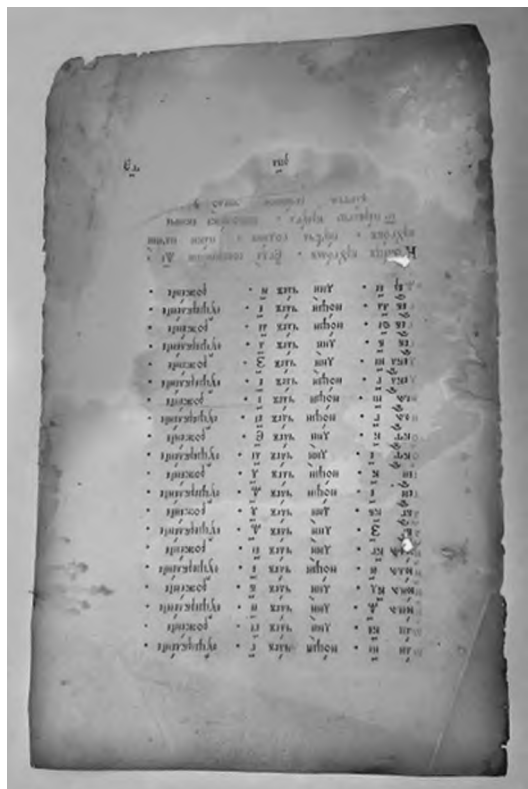

Рис. 5. Четвертый лист блока книги «Псалтырь следованная» (1875). До очистки и удаления масла

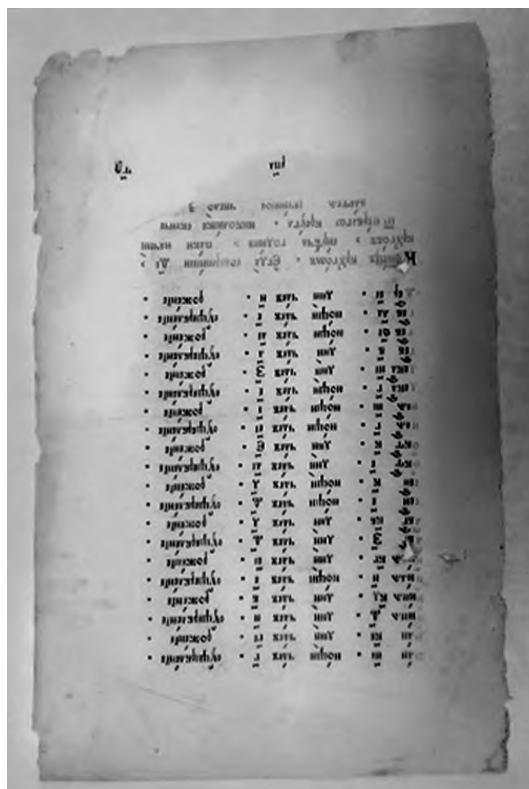

Рис. 6. Четвертый лист блока книги «Псалтырь следованная» (1875). После очистки и удаления масла

Важно отметить, что весь процесс удаления масляных загрязнений и последующей реставрации длителен по времени, требует от специалистов навыков и большого опыта практической работы, и потому не может стать рутинным, повседневным и обычным занятием. Тем не менее, для документов, представляющих культурную, историческую, художественную ценность проведение подобных работ, вызывающих затруднения несколько десятилетий назад, обоснованно и необходимо — это дает возможность вернуть документ в фонд и актуализировать его информационный потенциал.

Г.Н. Питулько

О КНИЖНЫХ РАРИТЕТАХ ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ В БИБЛИОТЕКЕ АКАДЕМИИ НАУК

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье речь идет о редких изданиях периода Реформации в Европе, хранящихся в Библиотеке Академии наук. В статье содержатся избранные примеры наиболее интересных редких изданий, связанных с современниками реформационных событий. Автор рассматривает данную тему на основе книжной коллекции Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Российской академии наук.

Ключевые слова: редкие издания, европейская Реформация, Библиотека Российской академии наук.

Реформация в Европе получила наиболее яркое отражение в печатных изданиях, начиная с листовок и памфлетов и заканчивая многочисленными объемными трактатами главных ее идеологов. Произведения Мартина Лютера, Жана Кальвина и некоторых других протестантских авторов, несмотря на запреты официальной римско-католической церкви, активно печатались и находили свое место на книжных полках библиофилов.

С точки зрения репрезентативности видных протестантских идеологов определенный интерес представляет книжное собрание Валленродтов, ядро которого сформировалось в Восточной Пруссии, относящейся к т.н. европейскому реформационному пространству. В его составе значительное место отводилось богословским трудам, включая полемические работы Мартина Лютера (1483–1546) и его единомышленников. Они свидетельствуют о горячих теологических спорах, которые велись в реформационном Кенигсберге. Как известно, этот город в XVI–XVIII вв. являлся типографским центром не только для Бранденбурга и Пруссии, но и для соседних протестантских центров. Именно здесь в типографии Даубмана были напечатаны первые книги на литовском и эстонском языках, в том числе лютеранский Катехизис. Иными словами, крупный университетский город герцогства Бранденбургского Кенигсберг долгое время служил важным центром распространения идей протестантизма.

Другим интересным примером литературной рефлексии на тему религиозных войн во Франции XVI в. может служить издание «Генрикиады» на немецком языке уже периода правления Людовика XIV (1643–1715), хранящееся в собрании Библиотеки РАН. В «Генрикиаде» описывались события религиозной и политической борьбы между католиками и гугенотами 1580–1590-х гг. [1]. Среди солидных по составу библиотек современников первого российского императора Петра I особенно выделялось полуторотысячное книжное собрание генерал-фельдцейхмстера Якова Вилимовича Брюса (1669–1735). Е.А. Савельевой удалось не только ус-

тановить по архивной описи книги, некогда входившие в это собрание, но и описать примерно 800 изданий из первоначального состава этой коллекции. Судя по каталогу, в этой библиотеке нашли свое место многие интереснейшие издания эпохи Реформации [2].

Важным представляется и то, что многие видные европейские политики являлись не просто большими почитателями книги, но и живо интересовались историей вообще. В частности, в БАН хранится несколько томов знаменитого сочинения Адама Олеария «Путешествие в Московию», в том числе экземпляр с суперэкслибрисом библиотеки знаменитого кардинала Джулио Мазарини (1602–1661) [3]. Следует отметить, что подлинным украшением этого французского издания стали гравированные карты всех стран Европы, раскрашенные от руки [4].

Примечательно, что далеко не все европейские типографы решались на воспроизведение трудов реформаторов Церкви, поскольку деятельность многих из них напрямую зависела от получения специальной привилегии на право печати. Так, знаменитые французские издатели Этьены стремились совершенствовать качество печатной продукции и привлекали к работе над библейскими текстами видных ученых-богословов, использовали современные переводы. Собственно, новый критический метод работы с текстом Библии и стал поводом для преследований Робера Этьена (1503–1559) и обвинения его в ереси. Как и многие его единомышленники, в 1550 г. он бежал в Швейцарию, в протестантскую Женеву. Здесь Робер основал новую типографию, проработав в ней до 1559 г. Символом его работы как издателя на новом месте стал новый знак фирмы — философ под деревом мудрости с опадающими высохшими ветками и девизом «Не великоумудрствуй, но бойся» [5, с. 43–78]. Как раз к этому периоду относится издание трехтомной женеvской Библии 1557 г. в переводе Теодора Беза (1519–1605), которое больше всего ценится специалистами и наличествует в БАН [6]. Именно к этому изданию Библии Этьены приложили руку не только как издатели, но и как составители многоязычных указателей — именного и предметного.

Как известно, в период религиозных реформационных баталий основными центрами книгопечатания во Франции были соперничающие друг с другом Париж и Лион, но печатать здесь свободно протестантских авторов было небезопасно. В этой связи вспоминается хрестоматийная история, связанная с французским гуманистом, поэтом и издателем Этьеном Доле (1509, Орлеан — 03.08.1546, Париж). Он успел издать только 43 книги, включая издания, запрещенные католической церковью. В результате — был арестован. По приговору парижского парламента были сожжены сам издатель и 13 его изданий. Главным пунктом было обвинение Доле в ереси [7]. Поэтому большая часть реформационных по содержанию книг издавалась в Женеве и Ла Рошели, куда стекались французские протестанты [8, с. 154].

Следует также специально отметить, что на территории французского королевства работали не только французские, но и некоторые иностранные мастера, в их числе — выдающийся немецкий издатель конца XV в. — начала XVI в. Антон Кобергер (1445–1513). Еще в 1470 г. он основал в Нюрнберге свою первую книгоиздательскую мануфактуру. В течение более 40 лет этот предприниматель сумел организовать в раз-

личных городах Европы множество филиалов, работавших на его издательскую фирму. Кроме того, ему принадлежали две бумажные мельницы, позволявшие печатать книги на собственной бумаге [9, с. 41–46]. Важным представляется и то обстоятельство, что на фирму Кобергера работали редакторы, скрупулезно выверяя тексты для латинской Библии конца XV в. В основу данного издания была положена запрещенная папской цензурой вальденская Библия XIV в.

Существует небезосновательное мнение, что наличие различных версий и вариантов латинской Библии, а также переводов библейских текстов на национальные европейские языки, помимо важнейших общественно-политических процессов конца XV — начала XVI в., вольно или невольно способствовало началу Реформации в Европе [10]. Далеко не случайно и то, что Мартин Лютер использовал при переводе Библии на немецкий язык новый гуманистический латинский перевод Нового Завета Эразма Роттердамского, впервые изданный в Базеле в 1516 г. Иоганном Фробеном.

Что касается более поздних интересных примеров латинских Библий начала XVI в., вышедших из-под пресса фирмы Антона Кобергера, то среди них можно выделить три лионских издания, вышедших соответственно в 1512 г., в 1516 г. и в 1518 г. форматом «ин фолио», а также лионское издание 1521 г. форматом «ин гросс фолио», ныне хранящееся в собрании Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Академии наук (НИОРК БАН). Подчеркнем, что все эти издания осуществлялись на средства дома Кобергера в Лионе, хотя подобные предприятия работали на фирму нюрнбергского книгоиздателя и книгопродавца и в других городах Европы, в том числе в Венеции, Милане, Вене и некоторых других центрах. Судя по внешнему виду нашего экземпляра лионского издания Библии 1521 г., становится очевидным тот огромный путь, который проделала европейская печатная книга всего лишь за несколько десятилетий — от времени Гутенберга до времени Лютера. В отличие от латинской Библии 1478 г. Антона Кобергера, имеющей многочисленные рукописные киноварные инициалы, в палеотипическом издании 1521 г. в качестве художественного приема мастерами использовалась двцветная печать. Важнейшие для смыслового значения книги инципиты набраны готическим шрифтом красного цвета. Помимо красивых шрифтов Библию украшают гравированные инициалы и сюжетные черно-белые гравюры на дереве. Что касается происхождения нашего палеотипа, то он имеет очевидные немецкие владельческие признаки — на титульном листе стоит печать монастыря Рот («VomKlosterRoth»), а на обороте верхней крышки переплета имеется пространная владельческая запись на немецком языке, датированная 1542 г. и епископский экслибрис с монограммой «H.A.Z.R.». Вероятнее всего, речь идет о книгах из средневекового бенедектинского монастыря, основанного в XI–XII столетиях и расположенного в Баварии, примерно в 30 км к северу от Мюнхена. Судя по всему, лионская Библия 1521 г. оказалась в наших фондах вместе с книгами XV в. [11, с. 44–45].

Среди европейских протестантов было немало передовых по своим взглядам сочинителей, печатников и издателей. Ярким примером может служить имя Ланцелота Попелиньера (1541–1608), знаменитого писателя

и гугенота, находившегося в гуще военных событий 1560–1580-х гг. Он был не только командующим гугенотской флотилией в Ла Рошели, но и переводчиком на французский язык нашумевшего трактата Бернардино де ла Рока о военных событиях Франции в 1571 г. Через 10 лет, в 1581 г., Попелиньер создал «Историю Франции», изданную в Ла Рошели и непредвзято повествующую о религиозной борьбе. Отметим, что в данной работе была предпринята первая попытка современника дать объективную оценку событиям религиозных войн во Франции и в Европе. Хотя в силу целого ряда обстоятельств имя автора и место издания на титульном листе не было напечатано, Попелиньер стал знаменитостью. Некоторые исследователи предполагают, что талант историка Попелиньера вполне сопоставим с творчеством другого известного автора — Де Ту. Его произведение ожидала печальная судьба: «История» была подвергнута интердикту даже со стороны Национального Синода Ла Рошели. В числе самых серьезных обвинений, выдвинутых против автора, были следующие: «неуважение к церкви» и «лживость». Первый тираж «Истории» Попелиньера подлежал уничтожению. Сам автор, как известно, был отлучен от церкви и умер в страшной бедности. Все экземпляры «Истории» издания 1581 г., судя по всему, в самой Ла Рошели были сожжены. Тем ценнее, экземпляр этого сочинения Попелиньера, хранящийся в Научно-исследовательском отделе редкой книги Библиотеки РАН [12].

Помимо экземпляра «Истории Франции» Попелиньера, таким же раритетом Библиотеки РАН может быть признана еще одна книга — «Всеобщая история» Теодора–Агриппы Обинье (1550–1630) (*Albinaeus* — лат. форма), его младшего современника, поэта и историка, а также убежденного гугенота и ученика Теодора Беза. В частности, у нас хранится первое прижизненное издание его «Всеобщей истории», которое было запрещено французским парламентом и также подлежало уничтожению [13]. Его «История» вышла в 1616 г., т.е. уже после того, как Обинье переселился в Женеву и счастливо избежал не только ужасов Варфоломеевской ночи, но и четыре смертных приговора. Серьезным основанием для преследований стала его активная литературная жизнь. Важно отметить, что наш экземпляр происходит из русской дворянской библиотеки рода Михалковых, о чем говорит экслибрис на обороте верхней крышки переплета. Заметим, что в составе многих российских дворянских книжных собраний французские раритеты, в том числе эпохи религиозных войн, занимали всегда почетное место, в том числе благодаря традиционно прочным русско-французским культурным связям.

Наконец, среди, пожалуй, самых редких книг с уникальными автографами следует выделить маргиналии и автограф, принадлежащий Флорану Кретьену (1541–1596), довольно известному для своей эпохи поэту и литературному деятелю, а также стороннику гугенотов. Любопытно, что многочисленные пометы к тексту и сам автограф оставлены на изданной в Базеле, в типографии знаменитых на всю Европу Плантенон, книге на греческом языке [14]. Для своего времени Кретьен был весьма популярным литератором и знатоком словесности. В известной мере, материалы маргиналий и сама греческая книга говорят о круге занятий и интересах литературного деятеля. Как следует из заверяющей

записи, сделанной на французском языке, он же являлся наставником Генриха IV: «*Possessio Florentis Chrestiani. Ecriture de Florent Chrestien, Precepteur d'Henri IV habile Litterateur sur tout en grec toutes les notes Marginales sont de sa main*».

Для исследователей эпохи религиозных войн в Европе может быть интересно, что в составе редчайших изданий в Библиотеке РАН имеется книга XVI в. с автографом самого Теодора Беза (1519–1605), о котором уже шла речь. Этот религиозный деятель был энциклопедически образованным человеком. Достаточно вспомнить его происхождение и образование — его дядя был аббатом цистерцианского монастыря, а в детстве его воспитывал известный немецкий гуманист Мельхиор Вольмар (1497–1561). Беза учился в Орлеанском и Парижском университетах, и уже с 1548 г. он возглавил кафедру греческого языка в Лозаннском университете. Он прожил достаточно долгую и насыщенную событиями жизнь. В год смерти Робера Этьена, а именно в 1559 г., Беза принял в Женеве место проповедника, а позднее стал руководить соборами французской реформатской церкви в Ла Рошели (1571) и в Ниме (1572). Фактически Беза был главным продолжателем дела Жана Кальвина и возглавил женевскую кальвинистскую церковную организацию. Всем хорошо известно, что именно он уже в этом качестве в 1600 г. приветствовал на женевской территории Генриха IV.

Наш автограф был оставлен Теодором Беза примерно за год до его кончины на титульном листе венецианского издания «Шестидесяти псалмов Давида» [15]. Кроме автографа, оставленного Теодором Беза, на нашем экземпляре также имеется еще одна владельческая запись. Эта инскрипция представляет собой рукописную помету, сделанную известным ученым-медиком, португальцем по происхождению, членом Российской АН Антонио Саншесом (1699–1783) [16]. Кстати, в каталог книг А. Саншеса это венецианское издание XVI в., к сожалению, не вошло. Предположительно, что кроме нашей Библиотеки, итальянское, а точнее, венецианское издание Псалмов Давида, представлено еще в двух библиотеках Европы. На переднем форзаце можно прочитать следующие строки 84-летнего Теодора Беза («*Theodorus Beza / annum agens huius / vite 84 Genevae / scribam die februarii (?) Tertio, anno Domini / 1604*»), несколько ниже — автограф Саншеса, оставленный на книге уже в XVIII в. («*Editione Moseri 1740 refertur / Theodorum Beza e vivis discedisse / 86 anno aetatis suae maximum / oblectamentum mihi haec scriptio anulit: ideome amapponiore Petropoli datam anno 1743. Sum ordinario fungebar Medici Imp.-sse Elisabeth. Russiorum officio fungebar. Sanches*».)

Нужно вспомнить, что сам Беза был автором многих полемических сочинений, а также многочисленных литературных обработок ветхозаветных рассказов. Так, к заслугам Теодора Беза принадлежит перевод на французский язык псалмов для французского реформатского богослужения. Возможно, поэтому его интересовали другие европейские, в том числе итальянские, переводы псалмов Давида. А вообще, в фондах Научно-исследовательского отдела редкой книги хранится более 30-ти изданий XVI в., связанных с именем этого богослова. Помимо нескольких экземпляров нового перевода Библии есть несколько инте-

реснейших экземпляров полемических трактатов ученого-богослова, который написал одну из первых полных биографий своего духовного наставника — Жана Кальвина [17]. Большая часть представленных в БАН изданий Беза была опубликована в Женеве, в том числе в издательском доме Робера и Анри Этьенов. Помимо фундаментальных богословских работ в наших фондах представлены полемически заостренные трактаты и памфлеты Беза, как, например, женевское издание 1573 г. «Трактата о полигамии» [18]. Тесно связан с именем Беза еще один герой эпохи религиозных войн во Франции, о котором мы уже упоминали выше. Это — Теодор-Агриппа Обинье (1550–1630). Обинье считался учеником Беза и так же являлся мастером политического памфлета. Французские события вызывали самый пристальный интерес в Европе, в том числе в Англии, уже вставший на путь национальной церкви, начиная со времени правления Генриха VIII. Доказательством тому служат некоторые раритеты и автографы, находящиеся в нашем распоряжении. В частности, в фондах НИОРК хранится лондонское переиздание на английском языке женевской Библии в переводе Теодора Беза, поступившее в БАН вместе с книгами Валленродианы [19].

Если касаться некоторых интересных изданий литературных памятников XVI в., то можно упомянуть самый известный сборник новелл, приписываемых перу королевы Наваррской Маргарите де Валуа (1492–1549), бабушке будущего короля Франции Генриха IV — «L'Heptameron». Сборник новелл королевы Наваррской был задуман как подражание «Декамерону» Боккаччо и пользовался большой популярностью у читающей французской публики. Помимо рукописных списков существует несколько изданий, вышедших во второй половине XVI в. Первое вышло в 1558 г., а второе уже в 1560 г. У нас имеется второе парижское издание 1560 г. [20]. На титульном листе нашего экземпляра имеется следующий автограф «Thomas Hawkyn. Servitur de la Royne d'Angleterre», указывающий на английское происхождение экземпляра. И это вполне понятно, так как и литературная, и политическая жизнь Англии и Франции этой поры были тесно связаны.

Отзвуки французских событий, интерес к ним проявлялись не только в коллекционировании изданий этой поры английскими, французскими, немецкими библиофилами, но и в попытке создать у читателя некий образ эпохи религиозных войн. Так, любопытно еще одно французское фолио, вышедшее в Туре в 1594 г. по привилегии короля Генриха IV — «Французский Театр событий» [21]. Мы можем увидеть совершенно роскошный цельногравированный фронтиспис и титульный лист с пометами французских владельцев, сделанных в Туре и Бордо, а также автограф немецкого собирателя: «Конрад Мюллер». Следует также отметить, что этот экземпляр «Французского Театра» входил в первоначальное собрание Библиотеки АН в первой половине XVIII в.

Среди мемуарной французской литературы XVII в. в Библиотеке РАН представлено лейденское издание 1665 г. «Мемуаров» сеньора де Брантома, Пьера де Бурделье (1540–1614). К сожалению, все произведения Брантома были опубликованы уже после смерти. Несмотря на излишнюю субъективность в подаче материала, «Воспоминания» известного

придворного деятеля, участника и современника религиозных войн являются прекрасным источником по истории Франции XVI в. [22]. Также упомянем руанское и парижское издания 1662–1663 гг. «Мемуаров» Сюлли (1560–1651), не только занимавшего первое место в управлении при Генрихе IV, но и в известной мере ответственного за знаменитое решение короля Наваррского перейти из протестантизма снова в католичество [23].

Мы остановились в нашем обзоре, пожалуй, на самых ярких и замечательных образцах европейской печати, причастных к теме европейской Реформации. Можно с уверенностью утверждать, что религиозная борьба совершалась не только на полях сражений в течение XVI и XVII столетий, она началась на страницах печатных изданий задолго до событий в Германии, Англии или во Франции.

Список источников

1. Henriciados: Des Durchleuchtigsten Groszmechtigsten Fürsten und Herrn Heinrichs König von Frankreich. S. l., 1695.
2. Библиотека Я.В. Брюса. Каталог / сост. Е.А. Савельева; отв. ред. А.И. Копанев. Ленинград: Библиотека АН СССР, 1989.
3. Olearius, Adamus. Relation du voyage en Moscovie. Paris, chez Jean Du Puis, 1666.
4. Sanson N. L'Europe. Paris, chez l'Auther, 1647.
5. Зорина Н.А. Издания французских типографов Этьенов в Библиотеке Академии наук СССР // Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН СССР. Сборник научных трудов. Ленинград, 1976.
6. Biblia [Latina] 1556/1557, Vulgate. Biblia utriusque Testamenti [the New Testament translated by T. Beza]. [Geneva], 1556/1557.
7. Picquier M. Etienne Dolet, 1509–1546: imprimeur humaniste mort sur le bucher, martyr de la librepensée. Lion, 2009.
8. Владимиров Л.И. Всеобщая история книги. Москва: Книга, 1988.
9. Питулько Г.Н. Западноевропейские издания Библии конца XV — первой половины XVI в. в собрании БАН // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого / отв. ред. А.А. Алексеев. Санкт-Петербург, 2017. С. 39–49.
10. Европейская Реформация и ее возможные аналоги в России. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017.
11. Каталог инкунабулов / сост. Е.И. Боброва. Москва; Ленинград, 1963. С. 44–45.
12. Popelinier L. L'Histoire de France. Enrichie des plus notables occurrences suruenvues ex Provinces de l'Europe. Tome premier. AvRoy. S. l., 1581.
13. Abigné, Th.-Agrippa, de. L'Histoire universelle de sieure d'Aubigné. P. 1–3. Maillé, par Jean Moussat, 1616–1620.
14. ΣΟΥΙΔΑ. ΤΟ ΜΕΝ ΠΑΡΟΝ ΒΙΒΛΙΟΝ, ΣΟΥΙΔΑ... Basileae, Froben, 1544.
15. Sessanta Salmi di David, tradotti in Rime volgari italiane, secondo la verita del testo hebreo. [Venezia], 1585.
16. Книги с автографами лейб-медика А.Н.Р. Саншеса в фондах Библиотеки Российской Академии наук: каталог / сост. П.И. Хотеев. Санкт-Петербург: БАН, 2003.
17. Buze, Theodore, de. J. Calvini vita a Theodoro Beza descripta. Genevae, 1576.
18. Buze, Theodore, de. Tractatio De poligamia. Genevae, 1573.
19. The Bible: That is, the Holy Scriptures, contained in the Olde and Newe Testament. London, imprinted by the Deputies of Christopher Baker, 1595.
20. Marguerite de Navarre. L'Heptameron des nouvelles de Marguerite de Valois. Paris, pour Gilles Robinot, 1560.

21. Le Theatre Francois ousont comprises les chartes generals et particulares de la France. A Tours, par Maurice Bouguereau, 1594.

22. Brantome de. Memoires de messier Pierre de Bourdeille, seigneur de Brantome. P.I. Leiden, chez Jean Sambix le Jeune, 1665.

23. Sully, de Bethure Maximilian. Memoires ou oeconomies royals d'estat, domestiques, politiques, et militaire de Henry le Grand. T. 1-3. Roven, Paris, 1662-1663.

Е.А. Гриша

**КНИЖНЫЕ ПАМЯТНИКИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ:
труды по анатомии XVII–XVIII вв. Франции и Италии**

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены редкие книги по медицине и анатомии XVII–XVIII вв., изданные несколько веков назад во Франции и Италии, и проанализирован размещенный в них иллюстративный материал, созданный известными художниками. Эти труды в качестве учебных пособий были полезны как медикам различных специализаций, так и художникам прошлого и современности в их творчестве.

Ключевые слова: книжные памятники, анатомические рисунки, учебные пособия, фонды и коллекции, гравюры XVII–XVIII веков.

Особое место в фондах Научной библиотеки Российской академии художеств занимает коллекция книжных памятников по анатомии, изданных в Италии и Франции XVII–XVIII вв. В этих трудах отражается история развития медицины и анатомии. Они являются важной составляющей фондов старейшей библиотеки по искусству в России. Главное значение и ценность ее в том, что она имеет определенный подбор литературы по различным отраслям и вопросам искусства, обусловленный развитием системы академического художественного образования [1, с. 5–6].

Значимость науки анатомии для врачей, естествоиспытателей и художников была понятна людям этих профессий еще в глубокой древности. Несмотря на это, до сих пор остается неизвестным кому принадлежали первые анатомические исследования.

В Античности главной помехой в изучении анатомии человека долгое время являлись религиозные верования и суеверия. Медицина, требовавшая анатомических знаний, сперва удовлетворялась рассечением тел животных. Древнегреческий натуралист и философ Аристотель (384–322 до н.э.), изучая сравнительную анатомию животных, говорил: «Что касается внутренних частей тела человека, то они известны и о них можно говорить по сходству с органами животных» [2, с. 11]. В Средние века о строении человека в основном судили по трудам выдающегося медика Клавдия Галена (131–211 г.), древнеримского анатома, изучавшего анатомию на примере строения обезьян [2].

Становление и развитие современной анатомии в целом и пластической анатомии в частности берет свое начало в эпоху Возрождения. Особенный вклад в ее развитие внес итальянский ученый и художник Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci, 1452–1519), так как он одним из первых смог изобразить в точности части и органы человеческого тела. основоположником научной анатомии считается другой итальян-

янский ученый, Андреа Везалий (Andreas Vesalius 1514–1564), который на основе собственных наблюдений, сделанных во время вскрытия трупов, написал труд в 7 книгах «De humani corporis fabrica libri septem» (О строении человеческого тела, 1543) [12, с. 43–53]. В издании содержатся подробные результаты исследований органов и устройства человеческого тела, которые сопровождаются 250 иллюстрациями художника Яна Стефана ван Калькара (Jan Steven van Calcar, ок. 1499–1510), ученика Тициана (Tiziano, 1488/1490–1576). В них Везалий систематизировал скелет, связки, мышцы, сосуды, нервы, внутренние органы, мозг и органы чувств. Иллюстрации Калькара обладают высокими художественными достоинствами и поражают своей точностью и достоверностью.

Ян Стефан ван Калькар построил изображения таким образом, чтобы зрителю было понятно и внешнее и внутреннее строение на примере одной фигуры. Каждую из фигур он постарался показать в разных ракурсах. В коллекции Научной библиотеки хранится выдержка этого труда, изданная в 1760 г. в типографии Жана Батиста Крепи (Jean-Baptiste Crépey, 17??–1796). Автором труда является французский теоретик искусства и дипломат Рожер де Пиле (Roger de Piles 1635–1709), художником — Тортеба (François Tortebat, 1616–1690) специально для обучения художников под названием «Abrégé d'Anatomie, accomodé aux arts de peinture et de sculpture» (Краткое изложение анатомии, для использования в искусстве, живописи и скульптуре). Впервые труд Рожера де Пиле был издан в 1667 г. и впоследствии переиздавался в 1733, 1760 и в 1765 гг. Труд содержит в себе десять гравюр, которые по мнению автора, являются самыми удачными и красивыми [14, с. 3–6].

Подобная традиция иллюстрирования анатомических атласов сохранялась до середины XVII в., что прослеживается на примерах других изданий из коллекции Научной библиотеки. Одним из них можно назвать Анатомический театр из собрания Ивана Ивановича Шувалова, написанный итальянским медиком и анатомом Джулио Кассерио (Ivlii Casserii, 1561–1616) [9]. Труд был опубликован впервые в 1627 г. как приложение к труду «De Humani Corporis Fabrica Libri Decem» (Строение человеческого тела в десяти книгах) [15] нидерландского ученого и его ученика — Андреа Спигели (Andreani Spigelii, 1578–1625) [4, lot № 27].

Труд Андреа Везалия послужил толчком к развитию анатомии как науки. На протяжении XVI–XVIII вв. не только совершаются открытия, но и выделяется ряд новых дисциплин, среди которых немаловажную роль занимает пластическая анатомия. Развитию пластической анатомии способствовали тенденции в живописи, которые в век Просвещения играли важную роль в сфере искусства. По всей Европе возникают и развиваются Академии изящных искусств благодаря покровительству монархов. Во Франции в 1731 г. была основана Королевская академия хирургии, призванная быть не только учебным, но и научным учреждением, где публиковались результаты научных исследования в области анатомии.

Первые труды по анатомии и медицине издавались, как правило, для анатомов и художников. В коллекции Научной библиотеки представлен ряд трудов, где появляется четкое разделение анатомии на остеологию, науку, изучающую строение скелета и миологию, в рамках

которой исследуются строение, развитие, свойства и функции мышц. Среди них стоит выделить работу итальянского анатома Бернардино Генга (Bernardino Genga, 1620–1690) «Anatomia per uso et intelligenza del disegno ricercata nonsolo su glossi, e muscoli del corpo humano» (Анатомия для использования и изучения рисунков, демонстрирующих кости и мускулы человеческого тела), изданную в 1691 г. [11]. Он преподавал анатомию во Французской академии изящных искусств в Риме. В сферу его интересов входила подготовка анатомических образцов для художников и изучение пропорций древнеримских статуй. Труд Бернардино Генга был издан через год после его смерти и вышел под редакцией лечащего врача Папы Римского Иннокентия XI Джованни Мариа Ланчизи (Giovanni Maria Lancisi, 1654–1720), проиллюстрированный директором академии Шарлем Эрраром (Charles Errard, 1606–1689) [16, lot № 503]. Этот анатомический атлас был одним из первых учебных пособий для художников и студентов Французской академии в Риме. Труд выделяется своим иллюстративным материалом, который значительно отличается от более ранних изданий по анатомии. На 40 гравюрах рассматривается строение человека: его скелет и мускулатура. В книге можно выделить три основных раздела: первый посвящен остеологии, следующий — миологии, в последнем представлены изображения древнеримских статуй с разных ракурсов. Остеология включает в себя изображения скелета человека в целом в разных проекциях, а также изображения отдельных костей. Миология представлена изображениями мышечной системы человека, которые демонстрируют зрителю их расположение на теле, голове и конечностях человека. Бернардино Генга подробно разбирает работу мышц на примере древнеримских статуй, что было проиллюстрировано Шарлем Эрраром. Все иллюстрации снабжены разъяснениями на итальянском языке.

Среди учебных пособий по анатомии для художников XVII в. следует выделить труд французского гравера Жерара Одрана (Gérard Audran, 1640–1703) — «Les proportions du corps humains, mesurées sur les plus belles figures de l'Antiquité» (Пропорции тела человека, вымеренные с самых красивых античных статуй). Впервые книга вышла в 1683 г. [5] во Франции, затем переиздавалась еще три раза на французском языке в 1785 [6], 1801 [7] и 1855 годах, также она была переведена на английский и немецкий языки. В фондах Научной библиотеки хранятся издания 1683, 1785 и 1801 гг., одно из них было «пожертвовано академиком К.А. Ухтомским». Книга содержит в себе 8 страниц текста и 30 иллюстрированных гравированных листов. На гравюрах изображены античные статуи, такие как Лаокоон или Геракл, с трех-четырех ракурсов. На каждом изображении даны подробные измерения всех частей тела, от более крупных единиц, таких как размер руки или ноги, до более детальных измерений отдельных мышц, размеров коленных чашек или фаланг пальцев.

Одним из наиболее известных изданий по анатомии в XVIII в. стал труд английского анатома и врача, профессора Эдинбургского университета Александра Монро (Alexander Monro, 1697–1767) «Anatomia of the Human Bones» (Анатомия человеческих костей) 1726 г., в 1759 он был переведен и дополнен иллюстративным материалом французским ана-

томом Жаном Жозефом Сю (Jean-Joseph Sue, 1710–1792) [3, lot № 99], профессором Королевской академии хирургии и Королевской академии изящных искусств. Экземпляр двухтомного издания 1759 г. был получен президентом Императорской академии художеств Иваном Ивановичем Бецким (1704–1795) от доктора медицины Иоганна Генриха (Ивана Николаевича) Яниша (1734–1812) и передан в библиотеку. В первом томе присутствует дарственная надпись на старо-австрийском языке, согласно которой «Книга подарена в память о сделанной прививке от Оспы воспитанникам Академии Художеств и вылеченным от нее в мае и августе 1768 года под покровительством и с разрешения милостивой императрицы Екатерины Второй, покровительницы Академии, и подаренной на празднестве графу Бецкому, директору Академии для Библиотеки Академии художеств» [13].

Издание 1759 г. состоит из двух томов: в первом томе в четырех главах переведен труд Александра Монро по остеологии на французский язык, второй том содержит в себе 62 рисунка скелетов взрослого человека и ребенка, а также отдельных костей на 31 развороте, выполненные Жаном Жозефом Сю. Отличительной особенностью этого издания следует выделить представление иллюстративного материала. Сравнивая с изображениями Шарля Эррара, где на гравюре выполнено изображение и даны пояснения, Жан Жозеф Сю, дополняя работу Александра Монро делает материал более наглядным для студентов. Он создает два одинаковых рисунка — один обозначает только контуром и наносит на него буквенные ссылки на текст с пояснениями, а на втором показывает свет и тень, чтобы была понятна форма и объем кости.

Отдельного внимания заслуживает французский художник Жак Гамелен. В 1779 г. он издает свой труд «Nouveau recueil d'Ostéologie et de Myologie, dessiné d'après nature: pour l'utilité des sciences et des arts» [10], посвященный художественному исследованию анатомических рисунков.

Жак Гамелен родился в 1738 г. в городе Каркассон на юге Франции в семье суконного фабриканта. В юном возрасте был отправлен отцом на ткацкую фабрику в Тулузу к барону де Пюимарену. Барон, известный коллекционер и меценат, заметил талант юного Гамелена и в 1756 г. направил его учиться в Королевскую академию живописи, расположенную в Тулузе. В 1759 г. Жак Гамелен успешно дебютировал на выставке Salon de l'Academie Royale de Toulouse, а спустя два года отправился в Париж совершенствовать свое ремесло. Благодаря поддержке барона он смог продолжить свое обучение в Риме, где изучал античное искусство и работы старых мастеров. Он настолько преуспел в своем мастерстве, что был назначен художником Папы Климента XIV [15].

В истории искусства Гамелен более известен как художник батальных и исторических сцен. Его многочисленные картины и гравюры с изображениями сцен сражений можно встретить в художественных музеях по всей Франции. В музее изобразительных искусств Тулузы хранится полотно художника «Битва римлян с галлами».

В 1774 г. Гамелен был приглашен в Тулузу на должность преподавателя в Академию живописи. В Тулузе местные власти предоставили ему доступ к телам казненных преступников, которые он изучал, делая с них зарисовки, что позволило ему подготовить к печати его труд. Тираж из-

дания составил всего 200 экземпляров и был выполнен на средства, полученные художником в наследство от отца. Цена за один экземпляр, состоящий из двух томов, составляла 40 ливров. Атлас представляет из себя смесь художественных исследований жизни и технических анатомических рисунков. Изображения отличаются от предыдущих произведений из коллекции Научной библиотеки своим форматом и выразительностью [8]. Экземпляр Научной библиотеки имеет следующую структуру.

Первый том посвящен остеологии; в нем на 38 гравюрах представлены изображения всех частей человеческого скелета с описаниями на 22 листах текста на французском языке и на латыни, а также 2 гравюры, относящиеся к разделу миологии, где изображены экорше — изображения человека, лишенного кожи — положения тел которых позволяют показать зрителю мускулатуру. Эти гравюры имеют исключительно научный характер. В то же время они постоянно взаимодействуют с художественными и фантастическими гравюрами, где прослеживаются символические изображения смерти, характерные для традиций XVII в., и виньетки с изображениями бытовых сцен, выполненные в кокетливой манере XVIII в.

Первый том богато иллюстрирован сценами, где скелеты играют на музыкальных инструментах, пишут или изучают сами анатомию, просто лежат или сидят. Все эти сцены призваны выполнять две основные задачи. В первую очередь это традиционное напоминание о смерти, так называемые *Memento Mori*, о чем также свидетельствуют подписи под гравюрами:

«*Surgite mortui venite ad Judicium*» (Восстаньте умершие, предстаньте перед судом), «*Memento homo quia pulvis es et in pulverem*» (Помни человек, что ты сотворен из праха и им останешься).

Подобные сцены призваны напомнить о смерти, о том, что человек не вечен, и о том, что без изучения умерших врачи не могли бы продлевать жизни тем, кто еще жив. Вторая задача этих сцен не столь очевидна. Стоит обратить внимание, что все скелеты принимают различные позы и показаны со всех ракурсов, что наглядно показывает состояние скелета в работе, как двигаются суставы.

Под текстовым сопровождением расположены иллюстрации, которые следует рассмотреть отдельно. На них изображены сюжеты, представляющие из себя аллегоричные сцены «Плясок смерти». Здесь скелеты играют главные роли в кабаре, ведут военные действия против живых, присутствуют на концертах и участвуют во многих других сценах, отражающих скоротечность жизни. В большинстве сцен, тем не менее, четко прослеживается граница между миром мертвых и живых, которая в любой момент может быть нарушена.

Второй том посвящен миологии и состоит из 10 листов с научным описанием и изображением мышц и 33 гравюр с изображениями экорше в разных позициях, демонстрирующих работу мускулатуры, а также 6 академических рисунков, на которых представлены живые люди. В этом томе доминирует демонстрация обнаженных мышц. Тела казненных показаны в таких положениях, которые, по мнению Гамелена, должны помочь художникам максимально реалистично изображать человека на полотнах. Том дополнен изображениями людей, чтобы студентам бы-

ло понятно, как в действительности выглядит человек в движении, как скрыта под кожей мускулатура.

Издание «Nouveau recueil d'Ostéologie et de Myologie, dessiné d'après nature: pour l'utilité des sciences et des arts» было подготовлено Жаком Гамеленом совместно с двумя его учениками Жаком Лавалле (17??–1830) и Франсуа Мартаном (XVIII–XIX вв.), помогавшими ему гравировать иллюстрации. Небольшой тираж в 200 экземпляров так и не был распродан ввиду его высокой стоимости. Большинство непроданных экземпляров в последствии разошлись как листовая материал. Произведение приобретает свое очарование благодаря точности передачи анатомии при сложной постановке тел. Именно эта отличительная черта имеет особую ценность для художников в изучении пластической анатомии.

Жак Гамелен создал этот амбициозный проект с целью объяснить архитектуру человеческого тела, игру его суставов и мускулатуры, объемы костей и мышц. Техническое совершенство его работ в сочетании с эмоциональными и фантастическими элементами привело к тому, что во Франции его стали считать предшественником Франсиско Гойи.

Рассмотренные выше труды по анатомии, изданные во Франции и в Италии, отражают историю развития медицины, анатомии и пластической анатомии. Несмотря на отличия в представлении иллюстративного материала, гравюры не теряют своей актуальности в обучении современных художников. В тесном взаимодействии медиков и художников анатомия преподавалась с опорой на системные научные знания. Наглядные пособия и анатомические атласы были и остаются важной составляющей образовательного процесса в Российской академии художеств. Труды по анатомии, поступившие в фонды Библиотеки Императорской академии художеств от И.И. Шувалова, И.И. Бецкого и К.А. Ухтомского, свидетельствуют о начале формирования книжного фонда по этой отрасли знания еще в XVIII в.

Список источников

1. *Алехнович Ю.П.* Библиотека Академии художеств. Краткий очерк. Ленинград, 1940. 29 с.
2. *Павлов Г.Г. Павлова В.Н., Павлов Г.М.* Пластическая анатомия: (Анатомия для художников). Москва; Элиста: Джангар, 2000. 191 с.: ил.
3. *Anatomy As Art: The Dean Edell Collection.* Auction, New-York 5 October 2007. New-York: Christie's, 2007. URL: <https://www.christies.com/lotfinder/Lot/monro-alexander-1697-1767-traite-dosteologie-paris-guillaume-4959956-details.aspx> (Monro lot 99) (accessed 26 June 2020).
4. *Anatomy As Art: The Dean Edell Collection.* Auction, New-York 5 October 2007. New-York: Christie's, 2007. URL: <https://www.christies.com/lotfinder/Lot/spiegel-adriaan-van-den-1578-1625-de-humani-4959884-details.aspx> (accessed 26 June 2020).
5. *Audran G.* Les proportions du corps humain, mesurées sur les plus belles figures de l'Antiquité / in. R. Urbin., gravé J. Pesne. Paris: chez Girard Audran, 1683. [7] с., 30 л. гравюры.
6. *Audran G.* Les proportions du corps humain, mesurées sur les plus belles figures de l'Antiquité / in. R. Urbin., gravé J. Pesne. Paris: chez Chéreau, 1785. 22 л. гравюры.
7. *Audran G.* Les proportions du corps humain, mesurées sur les plus belles figures de l'Antiquité / in. R. Urbin., gravé J. Pesne. Nouvelle édition. Paris: chez Joubert, 1801. [8] с., 30 л. гравюры.

8. *Azibert (Charles)*. Jacques Gamelin, 1738–1803: son œuvre anatomique. Carcas-sonne: Roudière, 1947. 82 p.
9. *Casserii I*. Tabulae anatomicae, LXXIIX. Omnes niuae nec hac visae Daniel Bucretius Vratislawesis, Philos. et Med. D. XX que deerant Suppleuit et omnium explicationes addidit. Venetiis: Eaungelistam Deuchinum, 1627. 95 л. гравюры.
10. *Gamelin J*. Nouveau recueil d'Ostéologie et de Myologie, dessiné d'après nature: pour l'utilité des sciences et des arts / inc. Lavalée. Toulouse: de l'Imprimerie de J.F. Desclausan, 1779. 2 t.
11. *Genga B*. Anatomia per uso et intelligenza del disegno ricercata nonsolo su glossi, e muscoli del corpo humano / del. Carlo Errard, sculp. François Andriot. lib. 1. Rome: ed. Domenico de Rossi, 1691. 56 л. гравюры.
12. *Lemire L*. Ces savants qui ont eu raison trop tôt: De Vinci à nos jours Une histoire surprenante des découvertes. Paris: Tallandier, 2013. 255 p.
13. *Monro A*. Traité d'ostéologie. Où l'on a ajouté des planches en taille-douce, qui représentent au naturel tous les os de l'Adulte et du Foetus, avec leurs explications / del. J.B.M. Pierre, [etc.]. Paris: chez Guillaume Cavelier, 1759. 2 t.
14. *Piles R*. Abrégé d'Anatomie, accomodé aux arts de peinture et de sculpture / François Torteбат. Paris: J.B. Crepy, 1760. 4, [8] с., 10 л. гравюры.
15. *Spigelii A*. De humani corporis fabrica libri decem / sculp. Daniel Bucretius, des. Franc Valesius, Odoardus Fialetty. Venetiis: Eaungelistam Deuchinum, 1627. 544 с.
16. The Giancarlo Beltrame Library of Scientific Books, Part II. Auction, London 30 November 2016. London: Christie's, 2016. URL: <https://www.christies.com/lotfinder/Lot/genga-bernardino-1620-1690-anatomia-per-uso-et-6040948-details.aspx> (accessed 26 June 2020).
17. The Haskell F. Norman Library of Science and Medicine. San Francisco: J. Norman, 1991. 2 v.: ill.

Н.А. Реброва

**О ГЕНЕЗИСЕ ИЗБРАННЫХ ТРАКТАТОВ
ИЗ КОРПУСА ПСЕВДО-РАЙМОНДА ЛУЛЛИЯ
В РУКОПИСИ «L'OUVRE DE RAYMOND LULLE» ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ**

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирована рукопись, ложно приписываемая к трудам каталонского богослова Раймонда Луллия, разобраны структурные части манускрипта и описано происхождение избранных алхимических трактатов в «Трудах Раймонда Луллия» (*L'ouvre de Raymond Lulle*).

Ключевые слова: манускрипт, рукопись, Раймонд Луллий, корпус Раймонда Луллия, алхимия, алхимические трактаты в сочинениях Раймонда Луллия.

Раймонд Луллий (1235–1315), вошедший в анналы истории как каталонский философ, теолог, поэт и миссионер, является одной из важнейших фигур в процессе становления науки логики и, в частности, комбинаторики. Он посвятил свою жизнь миссионерской деятельности и ставил своей целью обратить в христианскую веру евреев и мусульман. Р. Луллий поставил логику на службу религиозной цели и создал универсальную систему знания, в основе которой лежат категории логики. Одно из изобретений философа — «логическая машина», позволявшая при помощи искусственного языка, используя модус символа, редуцировать схему Божественного мышления. Несмотря на крайне скептическое отношение самого Раймонда Луллия к алхимии, его имя становится одним из ключевых в алхимических трактатах XIV–XVI вв.

В коллекции Научной библиотеки Российской академии художеств присутствует манускрипт «*L'ouvre de Raymond Lulle*», ложно приписываемый каталонскому богослову Раймонду Луллию и содержащий алхимические сочинения. Рукопись выполнена канцелярским курсивом XVI в. на французском языке [1, р. 112], на основе анализа письма интерполяции — вставки более позднего происхождения, были выявлены лишь в маргиналиях. Текст рукописи (список) составлен в 21–23 строки, листы вержированной бумаги разлинованы свинцовым карандашом, пагинация страниц сквозная. Переплет манускрипта цельнокожаный с завязками. Структура манускрипта представляет особый интерес в рамках рассмотрения происхождения отдельных алхимических сочинений.

Изучение изданного посмертно корпуса (совокупность текстов) трудов Раймонда Луллия, имеет ряд нерешенных вопросов из-за большого количества материалов, ошибочно приписываемых каталонскому философу. Ряд исследователей установил, что он являлся автором большого количества сочинений, в том числе и тех, где были созданы прототипы комбинаторных методов в логике с помощью создания первой логиче-

ской машины. Примером такого сочинения является «Ars Magna» («Великое искусство», опубликованное в 1480 г.) [3, p. 696].

Также множество трактатов были созданы учениками и последователями Р. Луллия. Подлинный материал распространялся с помощью создания многочисленных рукописей, преимущественно на латинском, каталонском и арабском языках. Именно работа сторонников его учения стала отправной точкой для появления большого количества трактатов, не являющихся оригинальными и ложно приписываемых авторству каталонского миссионера. В том числе создаются алхимические трактаты, которые не могут иметь отношения к самому Раймонду Луллию. Одной из причин сложности изучения наследия средневекового мыслителя является большое количество неопубликованных материалов.

Во второй половине XIV в. алхимические трактаты с ложным указанным авторством Р. Луллия начинают появляться и распространяться в европейских странах, и таким образом, к XVI в. появляется большое количество неверно атрибутированных работ, в их числе и анализируемый манускрипт. Большая его часть публиковалась на территории Германии и по количеству значительно превышала оригинальный корпус трактатов Раймонда Луллия. Имя средневекового схоласта указывалось в трудах алхимического содержания, а также в работах, отражавших каббалистическую традицию в европейском понимании этого учения [3, p. 696].

История распространения псевдолуллиянского корпуса на территории Европы тесно связана с интересом к работам швейцарского алхимика Парацельса (1493–1541), возросшим в 1570-х гг. благодаря работе группы немецких ученых, которые переводили, редактировали, переписывали и публиковали работы Парацельса, сохранившиеся в виде манускриптов [7, т. V, p. 610].

Иоганн Михаэль Шютц (Johann Michael Schütz), взявший псевдоним, на греческий манер, Токсит (Toxites) — немецкий врач и алхимик, занимался редактированием работ, посвященных медицине и алхимии. Его инициативой является и издание работ Раймонда Луллия, печать которых началась в 1567 г. в Базеле, что имеет непосредственное отношение к истории создания рукописи. Среди первых напечатанных трудов — «Codicil» (Кодекс) и «Testamentum» (Завет), которые в дальнейшем публиковались с добавлениями неизданных ранее работ. Второе издание «Codicil» было отпечатано в Кёльне в 1573 г. типографом Жаном Биркманном, и содержало восемь новых неопубликованных ранее работ. Среди них «Testamentum novissimum» (Новейший завет), «De secretis naturae» (О тайнах природы), «Magia Naturalis» (Натуральная магия), «Compendium animae transmutationis metallorum» (Преобразование металла), «Elucidatio testamenti» (Объяснение завета), «Liber lux mercuriorum» (Книга ртутного света), «Experimenta» (Эксперимент), «Liber artis compendiosae qui vade mecum nuncupatur» (Краткий путеводитель), «Epistola accurationis lapidis benedicti ad dom. Robertum Anglorum regem» (Письмо о великом камне английскому королю Роберту) и «Liber medicinae magnaе» (Книга секретов медицины) [7, p. 624–625]. Все изданные работы не принадлежат авторству самого Раймонда Луллия — каталонский богослов не имел отношения к алхимическим

изысканиям. Большая часть опубликованных работ содержит информацию о трансмутации металлов.

Впервые в самом конце «Codicil» появляется диалог между Раймондом Луллием и Демогоргоном. Образ Демогоргона как бога хаоса и демиурга был популяризован Джованни Боккаччо (1313–1375) в «Genealogia Deorum Gentilium» (Генеалогия языческих богов), написанной между 1372 и 1375 гг., опубликованной в Венеции в 1472 г. [5, p. 269]. Дж. Боккаччо трактует Демогоргона как предшественника всех богов и первоначало, компаньонами которого были Вечность и Хаос. Впервые в алхимической литературе образ появляется в «Il Legno delle Vita» (Древо жизни) Джованни Браческо (1482–1555), опубликованной в Риме в 1542 г. в формате диалога с Раймондом Луллием, где Демогоргон является учеником, прибывшим из Ломбардии для поиска секретов долголетия [7, т. V, p. 545–546]. Используя жанр диалога, в котором участвует сам алхимик, Джованни Браческо раскрывает значимость железа как сырья для великого делания — сам Демогоргон и является персонификацией (олицетворением) железа, что повлияло на новые импульсы алхимической интерпретации античной мифологии. Диалог был переиздан в 1544 г. в Венеции, однако, вместо Раймонда Луллия секрет долголетия Демогоргону, ученику из Персии, раскрывает персонаж арабского алхимика Джабира ибн Хайяна (721–813).

На последних страницах рукописи из коллекции Научной библиотеки, как и в печатном латинском издании присутствует диалог на французском языке Раймонда Луллия с Демогоргоном под названием «L'arbre De Vie, Dialogue de Raymond Lulle Majorcain, produisant au jour les mistères, traduit d'italien en latin. Demorgogon. Raymond» (Древо жизни, диалог Раймонда Луллия из Майорки, открывателя тайн, переведенный на итальянский и латинский языки. Деморгогон. Раймонд). Стоит отметить, что в результате ошибки переписчика порядок букв в привычном написании был изменен, и на протяжении всего диалога последний герой указан как «Деморгогон». Детали диалога практически идентичны первому изданию за авторством Джованни Браческо, которое было опубликовано в 1542 г. Гильельмо Гротароло (1516–1568) — итальянский алхимик, спустя 19 лет, переводит труд на латинский язык и издает в Базеле [7, т. V, p. 600–616]. Таким образом, возможно предположить, что существует два варианта происхождения диалога в самой рукописи.

В описываемом манускрипте отсутствует информация о переписчике и заказчике, однако, присутствует текст, в котором указывается, что предисловие написано Михаэлем Токситом и посвящается его трем дорогим друзьям, «последователям и приверженцам всего, что касается философии»: Даниэлю Кошувитцу (Daniel Koschvuitze), Луке Бартодиуму (Lucas Barthodium) и Валентину Кослтитиуму из Болоньи (Valentin Kosltitium de Bologne). Предисловие датировано 1571 г., что является датой, предшествующей первому экземпляру в печати, вышедшему в 1573 г. в Кёльне. Это предисловие не встречается в печатных изданиях и упоминания о нем также не установлены. На втором листе рукописи присутствуют переписанные сведения с титульного листа издания из типографии Жана Биркманна, также отмеченного 1573 г., однако, сам список рукопи-

си соответствует изданию 1572 г., напечатанному в Базеле типографом Пьером Перна [4, p. 1].

Широко тиражируемый во второй половине XVI в. труд «*Testamentum novissimum*», указанный в рукописи как «Его последний завет в начале [рукописи]» (*Son dernier testament en entreu*) не входит в основной корпус Раймонда Луллия, так как первые упоминания о работе появились уже после 1500-х гг. [6, p. 28] и были сфабрикованы и ошибочно приписаны каталонскому миссионеру [7, т. IV, p. 46]. Стоит отметить, что наличие в манускрипте писем, адресованных английскому королю Роберту, датированных 1420 г., отправленных Р. Луллием из Англии, также является маркером ложно атрибутированных сочинений, так как сам Раймонд Луллий умер задолго до указанной даты, а его визиты в Англию нигде не были задокументированы.

Таким образом, учитывая все вышеперечисленное – сочинения, содержащиеся в рукописи из коллекции редких книг Научной библиотеки Академии художеств, можно утверждать, что рассматриваемая рукопись является полностью ложно приписанной каталонскому средневековому философу. Разнообразие датировок, отсутствие сведений о заказчике, переписчике, создает сложность в точном определении даты, но косвенные признаки дают возможность выставить временные рамки в виде 1570–1580-х гг. Большая часть трактатов из рукописи «*Louvre de Raymond Lulle*» была создана во второй половине XV в. и создает емкий образ псевдодуллианского наследия в рамках алхимического литературного контекста. Ошибочно приписанные Раймонду Луллию работы оказали колоссальное влияние на становление алхимической традиции европейского эзотеризма из-за широкой тиражируемости материала.

В фонде редких изданий Научной библиотеки Российской академии художеств присутствуют не только редчайшие старопечатные издания, но и манускрипты, требующие не менее детального исследования, не только в рамках библиотечных, но и религиозоведческих, философских и искусствоведческих изысканий.

Список источников

1. Малов В.Н. Происхождение современного письма. Палеография французских документов конца XV–XVIII. Москва: Наука, 1975. 200 с.
2. Badia L., Santanach J., Soler A. La llengua i la literatura de Ramon Lull: llocs comuns, malentesos i propostes // *Els marges*, 87 (2009). P. 73–90.
3. Hanegraaff W.J. *Dictionary of Gnosis & Western Esotericism*. Leiden, Boston: Brill Academic, 2006. 1230 p.
4. *Libelli aliquot chemici*. Basileae, Perna, 1572. [16], 480, [31] p.
5. Matton S. La figure de Démogorgon dans la littérature alchimique / in D. Kahn et S. Matton, *Alchimie: art, histoire et mythes*. Paris-Milan, 1995. P. 265–346.
6. Pereira M. *The Alchemical Corpus Attributed to Raymond Lull*. London: The Warburg Institute, 1989. 114 p.
7. Thorndike L. *History of Magic and Experimental Science*. Vol. IV–V. New York: Columbia University press, 1934.
8. *World-Building and the Early Modern Imagination*. Ed. by Allison B. Kavey. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 270 p.

И.А. Вознесенская

**«СОБРАНО НОВГОРОДСКИМ ДВОРЯНИНОМ...»:
рукописные «родословия» П.Н. Крекшина и гравюра Алексея Зубова**

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья рассматривает работы историка XVIII в. Петра Никифоровича Крекшина по истории генеалогии Романовых. Крекшин, как известно, имел собственный взгляд на происхождение правящей династии и популяризировал эту точку зрения в своих работах. Несмотря на критику со стороны академической науки Крекшин продолжал отстаивать свои взгляды, обвиняя оппонентов в непатриотичности. Настоящее исследование сосредоточено на ранее неизвестных иллюстрированных «родословиях» П.Н. Крекшина.

Ключевые слова: Петр Никифорович Крекшин, Алексей Зубов, родословие, рюриковичи, романовы, гравюра.

Традиция создания родословий, родословных книг или таблиц в России, берущая свое начало от «Государева родословца» середины XVI в., в XVIII в. приобретает новую форму, лаконичную и наглядную, в виде портретов великих князей и царей в медальонах, окружающих центральную фигуру действующего монарха [1]. Первое гравированное родословие Петра I появилось в 1717 г. благодаря Феофану Прокоповичу и Питеру Пикарту [2]. На гравюре Петр изображен в окружении 30 портретов правителей Руси, начиная с легендарного Рюрика. В 1725 г. родословие Екатерины Алексеевны гравюрует ученик Пикарта Алексей Зубов [3]. Следует заметить, что Зубов, следуя иконографии Пикарта, увеличивает количество медальонов до 56 от Рюрика до Петра. Кроме того, на гравюре впервые появляется изображение княгини Ольги, что можно рассматривать как акцент на теме женщины во власти. После воцарения Анны Иоанновны неизвестный художник изготавливает гравюру родословия новой императрицы, которая, несмотря на упрощение композиции, в целом повторяет родословие Екатерины Алексеевны, только количество медальонов возрастает до 58 [4] (1). Известно и живописное родословие Анны Иоанновны, выполненное Иваном Никитиным, в котором художник начал родословие от библейского Ноя. Иван Никитин ушел от слепого копирования «западноевропейских» портретов легендарных князей, создав новую «русскую» иконографию.

В 1742 г. на Триумфальных воротах, сооруженных в честь коронации императрицы Елизаветы Петровны, у Казанского собора было изображено родословное древо от князя Владимира до Елизаветы Петровны [5]. В Русском музее хранится картина на холсте, изображающая Елизавету Петровну в окружении 59 медальонов, расположенных на ветвях древа, в основании которого, портрет князя Владимира. Картина датируется серединой XVIII в., и есть основания полагать, что настоящее полотно имеет непосредственное отношение к коронации Елизаветы.

Неизвестный художник написал портрет Елизаветы Петровны в короне, горностаевой мантии и с орденской лентой в овале (тип Каравака). Портреты «предков» помещены в круглые медальоны, по 29 с каждой стороны, и один, князя Владимира, внизу на стволе древа. Надписи вокруг портретов сделаны на латыне.

В Отделе рукописей БАН хранится родословие Елизаветы Петровны, составленное, как указано в описи, П.Н. Крекшиным (2). Текст этой родословной был опубликован в 1883 г. архимандритом Леонидом (Кавелиным) [6]. Экземпляр родословия, хранящийся в БАН, представляет собой длинный склеенный лист, на котором расписаны поколения от Захарии Ивановича до Петра III и Екатерины Алексеевны. В 1892 г. А.К. Жизневский опубликовал сообщение о составленном П.Н. Крекшиным родословии Елизаветы Петровны в лицах из Тверского музея [7]. В сообщении он усомнился в атрибуции Крекшину ранее опубликованного родословия, так как сравнение текста двух родословий показало принципиально разный подход к происхождению Романовых. Тверское родословие в лицах — Жизневский назвал его картиной — это лист размером примерно 140 на 85 см, в центре которого тушью изображена императрица Елизавета Петровна в рост, вокруг нее 50 поясных изображений правителей: от Рюрика до Федора Иоанновича с одной стороны и от великого князя Мстислава Владимировича до царевицы Петра Федоровича с другой. Нижняя часть картины занята портретами Гостомысла, Словена, Избора и княгини Ольги, а также византийской родни рюриковичей — включая императора Василия Македонянина, Льва Мудрого, Константина Порфирогенета, Романа Лакапина и его дочери Анны, супруги князя Владимира. Рядом с императрицей на картине также изображены флотилия и войско, у ног Елизаветы помещены двуглавый орел и 31 герб российских городов. В нижней части листа надпись: «Собрано Новгородским дворянином Петром Никифоровым Крекшиным 1852 года декабря — дня». На «картине» много пояснительного текста; в двух картушах и по нижнему краю рисунка помещены 3 фрагмента текста, начинающихся следующим образом: 1. О начале и населении славянского народа и о титле великих князей Московских; 2. О разных наименованиях народа славянского и о местоположении и о гранях сего народа; 3. Великий князь Рурик призван на великое Новгородское княжение не из Норвегии, ниже из Пруссии, но из Вагрии...

А.К. Жизневский предположил, что родословие в лицах представляет собой самостоятельный труд, а не иллюстрации к рукописи Императорской публичной библиотеки из собрания Ф.А. Толстого «Экстракт из великославных дел царей и великих князей и самодержцев всероссийских...» 1756 г., текст родословия полнее рукописи и составлено оно двумя годами ранее (3). Скорее всего, заключает Жизневский, картина Крекшина составляла приложение к поднесенным императрице Елизавете Петровне историческим запискам [8]. А.К. Жизневский, ссылаясь на известную ему рукопись «Экстракта», не знал о существовании двух иллюминированных рукописей этого сочинения П.Н. Крекшина, которые сегодня хранятся в БАН (4), и которые, в свою очередь, намного полнее «картины».

Родословие императрицы Елизаветы Петровны П.Н.Крепкина. Тверская областная картинная галерея (ТОКГ). Инв. № Г-1022

Изображения рюриковичей от Рюрика до Федора Иоанновича в рукописях БАН срисованы с гравюры Родословия Екатерины I Алексея Зубова. Художники не всегда следовали порядку гравюры в выборе образца для персонажей. Так, Иван Калита срисован с портрета Ярополка, а его сын Иван Милостивый — с портрета Романа, Дмитрий Донской получил черты Дмитрия Александровича, сына Александра Невского. Изображения «романовых» в интерпретации Крекшина от Мстислава Владимировича до Никиты Юрьевича также взяты из той же гравюры, но выбраны портреты в «русском стиле» в шапках. Мстислав Владимирович, родоначальник Романовых по Крекшину, срисован с зубовского Изяслава Мстиславовича, скорее всего потому, что портрет Мстислава на гравюре имеет ярко выраженный западноевропейский вид. Остальные портреты похожи друг на друга и отличаются лишь деталями в одежде. Портрет Филарета Никитича, скорее всего, представляет собой условного патриарха. Для изображения царей, начиная с Михаила Федоровича, использованы настоящие гравюры, вклеенные в рукописи.

Обе рукописи имеют титул: «Экстракт из великославных дел царей и великих князей и самодержцев всероссийских, царствовавших по Рождестве Иисус Христове с 862 по 1756 год, состоящей в двух частях. Собранный Новгородским Дворянином Петром Никифоровым сыном Крекшиным в Царствующем Граде Санктпетербурге в лето Спасительнаго воплощения 1756 году». Датируются оба списка серединой XVIII в. (5).

В рукописи 25.1.11 на листах 121, 124, 127, 135, 137 гравированные портреты Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Петра Алексеевича, Екатерины Алексеевны и Елизаветы Петровны. В рукописи 31.6.35 на листе 127 наклеен маленький круглый гравированный портрет Елизаветы Петровны. Гравированные портреты вклеены или наклеены на листы 111, 124, 125: Алексея Михайловича, Анны Петровны и Петра Федоровича. Таким образом, «Экстракт» Крекшина не нуждался в каком-то особом приложении, и мы можем согласиться с Жизневским в том, что тверская «картина» — отдельный самостоятельный труд.

Гравюра Алексея Зубова была важным источником для Петра Никифоровича Крекшина. В одном из своих сочинений, посвященном Петру I, повествование начинается словами: «Пятьдесят шестой сей всепресветлейший великодержавнейший первый император и первый Петр великий всероссийский самодержец... (6)». Именно на гравюре Зубова Петр имеет этот номер — 56. Обычно этот текст предваряется списком государей, начиная с Рюрика, но нам не встречались списки, где Петр имел бы этот номер. Можно предположить, что в оригинале сочинения функцию списка выполняла гравюра.

Портреты государей в рукописях «Экстракта» П.Н. Крекшина из собрания БАН нарисованы разными художниками. В целом образцы для копирования повторяются, только в случае изображения двух Мстиславов Ростиславовичей художники изображают разные головные уборы. Обе рукописи незакончены. В рукописи 31.6.35 последний рисунок изображает Михаила Федоровича. Портреты Алексея Михайловича, Петра Алексеевича, Екатерины Алексеевны и Петра Федоровича не нарисованы. На соответствующих листах осталось незаполненное место. Елизавета Петровна представлена в виде гравированного портрета-медали. В ру-

копись вклеены 3 гравюры, изображающие Алексея Михайловича, Анну Петровну и Петра Федоровича. В рукописи 25.1.11 последним рисованным портретом стал портрет Филарета Никитича. Начиная с Михаила Федоровича место для изображений в тексте не оставлено, и 5 гравюр, изображающих Михаила, Алексея, Петра, Екатерину и Елизавету завершают портретный ряд. Сложно сказать, предназначались ли гравюры для копирования портретов или оказались в рукописях по случаю их незаконченности. В любом случае гравюра Алексея Зубова сыграла важную роль в создании иконографии в рукописной традиции родословия П.Н. Крекшина.

Родословие в лицах из Тверского музея текстологически полностью соответствует концепции родословия Романовых, сочиненной Крекшиным. Рисунок, подробно описанный А.К. Жизневским, в настоящее время хранится в Тверской областной картинной галерее (7). Он был найден в 1880 г. недалеко от станции Любань на чердаке дома Н.П. Волкова генерал-лейтенантом П.А. Полторацким, который и передал его в Тверской музей. Рисунок требовал реставрации уже при обнаружении, долгие годы хранения на чердаке сказались на состоянии бумаги и туши; благодаря П.А. Полторацкому он был подклеен и распрямлен. В 1937 г. его передали в Тверскую картинную галерею.

Крекшинская концепция родословия Романовых существенно отличается от общепринятой. Петр Никифорович по-особому относился к происхождению императрицы Елизаветы Петровны, и изо всех сил пытался доказать ее легитимность. В нижней части рисунка помещены «портреты» легендарных Гостомысла, Словена и Избора, предков княгини Ольги, и «портреты» византийских предков княгини Анны, Василия Македонянина, Льва Мудрого, Константина Багрянородного и Романа. Между ними род Рюрика, соединенный через брак Игоря с Ольгой со славянскими князьями и через брак Владимира с Анной с византийскими (римскими) императорами. После Владимира Мономаха род делится на две ветви: от Мстислава Владимировича через Смоленских и Ярославских князей происходят Романовы, а от Юрия Владимировича Долгорукого идет линия московских князей и царей. Таким образом, Елизавета Петровна по Крекшину не только Романова, но и принадлежит династии Рюриковичей, связанных родственными узами с древними славянскими князьями и римскими императорами.

Гравированные портреты с гравюры А. Зубова в целом сыграли роль образца для родословия в лицах, хотя полное сходство портретов отсутствует. Мы можем видеть свободную трактовку образа того или иного лица. Рюрик, Игорь, Ольга, Владимир и многие другие персонажи имеют условное изображение, повторяя лишь некоторые детали, присущие изображению на гравюре. Анна Петровна и Петр Федорович, изображений которых нет на гравюре Зубова, узнаваемы, и, вероятно, копировались с уже известных гравированных портретов. Дмитрий Донской на рисунке изображен в профиль в шлеме с короной, повторяя портрет Дмитрия Александровича с гравюры, как и в лицевых рукописях «Экстракта», что несомненно демонстрирует связь «родословия в лицах» с этими рукописями. В тоже время, галерея романовых на рисунке, от Захария до Федора (Филарета) Никитича, отличается от их изоб-

ражений в рукописях. Следует отметить, что в родословии отец царя Михаила Федоровича представлен как светская персона, а в рукописях он уже патриарх Филарет. Некоторые персонажи, например, Гостомысл или Юрий Долгорукий, изображены в горностаевых мантиях, что позволяет увидеть возможное влияние и родословного древа Ивана Никитина.

Новгородский дворянин Петр Никифорович Крекшин явился самым ярким защитником законности прихода к власти дочери Петра Великого Елизаветы. Родившаяся в 1709 г., еще до бракосочетания родителей, которое состоялось в 1712 г., Елизавета остро нуждалась в литературной легитимизации своего положения после прихода к власти в результате государственного переворота. Заметим, что ни в «Экстракте», ни в картине нет изображений Анны Иоанновны или Иоанна Антоновича. В «Экстракте» П.Н. Крекшин восхищается мужеством Елизаветы, которая «...с единой гранодерскою ротою гвардии полку Преображенского ноября 25 дня 1741 году храбро предводительствуя взошла на престол родителей своих, неправу владеющих престолом родительским арестовала» (8). Основная литературная задача Крекшина заключалась в том, чтобы продемонстрировать законность прав Елизаветы на императорский престол, как дочери Петра Великого и наследницы древних князей и царей. Его не смущали несоответствия и противоречивые факты.

Примечания

1. На самом деле медальонов 57, т.к. портрет великого князя Ярослава под № 33 пропущен.
2. БАН. 32.9.50.
3. Следует отметить, что родословие в лицах составлено Крекшиным не на два, а на четыре года ранее «Экстракта», в 1752-м, как следует из текста, тогда как «Экстракт» написан в 1756-м.
4. БАН. 31.6.35; 25.1.11.
5. БАН. 25.1.11 — Филиграни: Герб Ярославля // ЯМАЗ соответствует № 749 (1756) у Клепикова I. 31.6.35 — Филиграни: IV // Strasburg bend, знак близок № 1178 (1758, 1762) у Клепикова I. Филигрань находится у переплета, александрийский лист сложен дважды как у 4°.
6. БАН. 32.12.10.
7. ТОКГ. Инв. № Г-1022. Выражаю искреннюю благодарность за помощь в поисках рисунка А.А. Романовой, Г.С. Гадаловой, Н.А. Майоровой и главному хранителю ТГОМ Елене Мойкиной, благодаря которой удалось выяснить, что рисунок был передан в ТОКГ в 1937 г.
8. БАН. 25.1.11. Л. 138.

Список источников

1. Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков / сост. А.В. Сиренов. Москва, 2018.
2. *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. II. П-Ө. Санкт-Петербург, 1889. Стлб. 1369–1375.
3. *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. I. А-О. Санкт-Петербург, 1889. Стлб. 633–634.
4. *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. I. А-О. Санкт-Петербург, 1889. Стлб. 265–266.

5. *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. II. Приложение IV: Откуда заимствованы изображения великих князей и царей русских от Рюрика до Иоанна Грозного. Санкт-Петербург, 1889. С. 218-219.
6. Памятники древней письменности. Санкт-Петербург, 1883. 32 с.
7. Родословие в лицах императрицы Елизаветы Петровны. Читал в заседании Тверской ученой архивной комиссии А.К. Жизневский. Тверь, 1892. 28 с.
8. Родословие в лицах императрицы Елизаветы Петровны... С. 5-6.

В.В. Митрофанов

ТРУДЫ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО И ЧИТАТЕЛИ В ЖЕНСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

АННОТАЦИЯ

С привлечением неизвестных архивных материалов раскрывается интересная страница деятельности Женского педагогического института и роль его директора С.Ф. Платонова по обеспечению учебного процесса литературой. Делопроизводственные источники — накладные, расписки о почтовых переводах — позволяют проследить названия книг, количество экземпляров, отгруженных со склада В.О. Ключевского, его книг, их стоимости, времени исполнения заказа.

Ключевые слова: Василий Осипович Ключевский, учебный процесс, Сергей Федорович Платонов, заказ книг, почтовые отправления.

Потребности экономического развития российской империи требовали грамотных людей. Педагогических же кадров катастрофически не хватало. 1903 г. в России ознаменовался важным событием в культурной жизни: был открыт императорский Женский педагогический институт (ЖПИ) [3]. У истоков нового учебного заведения стоял Президент Академии Наук великий князь Константин Константинович. Директором института был назначен авторитетный столичный профессор, многие годы преподававший помимо столичного университета на Высших (Бестужевских) Женских Курсах [15, с. 253–255; 8, с. 14–19]. В новом институте были открыты два отделения: физико-математическое и словесно-исторический (фактически это были факультеты). Слушательницы или «педагогички», как ласково их называл директор, имели до зачисления хорошую базу — гимназию, а конкурс порой был настолько высокий, что принимались только окончившие их с медалями.

Началась многолетняя работа по созданию учебного заведения с университетскими программами. Набирались кадры, строилось здание, организовывались и оснащались лаборатории, создавалась библиотека — неотъемлемая часть качественного учебного процесса [7, с. 103–108].

Сам С.Ф. Платонов много работал в библиотеках, поэтому и придавал большое значение качеству библиотек, в том числе и института. Об этом находим не мало сведений в его переписке. В письме от 29 июня 1883 г., находясь в отпуске, писал своему другу В.Г. Дружинину, что для него неудобно «работать без библиотеки» [1, с. 11]. В письме 27 января 1885 г. московскому коллеге Я.Л. Барскову, критикуя монографию казанского профессора Н.П. Загоскина «История права Московского государства», писал, что «легко дойти до докторства без библиотеки...» [1, с. 16].

Он знал цену и известным ему личным библиотекам. «По секрету» писал В.С. Иконникову о судьбе библиотеки умершего В.Г. Васильевского, которая «уцелела только частью», одна была куплена В.Э. Регелем,

другая продана букинисту, одну особо ценную рукопись — греческий Амартол — разыскивала даже полиция [1, с. 66].

Часто просил своих знакомых из числа сотрудников библиотек оказывать помощь своим ученикам. Например, в письме А.Ф. Бычкову — директору Публичной библиотеки — высказывал просьбу «о допущении» С.В. Рождественского «к занятию рукописями как в Публичной библиотеке, так и в библиотеке Археографической комиссии» [1, с. 34].

Вел целенаправленную работу по собиранию институтской библиотеки, куда слали свои труды известные ученые. 3 марта 1907 г. директор благодарил В.Ф. Миллера за присылку для институтской библиотеки книги «Отголоски Смутного времени в былинах» [1, с. 102]. Порой предпринимались попытки, иногда не безуспешные, покупки частных библиотек для института. В 1907 г. велись разговоры о приобретении за 1300 р. библиотеки П.А. Бессонова — известного историка литературы [1, с. 109–110]. А в следующем, 1908 г., разошлись слухи о продаже библиотеки В.С. Иконниковым. С.Ф. Платонов сразу же написал письмо выдающемуся археографу с прямым вопросом, но высказывал сожаление о неимении для этого средств. Вскоре стало ясно, что библиотека остается у хозяина, что очень обрадовало С.Ф. Платонова [1, с. 119–120].

Интересен вопрос о том, почему С.Ф. Платонов не стал директором Публичной библиотеки. Об этом шли разговоры на самом высоком уровне, начиная с 1902 г. Вовлечены в это дело были великие князья Владимир Александрович и Константин Константинович, граф С.Д. Шереметев и другие [9, с. 19–28]. Известно сотрудничество С.Ф. Платонова с Н.И. Драницыным — крупным библиотечным работником Нижегородской губернии — по вопросам комплектации библиотеки Нижегородской губернской ученой архивной комиссии [10, с. 71–78].

Следовательно, С.Ф. Платонов работе с библиотечными фондами придавал большое значение, рассматривая их, как необходимое условие качественной работы исследователя.

Мы коснемся малоизвестного факта из жизни женского Педагогического института, директором которого был С.Ф. Платонов в 1903–1916 гг. Речь пойдет о приобретении слушательницами института книг В.О. Ключевского.

Необходимо кратко напомнить о том, как С.Ф. Платонов познакомился с трудами ученого. Восторженные отзывы о молодом приват-доценте В.О. Ключевском появились с приходом его в Московский университет. Еще заканчивая гимназию, С.Ф. Платонов уже многое знал про Московский университет, чуть позже познакомился через своих московских друзей с неординарным преподавателем В.О. Ключевским, пожалуй, самым выдающимся учеником С.М. Соловьева. Уже став первокурсником Санкт-Петербургского университета, С.Ф. Платонов получил письмо от В.Н. Беркута — студента Московского университета, написанное 24 декабря 1878 г., где адресант упоминает имя В.О. Ключевского, но характеристику не дает, «отлагая до следующего письма», т.к. ему «придется очень много говорить». К сожалению, следующие сведения были написаны только 9 октября 1879 г.: «...вм[есто] Соловьева Ключевский, к[ото]рый обещает очень много. Он еще не начинал, но уже очень известен в Москве как дельный, интересный и живой профессор»

[12, с. 1404–1418]. А Е.Н. Калайдович, с которой С.Ф. Платонов вел активную переписку с 1887 г., когда поступила на курсы Герье с восхищением писала, что «лучший у нас профессор — это Ключевский, слушать его составляет необыкновенное наслаждение». В это же время расхвалились его литографические курсы лекций, попали они и в руки студента С.Ф. Платонова, которого они «сильно увлекли» «разносторонностью и широтой» «исторических явлений», поразили «остроумием и красотой речи» [16, с. 192]. А попали лекции к С.Ф. Платонову в 1880 г., об этом свидетельствует Е.Н. Калайдович, которая, вероятно, и была к этому причастна, как и В.Н. Беркут (вскоре они поженятся). Так в письме от 5 ноября 1880 г. она писала: «Не можете ли Вы препроводить мне к[а]к-нибудь лекции Ключевского, хоть не скоро, но до января, м.б. будет оказия». Так как лекции эти у нее «просят, да и мне надо кое-что посмотреть у него» [13, л. 1 об.–2, 5 об., 6 об.].

Таким образом, первые восторженные отклики на манеру чтения лекций В.О. Ключевским, его завораживающую речь С.Ф. Платонов получал от своих московских друзей [11, с. 119–139]. Эти сведения дали возможность много лет спустя в своей автобиографии С.Ф. Платонову написать, что «ученая известность Ключевского выросла вдруг около 1881–1882 г.» [16, с. 192].

Именно эти характерные черты творческой манеры В.О. Ключевского и будут способствовать тому, что С.Ф. Платонов, сам уже будучи признанным в ученом сообществе авторитетным исследователем и преподавателем, продолжил рекомендовать своим «педагогичкам» труды — прежде всего, лекции — В.О. Ключевского.

В ряде своих работ С.Ф. Платонов дает оценки научным изысканиям своего старшего коллеги, у которого многому учился. Так, его «Лекции» называет «известным курсом» [17, с. 294], «Жития» названы первыми среди «целого ряда исследований» подобного рода и которые «разработаны весьма хорошо» [18, с. 408, 413]. «Боярская дума древней Руси» называется «капитальным трудом» [19, с. 24], где автор выразил свои «оригинальные взгляды» [20, с. 31].

В фонде С.Ф. Платонова хранится интересное довольно объемное дело с названием «Женский Педагогический институт в Петербурге. Библиотека. Материалы о пересылке книг В.О. Ключевского для распространения среди слушательниц института. 1908–1914 г.» [14]. В нем хранятся в основном накладные об отправке книг В.О. Ключевского на имя директора ЖПИ или на склад института, расписки Почтамта о переводах. Безусловный интерес представляют заказы, составленные самим С.Ф. Платоновым, на которых имеются карандашные черновые расчеты количества книг и общая их стоимость.

Естественно, сам ученый вопросами торговли книгами не занимался, к этому делу был приставлен его сын Борис, вероятно, имевший своих помощников, — он-то и вел все дела по приему, обработке и отправке заказов. Поэтому все накладные подписаны его рукой. Кроме сухих названий книг, их стоимости и общей суммы накладные позволяют извлекать и дополнительную, небезынтересную информацию. Например, о весе тюков, которые отправляли по железной дороге, стоимости перевозки, маркировке груза. Например, в накладной от 15 ноября 1913 г. на заказ

от 10 ноября, указаны «Курс русской истории проф. В.О. Ключевского», части I–IV — 5, часть II — 1. Итого: 21 книга на 31 руб. 50 коп. Вес тюка 31 фунт. Тюк запломбирован именною пломбой. № тюка 6146. Литеры В.К., Обозначение ЖПИ [14, л. 28]. Представляет интерес и стоимость перевода. Так стоимость услуги перевода суммы в 128 руб. составляла 50 коп. [14, л. 5].

На накладной от 17 октября 1908 г. имеется приписка: «Заказ Ваш задержан исполнением вследствие того, что адресованный не на имя склада, он сделался известен лишь по возвращении в Москву В.О. Ключевского 13 сего октября».

Далее карандашная помета Платонова: «253 р. 75 к. посланы 23 окт.» [14, л. 9].

Книги известного лектора расходились большими тиражами, поэтому имелся склад изданий профессора В.О. Ключевского, располагавшийся по адресу: Москва, ул. Житная, 14, имелся специальный штампель.

Первый заказ был сделан в феврале 1908 г. на 40 книг «Курса русской истории» Ч. III. Вскоре, 11 февраля, книги были отправлены, а 15 февраля был отправлен перевод за них в размере 70 руб. [14, л. 1–2]. Продажная цена для слушательниц института составила 1 р. 75 коп. Книги разошлись сразу, буквально за 1–2 дня.

Этого количества оказалось недостаточно и сразу, 16 числа, был сделан новый заказ, который включал уже три части «Курса» и книгу «Жития» [4].

Заказ на книги В.О. Ключевского 16 февраля (отправлен 19 февраля 1908 г.)

Название	Часть	Кол-во экз.	Общая сумма р/к
Курс русской истории	I	22	38.50
Курс русской истории	II	25	43.75
Курс русской истории	III	25	43.75
Жития святых как истор[ический] источник		2	2
Итого		74	128

Составлено по: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 321. Л. 4.

Заказ на книги В.О. Ключевского (отправлен 22 марта 1908 г.)

Название	Часть	Кол-во экз.	Общая сумма р/к
Курс русской истории	I	11	19.25
Курс русской истории	II	12	43.75
Курс русской истории	III	25	43.75
Итого		48	84

Составлено по: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 321. Л. 8.

Заказ на книги В.О. Ключевского от 25 сентября. (отгрузка 17 октября 1908 г.)

Название	Часть	Кол-во экз.	Общая сумма р/к
Курс русской истории	I	54	94.50
Курс русской истории	II	66	115.50
Курс русской истории	III	35	61.25
Итого		145	253.75

Составлено по: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 321. Л. 9.

Следовательно, в 1908 г. было оформлены и получены книги 3-х заказов.

Заказ на книги В.О. Ключевского от 30 сентября 1909 г.

Название	Часть	Кол-во экз.	Общая сумма р/к
Курс русской истории	I	21	36.75
Курс русской истории	II	17	29.75
Курс русской истории	III	38	66.5
Боярская дума Древней Руси		16	28
Итого		92	161

Составлено по: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 321. Л. 7.

Количество экземпляров «Боярской Думы», как и цена, не указаны, но они легко вычисляются из общего количества заказанных книг (16), как и стоимость одной книги — 1 р. 75 к.

Как следует из текста на этой накладной, было заказано еще «Пособие по русской истории», но книги не были «высланы в виду распродажи издания. В настоящее время книга вышла из печати и может Вам быть переслана в любом количестве на тех же условиях» [14, л. 7].

К этой накладной приклеена расписка Почтамта на 161 руб. от 18 ноября 1909 г.

Заказ на книги В.О. Ключевского от 27 января 1910 г.

Название	Часть	Кол-во экз.	Общая сумма р/к
Курс русской истории	I	6	
Курс русской истории	II	7	
Курс русской истории	III	5	
Краткое пособие по русской истории		13	
Итого		31	54.25

Составлено по: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 321. Л. 12.

На накладной имеется интересное примечание: Отпущены Вам следующие книги с уступкой (20 % цифра отпечатана на бланке. — В.М.) исправлено на 30 % с номинальной цены.

На накладной имеются указания на книги, находящиеся в печати: «Сборник статей» [22] и «Древнерусские жития святых».

Заказ на книги В.О. Ключевского от 6 марта 1910 г.

Название	Часть	Кол-во экз.	Общая сумма р/к
Курс русской истории	I	3	7.50
Курс русской истории	II	4	10
Курс русской истории	III	2	5
Курс русской истории	IV	13	32.50
Краткое пособие по русской истории		(13)	
Итого		22+ (13)	55

Составлено по: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 321. Л. 13.

По этому заказу была предоставлена скидка 16.50. Итого: 38.50.

Были случаи и неполного исполнения заказа, так на этой накладной имеется приписка Бориса Ключевского: «Приношу извинения в непра-

вильной и неполной отправке книг. Следующие 13 книг досылаются» [14, л. 13].

Заказ на книги В.О. Ключевского от 8 марта 1910 г.

Название	Часть	Кол-во экз.	Общая сумма р/к
Курс русской истории	I	1	1.75
Курс русской истории	II	2	3.50
Курс русской истории	III	4	7
Курс русской истории	IV	18	31.50
Итого		25	43.75

Составлено по: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 321. Л. 14.

Как свидетельствует дата на накладной, заказ отправлен 13 марта. Оплата была переведена 17 марта.

Заказ на книги В.О. Ключевского от 27 октября 1910 г.

Название	Часть	Кол-во экз.	Общая сумма р/к
Курс русской истории	I	42	
Курс русской истории	II	46	
Курс русской истории	III	34	
Курс русской истории	IV	88	
Итого		160	280

Составлено по: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 321. Л. 15.

Заказ на книги В.О. Ключевского от 12 декабря 1911 г.

Название	Часть	Кол-во экз.	Общая сумма р/к
Курс русской истории	I	4	7
Курс русской истории	II	4	7
Курс русской истории	III	16	28
Курс русской истории	IV	20	35
Боярская дума Древней Руси		3	5.25
Итого		47	82.25

Составлено по: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 321. Л. 19.

Заказ на книги В.О. Ключевского от 12 января 1913 г.

Название	Часть	Кол-во экз.	Общая сумма р/к
Курс русской истории	I	5	12.50
Курс русской истории	II	5	12.50
Курс русской истории	III	18	45
Курс русской истории	IV	19	57.50
Итого		47	117.50

Составлено по: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 321. Л. 19.

Книги стали стоить 2 р. 50 к., но на этот заказ скидка была предоставлена 40%, следовательно, слушательницам продавали по 1.50 за экземпляр. Здесь же дописано: «Затребованные Вами книги “Опытов и Исследований”» не могли быть высланы за распродажей 1 издания. Если не последует отказа, книги могут быть высланы по отпечатанию 2 издания приблизительно через месяц или несколько позднее, по той же цене» [14, л. 21].

Заказ на книги В.О. Ключевского от 15 февраля 1913 г.

Название	Часть	Кол-во экз.	Общая сумма р/к
Курс русской истории	I	9	13.50
Курс русской истории	II	9	13.50
Курс русской истории	III	15	22.50
Курс русской истории	IV	18	27
Итого		51	76.50

Составлено по: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 321. Л. 23.

Скидка была предоставлена уже 40%, а вес отправления составил 1 пуд. 33 ф.

Заказ на книги В.О. Ключевского от 28 октября 1914 г.

Название	Часть	Кол-во экз.	Общая сумма р/к
Курс русской истории	I	35	52.50
Курс русской истории	II	36	54
Курс русской истории	III	21	31.50
Курс русской истории	IV	23	34.50
Итого		115	172.50

Составлено по: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 321. Л. 31.

На Накладной от 3 ноября 1914 г. есть приписка: «Сумма получена сполна». Подпись: Б. Ключевский. Наклеена фирменная марка «В.О. Ключевский». На последних листках черновые расчеты Платонова: «160 экз. * 1.75 = 280 р. 280 руб. всего — 30 + 250 руб.

30 + 130 = 160. Послано 120» [14, л. 36].

В деле хранятся и небольшие листочки, на которых имеются расчёты, сделанные С.Ф. Платоновым, в чем и состоит их ценность. Они без числа, но их можно сопоставить с накладными и установить примерное время составления (месяц и год), хотя количество экземпляров не всегда совпадает с накладными. На них же имеются и черновые расчёты о стоимости заказа, исправления количества экземпляров, иногда написаны фамилии, вероятно, слушательниц института. Вот несколько подобных примеров.

Расчет книг сделан рукой С.Ф. Платонова: «I т. — 20, II т. — 19, III т. — 14, IV — 91 = 144 книги. 1. (Е.А. Мапу...)»

21 + 19 + 14 + 93, затем столбиком эти цифры сложены и получилось 147» [14, л. 4].

Расчеты С.Ф. Платонова: «Книги В.О. Ключевского I т. — 35 экз., II т. — 35 экз.+1, III — 21 экз., IV — 22 экз. + 1, V т. — 34 экз. + 1. Опыты и исслед. 6 экз.+1 Всего 153 экз.»

Рукой С.Ф. Платонова: «II к. Курс пр. Ключевского. 72 экземпляра.

I том. — 5 экз., II — 5, III — 18, IV т. — 19. Опыты... — 25. 72 экз. = 126 рублей. Слуш. II-го к. сл.-исто. отд. В. Берникова».

Далее карандашные вычисления: «За Опыты 1 р. 75 * 25 = 43 р. 75 к., За Курс 25 * 47 = 11 р. 75 к. Всего 55 р. 50 к. Остает. % р. 50 к.» [14, л. 17–18].

Расчет рукой С.Ф. Платонова: «Курс русской истории В.О. Ключевского. I том. — 44 экз., II — 39, III — 12, IV т. — 11. Итого 106 экз. по 1 р. 50 к. за экз. = 159 рублей. V том — 36 экз., Опыты-36 экз.» [14, л. 26].

Заказ рассчитан рукой С.Ф. Платонова: «Курс русской истории В.О. Ключевского. I том. — 5 экз., II — 6, III — 5, IV т. — 5. 21 экз. — 31 р. 50 к.» [14, л. 30].

Эти сухие цифры позволяют увидеть в С.Ф. Платонове чуткого руководителя, откликавшегося на запросы своих «педагогичек». Он старался быть осведомленным по всей части вопросов жизнедеятельности института, в том числе и укомплектованности библиотеки, и приобретении слушательницами своих собственных экземпляров лучших научных трудов по специальности.

Таким образом, строгие деловые накладные позволяют увидеть спрос на книги В.О. Ключевского слушательницами ЖПИ. Регулярные заказы, сделанные в 1908–1914 гг., помогают подсчитать общее количество заказанных книг по наименованиям. Надо заметить, что в эти же годы издавались и «Лекции по русской истории» [21] С.Ф. Платонова, и его же «Систематический курс», но он продолжал рекомендовать для изучения и замечательный курс В.О. Ключевского, который оставался популярным. В общей сложности было закуплено «Курса» 1 т. — 182 экз., 2 т. — 208 экз., 3 т. — 222 экз., 4 т. — 200 экз., «Боярская дума» — 19 экз. и «Краткое пособие» — 26 экз. на общую сумму 1539 р. 50 к.

С.Ф. Платонов же, как директор, активно помогал своим слушательницам готовить заказы на книги В.О. Ключевского, порой сам занимался расчетами для их формирования. Спрос был регулярным, самый большой был одновременно сделан на 160 книг в октябре 1910 г. Обратим внимание: книги приобретались как при жизни популярного и авторитетного московского академика, так и после его смерти.

Список источников

1. Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2 т. / ред. С.О. Шмидт. Москва: Наука, 2003. Т. 1. 383 с.
2. Бухерт В.Г. «Мне очень трудно заменить этого незаменимого человека» (Письмо великого князя Константина Константиновича императору Николаю II с рекомендацией С.Ф. Платонова на пост директора Публичной библиотеки) // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. Санкт-Петербург: Любавич, 2011. С. 101–102.
3. Груздева Е.Н. Академическое интермеццо: Очерки истории Санкт-Петербургского Императорского Женского педагогического института. Санкт-Петербург, 2009. 192 с.
4. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Москва, 1871. 465 с.
5. Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. Изд-е 4-е. Москва: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1909. 548 с.
6. Ключевский В.О. Курс русской истории. Изд. 3-е. Ч. 1. Москва: тип. Г. Лисснер и Д. Собко, 1908. 464 с.
7. Митрофанов В.В. Роль С.Ф. Платонова в формировании Е.В. Гогель как крупного библиотечного работника // Петербургская библиотечная школа. 2017. № 1 (57). С. 103–108.
8. Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов на Высших женских (Бестужевских) курсах // История Петербурга. 2008. № 6 (46). С. 14–19.
9. Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов в «битве» за пост директора Публичной библиотеки // Научные труды Западно-Сибирского Института Финансов и Права / отв. ред. Р.В. Ковальчук. 2010. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского гуманитарного университета. С. 19–28.

10. *Митрофанов В.В.* Библиотеку, которую «и организовал и создал»: дело всей жизни Н.И. Драницына // *Библиотекосведение*. 2013. № 2. С. 71–78.
11. *Митрофанов В.В.* О московских знакомствах С.Ф. Платонова в гимназические годы: побратим и посестрима (вступ. ст. публик., коммент.) // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. № 2. С. 119–139.
12. *Митрофанов В.В.* Особенности взаимоотношений историков Платонова и Ключевского // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История*. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1404–1418.
13. *Письма Е.Н. Калайдович (Беркут) С.Ф. Платонову* // *Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки*. Ф. 585. Оп. 1 Ч. 2. Д. 2275. Л. 1 об. — 6 об.
14. Женский Педагогический институт в Петербурге. Библиотека. Материалы о пересылке книг В.О. Ключевского для распространения среди слушательниц института. 1908–1914 г. // *Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки*. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 321. Л. 1–36.
15. *Платонов С.Ф.* О преподавании русской истории на С-Петербургских Высших женских курсах в 1878–1903 гг. // *Платонов С.Ф. Собрание сочинений*: в 6 т. Москва: Наука, 2017. Т. 5. С. 253–255.
16. *Платонов С.Ф.* Автобиография // *Платонов С.Ф. Собрание сочинений*: в 6 т. Москва: Наука, 2017. Т. 5. С. 192.
17. *Платонов С.Ф.* Записка об ученых трудах профессора Ф.А. Брауна // *Платонов С.Ф. Собрание сочинений*: в 6 т. Москва: Наука, 2017. Т. 5. С. 294.
18. *Платонов С.Ф.* Лекции по юридическим древностям, читанные профессором С.Ф. Платоновым в Императорском Археологическом институте в 1911–1912 гг. // *Платонов С.Ф. Собрание сочинений*: в 6 т. Москва: Наука, 2017. Т. 5. С. 408, 413.
19. *Платонов С.Ф.* [Рецензия на книгу Белова «об историческом значении русского боярства до конца XVII в.» (СПб., 1886)] // *Платонов С.Ф. Собрание сочинений*: в 6 т. Москва: Наука, 2017. Т. 5. С. 24.
20. *Платонов С.Ф.* [Рецензия на книгу К.Н. Бестужева-Рюмина «Русская история» (СПб., 1885. Т. 2, вып. 1)] // *Платонов С.Ф. Собрание сочинений*: в 6 т. Москва: Наука, 2017. Т. 5. С. 31.
21. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. Изд. 5-е, исправл. и дополн. Санкт-Петербург, 1907. 651 с.
22. Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. Москва: Т-во «Печатня С.П. Яковлева». 828 с.

Ю.А. Долгих

«ИЗ КНИГ СОБОРНОГО ДИАКОНА»: к вопросу о биографии Т.В. Кедрова и составе его библиотеки

АННОТАЦИЯ

Во многих библиотеках встречаются книги с владельческой надписью новолодожского диакона Т.В. Кедрова. Информации о нем сохранилось очень мало, и его книжный знак отсутствует в крупных экслибрисных каталогах. В настоящей статье предпринимается попытка обобщить найденные биографические сведения о владельце, а также выстроить предположение о возможном составе его библиотеки.

Ключевые слова: Трифилий Васильевич Кедров, книжный знак, личные библиотеки, Отдел редкой книги Библиотеки Академии наук.

В 1913 г. художник В.М. Максимов писал о библиотеке своего дяди, новолодожского диакона Т.В. Кедрова: «сколько книг в двух огромных шкапах, все в кожаных переплетах, больших, как церковный псалтирь или библия, есть даже Евангелие в окладе такое большое, как в Никольском монастыре. Все стены столовой уставлены вплоть шкапами с разными книгами. А в верхнем этаже все стены увешаны старинными гравюрами, картинами, <...> видами монастырей, пустыней, всего не осмотреть и в год» [1, с. 158]. Вероятно, по местным меркам библиотека диакона Кедрова представляла собой действительно богатое собрание. Но на сегодняшний день об этом собрании, как и о самом Трифилии Кедрове, сохранилось крайне мало сведений, хотя книги из его коллекции часто встречаются как в русских, так и в зарубежных книгохранилищах. Часть из них была найдена благодаря случайному просмотру в фондах Библиотеки Российской академии наук (БАН) и Российской национальной библиотеки (РНБ); другие книги обнаруживаются посредством интернет-ресурсов, как например, «Духовная эмблемата» (1730) с владельческими надписями Трифилия Кедрова и его сына Николая, выставленная в онлайн-проекте библиотеки Университета Глазго [2]. Некоторые книги Кедрова удается найти в аукционных каталогах. Так, в 2014 г. был проведен аукцион, реконструирующий состав усадебной дворянской библиотеки: сюда вошли книги, наличие которых считалось обязательным в среде высшего сословия, а также редкие и ценные издания [3]. Среди них в каталоге присутствуют «Письма о Франции в 1815 году сира Валтера Скотта» (1827), где на первом листе характерным витиеватым почерком Кедрова выведено: «Из книг диакона Николаевского Новолодожского собора Трифиллия Василиева Кедрова 1862-го года» [4: лот № 69, с. 50].

К сожалению, все находки пока продолжают носить случайный характер. Фамилия новолодожского диакона на сегодняшний день остается малоизвестной среди фамилий других библиофилов и отсутствует

в каталогах владельческих знаков. Кроме того, сведения о владельце приходится собирать по крупицам из разрозненных источников. Одним из основных таких источников оказываются автобиографические заметки Максимова, которые раскрывают Кедрова не столько как библиофила, сколько как личность. Максимов повествует, как Кедров долго его опекал после смерти родителей и неоднократно приходил на помощь, сыграв не последнюю роль в становлении Максимова как художника, развивая в нем интерес к рисованию и чтению. Особую занимательность представляет собой рассказ о встрече диакона с колдуном: последний неожиданно появился на пороге дома во время свадебного застолья, напугав гостей. Дальнейшее развитие событий Максимов описывает следующим образом: «тогда дядя о. Трифилий встал и громко сказал: “Колдун, подойди сюда, выпей за здоровье молодых красоулю и уходи, не мешая пировать”. Поднесли колдуну водки, дядя сунул ему в руку какую-то монету, и колдун исчез» [1, с. 158]. По мнению Г.П. Стерликовой, этот сюжет лег в основу картины Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» [5, с. 25]. В целом же восприятие Максимовым характера новолодожского диакона раскрывается в одной фразе: «дядюшка Трифилий Васильевич — всеобщий любимец» [6, с. 120].

Нужно отметить, что не только Максимов свидетельствовал о Кедрове в положительном ключе. «Ревность к служению» и «постоянная деятельность» диакона отмечалась в «Историко-статистических сведениях о Санкт-Петербургской епархии», где было добавлено, что имя диакона вписано практически во все помянники местных прихожан, которые после его смерти сами соорудили ему надгробный памятник [7, с. 79]. О профессиональных качествах Кедрова можно предполагать исходя из документов, свидетельствующих, что он был назначен на должность письмоводителя Новолодожского духовного правления, как гласит соответствующая запись в журнале правления: «Слушали... указ Духовной Консистории о утверждении соборного диакона Трефилия Кедрова, исполняющим должность столоначальника по Правлению <...> Кедрову с причетниками и по приводе их к присяге на должности велеть первому принять от прежнего письмоводителя все дела и принадлежащие Правлению вещи» [8]. В «Историко-статистических сведениях» также было добавлено, что Кедров ревизовал архив правления, был членом комиссии при обновлении собора [7, с. 79].

Эта информация, вкупе с заметками Максимова, позволяет составить некоторое представление о ключевых этапах жизни Кедрова. На основании даты смерти и указания возраста диакона [7, с. 79] становится понятным, что родился Трифилий Васильевич в 1787 г., в семье Колумбовых [9, с. 93]. Смена фамилии с «Колумбова» на «Кедрова», по всей видимости, произошла во время обучения будущего диакона в семинарии, что было в то время в порядке вещей. В 1818 г. Трифилий Васильевич женился на Прасковье Прохоровне, в браке с которой родились сын Николай и две дочери (1) [1, с. 148; 9, с. 111]. До 1832 г. Трифилий служил дьячком в селе Шижнеме в Крестовоздвиженской церкви, затем — в Новолодожской Климентовской церкви и на Песоцком погосте в 1833 г. В 1836 г. его назначили диаконом Николаевского собора, где он служил до 1869 г. Умер Кедров 8 февраля 1876 г. [7, с. 78–79].

Помимо статистических епархиальных сведений и заметок Максимова важную часть данных о Кедрове предоставляют пометы, оставленные им на книгах из своей библиотеки. Ранее [10] уже рассказывалось о «визитной карточке» Т.В. Кедрова – его рисованном экслибрисе, который он оставлял на вклеенных листах рукописных книг из своей коллекции и ярких цветных литографиях, вплетенных в тетрадные блоки. Другой характерной чертой стали мемориальные записи диакона, как, например, запись на вклеенном листе рукописной книги «Житие Александра Свирского», посвященная его жене: «1857 года октября 13 дня по полудни в 4-м часу представилась раба Божия Парасковья Прохорова, жена Новоладожского соборного диакона Трифилия Василиева Кедрова. Родилась она 1799-го года октября 11 дня, день Ангела ея 14 числа, преподобной Параскевы от роду ей 58-м лет. В супружестве жила 39-ть годов и 8-мь месяцев. Вечная ей память! Помяни ей Господи во царствии Твоем! Любезные мои дети! Поминайте от усердия добрую вашу маменьку, а мою милую и незабвенную супругу. Она исповедана и приобщена Св. Христовых тайн, и маслом соборована. Вечная ей память» [11].

Другие записи заставляют обратить внимание на сына Кедрова Николая. На одном из экземпляров книг Отдела редкой книги (НИОРК) БАН владельческая надпись Кедрова была дополнена аккуратной вставкой (здесь указано в квадратных скобках): «Из книг [сына] Соборного Диакона Трифилия Василиева Кедрова, [Николая Кедрова]». Здесь же — номер книги в библиотеке (346-й), проставленный витиеватым почерком диакона, зачеркнут и написан другой (53-й) рукой его сына. Таким же образом Николай Кедров дополнил и традиционную для Кедрова-старшего полистную запись: «Сия книга [сына] Соборного Диакона Трифилия Василиева Кедрова, [Николая Кедрова]. Кроме того, на внутренней стороне верхней крышки переплета рукописного сборника, представляющего собой выписки из Пролога, хранящегося в Рукописном отделе (НИОР) БАН, также под владельческой надписью Трифилия Кедрова дописано: «Николая Кедрова».

О самом Николае Кедрове известно, что он не пошел по стопам отца: после окончания семинарии он стал студентом педагогического института [9, с. 111]. В статье А.И. Васкул содержатся сведения о собирателе фольклорно-этнографических материалов в Новгородской губернии Николае Трифильевиче Кедрове, чья основная деятельность пришлась на 1860-е гг. [12, с. 572–573]. Сведения статьи позволяют идентифицировать новгородского собирателя и сына новоладожского диакона как одно лицо. По данным составителя, Николай Кедров сотрудничал с Русским Географическим обществом, публиковался в «Новгородском сборнике». Одной из крупных его работ стал «Словарь Новгородского наречия, Ладожского говора и 75 слов Офенского наречия», который был передан В.И. Далю.

Трудно строить предположения о том, как сложилась судьба библиотеки Кедрова. Очевидно, диакон любил дарить книги тем, кто в них, по его мнению, мог найти пользу; о любви к чтению и щедрых подарках свидетельствует Максимов: «Дядя, видя мой интерес к книгам, в этот раз подарил мне священную историю с картинами и большое житие

Алексея, митрополита Московского, только что вышедшее из печати. Подарил мне запас бумаги, карандашей, резинку, банку чернил, портрет митрополита Никанора и Св. Семейство Рафаэля» [1, с. 158]. О том, что Кедров охотно делился книгами из своей библиотеки, свидетельствует также надпись на рукописной книге – сочинениях Дионисия Ареопагита (кон. XVIII в.), которая хранится в Рукописном отделе РНБ: «Пожегнул книгу сию в Староладожский Николаевский монастырь Диакон Трифиллий Кедров. 1869-го года июня 2-го дня. Прошу не забыть в молитвах своих!» [13].

Однако вопрос о том, каким образом книги Кедрова разошлись по разным хранилищам, на сегодняшний день остается открытым. Очевидно, что не только книги, но и другие предметы его коллекции, например, гравюры, – перешли в частные собрания. В качестве примера приведем данные о лубочной коллекции Л.В. Евдокимова в Русском Музее, где тоже обнаружилось записи новолadoжского диакона. Собрание Евдокимова включало в себя, помимо книг и этнографических предметов быта, более трех тысяч народных картинок, которые он в 1913 г. предложил купить Русскому Музею [14, с. 155]. В этой коллекции, как очевидно из фотографий 347-го альманаха Русского Музея, находятся гравированные лубки со сценами жития св. Серафима Саровского и владельческими надписями: «Диакона Трифиллия Кедрова 1808-го года». Каким образом лубки из библиотеки диакона попали к Евдокимову, остается загадкой, хотя есть упоминание, что коллекционер посещал «народную книжную лавку г-на Кузина», т.е., лавку Т.Ф. Кузина на Апраксином рынке.

Возвращаясь к вопросу о том, какие книги находились в библиотеке Кедрова, кроме двух уже названных рукописных книг, хранящихся в РНБ, отметим также «Слово на Рождество Богородицы» (XVIII в.) [15] и «Минею служебную» (кон. XVI в.) [16]. Среди памятников в Отделе Рукописей БАН были обнаружены «Звезда Пресветлая» (втор. пол. XVIII в.) [17], «Минея общая» (втор. пол. XVIII в.) [18], а также вышеупомянутые «Выписки из Пролога» [19] и «Духовные приклады» [20], приобретение которых Кедров в своей записи датирует 1845 г. (2). Описание этих рукописей требует отдельного изучения; на данный момент отметим лишь, что тематически все найденные рукописи из коллекции Кедрова – это памятники церковной книжности, многие из них старообрядческие. Практически все они оформлены в характерном для владельца стиле – с вклеенными цветными литографиями и рисунками Голгофы, которые стали узнаваемым экслибрисом Кедрова.

По всей видимости, Кедров комплектовал свою библиотеку через народные книжные лавки. На его книгах часто встречаются записи прежних владельцев, а на одной из книг из фонда НИОРК Кедров приписывает: «куплена 1832го года августа 20-го дня на ярманке». На момент этой покупки Кедров еще служит дьячком в Шижнеме (в полустной записи он подписывается «Климентовским дьячком»), но на форзаце еще не проставлен номер в его библиотеке, как это встречается на других книгах. На страницах выцветшими чернилами осталась более ранняя полустная запись: «из книг Василия Алексева Руновс-

каго». По содержанию книга представляет собой описание египетской земли, ее древних памятников и обычаев: это перевод с немецкого труда Блюменау Ф.В. «Статистическое, географическое и топографическое описание Египта» (1795) [21].

Другая книга носит также исторический характер: это Голиков И.И. «Анекдоты, касающиеся до государя имп. Петра Великого» (1798) [22]. Здесь Кедров в полистной записи подписывается диаконом Николаевского Новоладожского собора и отмечает дату покупки: 1859 г. На вклеенном листе не проставлен номер книги; над владельческой надписью «Из книг диакона Николаевского собора Трифиллия Василиева Кедрова» нарисован схематический крестик. Здесь же затерта прежняя запись чернилами, которую, очевидно, владелец признал ошибочной: «Деяния Петра Великого». На обороте ледериновой обложки поздняя запись красными чернилами: «Собрание А.В. Петрова».

Еще одно издание — «Плоды меланхолии» П.В. Победоносцева (1796) [23], содержащие в себе стихи и прозу о смерти и загробной жизни. На гравированном фронтисписе зачеркнутая надпись: «Ивана Аркова», под ней — владельческая запись Кедрова с тем же схематическим крестом и номером книги в библиотеке: 228. Здесь в полистной записи Кедров не указывает свое место служения, обозначая лишь священный сан.

Две другие книги Кедрова в фонде НИОРК — это 5–8 номер журнала «Вестник Европы» [24], приобретение которого диакон датирует 1862 г., и «Описание римския ватиканския церкви святого Петра» Ж.Ж. Лаланда в переводе М.И. Попова (1776) [25]. Здесь сохранилась полистная запись и владельческая запись Кедрова на титульном листе с добавлением имени его сына Николая, о котором говорилось выше.

Завершая краткий обзор книг, выявленных в НИОРК, хотелось бы отметить некоторые общие для них черты. В отличие от рукописных книг, на печатных изданиях Кедров не делает специального оформления в виде цветных вклеек или раскрашенной вручную и наклеенной на форзац обложки журнала «Странник». Большинство книг Кедров датирует 1860-ми годами, что может свидетельствовать о каких-то дополнительных возможностях комплектования его библиотеки. Листы печатных книг остаются в достаточно хорошем состоянии. В них отсутствуют какие-либо пометы, подчеркивания или маргиналии в тексте, которые бы свидетельствовали об отношении владельца к книге как личному рабочему экземпляру, а записи Кедрова так же, как и в рукописях, обращены к читателю, в руках которого окажется книга. Вероятно, мемориальный характер записей отчасти свидетельствует и о том, о чем говорят записи на его рукописных книгах, — о желании, чтобы потомки помнили о нем, открывая первые страницы книг из его библиотеки.

Примечания

1. Максимов упоминает об Аксинье и Ксении в разных эпизодах, но не совсем понятно, идет ли речь о двух именах или о варианте одного имени.

2. Автор статьи благодарит Белову Людмилу Борисовну за помощь в поиске книг с записями Кедрова.

Список источников

1. Максимов В.М. Автобиографические записки // Голос минувшего. Москва: тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1913. № 4. С. 145–183.
2. *Johann Saubert*. Emblemata Dkhovnyi ko obucheniiu viery so utieshitelnymi figurami i poleznymi slovami [Spiritual Emblems for the teaching of the faith with entertaining figures and useful words]. 1743. Sp. Coll. S. M. Add. 331 // University of Glasgow. Special Collections: Book of the Month. 2006. November. URL: <http://special.lib.gla.ac.uk/exhibns/month/nov2006.html> (accessed 20 August 2020).
3. Кузнецова М. «Усадебная дворянская библиотека» в Никитском 6 июня. Краткие итоги. URL: https://artinvestment.ru/invest/russia/20140611_nikitsky_6_june.html (дата обращения: 20.08.2020).
4. Дом антикварной книги на Никитинском. Аукцион № 30. Усадебная дворянская библиотека. Редкие книги и рукописи XV — начала XX века. 6 июня 2014 г. Москва: Дом антикварной книги в Никитинском, 2014. 176 с.
5. Художник Василий Максимов и «Этнографическое бюро» князя Тенишева / сост. Г.П. Стерликова. Санкт-Петербург: «Аврора»: «Балтийская звезда», 2014. 189, [2] с.
6. Максимов В.М. Автобиографические записки // Голос минувшего. Москва: тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1913. № 7. С. 86–122.
7. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Издание епархиального историко-статистического комитета. Санкт-Петербург: тип. Департамента уделов, 1884. Вып. 9. IV, 534 с.
8. Новоладожское духовное правление. Журнал правления за 1841–1842 гг. ЦГИА СПб. Ф. 1923. Оп. 1. Д. 11, л. 5.
9. Максимов В.М. Автобиографические записки // Голос минувшего. Москва: тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1913. № 5. С. 90–116.
10. Долгих Ю.А. «Рисованный экслибрис» диакона Трифилия Кедрова: книжный знак неизвестного библиофила Новоладожского уезда // Личные библиотеки в составе фондов Российских книгохранилищ: проблемы изучения. Материалы научно-методического семинара 18–19 октября 2016 г. Вып. 1. Санкт-Петербург: РНБ, 2017. С. 136–143.
11. Житие и подвиги преподобного Александра Свирского. РНБ. Ф. 905. Оп. 2. НСРК Q87.
12. Васкул А.И. Кедров Николай Трифильевич // Русские фольклористы: биобиблиографический словарь XVIII–XIX вв. В 5 томах. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2017. Т. 2: Д-Кошурников. С. 572–573.
13. Дионисий Ареопагит. Сочинения. [Кон. XVIII в.]. РНБ. Ф. 905. Оп. 2 (Q). НСРК Q245. I+383 л.
14. Ходько Ю.М. Лубки из коллекции Л.В. Евдокимова в собрании Русского Музея // Страницы истории отечественного искусства. Сборник статей по материалам научной конференции (Русский музей. Санкт-Петербург, 2013). Вып. XIV. Санкт-Петербург: Palace Editions, 2014. С. 155–164.
15. Слово на Рождество Богородицы. [XVIII в.]. РНБ. Ф. 905. Оп. 2 (Q). НСРК Q92. 22+II л.
16. Миняя служебная. [Январь кон. XVI в.]. РНБ. Ф. 905. Оп. 2 (Q). НСРК Q194. 402+I л.
17. Звезда Пресветлая. [Втор. пол. XVIII в.]. БАН НИОР: Приенисейский музей № 47. 63+III л.
18. Миняя общая. [Втор. пол. XVIII в.]. БАН НИОР: Приенисейский музей № 116. 170 л.+I л.
19. Выписки из Пролога. [Нач. XVIII в.]. БАН НИОР: Ф. 61 Собрание текущих поступлений. Оп. I. Ч. 2. № 459. 71+XVI л.
20. Духовные приклады. Выписки из Великого Зеркала. [XVIII в.]. БАН НИОР: Ф. 61 Собрание текущих поступлений. Оп. I. Ч. 2. № 439. 89 л.
21. Блюменау Ф.В. Статистическое, географическое и топографическое описание Египта, собранное из новейших и наилучших известий разных путешествий. Переведено с немецкого [А.К.]. В Санктпетербурге: при Императорской Академии наук, 1795. [9], 440 с. БАН НИОРК: 12594д.

22. Голиков И.И. Анекдоты, касающиеся до государя имп. Петра Великого, собранные Иваном Голиковым. Изд. 2-е, исправленное, дополненное и умноженное. Москва: в Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия, 1798. [2], XV, 536 с. БАН НИОРК: 13433д.

23. Победоносцев П.В. Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца. Ч. 1–2. Москва: в Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия, 1976. Ч. 1 [5], 108 с.; Ч. 2 [4], 142 с. БАН НИОРК: 12981д.

24. Вестник Европы. № 5–8. Москва: В Университетской типографии, 1827. 320 с. БАН НИОРК: 10324п.

25. Лаланд Ж.Ж.Ф. Описание римския ватиканския церкви святого Петра, и великолепнаго Казертскаго дворца, находящагося недалеко от Неаполя. [Перевел М.И. Попов]. В Санктпетербурге: [тип. Академии наук], 1776. VI, 124 с. БАН НИОРК: 24110д.

Н.М. Баженова

ВЕХИ СОЗДАНИЯ В РОССИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЯ И КНИЖНОЙ РЕГИСТРАЦИИ В XVIII ВЕКЕ (по материалам «Летописи БАН»)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена государственной системе книгораспространения и книжной регистрации в России, сформированной в XVIII веке в Библиотеке Императорской Академии наук. Среди основных библиотечных процессов — формирование фонда, создание обязательного экземпляра, систем регистрации, книгораспространения и цензурных ограничений. Создание этих процессов показывает значение Библиотеки для организации других крупных государственных библиотек, возникших в XIX веке на ее опыте и отчасти на ее материалах.

Ключевые слова: История России, XVIII век, Библиотека Российской академии наук, государственная система книгораспространения, государственная система книжной регистрации, фонд книжных изданий, обязательный экземпляр, система книгораспространения, система обязательной регистрации изданий, система цензурных ограничений.

Библиотека Российской академии наук (1714 г.), стала для нашей страны первой национальной [17, с. 11; 19, с. 82–87; 20, с. 7], общедоступной [27, с. XXXII] и научной библиотекой [19, с. 82–87; 20, с. 10; 18, с. 55–62], что позволяет на ее примере рассмотреть вехи создания системы книгораспространения и государственной регистрации книг.

Формирование фонда книжных изданий

В XVIII в. целенаправленное приобретение изданий для Библиотеки первоначально осуществлялось путем закупки за границей через специальных комиссионеров и частными лицами. Доставка изданий производилась в основном водным путем, была сопряжена с опасностями морского пути, и прибытие каждой посылки становилось событием [42, с. № 702, л. 159]. Первоначально основным заграничным комиссионером была фирма Янсон-Весберг [13, с. 72], но со временем появились комиссионеры и в других странах (Иоганн Наторп из Гамбурга [12, с. 22], «нирэнберец» Томас Шруб [23, т. 10, с. 153], А.К. Бриасон из Парижа [23, т. 10, с. 192], голландцы Ватштейн [12, с. 107] и Неом [12, с. 107], П.Ф. Госсе [29, т. 3, с. 149] и Нольме [23, т. 4, с. 51–52] из Гааги и др.). До возникновения Академии наук книги в Библиотеку покупались самим царем (во время второго заграничного путешествия Петра I в 1717 г. [25]), привозились по его поручению из-за границы «библиотекариусом» (И.Д. Шумахер [2, с. 36]) и нарочными (Конон Зотов [20, с. 93–94]), приобретались у известных ученых, собирателей и художников (Мария Сибилла Мериан [14, с. 184–185]), присылались в качестве дипломатического дара (библиотека герцога Курляндского, Фридриха Вильгельма, подаренная его вдовой Анной Иоанновной [26, с. 80]), поступали с собраниями покойных его соратников (Я.В. Брюс [38, с. 133], А. Питкарн [12, с. 18–19], А. Винус

[12, с. 26], Р. Арескин [6, с. 170], Г. Пальмстрик [12, с. 19–20]). После создания в 1725 г. Академии наук книги привозились сотрудниками Академии наук и Библиотеки (Г.Ф. Миллер [23, т. 2, с. 745], И.К. Тауберт [23, т. 9, с. 762–763; 23, т. 10, с. 549]), всеми заинтересованными в деле просвещения России лицами (князь Куракин [23, т. 1, с. 208]), а также приобретались внутри страны у частных лиц (Петр Киснер [23, т. 3, с. 516], вдова А.Ф. Хрущова [23, т. 5, с. 32–33]) или у книготорговцев (И.Я. Вейтбрехт [22, с. 589]). Присылали научные книги секретари иностранных посольств (Гейнцельман [12, с. 60]) и зарубежные ученые (Х. Вольф [42, № 842, л. 77–78об.], Г. Гейнзиус [49, с. 17–18, 84, 92–93, 94], Дж.Г. Магеллан [49, с. 280–281]). Регулярно поступали посылки и через почтдиректоров (Конрад из Мемеля [23, т. 10, с. 59]).

После создания осенью 1727 г. Академической типографии [1, с. 7] и вслед за ней Книжной палаты [4], ставшей, помимо Библиотеки, еще одним российским книжным хранилищем, Академия наук получила возможность участвовать в комплектовании Библиотеки своими изданиями, регулируя одновременно уровень насыщения фондов этими изданиями (количество экземпляров одного издания) и денежные отношения с книгопродавцами и комиссионерами.

Уже в первой половине XVIII в. на покупку книг Академия наук тратила немалые деньги: так, 14 марта 1726 г. в Голландию было послано 1000 руб. [22, т. 1, с. 47], такая же сумма была отпущена и в 1735 г. [23, т. 5, с. 387], а в соответствии с регламентом 1747 г. дополнительно была назначена сумма в 500 руб. «от комиссарства» (из доходов Книжной лавки, которую возглавлял комиссар Панкратьев) [12, с. 97], хотя к концу XVIII в. эти денежные ассигнования порой достигали значительно больших размеров. С 1732 г. покупка книг за рубежом для Библиотеки и переписка с иностранными корреспондентами стала проводиться через академическую Книжную лавку (бывшую Книжную палату) [12, с. 57]. Однако имеется немало свидетельств тому, что Библиотека продолжала принимать в этом активное участие. Так, в 1732 г. для Библиотеки купил в Берлине книги Г.Ф. Миллер [23, т. 2, с. 745]; в 1736 г. в Санкт-Петербурге приобрел рукописные книги А.И. Богданов [23, т. 3, с. 294–295]; в 1749 г. в Копенгагене купил книги И.К. Тауберт [23, т. 9, с. 762–763; 23, т. 10, с. 549].

Участие сотрудников Библиотеки в процессе приобретения изданий выражается и в составлении *списков desiderata* [23, т. 9, с. 659], и в просмотре полученных книг на предмет *отбора* [23, т. 5, с. 33] для фондов.

Комплектование по *спискам* (реестрам, каталогам) велось в Библиотеке еще с начала 1720-х гг. Во время заграничной командировки [21, с. 30, 32] 1721–1722 гг. И.Д. Шумахер предложил переслать каталоги Библиотеки иностранным книгопродавцам с тем, чтобы те могли установить, каких книг в ней не хватает. С этой целью он оставил «каталог» Библиотеки голландскому «книгопродавцу Васенбергу» [28, с. 52, 533–558]. Однако в этот период книгопродавцам самим предлагалось сверять предлагаемые к покупке издания со списками книг, имевшихся в Библиотеке. С 1749 г. для облегчения этой задачи и для упорядочения новых поступлений в Библиотеку Академия наук сама стала составлять списки *desiderata*. В январе 1749 г. академикам предложили составлять «реестры»

необходимых им книг для получения их через Библиотеку или Книжную лавку [23, т. 9, с. 652]. А поскольку тогда же обнаружилось, что ни новых научных книг, ни известий о них у академиков не имелось [23, т. 9, с. 657], был составлен список иностранных ученых ведомостей, которые подлежат обязательному просмотру академиками с целью выявления новых изданий. После этого Книжной лавке следовало эти заказы «немедленно на первых кораблях сего лета из-за моря выписывать» [23, т. 9, с. 659]. Так возник круг источников, ежегодно обязательно закупаемых за границей. По спискам Библиотеки приобретались книги и через московскую Книжную лавку [12, с. 104], причем, не только зарубежные. Списки желательных для приобретения изданий отправлялись комиссионерам Библиотеки или оставлялись им во время заграничных поездок ученых (Я. Штелин [22, с. 639]) и администрации Библиотеки (И.Д. Шумахер [28, с. 52, 533–558], И.К. Тауберт [23, т. 9, с. 762–763]). В ответ из-за границы также присылались списки (книгопродавческие каталоги [23, т. 1, с. 208; 22, с. 619, 639]) предлагаемых к покупке изданий, по которым ученые и служащие Библиотеки отбирали необходимые для Академии наук издания (И.Г. Бакмейстер, И.Г. Штриттер [22, с. 639]). Книжная лавка перед тем, как заказать конкретные издания, также представляла «каталоги» на рассмотрение Библиотеки [30, т. 2, с. 127, 128]. Составление списков *desiderata* практиковалось и в конце XVIII в. (Н.Я. Озерецковский [30, т. 2, с. 378, 386], Ф.Т. Шуберт [30, т. 2, с. 642]).

Отбором книг для Библиотеки из полученных по заказу Академии наук посылок также занимались сотрудники Библиотеки (И.Ф. Брем [23, т. 5, с. 33], С.Ф. Котельников [22, с. 619], И.Г. Бакмейстер [22, с. 639]).

Иными словами, в это время функции формирования книжного заказа для Библиотеки и отбора изданий для ее фонда по получении заказа исполнялись учеными и библиотечными служащими, что свидетельствует об активном участии в исполнении этих функций Библиотекой. Денежные расчеты ведутся, тем не менее, централизованно: подсчет денежных расходов ведет комиссар Книжной лавки. В его функции входит покупать в книжных лавках и типографиях нужные Библиотеке книги, выдавать деньги на расходы Библиотеки, а также «имеющиеся библиотечные деньги в особливом апартаменте считать» [42, № 301, л. 80–87об.].

Становление обязательного экземпляра

В первой половине XVIII в. поступление в Библиотеку академических изданий еще не было отлажено. Книжная лавка, маневренный фонд которой служил для извлечения прибыли (продажи) и для удовлетворения потребностей Академии наук, сосредоточила свои усилия на пополнении фонда Библиотеки зарубежными изданиями, обеспечивая книжно-финансовый эквивалент в ее отношениях с книгопродавцами. Академическая же типография направляла в Библиотеку лишь некоторые виды академических изданий (в основном художественную литературу) [12, с. 100]. К 1746 г. в Библиотеке образовались значительные *лакуны* отечественных и иностранных изданий, что 16 мая 1746 г. повлекло за собой личное распоряжение президента Академии наук: «Все, что в типографии [Академии наук] печататца ни будет, кроме книг, а именно тра-

гедии, комедии, оперы, речи посольские и прочее тому подобное, то из оных отдавать от корректора Барсова з запискою в расход с расписками на всяком языке по *шести* для сохранения в библиотеку» [42, № 842, л. 103].

В новом распоряжении президента от 30 апреля 1747 г. указывается иное количество экземпляров: «В книжной лавке из имеющихся книг, какие есть на российском, французском, немецком, италийском и одним словом сказать на каких бы языках ни были, выбрать бухгалтеру Прейсеру от каждой книги по *три* экземпляра, ис которых один экземпляр на хорошей бумаге отдать переплесть в библиотечный переплет, а прочие два экземпляра в простой переплет, и по переплете отдать оные для сохранения в библиотеку, и те книги ему, Прейсеру, записать в расход, а ежели которых книг в книжной лавке не сыщется, а напреж сего были, то оные возможно за деньги ему, Прейсеру, сыскать, дабы в Библиотеке все до одной книги были» [42, № 842, л. 155]. В этом распоряжении речь идет о российских академических изданиях, поскольку регулярно исчерпывающее комплектование несколькими экземплярами иностранных изданий легче было вести не на территории России, а за границей. К тому же на май 1749 г. имеются сведения о выписке через почтамт специального (*второго!*) экземпляра иностранных газет для чтения академиками на дому [23, т. 9, с. 768–769]. Никаких сведений о выписке нескольких экземпляров других изданий на это время не имеется [23, т. 9, с. 659, 671, 762–763], тем более что покупка зарубежных изданий по спискам Библиотеки требовала больших временных и денежных затрат. Так, в июле 1749 г. мемельский почтдиректор Конрад, обещая в письме в Академию наук стараться осведомляться «о требуемых императорскою академиею наук печатных сочинениях, можно ли их порядочно получать, по чему каждая книга на месте продается и сколько весовых денег за них надобно», одновременно напоминал о том, что «доставать такие разные книги из дальних земель <...> требует много времени, многой переписки, а притом надобны наличные деньги», почему он и не может «оных сочинений тотчас <...> выписывать» [23, т. 10, с. 59]. Из этого следует, что регулярно и исчерпывающе комплектовать Библиотеку несколькими экземплярами иностранных изданий было невозможно. Стало быть, в конце 1740-х гг. Книжная лавка Академии наук была обязана поставлять в Библиотеку три экземпляра отечественных академических изданий, издававшихся на иностранных языках. Наш вывод: Это говорит о том, в России *обязательное комплектование Библиотеки несколькими экземплярами изданий* впервые началось именно в рамках академического книгоиздания.

Количество в 3 экземпляра все же не было окончательным. Так, в 1749 г. из книжной лавки в Библиотеку переданы 8 годовых комплектов «Ведомостей» (4 на русском и 4 на немецком языке) [12, с. 102].

Весной 1750 г. последовало распоряжение Канцелярии Академии наук о выделении обязательных экземпляров изданий Академии Разумовскому, Теплому и Шумахеру, «дабы б можно было им видеть и впредь, что пристойно, по их рассуждениям, в печать вновь издавать» [23, т. 10, с. 341]. Каждому из этих лиц книжная лавка должна была подобрать все академические издания за прежние годы, а в дальнейшем передавать и

новые издания, включая и газеты по мере их выхода [12, с. 102]. В Библиотеку должно было отправляться *два* экземпляра, что и стало исполняться с сентября 1750 г. [45, № 259, л. 1–5].

Таким образом, *централизованное руководство комплектованием* продемонстрировало свои преимущества, но не стало еще постоянным и обязательным [12, с. 102–104]. Библиотека продолжала обращаться в Канцелярию с жалобами то на несоблюдение распоряжения о посылке академических изданий [42, № 844, л. 4–4об.], то на получение изданий в разных количествах (от 2 до 25 экз.) [43, л. 117–121об.]. В 1751–1757 гг. по рапортам И.К. Тауберта Канцелярия Академии наук неоднократно подтверждала свое распоряжение книжным лавкам в Петербурге и в Москве о подыскании для Библиотеки необходимых ей книг; типографии подтверждалось распоряжение о регулярной передаче в Библиотеку новых изданий; Фигурная палата должна была в соответствии с прежним указанием Канцелярии сделать по 6 оттисков с каждой изготовленной ею, начиная с 1744 г., «грыдоровальной доски» [42, № 844, л. 17, 66–66об., 136–136об.; 42, № 845, л. 123–125, 184–184об.]. Однако настойчивость Библиотеки не приводила к желаемому результату — полнота комплектования оставляла желать лучшего: в 1752 г. передано 22 названия, в 1753 г. — 5, в 1755 г. — 4, в 1756 г. — 2, в 1757 г. — 50, в 1759 г. — 8, в 1760 г. — 17, в 1761 г. — 34 [12, с. 102–104]. В 1763 г. распоряжением Канцелярии было установлено печатать *специально для Библиотеки* по 6 экземпляров каждого из выходящих в свет изданий [44, л. 47–47об.], но и после этого лакуны были обыкновенным явлением [2, с. 64]⁶ (так, в рапорте И.К. Тауберта от 2 октября 1767 г. отмечается, что более года книг в Библиотеку не поступало [42, № 308, л. 246]).

Однако можно утверждать, что в основном Библиотека комплектовалась *двумя экземплярами* поступавших изданий. Так, на 1760 г. имеются сведения о закупке через московскую книжную лавку *двух* экземпляров каждого названия [12, с. 104]. В 1782 г. во время конфликта между академиками и администрацией Академии наук в лице С.Г. Домашнева упреки в адрес директора касались также неправомерной выписки для Библиотеки *двух* экземпляров непрофильных иностранных книг [7, с. 163–174].

Положение изменилось с назначением 24 января 1783 г. на пост директора Академии наук княгини Е.Р. Дашковой. 17 февраля был оглашен приказ *государственным типографиям* присылать по *одному* экземпляру каждого издания в Библиотеку Академии наук [30, т. 3, с. 654–655], а 23 февраля 1783 г. последовал именной указ Екатерины II: «*из всех казенных и вольных типографий* всякой в печать издаваемой книги по *одному* экземпляру [доставлять] в Библиотеку императорской Санктпетербургской Академии наук» [29, т. 21, № 15671]. Таким образом, для Библиотеки Академии наук был установлен *бесплатный «обязательный экземпляр»* всех выходящих в России изданий. С одной стороны, указ Екатерины II об обязательном экземпляре урезал возможности Библиотеки комплектовать фонды несколькими экземплярами отечественных академических изданий, но с другой стороны, вывел ее *обязательное комплектование на государственный уровень*, придав комплектованию фондов Библиотеки Академии наук *статус государственной политики*. С этого момента богатство фонда Библиотеки стало лицом государ-

ства, его гордостью перед иными державами. Просвещенное государство не могло отныне мыслиться без богатейшей Библиотеки.

В соответствии с указом в Библиотеку Академии наук в 1783 г. поступило 936 книг (674 названий). В том числе: из Московского университета поступило 316 (258 названий), из Сухопутного кадетского корпуса — 123 (85 названий), из Синода — 142 (142 названий), из Морского кадетского корпуса — 57 (49 названий), из Военной коллегии — 56 (48 названий), из типографии Шнора — 36 (34 названий), из Вольно-экономического общества — 33 (3 названий), из типографии Вейтбрехта — 14 (10 названий) [12, с. 135–136].

Следует отметить, что число книг, поступивших в Библиотеку за 1783 г., значительно выше числа опубликованных за год изданий (198). Это объясняется тем, что на первых порах типографии высылали книги не только текущего года, но и предыдущих лет издания. В дальнейшем количество поступающей литературы резко сократилось. Об этом можно судить даже по сумме, ежемесячно отпускавшейся Библиотеке для приобретения изданий. Так, если в августе 1783 г. на покупку и переплет книг Библиотекой истрачено 696 руб. 70 коп., а в октябре — 962 руб. 94 коп., то в ноябре — уже 184 руб. 59 коп. [12, с. 132]. За 1784 г. в Библиотеку поступили всего 82 книги, за 1785 г. — 223 книги, за 1786 г. — 144 книги, за 1787 г. — 133 книги, за 1788 г. — 190 книг, за 1789 г. — 173 книги, за 1790 г. — 177 книг [12, с. 136].

Тем не менее, лакуны изжить все же не удалось [42, № 334, л. 92; 42, № 353, л. 281–282], хотя вначале их количество сократилось [42, № 353, л. 236; 42, № 358, л. 160об.; 42, № 371, л. 362–366об.]. Они появились в обязательном экземпляре уже летом 1783 г. О нарушении поступлений можно судить из рапорта академика С.К. Котельникова: «...с начала академической типографии всегда для Библиотеки отпускались русские и немецкие “Ведомости” с прибавлениями, ныне с начала 1783 г. немецкие совсем не отпускаются, а русские отпускаются с 1 июля сего же 1783 г. без прибавлений» [42, № 334, л. 92]. В 1797 г. Сенат своим специальным указом подтвердил именное высочайшее повеление от 25 февраля 1785 г. Однако в 1800 г. обязательный экземпляр и вовсе не поступал в Библиотеку в течение полугода.

Книгораспространение

Участвовала Библиотека и в становлении российской системы книгораспространения. Тираж академических изданий распространялся внутри страны и за рубежом не только путем продажи через Книжную лавку. Одним из наиболее ранних способов приобретения и распространения книги стал книгообмен [23, т. 1, с. 557 (№ 803)]. Уже в 1721–1722 гг. во время своей заграничной командировки [21, с. 30, 32] И.Д. Шумахер предложил переслать *каталоги Библиотеки* иностранным книгопродавцам с тем, чтобы те могли установить, каких книг в ней не хватает. С этой целью он оставил *каталог Библиотеки* голландскому книгопродавцу Васенбергу [28, с. 52, 533–558]. Конечно в этом событии можно видеть пока только признаки комплектования по спискам, но он стал прототипом позднейших обменных операций. Так, в 1729 г. предлагалось найти таких книгопродавцев, которые бы по предложенному ре-

естру в обмен на книги, напечатанные в Академической типографии, присылали бы требуемые Библиотеке иностранные издания [23, т. 1, с. 557 (№ 803)]. В своем проекте 1730 г. академики Л. Эйлер и Г. Крафт предложили меры по улучшению комплектования Библиотеки, в том числе и ее книгообмена [23, т. 2, с. 226–245]. Поскольку книгообмен осуществлялся не только дублетами Библиотеки, но и из тиража Академической типографии, условия ведения книгообмена вырабатывались совместно с Книжной лавкой. Так, в 1739 г., обсуждая письмо книгопродавца Нольме из Гааги, комиссар Книжной лавки З. Прейсер предложил одобренный Канцелярией Академии наук порядок ведения книгообмена: зарубежные издания должны приобретаться по спискам (напомним, что списки составлялись в Библиотеке; например, в августе 1749 г. их составлял Г.К. Фрейганг [12, с. 103]), предъявляемым книгопродавцу [23, т. 4, с. 51–52]. Эти же условия мы встречаем много раньше — в письме к господину Эрдману в Данциг от 2 сентября 1729 г.: «весьма академии сие потребно было, ежели бы здешние книги на тамошние обменять, и ежелиб такой книгопродавец сыскался, который бы по предложенному реестру, вместо академических книг, в будущем году сюда прислал» [23, т. 1, с. 557 (№ 803)]. Обмен изданиями по спискам, очевидно, был выгоднее книгообмена «без эквивалента»: ответных посылок на посылки в дар приходилось ждать дольше заказов по спискам [23, т. 6, с. 518–520].

С 1734 г. был установлен книгообмен с иезуитской коллегией в Китае [37, 10 и 14 октября], с 1735 г. — с Португальской академией наук [23, т. 6, с. 377–378], с 1743 г. — с Французской академией наук [23, т. 5, с. 253], с 1751 г. — с Ватиканом [12, с. 109], с 1779 г. — с Геттингенским научным обществом [49, с. 324–325]. В 1781 г. поступили предложения об учреждении книгообмена из Копенгагенского университета [49, с. 371] и Вольфенбюттельской библиотеки [49, с. 371]. В 1767 г. предложение распространять за границей российские академические издания и облегчить получение книг для Библиотеки поступило от г-на Ренара из Кенигсберга [49, с. 77].

Использовался обменный способ комплектования и в России. Так, в 1736 г. А.И. Богданов отыскал две ценные рукописные книги «у купецкого человека Терентия Никифорова, книжника», который продавал их «по цене за 1 рубль». А.И. Богданов договорился с книгопродавцем не о денежном, а об обменном эквиваленте: «вместо денег ему будут даны 11 календарей на 1737 г.» [23, т. 3, с. 294–295].

Книгообмен положил начало *рассылке* отечественных академических изданий за рубеж. На 1744 г. список рассылки Академии наук включал уже 17 зарубежных научных учреждений, наряду с которыми в этом рассылочном списке числятся члены царской фамилии и отечественные правительственные учреждения (4), русские послы за границей (9), почетные члены Академии наук (32), сотрудники Академии (16) [12, с. 66–67]. Правда, список учреждений и лиц, которым рассылались академические издания, не был стабильным. В 1746 г., например, Академия наук считала необходимым посылать свои издания «во все чужестранные королевские библиотеки в презент, такожде в академии, университеты, к почетным членам и к другим, со здешнею академиею в корреспонденции находящимся знатным и ученым людям, так как и все

помянутые места и люди посылают свои издания в презент академии» [23, т. 8, с. 215–216]. На рассылку каждый раз требовалось разрешение правительства [12, с. 67].

Постепенно [12, с. 109] стала развиваться рассылка академических изданий отечественным неправительственным учреждениям. Так, в 1763 г. Канцелярия Академии наук постановила сделать ответный подарок книгами Московскому университету, приславшему в Библиотеку в декабре 1761 г. 24 издания [12, с. 109], а впредь посылать по одному экземпляру изданий Академии наук, рассчитывая, что Университет будет делать то же. Действительно, в 1765 г. Библиотека получила 30 названий книг (из них 28 в 2 экземплярах), изданных Московским университетом и посланных в Академию наук в ответ на высланные Комментарии Академии наук за 1732–1742 г. [12, с. 135] Делались разовые посылки и в адрес частных лиц (тихвинский городской голова Григорий Попов [12, с. 140]).

Формирование фондов других библиотек (библиотек академической сети)

В самом конце XVIII в. было положено начало филиальной библиотеке БАН — *библиотеке при Архиве Академии наук*. Она должна была обслуживать членов Конференции во время заседаний или при их подготовке. Организация библиотеки Архива относится к маю 1800 г., когда в нее было передано из Главной библиотеки 26 томов сочинений справочного характера [12, с. 170]. Практика XIX в. подтвердила плодотворность этого начинания: БАН стала главным источником комплектования для 15 библиотек сети академических библиотек.

Обязательная регистрация изданий (каталоги)

В XVIII в. термин «каталог» имеет два значения — список изданий (реестр, опись) и собственно библиотечный каталог. В течение целого столетия происходило терминологическое размежевание и становление библиотечного каталога как специализированного учетно-поискового инструмента Библиотеки. Одновременно постепенно структурировалось библиографическое описание.

Первая половина XVIII в. дает еще немало примеров внешне синонимичного употребления терминов *каталог* и *список*, *реестр*, *опись*. Так, известно, что во время своей заграничной поездки 1721–1722 гг. И.Д. Шумахер предложил переслать каталоги Библиотеки иностранным книгопродавцам с тем, чтобы те могли установить, каких книг в ней не хватает [21, с. 30, 32]. Однако вряд ли можно считать, что уже тогда Библиотека действительно имела свои каталоги в их современном значении, поскольку задача их составления по примеру западноевропейских была поставлена перед библиотекариусом лишь в 1724 г. в контракте И.Д. Шумахера [23, т. 1, с. 14]. Скорее всего, речь может идти о списках имевшихся в Библиотеке изданий. Тем не менее, даже в 1742 г., когда работа над составлением «Камерного каталога» — первого печатного каталога Библиотеки — уже была завершена, мы встречаем употребление термина *каталог* в значении *опись*: результатом обследования библиотеки казенного А.Ф. Хрущева стал составленный адъюнктом И.Ф. Бреммом «каталог книг с их оценкой». В том же году и в том же значении мы встречаем *описи* книг А.И. Остермана [23, т. 5, с. 325], в 1748 г. — *реестр*

«разным грьдоровальным доскам» [23, т. 9, с. 461–473], а в 1749 г. — *каталог* «печатных книг и протчего, где упоминаются бывших персон известные титулы» [23, т. 10, с. 165–166].

Отчасти разграничить значение терминов можно по критерию учета или не учета ценности изданий. Если во время описи изданий учитывается ценность (или стоимость) изданий, т.е. в дальнейшем книги могут использоваться как товар или его эквивалент, то употребляется термин «каталог». Примеров такого употребления термина «каталог» достаточно: книгопродавческие каталоги; каталоги изданий из реквизируемых собраний, которые предназначались Канцелярией не для Библиотеки, а для продажи [23, т. 5, с. 938–939]. Книжная лавка также составляла свои каталоги: каталоги, по которым издания ею предлагались для Библиотеки [22, с. 324]; в первые годы директорства Е.Р. Дашковой был напечатан каталог имевшихся академических изданий [40, с. 25].

Тем не менее, в Библиотеке в сходном употреблении встречается и термин *опись*: например, в 1735 г. по описи принимались и оценивались книги из собрания Я.В. Брюса [38, с. 123]. Термин же *список* употребляется, когда речь идет о списках заказываемых для Библиотеки изданий [12, с. 103], списках *desiderata* [22, с. 818, 868], списках лакун [12, с. 103].

Таким образом, для первой половины XVIII в. сферу относительно синонимического использования терминов условно можно разграничить следующим образом: *список* [12, с. 103] — это перечень изданий, отсутствующих в настоящее время в Библиотеке; *опись* [23, т. 5, с. 325], *реестр* [23, т. 9, с. 461–473] — перечень имеющихся изданий без указания их стоимости; *каталог* [23, т. 5, с. 938–939] — перечень имеющихся изданий с указанием стоимости (такое значение термина можно условно назвать «торговым»).

Во второй половине XVIII в. в термине каталог наблюдается отход от «торгового» значения и постепенное закрепление «библиотечного» значения, которое в библиотечном обиходе начинает утверждаться с выходом первого печатного каталога Библиотеки — «Камерного» [52; 33; 34]. Так, в 1748 г. в распоряжении Академии наук формулируется требование, чтобы оригиналы всех работ, напечатанных в Академической типографии, поступали в Библиотеку; при этом рукописи должны переплетаться и записываться в библиотечный каталог [42, № 113, л. 417]; в 1761 г. М.В. Ломоносов поднимает вопрос о необходимости составления новых каталогов Библиотеки [11, с. 179–180]; в 1767 г. на предмет установления лакун происходит сверка каталога Библиотека с каталогом Сенатской типографии [12, с. 134–135], а в 1768 г. — с каталогами других библиотек России [12, с. 133].

Постепенно развивается и сам библиотечный каталог. Из чисто учетно-отчетного документа он превращается в поисковый инструмент.

К началу 1730-х гг. [39, с. 190–191] была предпринята попытка создания общего (не по коллекциям и собраниям) каталога Библиотеки, но он, к сожалению, не сохранился [23, т. 2, с. 258]. Его существование доказывается лишь косвенно [8, с. 45], поэтому судить о его характеристиках невозможно.

В июле 1744 г. тиражом в 200 экз. был напечатан «Камерный каталог», подготовленный в 1741 г. [2, с. 37–38] Камерный каталог был системати-

ческим и одновременно отражал расстановку фонда по форматам. Особенностью данного каталога как библиографического пособия с точки зрения поисковых возможностей являлось систематическое (факультетское [53, с. 131–144]) деление изданий по наукам, наличие алфавитного указателя (ключа) к каждому из разделов [39, с. 191], расстановочных сигнатур [15], многоэкземплярность (впервые каталог Библиотеки был выполнен больше, чем в одном экземпляре), компактность, доступность. Все это во много раз повышало комфортность работы: каталог можно было использовать как для поиска книги на месте в фонде, так и в научно-исследовательских целях, например при тематическом подборе литературы [8, с. 48]. Тем не менее, каталог имел и недостатки, что спровоцировало недовольство академиков [21, с. 89]. Скорее всего, это связано с несовпадением поискового образа документа у читателей и возможностей его отражения в каталоге [8, с. 51].

Последующие годы XVIII в. — это период усовершенствования Камерного каталога с целью облегчения поиска по нему нужных изданий [8, с. 58]. В 1751–1753 гг. появляется сводный алфавитный указатель (26 т. — каждый том соответствует одной букве латинского алфавита) книг на иностранных языках [8, с. 58]; в 1753 г. — восьмитомный алфавитный указатель (каждый том используется для 3–4 букв латинского алфавита) [8, с. 58–59]; в 1766–1768 и 1770–1771 гг. — 29-томный (по числу разделов систематического деления литературы) систематический ревизионный каталог [8, с. 59–60]; в 1770–1780-е гг. — 30-томный систематический каталог [8, с. 60]; в 1792 г. — 34-томный систематический каталог на русские и иностранные книги [8, с. 60–62].

В конце XVIII в. возникают два новых вида каталогов — каталог новых поступлений в Библиотеку [22, с. 843, 866], в котором сведения фиксируются на каждый месяц [12, с. 153], и каталоги, отражающие литературу по определенному предмету [8, с. 67] (в 1787 г. Н.Я. Озерецковский составил каталог Кабинета естественной истории [30, т. 4, с. 92; 22, с. 740]; в 1798 г. И.Г. Буссе — каталог китайских, маньчжурских, японских, монгольских и тибетских книг [30, т. 4, с. 683, 684; 22, с. 877]). Оба вида каталогов получили исключительное распространение в XIX в.

Цензурные ограничения

Библиотеке с самого начала существования пришлось сталкиваться с реквизированным имуществом лиц, по тем или иным причинам попадавших в опалу. Даже первое собственное здание появилось у Библиотеки в результате такой реквизиции: в 1718 г. она разместилась в Кикиных палатах, отписанных в казну после казни владельца [31]. Что же касается библиотечного фонда, то в него стекались книжные поступления отовсюду, поскольку при жизни основателя Библиотеки, императора Петра I (1682–1725), комплектование фонда считалось делом государственной важности. Отчетность и контроль были строгими: состав поступлений объявлялся в самые высокие инстанции [42, № 2330, л. 28], на принятые книги составлялись реестры. Тем не менее, обращает на себя внимание тот факт, что в этот период книжные собрания опальных лиц имели разную судьбу: одни отправлялись в Библиотеку, другим же дорога туда была закрыта. Так, например, книги из собрания думного

дворянина (заговорщика, казненного в марте 1697 г.) Ивана Елисеевича Циклера («книги Цыглеровы») [50] находились в Библиотеке. А книги из собрания царевича Алексея Петровича, обвиненного в заговоре и погибшего в 1718 г., в Библиотеку при жизни Петра I не поступали и были переданы туда только после воцарения Петра II [16, с. 58].

Ограничения на поступление в фонды Библиотеки накладывались и на издания, специально для нее предназначавшиеся. Так, в царствование Екатерины I (1725–1727) в июне 1726 г. при передаче книг, присланных историком В.Н. Татищевым из Швеции, в Библиотеку не было передано «Описание Российского государства», которое «во время войны запрещено было» [12, с. 62]. Тем не менее, лица, предчувствовавшие свою опалу, сохраняли возможность самостоятельно передавать в Библиотеку свои книжные собрания: в марте 1726 г. ей продал свои книги предок А.С. Пушкина Ибрагим Ганнибал [42, № 2, л. 25об.; 5, с. 231–238]. На наш взгляд, факты ограничения (пусть даже фрагментарного) доступа к книгам опальных лиц и изъятия запрещенной литературы можно считать свидетельством окончательного перехода Библиотеки в ранг общественных учреждений.

Интересно отношение к Библиотеке и ее фонду в период правления Петра II (1727–1730). Сменилась политическая конъюнктура, и в 1728–1729 гг. в Библиотеку поступили собрания тех политических деятелей [45, № 218; 23, т. 1, с. 462 (№ 681); 10, с. 14–15, 272–367] (Петра I, царевича Алексея Петровича), чьи книги ранее по разным причинам хранились отдельно. Однако невозможно утверждать, что в этот период передача книг Библиотеке способствовала их сохранению «для вечности». Даже к концу царствования здание Библиотеки находилось в небрежении из-за отсутствия финансирования: в нем были постоянные протечки, не хватало мебели, и оно все еще не достроено — отсутствовали самые элементарные условия для хранения книг [23, т. 1, с. 475–476 (№ 689), 635–636 (№ 878)]. Все это вполне укладывалось в русло негативного отношения Петра II ко многим нововведениям Петра I.

Тем не менее, именно в царствование Петра II «был намечен путь для развития русских книжных собраний Библиотеки» [51, с. 249]: 4 октября 1728 г. по распоряжению Верховного тайного совета из Синода в Академию наук была передана «первоначальная петербургская типография» [27, с. XI]⁹ для печатания там переводов исторических книг, содержание которых должно было получать одобрение Синода [27, с. XI]. При этом на Академию наук возложена обязанность «свидетельствовать все новые книги, подлежащие наукам светским». Таким образом, с одной стороны, с ранее опальных собраний были сняты ограничения предыдущего царствования и приняты меры к созданию условий для производства собственной научной продукции, а, с другой стороны, академические издания, начавшие выходить с 1728 г., стали подвергаться двойной предварительной цензуре: научной (в Академии наук) и духовной (в лице Синода) [3, с. 22].

Царь Петр II скоропостижно скончался в январе 1730 г., на трон взошла императрица Анна Иоанновна (1730–1740), и уже в августе в канцелярию от строений поступили распоряжения о срочной доделке двух больших залов над Библиотекой и Кунсткамерой и их оборудовании

шкафами, чтобы расставить книги, коллекции и инструменты [22, с. 91]. В начале марта 1732 г. императрица лично посетила новое здание [35, 9 марта, с. 3], ознаменовав этим завершение отделочных работ.

В царствование Анны Иоанновны произошли для важных для Библиотеки события. Во-первых, сразу же после визита императрицы Библиотека стала официальной достопримечательностью новой столицы, войдя в программу обязательных дипломатических посещений, которые тщательно фиксировались в Санкт-Петербургских ведомостях [35, 9 марта, с. 3; 35, 16 марта, с. 3; 35, 8 июня, с. 3; 36, 25 января, с. 3; 36, 4 июля, с. 3; 36, 23 августа, с. 3 и след.]. С этого момента можно говорить о повышении статуса [47, с. 81]. Библиотеки как государственного учреждения. Во-вторых, академические (в том числе и библиотечные) сотрудники стали привлекаться (с 1737 г. [47, с. 81]) для разбора книжных собраний опальных владельцев, имевших ранг государственных преступников [24, с. 286]. Правда, в то время Библиотеке так и не удалось добиться передачи в ее фонды ценных рукописей «верховника» князя Д.М. Голицына, которые после его ареста поступили в 20 сундуках в Канцелярию конфискации [23, т. 4, с. 117, 120, 135–136, 158–159, 178–190, 309, 357–358, 401–405, 420, 439]. Собрание Д.М. Голицына было расхищено [10, с. 212–213], зато этот негативный опыт был учтен в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761/62): правительство сочло Библиотеку удобным местом для хранения конфискованных изданий.

Начало было положено, продолжение ждать себя не заставило: политический переворот Елизаветы Петровны повлек за собой опалу большого числа лиц (А.И. Остермана, Б.Х. Миниха, М.Г. Головкина и др.). Сотрудники Академии наук и Библиотеки разобрали и описали конфискованные документы, а в ноябре 1743 г. канцелярия постановила отправить то, что «потребно для вечности», в Библиотеку [9, с. 170], а остальное пустить в продажу [23, т. 5, с. 938–939]. Правда, это решение не стало окончательным. Высочайшим указом от 24 ноября 1743 г. конфискованные книги из собраний опальных А.И. Остермана, Б.Х. Миниха, М.Г. Головкина, Р. Лёвенвольде и К. Менгдена было велено передать в Коллегию иностранных дел, а то, что не нужно Коллегии, отдать в Библиотеку [23, т. 5, с. 988–989]. Вслед за этим, 9 декабря 1743 г. в канцелярию Академии наук была отправлена «промемория», согласно которой унтербиблиотекарь И.К. Тауберту предписывалось хранить конфискованные книги «в *особливой камере*, не примешивая к казенным книгам» [23, т. 5, с. 988–989]. В декабре 1743 г. указанные книги поступили в Библиотеку на особое хранение [12, с. 54], а 29 сентября 1746 г. последовало специальное распоряжение по Академии наук: «Бывшего адмирала графа Остермана и протчих книги, по реестру надлежащие, отдать в библиотеку и записать в каталог, а оставшие затем, отобрав по реестру ж, хранить в удобном месте» [10, с. 216]. Скорее всего, во исполнение этого распоряжения книги были влиты в общий фонд и включены в общебиблиотечные каталоги. Это видно из того, что в числе рукописных книг, дополнительно внесенных в русский Камерный каталог после его издания, имеются рукописи, полученные «из Комиссии Остермана» [12, с. 55]. И, тем не менее, время от времени хранением книг А.И. Остермана интересовался (1752) Кабинет Е.И.В. [12, с. 55].

«Секретное хранение» продолжало существовать и в последующий период. Так, в марте 1748 г. за нарушение условий хранения сибирских ландкарт было отказано в их возвращении Академии наук не просто одному из ее служащих, а самому президенту Академии наук — брату фаворита и морганатического супруга императрицы К.Г. Разумовскому [23, т. 9, с. 111–112]. За секретностью важной информации тщательно следили не только в правительстве: в июле 1764 г. по жалобе М.В. Ломоносова за незаконное копирование редких документов был наказан А.А. Шлёцер, а отобранные у него манускрипты переданы в Библиотеку [10, с. 194].

Одной из мер, служащих для наблюдения за издательской продукцией Академии наук, стало распоряжение (1748) хранить в Библиотеке оригиналы всех работ, напечатанных в Академической типографии. При этом рукописи должны были переплетаться и записываться в библиотечный каталог [42, № 113, л. 417].

В сентябре 1749 г. Сенат начал кампанию по изъятию из общественного употребления печатных изданий, в которых упоминаются «титулы в бывшие два правления» (Анна Леопольдовна, Иоанн Антонович). Академия наук рапортовала об отсутствии таких изданий у ее сотрудников, адъюнктов и студентов, у каждого из которых была взята в том расписка. Сложнее обстояло дело с книгами Библиотеки, поскольку таких изданий было там много. Сенат настаивал на замене в отечественных научных книгах титульных листов и отправке в свой адрес книг церковных и гражданских, а также текстов манифестов и присяг, «кои печатаны октября с 17 1740 ноября по 25 число 741 годов» [23, т. 10, с. 146–148]. Относительно иностранных изданий главная академическая канцелярия решением № 243 потребовала от Библиотеки составить каталог, «по которому рассмотрено будет, которые книги вовсе уничтожить и у которых листы перепечатать»; на будущее же «с объявленными титулами из всех европейских государств ни под каким видом не выписывать никому из академических служителей» [23, т. 10, с. 153–155]. Однако вторая часть этого решения *задача* была невыполнимой — Академия наук либо рисковала остаться без иностранных исторических сочинений, либо могла впустую растратить все свое время и денежное довольствие, каждый раз выискивая, перепечатывая и переклеивая неудобные листы. И.Д. Шумахер вступил в долгую переписку с Сенатом, объясняя, что «все надлежащая до истории универсальной книги могут в себе иметь известные имена, а хотя академия их не выписывала и выписывать впредь не будет, однакож не одна книжная лавка книги в Россию вывозит, но многие купцы и разнаго чина люди, следовательно канцелярия академии наук за чужестранныя книги в России отвечать не может, кроме тех, которые она выписывает». Он спрашивал, «не повелено ль будет собрать и хранить при академии в секретной камере, за печатью особливою, до указу» [23, т. 10, с. 153–155]. Вопрос обсуждался долго, канцелярия неоднократно повторяла запрет на приобретение запрещенных иностранных изданий [23, т. 10, с. 165–166]. Сенат же, в свою очередь, не раз запрашивал канцелярию о судьбе запрещенных к употреблению изданий [23, т. 10, с. 545–546]. В ответ И.К. Тауберт пояснял, что реестр всем отечественным и иностранным книгам, журналам и газетам, в которых

«упоминаются имена бывших правлений известных персон» и которые хранятся «за печатью в особой палате и в особливом сундуке», сдан им в канцелярию Академии наук еще в декабре 1749 г. [23, т. 10, с. 552].

Реестры продолжали составляться и в 1750 г. [23, т. 10, с. 572–573]. Однако Академии наук трудно было обходиться без нужных иностранных книг, поэтому 28 сентября 1750 г. канцелярия Академии наук просила разрешения изготовить для них новые листы без упоминания нежелательных имен, а в Сенат подавать только старые листы с именами. Предложено было также «и впредь, ежели паче чаяния с теми именами какая книги обыщутся или откуда нечаянно в академию пришлются, то б и со оными для избежания убытка и чтоб напрасно книги не потерять, то же чинить указано было» [23, т. 10, с. 572–573]. 12 октября 1750 г. Академия наук отдала первое распоряжение об изъятии крамольных листов с негодными именами и замене их вновь напечатанными; старые же велено отослать в Библиотеку в «секретную камору» [23, т. 10, с. 596–597]. Подобные распоряжения также неоднократно повторялись [23, т. 10, с. 601].

Менялось и место, куда надлежало отправлять для исправления книги с упоминанием негодных имен. Так, 1 декабря 1749 г. Оружейная канцелярия объявила канцелярии Академии наук, что отныне церковные и гражданские книги должны возвращаться следующим образом: синодальные книги — в московскую и петербургскую типографии, киевские и черниговские — в соответствующие типографии, а книги, изданные в Академии, — в Академию. Поэтому в Академию наук из Оружейной конторы были возвращены Санкт-Петербургские ведомости и примечания к ним, которые было решено принять по реестру и отослать «для сохранения в библиотеке с прочими таковыми же книгами в секретной каморе, при ордере» [23, т. 10, с. 164].

В «секретную камору» отправлялись и негодные академические сочинения. Известен факт сдачи (1751) туда всего тиража и рукописного оригинала диссертации академика Г.Ф. Миллера о начале российского народа [12, с. 115].

Однако просветительские идеи несколько изменили отношение руководства Академии наук к критической литературе. Так, практически сразу же после штурма Бастилии во Франции (14 июля 1789 г.) сама президент Академии наук княгиня Е.Р. Дашкова прислала (31 августа 1789 г.) в Библиотеку издание «Исторические замечания и анекдоты о Бастилии» [22, с. 768]. Правда, такое «легкомысленное» отношение к Французской революции как к забавному случаю с французской монархией через несколько лет сменилось значительно более суровыми мерами в отношении российской книжной политики. И уже 17 января 1793 г. та же Е.Р. Дашкова внесла в академическом собрании предложение о рецензировании академических научных трудов, предназначенных для печати [30, т. 4, с. 406–407].

Революционные события стали видаться в мрачном свете, и 9 сентября 1796 г. последовал указ о создании специальных цензурных органов — «цензур», призванных контролировать появление информации о событиях Французской революции [29, т. 23, № 17508; 41, с. 182–183].

Павел I продолжил в отношении цензурных ограничений политику своей матери, и 18 апреля 1800 г., опасаясь проникновения в Россию французских революционных идей, запретил ввоз иностранной литературы. Издательская деятельность внутри страны резко сократилась. 4 мая 1800 г. в конференции прочитаны два императорских указа, запрещающие печатать книги без петербургской цензуры и до нового распоряжения ввозить в Россию иностранные книги.

Александр I ослабил введенные в предыдущее царствование строгости, и 12 апреля 1801 г. в канцелярии был зачитан его указ о снятии запрета на ввоз в Россию иностранной литературы [30, т. 4, с. 823, 892]. Академики немедленно подали на высочайшее имя записку, в которой среди прочих «неустройств» Академии отмечено: «Библиотека академическая оставлена в прежнем старом состоянии, почти без всякого приращения, отчего академики всех четырех классов много терпят, не видя новых открытий, содержащихся в издаваемых ныне сочинениях» [46, с. 364]. Академики представили список из 11 периодических изданий, которые необходимо получить, и в результате в Академию поступает большое количество книг [30, т. 4, §§ 176, 186, 199, 201, 212, 218, 226, 228, 240, 283], усилился книгообмен [12, с. 190–191].

8 сентября 1802 г. манифестом об учреждении министерств Академия наук передана в ведение министра народного образования [29, т. 7, № 20406], а регламентом от 1803 г. освобождена (§ 1) от учебных функций, став сугубо научным учреждением [32, с. 63]. Регламент обязал (§ 116) каждую типографию империи посылать свои книги непосредственно в Библиотеку [32, с. 86; 12, с. 180]. Книжная лавка (§ 112), получая книги из иностранных книжных лавок, должна была «один экземпляр каждого сочинения, вступающего в академическую лавку», отдавать в Библиотеку, если его там нет [32, с. 85].

Однако в 1804 г., когда был принят Устав о цензуре, порядок получения обязательного экземпляра Библиотекой претерпел значительные изменения. С организацией новой системы цензуры — по Университетским округам — пересылку обязательного экземпляра производили цензурные комитеты при университетах. Проблематичным было получение изданий тех учреждений, которые освобождались от общей цензуры. По новому цензурному уставу из общей цензуры исключались издания университетов, академий (Академия наук, Академия художеств, Медико-хирургическая академия), кадетских корпусов и других казенных учреждений. Не подлежали общей цензуре издания Военно-топографического департамента и других военных ведомств, издания II Отделения Его Величества Собственной канцелярии, издания с разрешения государя и т. д. Часть изданий подлежала цензуре полиции, часть — цензуре III Отделения, ряд министерств также исключали свои издания из общей цензуры. В результате такого многообразия цензур и, следовательно, исключений из общей цензуры, масса изданий вообще не попадала в комитеты цензуры и могла быть получена Библиотекой лишь от самих издателей этих произведений. Научные учреждения — университеты, академии, общества, — присылали все свои издания в Академию в качестве дара [12, с. 180, 182–183]. В 1808 г. духовная цензура была поручена духовным академиям (позднее — комитетам духовной цензуры в Казани и Пе-

тербурге), она также не подчинялась общей цензуре [29, т. 30, № 22122, ст. 105].

2 сентября 1810 г. указом установлен обязательный экземпляр для Министерства народного просвещения [29, т. 31, № 2434], а 14 сентября — для Публичной библиотеки [29, т. 31, № 24377].

С 1811 г. была начата практика пересылки обязательного экземпляра в Библиотеку через цензурные комитеты при университетах, поскольку по Уставу о цензуре каждая типография была обязана посылать свои книги не непосредственно в Библиотеку, а по Университетским округам [48, § 4; 12, с. 180]. Сращение обязательного экземпляра с цензурой благотворно сказалось в те годы на полноте обязательного экземпляра (ОЭ): наиболее полный его комплект Библиотека получала в те годы, когда рассылкой его ведали Цензурные комитеты, т.е. с 1811 по 1827 г. [12, с. 182].

Таким образом, развитие распространительной и ограничительной для деятельности Библиотеки тенденций началось в XVIII в. практически одновременно и завершилось в начале XIX в. слиянием в рамках одного ведомства — Цензурных комитетов.

Как видим, опыт Библиотеки по совершенствованию методов работы с фондом положил начало многим направлениям книжной деятельности в России — становлению государственной системы обязательного экземпляра, архивному хранению академических изданий и их учету, централизованному книгораспространению.

Примечания

1. «Тако ж устанавливаем, да Академия имеет свою собственную типографию, с такою же привилегиею, да вся та, яже или ко умножению учений служащая, или к приращению, или славе империи прислушающая бытии Академия рассудит, в печать издаются и продаются» [1, с. 7].

2. «...Объявляется, что при здешней Императорской Академии наук, где книги продаются, также разные календари на предбудущий 1729 год получить можно...» [4].

3. К сотрудникам Библиотеки мы относим и тех членов Академии наук, которые были заняты «при Библиотеке», но формально не входили в ее штат, как, например, Г.Ф. Миллер. — *Н.Б.*

4. Термин «каталог» для первой половины XVIII в. равнозначен термину «список». — *Н.Б.*

5. 18 апреля 1751 г. И.К. Тауберт подал рапорт, в котором изложил условия, на которых Книжной лавке было предписано передавать академические издания в Библиотеку: «со всех печатающихся при Академии книг и прочаго, что бы оно ни было, собрав в книжной лавке с начала Академической типографии по нынешнее время по два экземпляра на хорошей бумаге и переплетя один в библиотечный, а другой в голландский переплет, отдать в Императорскую библиотеку» [42, № 844, л. 4–4об.].

6. Словосочетание «систематическая сигнатура», употребляемое в значении «книжный шифр» [15; 45, оп. 3, д. 20, л. 18].

7. Циклер Иван Елисеевич — думный дворянин, заговорщик, казненный в марте 1697 г. [50].

8. Правда, при Елизавете Петровне, когда Ганнибал снова вошел в милость, он потребовал свои книги обратно [5, с. 231–238].

9. После открытия в Петербурге Академии наук в конце 1725 г. по ходатайству ее президента Л. Блюментроста работы академиков, до заведения ученым обществом

своей книгопечатни, печатались с платою за издержки книгопечатни в первоначальной петербургской типографии [27, с. XI].

10. Наличие такого двойного контроля фактически отмечает и А.В. Блюм [3, с. 22].

11. Это направление государственной деятельности характерно для царствования новой императрицы: Анна Иоанновна всемерно способствовала приданию пышности и значимости своему правлению. Так, в донесениях английского резидента Клода Рондо говорится: «Вы не можете вообразить себе, сколь великолепен сей двор с началом нового царствования...» [47, с. 81].

12. К этому времени относится полоса репрессий по отношению к боярам, желавшим ограничения власти Анны Иоанновны. Так, 15 января 1737 г. Клод Рондо писал: «Все те, кого подозревали в принадлежности к так называемой республиканской партии, отправлены в Сибирь или другие отдаленные места. А избежавших прежде сей участи ссылают всякий раз, как только представляется для сего самый малый повод» [47, с. 81].

13. В Библиотеку поступили и книги казенных А.П. Волынского и П.М. Еропкина [9, с. 170].

14. Такая пересылка практиковалась до 1810 г. [12, с. 180].

Список источников

1. Академическая типография, 1728–1928. Ленинград, 1929.

2. *Бакмейстер И.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской императорской Академии наук, изданной на французском языке Иоганом Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на российской язык переведенной Васильем Костыговым. [Санкт-Петербург], 1779.

3. *Блюм А.В.* За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры: 1917–1929. Санкт-Петербург, 1994.

4. *Бочагов А.Д.* Книжная палата Академии наук, 1728–1740. Санкт-Петербург, 1893. 24 с.

5. *Ганнибал А.С.* Ганнибалы. Новые данные для их биографии // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XVII–XVIII. Санкт-Петербург, 1913. С. 231–238.

6. Двухсотлетие Кабинета его императорского величества, 1704–1904 : ист. исслед. Санкт-Петербург, 1911.

7. Директор Академии наук Сергей Герасимович Домашнев // Чтения в Обществе истории древностей российских (ЧОИДР), 1866. Кн. 4. Отд. 5: Смесь. С. 163–174.

8. *Елкина Н.Н.* Справочная, библиографическая и информационная деятельность Библиотеки Российской академии наук. Санкт-Петербург, 2007.

9. Записка об Артемии Волынском // ЧОИДР. 1858. Кн. 2. Отд. Смесь.

10. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отделения Библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII век. Москва ; Ленинград, 1956.

11. История Академии наук СССР. [В 3 т.] Т. 1. Москва ; Ленинград, 1958.

12. История Библиотеки Академии наук СССР, 1714–1964 / Акад. наук СССР, Б-ка; [авт. кол.: С.П. Луппов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина [и др.]; отв. ред. М.С. Филиппов]. Москва ; Ленинград, 1964.

13. *Копанев Н.А.* Русские связи издательской фирмы Янсон-Весберг // Книга в России : век Просвещения : тез. докл. IV междунар. конф. Ленинград, 1990.

14. *Крюкова З.Ф.* Книги и неизданные рисунки Марии Сибиллы Мериан // Сборник статей и материалов по книговедению. Ленинград, 1970. Вып. 2.

15. *Куник А.А.* Объяснительная записка о состоянии русской библиотеки в начале ее переустройства. [1888] // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 20. Л. 18.

16. *Лебедева И.Н.* Библиотека царевича Алексея Петровича // Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв. : сб. науч. трудов. Ленинград, 1984.

17. *Леонов В.П.* БАН — первая национальная русская библиотека : доклад на Ученом совете 19 ноября 1999 г., посвященный 285-летию БАН. Санкт-Петербург, 1999.
18. *Леонов В.П.* БАН — первое научное учреждение Санкт-Петербурга // Наука и техника: вопросы истории и теории : матер. XXIV годич. конф. С.-Петербур. отд-ния Рос. нац. комитета по истории и философии науки и техники «С.-Петербург и мировая наука» (23–27 июня 2003 г.). Санкт-Петербург, 2004. Вып. 19.
19. *Леонов В.П.* Первая национальная и главная научная библиотека страны // Библиотекосведение. 2000. № 3.
20. *Леонов В.П.* Судьба библиотеки в России : роман-исследование. Санкт-Петербург, 2001.
21. Летопись Библиотеки Российской академии наук. Т. 1. 1714–1900 / науч. рук. В.П. Леонов ; отв. ред. Н.В. Колпакова ; отв. сост. Г.В. Головки. Санкт-Петербург, 2004.
22. Летопись Российской Академии наук : в 3 т. Санкт-Петербург, 2000–2003. Т. 1. 1724–1802.
23. Материалы для истории Императорской Академии наук. [В 10 т.] / сост. П.П. Пекарский. [В 10 т.]. Санкт-Петербург, 1885–1900.
24. *Моисеева Г.Н.* Об Андрее Богданове, первом русском книговеде // Сб. ст. и материалов Библиотеки АН СССР. Ленинград, 1973. Вып. 3.
25. Музей антропологии и этнографии РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kunstkamera.ru> (дата обращения: 07.09.2020).
26. *Никольский Н.К.* К вопросу об историческом значении и первоначальном книжном фонде Библиотеки Академии наук СССР // Труды Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. 1963. Т. 7.
27. *Пекарский П.П.* Академическая типография в старину и ныне // Образцы шрифтов типографии и словолитни Императорской академии наук. Санкт-Петербург, 1870.
28. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. [В 2 т.]. Т. 1. Санкт-Петербург, 1862.
29. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).
30. Протоколы заседаний Конференции Имп. Академии наук с 1725 по 1803 г. [В 4 т.]. Санкт-Петербург, 1897.
31. РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. № 1. Л. 1–1об.
32. Регламент Академии наук [1803] // Уставы Академии наук СССР / Архив Академии наук СССР; отв. ред. чл.-корр. АН СССР Г.К. Скрябин. Москва, 1974.
33. Российские печатные книги, находящиеся в Имп. Библиотеке. Камера W. Шкап 1, 2, 3 / [сост. А.И. Богданов]. [Санкт-Петербург], [1742].
34. Российские рукописные книги. Камера W. Шкап 20, 21, 22 / [сост. А.И. Богданов]. [Санкт-Петербург], [1742].
35. С.-Петербургские ведомости, 1732.
36. С.-Петербургские ведомости, 1733.
37. С.-Петербургские ведомости. 1734.
38. *Савельева Е.А.* Библиотека Я.В. Брюса в собрании БАН СССР // Русские библиотеки и их читатель : из истории русской культуры эпохи феодализма : доклады 2-й Всесоюз. науч. конф. «Книга в России до середины XIX в.» (Ленинград, 1981 г.). Ленинград, 1983.
39. *Савельева Е.А.* Первые каталоги Библиотеки Академии наук // 275 лет Библиотеке Академии наук : сб. докл. Санкт-Петербург, 1991.
40. *Смагина Г.И.* Сподвижница Великой Екатерины : (очерки о жизни и деятельности директора Петербургской академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой). Санкт-Петербург, 2006.
41. Сомов В.А. Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. : очерки истории. Ленинград, 1986.
42. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1.
43. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 2.
44. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8.
45. СПбФ АРАН. Ф. 158.

46. Сухомлинов М.И. История Российской Академии. Санкт-Петербург, 1875. Вып. 2.
47. Тургенев А.И. Российский двор в XVIII веке / перевод с франц. Д.В. Соловьева. Санкт-Петербург, 2005.
48. Устав о цензуре 1804 г.
49. Ученая корреспонденция Академии наук СССР: Научное описание. 1766–1782 / сост. И.И. Любименко; под ред. акад. Д.С. Рождественского // Труды Архива АН СССР. Москва ; Ленинград : Изд. АН СССР. 1937. Вып. 2.
50. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [1880–1907] [Электронный ресурс] / менеджер проекта М. Злоказов; гл. ред. Е. Александрова; вед. программист В. Белобородов. Москва, 2002. — Дата обращения: 12.08.2020.
51. Яковкин И.И. Библиотека Академии наук и ее фонды // Вестник Академии наук. 1945. № 5/6.
52. Bibliothecae imperialis Petropolitanae. Petropoli: Typis Academiae imperialis scientiarum, 1742. Pars 1–4.
53. Paul Frieden. Bibliothèque // Les mots de l'histoire: le vocabulaire historique du Centre International de Synthèse. Napoli, 2000.

УДК 94(47)“1941/45”
ББК 78.33:63.3(2)622

Н.А. Гринченко, Н.Г. Патрушева
**СОТРУДНИКИ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ —
УЧАСТНИКИ ПРОЕКТА «ТАКАЯ РАЗНАЯ ВОЙНА...»**

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена участию сотрудников Российской национальной библиотеки в проекте петербургского издательства «Северная звезда» по созданию сборников материалов о Великой Отечественной войне, включающих документы семейных архивов. В настоящее время вышло 9 выпусков (2017–2020 гг.). В них напечатаны статьи, воспоминания, рассказы 20 сотрудников РНБ, освящающие Ленинградскую блокаду, эвакуацию, боевые действия на фронтах, жизнь на оккупированной территории.

Ключевые слова: Российская национальная библиотека, Великая Отечественная война, Ленинградская блокада.

С 2017 г. по инициативе генерального директора петербургского издательства «Северная звезда» М.В. Тоскиной и его сотрудников В.А. Никенковой и И.В. Фомичевой осуществляется проект создания сборников материалов о Великой Отечественной войне, хранящихся (в большинстве случаев) в семейных архивах. В настоящее время вышло 9 выпусков [10]. Работа по сбору материалов и подготовке их к печати проходит в тесном контакте с сотрудниками Российской национальной библиотеки (РНБ) Н.А. Гринченко и Н.Г. Патрушевой.

В подготовке уже напечатанных сборников, а также тех материалов, которые в настоящее время переданы в издательство, участвовало более 20 сотрудников Российской национальной библиотеки (некоторые дважды) в качестве авторов статей и воспоминаний; публикаторов; лиц, записавших рассказы о войне и привлечших к написанию воспоминаний своих родителей — детей военного времени.

Старший научный сотрудник сектора книговедения Отдела редких книг, кандидат исторических наук Д.А. Бадалян записал и подготовил к печати блокадные воспоминания «Пятнадцатилетняя медсестра» почетного преподавателя С.-Петербургского государственного университета путей сообщения, председателя Совета ветеранов Федерации художественной гимнастики С.-Петербурга Валерии Афанасьевны Молодцовой (вып. 1) об участии подростков в сооружении оборонительных рубежей на подступах к Ленинграду, учебе в школе и на курсах медсестер, работе в госпитале и областном комитете физкультуры, а также блокадные воспоминания «Наши учителя» главного научного сотрудника С.-Петербургского института истории РАН, доктора исторических наук Алексея Николаевича Цамутали (вып. 2) о военном детстве, неудачной эвакуации из Ленинграда и возвращении обратно, о школьных учителях.

Обращаясь прежде всего к старшему — военному — поколению, назовем два имени. Во втором выпуске под заглавием «Начало войны»

опубликован дневник музыковеда, исследователя древнерусской музыки Максима Викторовича Бражникова (1904–1973) [8, с. 97–100], в предвоенные годы работавшего в Эрмитаже и Государственном научном институте истории театра и музыки, а в 1945–1948 гг. — сотрудника Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Максим Викторович является основоположником научной школы в области изучения древнерусской письменной традиции, крупнейшим в мире исследователем русских певческих рукописей XII–XVII вв. Его труды основаны на изучении древнерусских певческих рукописей, хранящихся в Библиотеке, его именем названы регулярно проходящие в настоящее время Бражниковские чтения, в организации которых принимают участие Российская национальная библиотека, С.-Петербургская Консерватория и Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом).

В дневнике Бражникова запечатлена обстановка в Ленинграде в летние месяцы 1941 г.: до начала блокады. Максим Викторович писал о предвидении войны, о первых днях после ее объявления и первых бомбежках, об эвакуации музейных экспонатов, о настроении в Ленинграде, об ожидании известий с фронта и приближении его линии к городу. С конца 1941 г. Бражников с семьей находился в эвакуации в Кирове. В публикацию, подготовленную дочерью — О.М. Бражниковой, включены, помимо дневника, стихи Максима Викторовича и его рисунки.

Непосредственным участником военных событий — обороны Ленинграда — был Александр Львович Гольдберг (1922–1982) [1, 2], с конца 1950-х гг. в течение 25 лет сотрудник Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, доктор исторических наук, заведующий сектором координации и методики научных исследований Отдела библиотекосведения. Сферой его научных интересов стала история российского государства в трудах иностранцев. Это направление его исследований положительно сказалось на изучении и раскрытии известной коллекции «Россика». Александр Львович стал инициатором, организатором и одним из составителей нескольких выпусков-каталогов этого собрания РНБ, необходимых для понимания места России в мировой и европейской истории.

В годы войны Александр Львович был полковым почтальоном, участвовал в боевых действиях на Пулковских высотах. Прекрасное знание немецкого языка позволило командованию использовать Гольдберга в качестве полкового, затем — дивизионного переводчика 42-й армии генерала И.К. Федюнинского. Александр Львович участвовал в допросах пленных, а также через громкоговоритель вел направленную на врага пропаганду об успехах советских войск и неизбежности поражения фашистской армии. В январе 1942 г. за боевые заслуги он был награжден орденом «Красной звезды». Войну закончил в Прибалтике, в Латвии, в чине лейтенанта; участвовал в приеме капитуляции немецких частей, о чем писал в письме к своей невесте, также напечатанном во втором выпуске. В публикацию, подготовленную дочерью — Е.А. Гольдберг, включены военные очерки и стихи Александра Львовича, часть из которых была напечатана во фронтовых газетах. Предлагаем фрагмент из стихотворения «Моя улица» (Красноармейское слово. 1945. № 76):

<...> Мой путь тяжел и труден,
И кто прошел по этому пути,
Тот знает, как сквозь тьму окопных буден
Немеркнущую душу пронести.
Тот помнит, как у Пулковских развалин,
В сумятице обугленных берез,
Мы «улицей» траншею называли,
Сначала в шутку, а потом всерьез.
Когда в могучем грохотанье залпов
Лавины вражки были сметены,
И мы пошли с победою на запад
Простреленными тропами войны.
Покинув сеть проспектов и проулков,
Пошли за мной в далекие края,
В огне боев и громе битвы гулком,
Мой дом родной и улица моя.
И радость победителей изведав
В последнем и решительном бою,
Мы триумфальной аркою победы
Теперь украсим улицу мою.

20 мая 1945 г.

Военная юность Нины Константиновны Аргутинской (1924–2018) [9, с. 74–77] прошла в городе Иваново, там она родилась, там училась в Ивановском педагогическом институте (вып. 5). После войны, пройдя обучение в Ленинградском библиотечном институте и защитив диссертацию, с 1955 г. работала в Публичной библиотеке в Отделе обработки и каталогов: почти 20 лет возглавляла сектор каталогизации. Ее воспоминания «Иваново и ивановцы в годы Великой Отечественной войны» посвящены жизни ее семьи в военные годы: учебе в институте, выполнению различных трудовых обязанностей (в госпитале, в поле, на лесоповале). Нина Константиновна вспоминала об эвакуированных в Иваново ленинградцах, о том, как узнавали в тылу о жизни блокадного города.

Специально для этого проекта написали воспоминания сотрудники Библиотеки, детьми пережившие Великую Отечественную войну: ведущий научный сотрудник Отдела библиографии и краеведения, доктор педагогических наук Ольга Семеновна Острой [6] — «Мое военное детство» (вып. 1) (фрагмент ее воспоминаний о блокаде был опубликован ранее [7]); главный библиотекарь Отдела обработки и каталогов Маргарита Николаевна Матвеева — «Как бы мы хорошо жили, если бы не было войны!» (вып. 1); заведующая Отделом специального хранения Светлана Федоровна Варламова — «Воспоминания о военном времени и не только» (вып. 2); библиограф Отдела фондов и обслуживания Таисия Михайловна Власова — «Блокадное Ольгино» (вып. 2); главный библиотекарь Отдела комплектования Галина Дмитриевна Секуторова — «Мое военное детство» (вып. 2); руководитель центра генеалогии РНБ, кандидат географических наук Игорь Васильевич Сахаров [4] — «“Семенов тараканов покупает!”: Из воспоминаний о детстве в военные годы» (вып. 2).

Предваряя свои воспоминания, Игорь Васильевич отметил «общественно-значимую ценность» детских воспоминаний, поскольку в них отражен «событийный контекст» [12, с. 364] времени. Он обратил вни-

мание на их насыщенность фактами: мелочи, о которых пишут авторы, иллюстрируют эпоху, оживляют ее. В любых воспоминаниях, в том числе детских, запечатлены конкретные условия и обстоятельства, в которых оказалась та или иная семья в военные годы; отражены различные детали и ощущения, «сумма» которых, по словам О.С. Острой, «не только способствует объективности целого, но показывает множественность условий, в которых оказались дети, и их психологических восприятий» [11, с. 251].

В детских воспоминаниях описана жизнь в Ленинграде и в тылу: первый день войны и первые часы войны, первые бомбежки; эвакуация из Ленинграда, в ряде случаев — навстречу наступающему фронту. О благополучном возвращении в город из Тихвина в начале сентября 1941 г. рассказывает Г.Д. Секуторова.

Многие авторы пишут об эвакуации вглубь страны из западных областей, об обстрелах поездов. О частых вынужденных перемещениях семьи по необъятным российским просторам пишет С.Ф. Варламова. Все авторы описывают постоянное чувство страха, связанного с опасностью потеряться в дороге. О.С. Острой вспоминает эпизод: мама во время стоянки опоздала на поезд, но смогла его догнать с другим составом.

Рассказывая о жизни в эвакуации в семьях или интернатах, авторы останавливаются на подробностях быта в новых условиях, вспоминают о том, как принимало их местное население. Многие пишут об ощущавшемся детьми состоянии нервозности и крайней озабоченности взрослых, о получении сообщений с фронтов и из Ленинграда. Через детские воспоминания отчетливее представляются трудности матерей и бабушек, на чьем попечении оказались дети: как не погибнуть, как устроиться на новом месте, как обеспечить детей минимально необходимым, при этом работая, чтобы выжить. Вспоминаются случаи оказания помощи и получения поддержки и от близких, и от совсем незнакомых людей; ожидания почтальона и приезда родителей. И.В. Сахаров пишет о своем детском страхе не узнать маму, которую не видел несколько лет. Все отмечают раннее, быстрое взросление детей, возросшую ответственность перед близкими. Многие страницы наполнены описанием военного быта и обязанностей детей по хозяйству; учебы (сведения об учителях и сверстниках); праздников, просмотров кинофильмов, театральных постановок; детских увлечений (коллекционированием марок занимался И.В. Сахаров). Очень много и подробно авторы пишут о чтении книг. У многих присутствуют «съедобные» или «гастрономические» воспоминания, а также описание Дня Победы.

Ряд авторов сборника выступили публикаторами военных документов, хранящихся в государственных архивохранилищах или в семейных архивах. В числе первых следует назвать подготовленную старшим научным сотрудником Отдела рукописей РНБ, кандидатом педагогических наук М.К. Свиченской публикацию воспоминаний Эдит Петровны Постниковой — «Записки блокады» — об участии автора в оборонительных работах под Ленинградом на станции Пери осенью 1941 — зимой 1942 г. Документ, хранящийся в Отделе рукописей, напечатан в 9-м выпуске.

Материалами семейного архива поделился старший научный сотрудник Отдела библиографии и краеведения М.А. Мамонтов: для 3-го сбор-

ника им подготовлен небольшой отрывок из автобиографических записок о военном детстве его отца, профессора Ленинградского (Петербургского) института культуры, доктора педагогических наук Александра Васильевича Мамонтова (1930–1999). Он вспоминал об эвакуации на Волгу (в Ярославль и Кострому), смерти отца, работе в подсобном хозяйстве, жизни в интернате, возвращении в Ленинград.

В семейном архиве ведущего научного сотрудника сектора книговедения Отдела редких книг РНБ (в настоящее время — профессора Европейского университета в С.-Петербурге), доктора исторических наук В.Е. Кельнера хранится письмо его отца Ефима Исаевича Кельнера к жене погибшего при защите Новороссийска в 1942 г. капитана 62-го авиационного полка М.А. Борисова. Это письмо «как свидетель подвига» стало одним из документов, позволивших установить обстоятельства гибели летчика и присвоить ему звание Героя Советского Союза (вып. 2).

Заведующая сектором книговедения Отдела редких книг, доктор исторических наук Н.Г. Патрушева подготовила публикацию хранящегося в семейном архиве текста выступления своего дедушки — главного инженера фортепианной фабрики «Красный Октябрь» Василия Васильевича Безуглова — на одном из празднований Дня Победы (предположительно 1975 г.). На торжественном заседании он рассказал о работе коллектива в военные годы: переходе предприятия на выпуск оборонной продукции и ответственном отношении работников к выполнению поставленных задач, создании отряда самообороны и активном участии в нем женщин.

Во 2-м и 3-м выпусках напечатаны две обширные подборки разноплановых документов из семейного архива М.Л. Малаховской — сотрудницы Отдела фондов и обслуживания Библиотеки (в настоящее время доцента Института иностранных языков С.-Петербургского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидата филологических наук). Это письма, дневник, воспоминания военного и послевоенного времени ее отца Л.В. Малаховского, мамы Д.Б. Хотинной (Малаховской) и других родных о фронтовых буднях, о жизни в Ленинградской блокаде и в эвакуации.

Публикуемые научным сотрудником Отдела редких книг, кандидатом филологических наук Г.А. Фафуриным «лейтенантские воспоминания» офицера-минометчика Петра Максимовича Борискина (1923–1999) «Жизнь прожить — не поле перейти: по следам минувших дней» (вып. 1) (написанные в 1970–1980-е гг.) содержат сведения об участии автора в боях на Калининском, Ленинградском, 2-м Белорусском фронтах, в освобождении Таллина.

Восстанавливая историю своей семьи (вып. 8), ведущий библиотекарь Отдела фондов и обслуживания О.Э. Фролова рассказала о военном детстве своей мамы — историка, библиографа, книговеда Ирины Ивановны Фроловой (1928–2014) [3, 5]. Спустя два года после защиты в 1954 г. кандидатской диссертации Ирина Ивановна была принята на работу в Справочно-библиографический отдел Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. С 1977 г. на протяжении 25 лет она возглавляла группу, потом сектор книговедения Отдела библиографии и книговедения (затем Отдела фондов и обслуживания,

в настоящее время — Отдела редких книг). Со слов Ирины Ивановны Ольга Эдуардовна восстанавливает эпизоды из жизни мамы и бабушки в блокаде до августа 1942 г. и в эвакуации в Молотовской (Пермской) области.

Заведующий сектором сводных каталогов Отдела обработки и каталогов РНБ, доктор педагогических наук Е.К. Соколинский рассказал (вып. 2) о военной юности своей мамы, прошедшей в осажденном Ленинграде, где была прожита самая страшная первая блокадная зима, о ее работе в эвакогоспитале, об эвакуации в Ташкент, о возвращении в Ленинград в 1945 г.

В других материалах, подготовленных И.Х. Саксоновой, Г.А. Фафуриным, Н.А. Гринченко, О.Б. Плошко, Е.Л. Манушиной повествуется о родных, в военное время оказавшихся в блокадном Ленинграде, в эвакуации, на фронте, на оккупированной территории.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что в проекте принимают участие сотрудники и других петербургских библиотек. Среди них Центральная городская библиотека им. В.В. Маяковского, представленная статьей заведующей Отделом культурных программ О.Н. Косогор «Воспоминания библиотекарей о блокаде» (вып. 3) о работе библиотеки во время войны и подборкой документов из семейного архива заведующей сектором М.Е. Кисаровой «Ленинград. Блокада. Девочка, которая выжила» (вып. 6). В последнее время к проекту присоединились и коллеги из Библиотеки Российской академии наук. Для 9-го сборника ведущим библиотекарем А.А. Балакиной и заведующей отделом, кандидатом педагогических наук Н.В. Бекжановой подготовлена публикация хранящегося в Архиве Библиотеки РАН блокадного дневника за январь 1942 г. Надежды Алексеевны Никифоровской (1921–2003) — библиографа, литературоведа, театроведа, с 1949 г. сотрудника БАН.

Переживших войну остается все меньше и меньше. Мы собираем документы семейных архивов, чтобы дети и внуки участников войны и их дети знали и помнили о людях, которые воевали, жили и умирали в военные годы. Приглашаем всех желающих к сотрудничеству (электронная почта издательства: tozvezda@yandex.ru).

Список источников

1. Библиотечная энциклопедия. Москва, 2007. С. 306–307.
2. Грин Ц.И., Яковлева И.Г. А.Л. Гольдберг — библиограф и исследователь россики // «Беспримерное отделение „Россика“»: материалы науч. конф. 14 января 2000 г. Санкт-Петербург, 2000. С. 46–53.
3. Ирина Ивановна Фролова: биобиблиографический указатель. Санкт-Петербург, 1998. 32 с.
4. Краско А.В. Дорога длиной 85 лет: К юбилею И.В. Сахарова // Известия Русского генеалогического общества. Санкт-Петербург, 2017. Вып. 32. С. 25–30.
5. Мамонтова Г.А., Патрушева Н.Г. Ирина Ивановна Фролова (1928–2014) — историк, библиограф, книговед // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: сборник научных трудов. Санкт-Петербург, 2016. Вып. 18. С. 11–45.
6. Ольга Семеновна Острой: биобиблиографический указатель. Санкт-Петербург, 1999. 44 с.

7. *Острой О.С.* Ключки воспоминаний // Историко-библиографические исследования: сборник научных трудов. Санкт-Петербург, 2015. Вып. 13. С. 205–269.

8. Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биографический словарь. Санкт-Петербург, 2003. Т. 3: Государственная Публичная библиотека в Ленинграде — Государственная Публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1931–1945. 719 с.

9. Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биографический словарь. Санкт-Петербург, 2013. Т. 4: Государственная Публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1946–1956. 714 с.

10. Такая разная война...: Великая Отечественная война в письмах, воспоминаниях, документах, рассказах: сборник / сост.: Н.А. Гринченко, Н.Г. Патрушева, М.В. Тоскина. Санкт-Петербург: Северная звезда, 2017–2020. Вып. 1–3, 5, 6, 8–9. (Серия «Страницы Бессмертного полка»).

11. *Острой О.С.* Мое военное детство // Такая разная война...: Великая Отечественная война в письмах, воспоминаниях, документах, рассказах: сборник. Санкт-Петербург: Северная звезда, 2017. Вып. 1. С. 251–259.

12. *Сахаров И.В.* «Семенов тараканов покупает!»: из воспоминаний о детстве в военные годы // Такая разная война...: Великая Отечественная война в письмах, воспоминаниях, документах, рассказах: сборник. Санкт-Петербург: Северная звезда, 2017. Вып. 2. С. 363–398.

УДК 023
ББК 78.33:63.3(2)622.1

Н.В. Бекжанова, А.А. Балакина

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (БАН) Хроника военных лет, январь–июнь 1945 года

АННОТАЦИЯ

На основе архивных документов официального характера, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и в архиве Библиотеки академии наук (приказы, лицевые счета по заработной плате, переписка с различными учреждениями), составлена хроника событий, свидетельствующих о бытовании библиотеки на всем протяжении Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Великая Отечественная война, блокада, Ленинград, хроника.

Материалы за январь–июнь 1945 г. являются свидетельством того, что Библиотека академии наук (БАН) все более активно разворачивает работу по восстановлению своей деятельности: ведется ремонт помещений библиотеки; возвращаются фонды, эвакуированные в первые месяцы войны или отложившиеся в Москве в связи с невозможностью их доставки в блокадный Ленинград; возобновляется плановая работа по подготовке библиографических указателей; пополняется кадровый состав за счет реэвакуации опытных сотрудников библиотеки или же принимаются в штат новые; оказывается помощь библиотекам, фонды которых были уничтожены или вывезены в Германию в годы Великой Отечественной войны, в том числе библиотекам Байкальской лимнологической станции АН, Института биологии Уральского филиала АН СССР, Киевского университета, Военно-юридической академии Красной Армии, Пушкиногорского района Псковской области, Лужского района Ленинградской области и др.; готовятся юбилейные выставки, приуроченных к празднованию 220-летия Академии наук.

ЯНВАРЬ–ИЮНЬ 1945 ГОДА

1 января. На заместителя директора по административно-хозяйственной части (АХЧ) Н.А. Николаева временно возложены обязанности начальника объекта местной противовоздушной обороны (МПВО) [1, л. 135].

В штат БАН переводится из Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ) на должность заведующего библиотекой института Н.Н. Полянская [2, л. 200].

Освобождена от работы в хозяйственном отделе и направлена в распоряжение директора библиотекарь А.И. Беликова, ее обязанности по кладовой возложены на грузчика А.Ф. Чечневу [2, л. 204].

2 января. Приступила к работе библиотекарь В.П. Андреева-Георг, болевшая с 12 декабря 1944 г. по 1 января 1945 г. [2, л. 202].

«Для урегулирования вопроса реэвакуации библиотечных ценностей, вывезенных в 1943 г.» командирована в Москву по 21 января заместитель директора В.М. Тамань. С 22 января по 15 февраля ей предоставлен отпуск «по состоянию здоровья с пребыванием в санатории „Узкое“» [2, л. 203].

3 января. Главный библиотекарь Э.А. Козак составила обстоятельную пояснительную записку к плану работы ленинградских спецбиблиотек на 1945 г. [3, л. 37–44].

БАН просит домохозяйство допустить ученого секретаря ЛОИИ кандидата исторических наук Н.С. Лебедева «к просмотру находящихся в вашем распоряжении книг, принадлежащих Вальденбергу и др., для установления научной ценности этих книг и их подготовки для передачи в АН» [4, л. 65].

Принята в штат БАН А.Г. Ольдерогге помощником библиотекаря [1, л. 137].

4 января. БАН разрешено передать для АН Белорусской ССР «дублетный экземпляр первопечатного издания Литовского Статута 1588 г.» [5, л. 62].

5 января. БАН просит управляющего делами АН И.В. Зубова оказать содействие помощнику директора БАН Н.А. Николаеву, командированному в Москву для осмотра эвакуированных фондов и подготовке к отправке в Ленинград, а также изданий, поступающих в годы войны для БАН в Москву [6, л. 160, 160об.].

Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра (ИЯМ) просит «присоединить» три ящика книг института, вывезенных в Москву летом 1943 г., к книгам БАН, готовящимся к возвращению в Ленинград [8, л. 117].

Приступил к исполнению обязанностей старшего библиотекаря И.Н. Шейнкер, вернувшийся из отпуска без сохранения содержания [2, л. 200].

Старшему библиотекарю А.И. Кочоровой предоставлен отпуск без сохранения содержания на три дня по семейным обстоятельствам [2, л. 202].

6 января. Директор БАН И.И. Яковкин получил приглашение Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (ГБЛ) принять участие в научной конференции, «посвященной роли русского библиотековедения и библиографии в развитии русской науки и культуры и сделать на ней доклад о Библиотеке АН СССР» [9, л. 18].

8 января. БАН просит политуправление Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) и «Военмориздат» выслать для выставки «Русская книга о Военно-Морском Флоте» издания за период Великой Отечественной войны [10, л. 77–78].

Приступил к работе ученый секретарь К.И. Шафрановский, болевший с 29 декабря 1944 г. по 7 января 1945 г. [2, л. 201].

Предоставлен отпуск без сохранения содержания по семейным обстоятельствам на три дня старшему библиотекарю С.Г. Финкельсон [2, л. 201].

«В виду принятия в аспирантуру Института русского языка АН СССР» увольняется библиотекарь С.И. Груздева [2, л. 202].

9 января. БАН обращает внимание Книжной палаты на необходимость присылки всех инвентарных листов на журналы обязательного экземпляра [8, л. 114].

Библиотека АН Украинской ССР благодарит БАН за согласие помочь в восстановлении ее книжного фонда [11, л. 158].

Уральский филиал АН СССР просит содействия в формировании библиотеки Института биологии, на что БАН выразила согласие принять необходимые меры и «с наступлением теплого времени» отобрать из дублетных фондов Ботанического института им. В.Л. Комарова (БИН) и Зоологического института (ЗИН) литературу, «которая сможет пополнить библиотеку» [11, л. 137, 138].

Приступила к работе дворник Е.Д. Таткина, болевшая с 3 по 8 января [2, л. 201].

10 января. Составлена сравнительная таблица состояния штатов ленинградских спецбиблиотек до войны и в настоящее время с указанием штата, необходимого для выполнения плана 1945 г. с обоснованием требуемой численности [3, л. 59–62].

БАН просит заместителя уполномоченного Президиума АН СССР М.Е. Федосеева решить вопрос об увольнении Вс.А. Петрова, назначенного директором Лаборатории консервации и реставрации документов (ЛКРД), продолжающего числиться старшим научным сотрудником Института истории материальной культуры (ИИМК) [12, л. 139].

Библиотека Центрального совета профсоюзов Латвийской ССР благодарит БАН за отправку 125 книг на латышском языке для восстановления ее книжного фонда и просит ускорить отправку оставшихся книг (по решению Библиотечной комиссии (БК) предполагалось выделить 1 тыс. книг) [11, л. 156, 157].

И.И. Яковкин просит академика В.Л. Комарова отметить заслуги заведующего московским отделением БАН (Сектором сети спецбиблиотек (СССБ)) Ю.Р. Мокиевской в связи с ее 50-летием [7, л. 44].

БАН поручает СССР направить комиссию для определения целесообразности приобретения для АН библиотеки члена-корреспондента АН СССР П.М. Никифорова [13, л. 81].

По запросу Института этнографии (ИЭ) в Москве БАН разъясняет существующий «порядок прохождения всей новой иностранной этнографической литературы через каталогизационный аппарат библиотеки Института этнографии в Ленинграде», после чего она может быть направлена «для длительного пользования из библиотеки Института этнографии в Ленинграде в Москву через междубиблиотечный абонемент» [8, л. 115].

11 января. На состоявшемся совещании заведующих отделами (И.И. Яковкин, К.И. Шафрановский, Г.Ф. Подозерская, М.А. Богдзевич) рассматривался проект плана работы отделов, а также технологические вопросы по учету и описанию поступающих изданий [9, л. 16, 16об.].

Байкальская лимнологическая станция просит подобрать из запасного фонда профильные издания для библиотеки станции [11, л. 140, 141].

БАН просит академика Л.А. Орбели «возбудить ходатайство перед Лениблисполкомом о включении Технических мастерских (ТМ) в число действующих подсобных предприятий Библиотеки Академии наук» [14, л. 39].

БАН направила в Комиссию по истории физико-математических наук подготовленную к печати рукопись библиографии А.С. Попова [10, л. 76].

Приступила к работе грузчик Е.А. Лемке, болевшая с 8 по 10 января [2, л. 198].

12 января. БАН просит СССБ срочно для выставки «Русская книга о Военно-Морском Флоте» «выбрать абсолютно все, что касается организации флота, вооружения, подвигов наших моряков из обязательного экземпляра Библиотеки» за период войны, хранившегося в Фундаментальной библиотеке общественных наук (ФБОН), и в спешном порядке с первой возможной оказией книг отправить в Ленинград» [10, л. 75].

Начальник инженерных войск Карельского фронта Герой Советского Союза генерал-полковник А.Ф. Хренов благодарит БАН за представленные материалы по Финляндии [4, л. 64].

Командирован в Москву заместитель директора по АХЧ Н.А. Николаев, его обязанности временно возложены на А.Н. Хренова [2, л. 199].

13 января. Приступила к работе библиотекарь В.И. Шильникова, болевшая с 6 по 12 января [2, л. 197].

15 января. БАН просит завод пластмасс «изготовить угловой каучуковый штамп» [6, л. 158, 159].

Принята в штат БАН В.М. Субботина помощником библиотекаря с месячным испытательным сроком [2, л. 198].

Переведена на должность библиотекаря помощник библиотекаря О.А. Челнокова [2, л. 198].

Приступила к работе главный библиотекарь В.М. Римская-Корсакова, болевшая со 2 по 13 января [2, л. 197].

16 января. БАН просит СССБ найти в Москве книги по запросу академика С.И. Вавилова, которые не удалось отыскать в Ленинграде [4, л. 63].

БАН просит отдел капитального строительства (ОКС) АН СССР «сложить плиту» в помещении ТМ [6, л. 156].

Последняя запись в дневнике дежурного: в 22 ч. 15 мин. учебная воздушная тревога. В 23:20 — о «переходе на положение № 2» [15, л. 56об.].

17 января. Управление делами АН СССР напоминает БАН о необходимости выплатить 7 тыс. руб. за библиотеку Е.В. Вульфа, приобретенную для БИН [13, л. 51].

БАН просит Ленинградское отделение ИИМК утвердить в «качестве консультанта Библиотеки института старшего научного сотрудника, профессора С.Н. Заметнина» [12, л. 137].

БАН просит начальника воинской части № 18402 полковника Грачева откомандировать в распоряжение библиотеки К.Н. Мартынову, Е.Е. Бочкареву, Р.Б. Айзину, необходимых для восстановления работы ТМ [12, л. 136].

18 января. Военно-юридическая академия Красной Армии просит БАН оказать содействие в формировании книжного фонда [11, л. 155].

Приступила к работе старший библиотекарь Н.П. Астапович, болевшая с 8 по 17 января [2, л. 196].

20 января. Академик-секретарь АН СССР академик Н.Г. Бруевич по просьбе академика Б.Н. Юрьева поручает БАН для ускорения работы по составлению библиографии технической литературы XVIII в. выделить специального библиографа. БАН информирует, что данная работа ведется с декабря 1944 г. специальным библиографом Н.П. Астапович и будет завершена в течение двух месяцев [4, л. 61, 62].

Приступил к работе главный библиотекарь И.А. Дыщенко, болевший с 15 по 19 января [2, л. 196].

23 января. Предоставлен отпуск грузчику К.П. Вороновой и старшему библиотекарю М.С. Шериной на 12 дней «в счет очередного отпуска» [2, л. 196].

24 января. БАН поздравляет с правительственной наградой академика С.А. Зернова и благодарит его за «высокоавторитетную помощь и указания, в которых Вы никогда не отказывали и содействуете тем самым библиотечному делу в Академии наук» [16, л. 34].

БАН просит академика В.А. Обручева «ходатайствовать о выделении геолого-географическому отделению» 60 тыс. руб. для оплаты книг академика Ф.Ю. Левинсон-Лессинга [13, л. 80].

БАН информирует заместителя уполномоченного Президиума АН СССР М.Е. Федосеева о мероприятиях по оценке библиотеки академика Ф.И. Щербатского [13, л. 74].

26 января. БАН просит БК разрешить передать Военно-юридической академии Красной Армии по их просьбе до 500 экземпляров юридической и исторической печатной продукции [14, л. 144, 146–152, 155].

27 января. И.И. Яковкин просит Вс.А. Петрова, назначенного директором ЛКРД, сообщить о конкретных сроках начала работы лаборатории, для которой утверждено 5 штатных единиц [12, л. 140].

30 января. БАН просит леспромхоз разрешить заменить «единственную сотрудницу библиотеки Ботанического института» З.И. Ильину на Л.Я. Ковалеву, «которая вполне отвечает требованиям, предъявляемым к лицам, направляемым на лесозаготовки». Замена разрешена [12, л. 128, 128об.].

[**Январь**]. Ленинградская филармония просит «возобновить снабжение обязательным нотным экземпляром всей нотной продукции СССР на текущий год, а также за годы войны» [11, л. 154].

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) (ИРЛИ) обосновывает свое предложение о пристройке к основному зданию института. БАН поддерживает это предложение [6, л. 77–80].

1 февраля. Президиумом АН СССР принято решение о праздновании 220-летия АН СССР, в соответствии с которым БАН поручено сделать каталог изданий АН за 220 лет [7, л. 40].

БАН просит академика-секретаря академика Н.Г. Бруевича поддержать ходатайство БИН «войти в сношения с Союзной комиссией Финляндии для получения при ее содействии периодических изданий, вышедших в Финляндии за годы войны» [8, л. 113].

БАН передала для библиотеки Военно-воздушных сил КБФ 500 книг из запасных фондов [11, л. 143].

Принят в штат И.Н. Еремин механиком-водопроводчиком [2, л. 193].

Приказом отмечено 25-летие работы Л.М. Гаркави в Библиотеке и объявлена благодарность «за самоотверженную и вдумчивую работу в стенах самой Библиотеки, в библиотеке Музея истории религии и по восстановлению работы справочного отдела в 1944 г.» [2, л. 194].

По вопросам иностранного комплектования командирована в Москву главный библиотекарь Е.А. Лаппа-Старженецкая по 14 февраля [2, л. 195].

Приступила к работе Т.С. МаксUTOва, болевшая с 24 по 31 января [2, л. 193].

2 февраля. В БК направлено заключение на проект Положения о Книжном отделе АН СССР [14, л. 33–34].

БАН опровергает информацию, содержащуюся в заметке, напечатанной в газете «Ленинградская правда», в которой говорится о роли ЛКРД в сохранении книжного фонда библиотеки: лаборатория была законсервирована, поэтому «и речи быть не может, что она спасала Библиотеку» [17, л. 22].

3 февраля. БАН передала в СССБ 21 пакет с 10 550 копиями (приблизительно) карточек русской части алфавитного каталога справочного отдела [11, л. 142].

5 февраля. БАН информирует председателя Комиссии по истории физико-математических наук академика А.Н. Крылова о планах подготовки библиографических указателей, посвященных академику А.М. Ляпунову, члену-корреспонденту АН Н.Е. Жуковскому, М. Фарадею и Б. Франклину, и благодарит за его отзывы о работах, посвященных академику П.Л. Чебышеву и А.С. Попову. «... Болезнь нескольких сотрудников библиотеки, занимающихся библиографией, задержала начало выполнения намеченных заданий в течение первого месяца 1945 г., но библиотека полагает, что в ближайшее время она получит увеличение штатов и сможет значительно интенсифицировать свою библиографическую работу» [4, л. 60].

БАН просит академика Л.А. Орбели разрешить выдать премию Л.М. Гаркави в связи с 15-летием ее работы в Библиотеке [7, л. 43].

Приступила к работе Е.Д. Таткина, болевшая с 23 января по 3 февраля [2, л. 192].

6 февраля. Приступила к работе главный библиотекарь Е.И. Винтергальтер, болевшая с 26 января по 5 февраля [2, л. 191].

7 февраля. Пушкиногорский райком партии Псковской области просит помочь в восстановлении библиотек района [11, л. 139].

9 февраля. Академик А.М. Деборин от имени Президиума АН СССР телеграммой просит «дать обзор ценнейших изданий и отдельных собраний, находящихся в Библиотеке» для «Вестника Академии наук» [7, л. 12].

12 февраля. Старший библиотекарь рукописного отделения М.Н. Мурзанова сообщает Битцевскому пчеловодческому техникуму по их запросу о наличии в картотеке Н.К. Никольского сведений по пчеловодству [4, л. 58, 60].

К.И. Шафрановский, Э.П. Файдель и Ф.Б. Кусова провели оценку библиотеки академика Ф.Ю. Левинсона-Лессинга: 3 тыс. книг по петрографии и 4 тыс. оттисков, все оценено в 60 тыс. руб. [13, л. 78].

Приступили к работе: старший библиотекарь А.М. Лукомская, болевшая с 26 декабря по 10 февраля; машинистка З.А. Гейдер, болевшая с 29 января по 10 февраля; кассир Р.И. Ершова, болевшая с 8 по 10 февраля [2, л. 190].

13 февраля. БАН просит библиотечный факультет Педагогического института им. А.И. Герцена «допустить к прохождению курса факультета в качестве экстернов пять сотрудников Библиотеки, обладающих большим производственным стажем: Б.В. Злочевскую, З.И. Ильину, А.И. Кочорову, Э.П. Файдель, М.В. Цветкову» [18, л. 11–13].

Приступила к работе главный библиотекарь В.М. Римская-Корсакова, болевшая с 20 января по 12 февраля [2, л. 189].

14 февраля. В Москве состоялось заседание Всесоюзного комитета по проведению 220-летия АН СССР, на котором принята программа юбилейных мероприятий (запланировано сделать 4 книжно-документальные выставки, в основу которых должны быть положены фонды БАН) [7, л. 30–38].

БАН информирует члена Военного совета КБФ вице-адмирала Н.К. Смирнова о том, что его указание «об организации выставки книг, посвященных Военно-Морскому Флоту, выполнено: подобрано около 1500 книг, плакатов, гравюр, фотографий и т. п.». Открыть выставку предполагается в Таллине, для организации которой командирован главный библиотекарь И.А. Дыщенко [10, л. 74].

Над материалами «по театру и драматургии западных и южных славян» в БАН работал профессор С.С. Игнатов [4, л. 57].

Для библиотеки Белорусской АН подготовлено 36 ящиков книг [11, л. 136].

Отправлен в отпуск главный библиотекарь А.Ю. Шагалов [2, л. 189].

16 февраля. БАН просит ЛКРД обследовать состояние книгохранилищ с тем, «чтобы предотвратить появление сырости и плесени» [7, л. 29].

БАН обратилась в городскую библиотеку г. Пушкина с предложением «пойти на помощь в развитии ее работы» по нескольким направлениям [11, л. 135, 135об.].

Приступили к работе: библиотекарь В.Ф. Соколова, болевшая с 7 по 15 февраля, и заместитель директора В.М. Тамань, вернувшаяся из санатория [2, л. 188, 189].

В Ленинградский институт инженеров путей сообщения (ЛИИПС) для просмотра каталогов Б.П. Гущина направлен старший библиотекарь Н.П. Астапович [4, л. 56].

БАН просит Государственную публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) помочь старшему библиотекарю Ю.П. Кирпичевой в «уточнении выходных данных ряда периодических изданий» [4, л. 55].

Приступила к работе старший библиотекарь Ю.П. Кирпичева, болевшая с 7 по 16 февраля [2, л. 188].

19 февраля. БАН подготовила проект письма в Болгарскую академию наук о передаче в дар из фондов Библиотеки «несколько ценных изданий, которыми Академия наук располагает (в том числе фототипическое издание Изборника Святослава Ярославича 1073 г., фототипическое из-

дание Архангельского Евангелия 1092 г.» и «История и памятники Византийской эмали: собрание А.В. Звенигородского» (СПб., 1892)) [8, л. 112]. Издания были переданы в распоряжение Президента АН СССР академика В.Л. Комарова [11, л. 133].

БАН ходатайствует в БК о переименовании СССРБ в Московское отделение БАН и о предоставлении заведующему этим отделением прав заместителя директора [14, л. 32].

БАН просит заместителя управляющего делами АН СССР М.Е. Федосеева и дирекцию ЗИН включить в список реэвакуируемых сотрудников института работников его библиотеки И.Г. Мусатова и М.Н. Андрееву [19, л. 13, 14].

Приступили к работе: старший библиотекарь М.К. Леонова, болевшая с 9 по 17 февраля, и главный библиотекарь Т.А. Доброхотова, болевшая с 6 по 17 февраля [2, л. 188].

20 февраля. БАН информирует БК ИЭ в Москве о том, чтобы все поступающие иностранные книги направлялись в Московское отделение ИЭ, которое и будет их распределять. Однако Библиотека категорически возражает против изменения существующего «порядка прохождения всей новой иностранной этнографической литературы через каталогизационный аппарат библиотеки Института этнографии в Ленинграде» [8, л. 111].

БАН информирует Всесоюзный комитет по проведению 220-летия АН СССР о своих предложениях по выполнению задания комитета по организации выставок и каталога изданий АН СССР [7, л. 28, 29].

БАН просит Ленинградский областной архив выслать академику Армянской АН Х.С. Ковтоянц материалы о И.М. Сеченове [4, л. 54].

БАН просит Библиотечное управление освободить И.Д. Смолянова от сдачи кандидатского минимума в связи с тем, что он «в течение ряда лет работает над библиографией Радищева» [12, л. 118].

Приступила к работе библиотекарь А.М. Фридендер, болевшая с 17 по 19 февраля [2, л. 186].

21 февраля. Получено разрешение на передачу библиотеки академика Б.М. Ляпунова из Ленинградского отделения ИЯМ в Институт русского языка в Москве [11, л. 120].

Во Всесоюзный комитет по проведению 220-летия АН СССР направлена справка о Библиотеке для включения в справочник учреждений АН СССР [7, л. 26, 27].

Приступила к работе А.И. Беликова, болевшая с 10 по 20 февраля [2, л. 185].

22 февраля. БАН просит БК подтвердить разрешение на приобретение картотеки, посвященной БАН за все время ее существования, у бывшей работницы Библиотеки Т.Г. Мазюкевич за 25 тыс. руб. (с резолюцией академика И.Ю. Крачковского от 10 марта «Приобретение считаю желательным») [8, л. 110; 10, л. 72], а также дать заключение о возможности возобновления передачи в Ленинградскую филармонию по их просьбе нотной продукции, получаемой БАН в составе обязательного экземпляра [11, л. 130, 154].

БАН просит Ленинградский горком партии прислать своего инструктора для «осмотра и проверки содержания той литературы, кото-

рая предположена для экспозиции» книг о Военно-Морском Флоте [10, л. 73].

Академику И.Ю. Крачковскому направлены по его просьбе две арабские книги [11, л. 131].

Составлен список сотрудников БАН, нуждающихся в промтоварах (в списке 29 человек, которым необходимы обувь, трикотаж, костюмы, пальто, постельное белье и др.) [12, л. 116, 116об.].

23 февраля. БАН обращается к заведующему плановым отделом Управления делами АН П.Г. Шидловскому по проблемам штатов (о выделении 42 единиц для бронфонда и Ленсети), выделении денег на организацию выставок, приобретении картотеки по истории Библиотеки [10, л. 26, 26об.]. Приступила к работе А.Г. Стрелина, болевшая с 16 января по 22 февраля [2, л. 185].

Командирован в Боровичи до 1 марта «для приобретения фасонных частей для пуска отопления второй очереди» механик И.Н. Еремин [2, л. 187].

24 февраля. И.И. Яковкин просит Ю.Р. Мокиевскую оказать содействие в выделении БАН 25 тыс. руб. на оплату работ по отбору в холоде «многоэкземплярных изданий» из бронированного фонда для юбилейных выставок и проконтролировать перевод денег Н.П. Суриной для отправки из Ташкента в Москву книг ФБОН [10, л. 71].

БАН просит Библиотеку Военно-морской академии им. К.Е. Ворошилова передать для выставки «Русская книга о Военно-Морском Флоте» журналы «Морской охотник» и «Записки по гидрографии» за 1942–1944 гг. [4, л. 53].

26 февраля. Приступили к работе: главный библиотекарь П.Г. Спица, болевшая с 17 по 24 февраля, и помощник библиотекаря А.Г. Ольдерогге, болевшая с 15 по 24 февраля [2, л. 183].

Освобожден от занимаемой должности Р.Л. Бобров «в связи с длительной болезнью» [2, л. 184].

27 февраля. БАН просит академика И.Ю. Крачковского разрешить сотрудникам Библиотеки просмотреть книги из квартиры Ф.И. Щербатского с целью выявить экземпляры с печатями и шифрами Института буддистской культуры для определения размера вознаграждения наследникам Ф.И. Щербатского за принадлежавшие ему книги [13, л. 72, 73].

БАН просит решить вопрос о том, на чьем балансе должен находиться второй обязательный экземпляр, т.к. СССБ «только пропускает эти издания через себя, требует присылать инвентарные листы Книжной палаты с отмеченными книгами, которые остаются в Москве» [8, л. 109].

Приступил к работе старший библиотекарь И.Н. Шейнкер, болевший с 15 по 26 февраля [2, л. 183].

[Февраль]. Академик-секретарь АН СССР академик Н.Г. Бруевич предписывает Архиву АН срочно выслать в Москву для выставки библиографические указатели, подготовленные БАН в 1934–1940 гг. [4, л. 51].

Составлена смета на выполнение работ по проверке и каталогизации фондов библиотек Ленсети на 1945 г. — 46 800 руб. [20, л. 24].

ГПБ передает БАН просьбу научной библиотеки Киевского университета помочь в восстановлении книжного фонда, сожженного немецкими захватчиками в 1943 г., и выделить дублиеты академических изданий,

а также книги научного и художественного содержания. Такое же письмо поступило и из секретариата АН СССР [11, л. 124, 129].

1 марта. В штате БАН — 111 чел., из них 5 совместителей [12, л. 113].

БАН информирует вице-президента АН СССР академика В.П. Волгина по его запросу о восстановлении кабинета славяноведения, что «с наступлением теплого времени, когда будет реальная возможность систематической работы в книгохранилищах, будет приступлено к установке в шкафах той части этого собрания, которая была уложена в ящики и находилась во время блокады в подвальных помещениях Библиотеки» [11, л. 109–110об.].

Объединенная школа учебного отдела КБФ просит помочь в комплектовании библиотеки [11, л. 128].

БАН просит облторготдел отпустить для главного библиотекаря Л.М. Гаркави, командированной в Таллин и Ригу для представительства и руководства на выставке, «один ордер на шерстяное платье или отрез шерсти, так как она в этом крайне нуждается» [10, л. 70].

Дворник Е.Д. Таткина переведена в грузчики «в виду систематического привлечения наряду с выполнением ее прямых обязанностей на погрузочно-разгрузочные работы» [2, л. 119].

Приступили к работе: библиотекарь В.Ф. Соколова, болевшая с 27 по 28 февраля, и грузчик А.И. Ключевская, болевшая с 23 по 28 февраля [2, л. 182].

3 марта. Президент АН СССР академик В.Л. Комаров телеграммой предписывает БАН дубликаты по истории естествознания и искусству «забронировать» для создающихся новых институтов истории естествознания и истории искусства [11, л. 127].

БАН направляет в адрес «инженера Эпштейн» запрос с просьбой выдать «планы здания библиотеки, необходимые для расчетов намечаемого ремонта» [6, л. 154].

БАН просит ЛОИИ включить в список реэвакуированных сотрудников института главного библиотекаря БАН Н.П. Сурина и ее сестру Л.П. Сурина, позднее вместо них были внесены П.Л. Шейнкер и М.А. Черняева [19, л. 7, 12].

5 марта. Вернулся из командировки механик И.Н. Еремин [2, л. 181].

6 марта. Для библиотек Лужского района Ленинградской области передано 405 книг [11, л. 126].

БАН информирует юбилейную комиссию о ходе работ по подбору изданий по запросам академических учреждений для подготовки юбилейной выставки [10, л. 68–69].

Приступила к работе главный библиотекарь Л.Г. Гринберг, болевшая с 28 февраля по 5 марта [2, л. 181].

7 марта. Приступила к работе старший библиотекарь О.А. Третьякова, болевшая с 7 февраля по 6 марта [2, л. 181].

8 марта. Приказом директора объявлена благодарность сотрудникам Библиотеки «подошедшим к 8 марта 1945 г. с наилучшими производственными показателями»: И.С. Алитовской, Е.И. Боцановской, З.П. Горюновой, В.Н. Денемарк, Е.А. Егоркиной, З.В. Зарубиной, З.И. Ильиной, Б.Я. Кахновер, А.И. Ключевской, А.И. Кочоровой, Д.Л. Марголи-

ной, В.В. Моисеевой, А.С. Мудровой, А.А. Пентеговой, П.А. Погожевой, В.М. Римской-Корсаковой, Т.Л. Римской-Корсаковой, К.Я. Сергеевой, А.Ф. Чечневой [2, л. 180].

9 марта. БАН просит БК разрешить отобрать для юбилейной выставки по два экземпляра изданий АН из бронированного фонда, так как предполагаются выставки в Москве и Ленинграде одновременно. Резолюция академика И.Ю. Крачковского — разрешить [10, л. 67].

И.И. Яковкин согласовывает с СССБ этапы работы по подготовке юбилейной выставки в Москве, дает согласие на командировку Д.Л. Марголиной и Э.П. Файдель для оказания помощи сектору, просит «организовать командировку» Н.А. Николаева «с тем, чтобы он помог в отправке бронированного экземпляра» [10, л. 66, 66об.].

В ИРЛИ в 3 часа дня было обнаружено, «что в подвальном помещении библиотеки дверь, находящаяся за стеллажами и ведущая в прежнюю дворницкую, взломана и со стеллажей выкрадены коробки с брошюрами», по предварительному подсчету до 250 экземпляров за 1941–1944 гг. [6, л. 153].

10 марта. Приступила к работе помощник библиотекаря В.М. Субботина, болевшая с 3 по 9 марта [2, л. 179].

11 марта. Дому флота КБФ передано 15 ящиков с книгами для отправки в Таллин на выставку «Русская книга о Военно-Морском Флоте» [10, л. 65].

12 марта. БАН сообщает вице-президенту академику В.П. Волгину и БК экспозиционный план юбилейной выставки в Ленинграде [10, л. 60–61, 63–64].

БАН просит Академию художеств предоставить на юбилейную выставку «несколько проектов XVIII века академических зданий» [10, л. 62].

По запросу Ленинградского административно-хозяйственного управления (ЛАХУ) составлены «Справка по штатному расписанию и фактическому состоянию на 1941 и 1945 гг.», списки сотрудников на 1941 и 1945 гг. [12, л. 110].

Приступила к работе главный библиотекарь Л.М. Гаркави, болевшая с 5 февраля по 10 марта [2, л. 178].

13 марта. В Москву на две недели направлена главный библиотекарь Е.А. Лаппа-Старженецкая «по вопросам иностранного комплектования» [2, л. 177].

Приступили к работе: машинистка З.А. Гейдер, болевшая с 23 февраля по 12 марта, и старший библиотекарь М.Н. Мурзанова, болевшая с 2 по 12 марта [2, л. 178].

14 марта. В связи с организацией выставки «Русская книга о Военно-Морском Флоте» в Таллин направлены заместитель директора В.М. Тамань, главный библиотекарь Л.М. Гаркави и старший библиотекарь В.И. Бородина сроком до 1 апреля [2, л. 177].

15 марта. БАН подготовила проект письма академика И.Ю. Крачковского в адрес вице-президента АН академика В.П. Волгина с просьбой «сделать распоряжение об устранении каких бы то ни было препятствий к отправке» из Москвы в Ленинград бронированного фонда академических изданий, который был вывезен в 1942 г. и до сих пор сложен в ящиках [10, л. 59].

В БАН работает 5 человек совместителей: Я.И. Давидович, главный библиотекарь, с января 1944 г.; Б.В. Дитман, заведующий НБО, с мая

1942 г.; А.В. Петровская, старший библиотекарь, с апреля 1942 г.; В.В. Успенский, главный библиотекарь, с ноября 1944 г.; А.Ю. Шагалов, консультант, с ноября 1944 г. [21, л. 129].

Казахский филиал АН ССР просит помочь в комплектовании библиотеки [11, л. 123].

Приступила к работе старший библиотекарь О.П. Каменогородская, болевшая с 6 января по 14 марта [2, л. 177].

16 марта. Приступила к работе помощник библиотекаря А.Г. Ольдегорге, болевшая с 4 по 15 марта [2, л. 176].

17 марта. В журнал «Наука и жизнь» направлена статья К.И. Шафрановского «Из истории Библиотеки Академии наук» [17, л. 8].

19 марта. Приступили к работе: главный библиотекарь В.М. Римская-Корсакова, болевшая с 7 по 17 марта, и старший библиотекарь Е.А. Гусаква, болевшая с 5 по 17 марта [2, л. 175].

Направлена в Дом отдыха библиотекарь Г.Н. Мясоедова, болевшая с 19 марта по 1 апреля [2, л. 176].

20 марта. БАН просит ученого секретаря БК В.А. Петрова доложить комиссии «ходатайство о приобретении библиографии литературы о Библиотеке за все время ее существования, составленной Т.Г. Мазюкевич» — 6 апреля распоряжением Президиума АН СССР разрешение получено [5, л. 6; 13, л. 71].

БАН просит Ленинградское городское управление милиции разрешить прописку прибывших из эвакуации бывших сотрудниц Библиотеки С.М. Данини, Х.В. Беляеву [19, л. 8–10].

22 марта. БАН просит академика И.А. Орбели оказать содействие в реэвакуации из Ташкента Н.П. Суриной [19, л. 55об.].

Приступила к работе грузчик А.И. Ключевская, болевшая с 3 по 21 марта [2, л. 173].

23 марта. Приступила к работе дворник Е.И. Гулина, болевшая с 8 по 22 марта [2, л. 173].

24 марта. БАН просит СССБ оказать «самую энергичную поддержку» Н.А. Николаеву, прибывшему в Москву для реэвакуации книжных фондов БАН [2, л. 172; 6, л. 150].

Из штата БАН отчисляется грузчик С.Л. Торхова, болевшая с 3 января по 23 марта и переведенная на инвалидность [2, л. 170].

26 марта. БАН просит Р.Л. Боброва оказать содействие в привлечении его жены к оформлению юбилейных выставок [10, л. 58].

Приступили к работе: рабочий-пожарник В.В. Строганова, болевшая с 13 по 24 марта; старший библиотекарь М.А. Магнус, болевшая с 2 по 25 марта; старший библиотекарь К.В. Рышкова, болевшая с 5 по 25 марта; вернулась из командировки в Москву главный библиотекарь Е.А. Лаппа-Старженецкая [2, л. 171, 172].

27 марта. Заведующий библиотекой ИРЛИ Л.Г. Гринберг информирует о том, что в институте нет наружной охраны, а окна библиотеки, находящейся на первом этаже, не имеют решеток. Тем самым создается угроза сохранности книг [6, л. 149].

29 марта. Командующий КБФ адмирал В.Ф. Трибуц приказом по ВМФ объявил благодарность БАН за организацию выставки «Русская книга о Военно-Морском Флоте», в свою очередь, директор БАН приказом

выразил благодарность «за наиболее энергичное участие в устройстве выставки» заместителю директору В.М. Тамань, главным библиотекарям Л.М. Гаркави, Я.И. Давидовичу, Д.Л. Марголиной, старшему редактору В.М. Римской-Корсаковой, старшему библиотекарю В.И. Бородиной [2, л. 166].

Получение и вывоз 30 ящиков монографий Пулковской обсерватории, находящихся на хранении в Эрмитаже, доверено Е.И. Винтергальтер [8, л. 107].

30 марта. Историческая библиотека Латвийской ССР просит помочь в комплектовании библиотеки [11, л. 121, 122].

В первом квартале 1945 г. «работа институтских библиотек АН СССР в связи с отсутствием рабочих рук, а также из-за отсутствия отопления в помещениях библиотек, будет проходить в том же объеме, что и в последнем квартале 1944 г., увеличение объема работ наступит только после получения новых штатов» [3, л. 63].

1 апреля. Директором предписано вести табель явки на работу сотрудников «институтских библиотек» [12, л. 107].

И.И. Яковкиным подготовлена статья «Отдел рукописной книги Библиотеки Академии наук» [17, л. 13–17].

Принята на работу С.М. Данини библиотекарем [2, л. 171].

2 апреля. Приступили к работе: библиотекарь Г.Н. Мясоедова, вернувшаяся из Дома отдыха, и заместитель директора В.М. Тамань, вернувшаяся из командировки в Таллин [2, л. 169].

4 апреля. БАН просит Главную астрономическую обсерваторию (ГАО) разрешить Х.В. Беляевой перейти в штат Библиотеки [12, л. 104].

В Институт востоковедения (ИВ) для выявления книг академика Ф.И. Щербатского, помеченных штампом Института буддистской культуры, направлены О.В. Динзе и В.М. Решетникова [4, л. 48].

Приступила к работе старший библиотекарь М.К. Леонова, болевшая с 29 марта по 3 апреля [2, л. 169].

5 апреля. В Таллин доставлены книги для выставки «Русская книга о Военно-Морском Флоте» и переданы на хранение в Дом флота [10, л. 57].

БАН просит Управление кадров военно-морских учебных заведений направить в Библиотеку Д.К. Александрову, ранее работавшую в БАН и которая «в настоящее время крайне необходима в связи с восстановлением работы Библиотеки и подготовке к 220-летию АН СССР» [12, л. 102].

БАН просит Выборгский райком партии направить в Библиотеку Е.И. Гусенкову, ранее работавшую в БАН, в настоящее время работающую счетоводом на молочном заводе, которая крайне необходима для работы в библиотеке ФТИ [12, л. 103].

БАН направляет ученому секретарю Совета по изучению производительных сил СССР В.И. Васильеву «Список изданий Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) за 1914–1930 гг.» и информирует о том, что составлен и позднее будет отправлен «Список трудов СОПСа (Совет по изучению производительных сил) и картотека экспедиций СОПСа за 1931–1941 гг.» [4, л. 46, 47].

В списке военнообязанных значится 6 человек: И.А. Дышенко, 40 лет, инвалид 2 группы; И.Н. Еремин, 44 года; Н.А. Николаев, 27 лет, инва-

лид 2 группы Великой Отечественной войны; А.С. Теленков, 52 года; А.Н. Хренов, 50 лет, по брони; К.И. Шафрановский, 44 года, по брони [21, л. 133].

Принята грузчиком Н.Ю. Яковлева [2, л. 169].

По распоряжению академика-секретаря АН СССР академик Н.Г. Бруевича библиотека ИЯМ должна передать в Институт русского языка в Москве собрание книг академика Б.М. Ляпунова [11, л. 119].

На посевную кампанию до 15 июня направлен старший библиотекарь А.С. Теленков [2, л. 168].

7 апреля. БАН просит Василеостровский райисполком и леспромхоз в связи с проведением работ по подготовке к 220-летию АН СССР срочно вернуть в распоряжение Библиотеки Л.Я. Ковалеву, работавшую вместо З.И. Ильиной на лесозаготовках с декабря 1944 г.: «...мы не можем согласиться, что наши научные кадры нецелесообразно числятся на лесозаготовках, а в стенах научной библиотеки некому работать» [12, л. 97, 98].

9 апреля. Вернулась из командировки в Таллин Л.М. Гаркави [2, л. 167].

10 апреля. БАН информирует СССБ о ходе работы по отбору книг для юбилейной выставки в Москве и просит решить вопрос об их транспортировке в Москву [10, л. 56].

11 апреля. Секретариат АН СССР информирует БАН о том, что в соответствии с постановлением СНК СССР № 608 «О мероприятиях по обеспечению выполнения плана капитальных работ на 1945 г. по Академии наук СССР» строительно-монтажные работы по Библиотеке в объеме 0,14 млн. руб. должен выполнить Главвоенпромстрой за счет своих материалов с окончанием работ 15 мая [6, л. 148].

По запросу Всесоюзного географического общества (ВГО) выдать тома 3 и 4 мемуаров П.П. Семенова-Тян-Шанского, поступивших в БАН в составе библиотеки В.П. Семенова-Тян-Шанского, БАН сообщает что готова передать их при условии наличия нескольких экземпляров [11, л. 116, 117].

Приказом по БАН объявлена благодарность сотрудникам, «принявшим наиболее энергичное участие в устройстве выставки» «Русская книга о Военно-Морском Флоте», получившей высокую оценку командования КБФ: В.М. Тамань, Л.М. Гаркави, Я.И. Давидовичу, Д.Л. Марголиной, В.М. Римской-Корсаковой, В.И. Бородиной [2, л. 166].

16 апреля. БАН просит Байкальскую станцию АН СССР командировать в Ленинград на два месяца бывшую сотрудницу Библиотеки Е.И. Михайлову для участия в подготовке юбилейных выставок [22, л. 25].

БАН просит СССБ «достать в Москве» книги по запросу Физического института, а также последнее академическое собрание сочинений М.В. Ломоносова для академика С.И. Вавилова: «Вполне возможно, что они имеются и у нас, но наш каталог закрыт из-за ремонта» [4, л. 63].

БАН просит Ленскупторг продать люстру стоимостью 8 тыс. руб. за безналичный расчет [6, л. 147].

17 апреля. БАН информирует Эрмитаж о том, что все книги ГАО, сданные на хранение в Эрмитаж, «получены Библиотекой в целости и сохранности» [8, л. 106].

18 апреля. По вызову Наркомата химической промышленности командирован в Москву старший библиотекарь А.Ю. Шагалов [2, л. 164].

19 апреля. БАН информирует ЛАХУ о порядке приема гостей во время празднования 220-летия АН: одновременно по зданию Библиотеки можно проводить экскурсии пятью группами по 20 человек каждая; осмотр выставки займет до полутора часов, т. е. за день ее смогут увидеть до 400 человек; посетители осмотрят большой читальный зал, круглый зал с образцами из фондов (комн. 15), каталог (комн. 30, 31), справочный отдел (комн. 28), книгохранилище № 10. На обслуживании иностранных гостей будут заняты сотрудники, знающие иностранные языки: английский — А.М. Лукомская, Т.Л. Римская-Корсакова; французский — Е.И. Винтергальтер, М.С. Шерина; немецкий — В.И. Бородина, А.В. Петровская [7, л. 21].

Для уточнения расчетов и «продвижения заказа на фасонное литье для пуска 2-й очереди отопления» командирована в Боровичи до 24 апреля главный бухгалтер В.К. Табор [2, л. 165].

20 апреля. БАН просит издательство «Академкнига» «в связи со срочными работами по подготовке к юбилею АН и отсутствием транспорта воздержаться от высылки академических изданий до июня» [8, л. 104].

БАН просит Академию художеств выдать главному библиотекарю Л.М. Гаркави «материалы по постройке академических зданий и ее библиотеки» [4, л. 45].

БАН просит БК утвердить приобретение книг старшего научного сотрудника ЛОИИ Н.С. Чаева, умершего во время блокады Ленинграда (около 2 тыс. томов за 20 тыс. руб.). Разрешение было получено [13, л. 63, 64, 66–68].

Работникам отдела хранения поручено до 5 мая «выполнить работу по расстановке книг бронированного фонда в количестве 226 резвакуированных ящиков» [5, л. 163].

21 апреля. Президиум АН СССР распорядился под персональную ответственность заместителей директоров до 1 мая «организовать тщательную очистку территорий учреждений. Навести необходимую чистоту в самих зданиях, для чего привлекать всех работоспособных сотрудников» [5, л. 59].

БАН просит БК утвердить оплату приобретения книг С.С. Неустроева (2500 ед. за 25 тыс. руб.) для пополнения библиотеки Почвенного института [13, л. 70].

23 апреля. Ночью «вследствие неисправности водопровода снова пострадала библиотека ИИМК. Более 500 книг оказались подмоченными и состояние некоторых экземпляров таково, что едва ли можно будет рассчитывать на их реставрацию», о чем БАН докладывает заместителю управляющего делами М.Е. Федосееву [6, л. 145, 146].

Приступили к работе: библиотекарь Л.Я. Ковалева, болевшая с 17 по 22 апреля, и старший библиотекарь М.Н. Мурзанова, болевшая с 11 по 21 мая [2, л. 162].

24 апреля. БАН просит В.В. Данилевского составить список «наиболее ценных и интересных книг, частично и статей по технике, изданных АН за все время ее деятельности» [10, л. 52].

Приступила к работе библиотекарь Е.И. Боцановская, болевшая с 13 по 23 апреля [2, л. 157].

25 апреля. Из Наркомата путей сообщения (НКПС) в управление Октябрьской железной дороги направлена телеграмма о необходимости предоставить в Ленинграде один вагон для отправки книг в Москву [6, л. 144].

Принята в штат З.П. Прохорова библиотекарем [2, л. 162].

26 апреля. Академик Л.А. Орбели обращается в пассажирское управление НКПС с просьбой дать распоряжение Октябрьской железной дороге принять к отгрузке от БАН шесть тонн книг для перевозки в Москву большой скоростью [10, л. 54].

Направлена в Таллин «для приемки и свертывания выставки» «Русская книга о Военно-Морском Флоте» на 15 дней главный библиотекарь Л.М. Гаркави [2, л. 157].

27 апреля. Утверждены мероприятия «в целях обеспечения строжайшей противопожарной охраны в дни празднования 1-ого Мая», составлено расписание круглосуточных дежурств на 30 апреля — 3 мая [2, л. 158, 159].

28 апреля. БАН просит Октябрьскую железную дорогу «отправлять груз частями и пассажирской скоростью <...> принять от нас одновременно или за два раза к отправке груза пассажирской скоростью в количестве 1,5 т и ежедневно в течение 10 дней по 100–150 кг» и при этом «учесть важность организации юбилейной выставки» [6, л. 143, 143об.].

Направлена в Москву «для выяснения вопросов, связанных с организацией выставки к юбилею АН» на 10 дней старший библиотекарь А.И. Кочорова [2, л. 157].

Предоставлен отпуск без сохранения содержания на три дня по семейным обстоятельствам библиотекарю В.Ф. Соколовой [2, л. 156].

29 апреля. БАН информирует заместителя управляющего делами АН СССР М.Е. Федосеева о том, «что крыша над помещением, занятым бронированным фондом, протекает, и книги могут пострадать». Необходим срочный ремонт [6, л. 141].

30 апреля. Установлены команды круглосуточных дежурных по Библиотеке на 30 апреля — 3 мая: Г.Ф. Подозерская, Г.А. Маркова, С.Г. Менина, Г.Н. Масловская, З.А. Гейдер; В.К. Табор, М.К. Леонова, А.А. Петрова, В.И. Александрова, К.В. Рышкова; М.В. Цветкова, И.А. Дыщенко, А.П. Потапова, О.А. Третьякова, Б.В. Злочевская; Э.П. Файдель, З.В. Зарубина, О.В. Федорова, В.В. Моисеева, Р.Д. Колесникова [2, л. 159].

[**Апрель**]. В.И. Бородина телеграфирует из Таллина, что «выставка пользуется успехом» [10, л. 55].

И.И. Яковкиным подготовлена статья «Библиотека Академии наук и перспективы ее работы» [17, л. 18–21об.].

Подготовлена и направлена заведующему книжным отделом Президиума АН СССР Р.К. Карахану статья «Библиотека Академии наук СССР и ее фонды» [17, л. 23–29].

Заведующему библиотекой ИЛИ Л.Г. Гринберг разрешено получать по 150 руб. в месяц для комплектования библиотеки [20, л. 19].

Э.А. Козак составила смету на выполнение работ по проверке фондов и каталогизации в библиотеках Ленсети на 1945 г.: на проверку фондов

силами своих сотрудников в сверхурочное время и привлечение со стороны и на каталогизацию силами привлеченных опытных каталогизаторов на условиях договоров — всего 46 800 руб. [20, л. 24].

1 мая. Увеличен оклад заведующему справочным отделом Л.М. Гаркави; Е.Г. Людевиц назначена исполняющим обязанности заведующего библиотекой БИН; К.В. Рышкова переведена на должность старшего редактора; старший библиотекарь В.Н. Денемарк назначена исполняющим обязанности заведующего библиотекой ИИМК; пожарный охранник В.В. Строганова переведена в библиотекарю; заведование отделом русской литературы XVIII в. возложено на К.И. Шафрановского; заведование отделом редкой книги и библиотечного экземпляра академических изданий — на заведующего сектором Э.П. Файдель; заведование рукописным отделом — на И.И. Яковкина [2, л. 142].

Приняты в штат БАН переводом из Физико-технического института (ФТИ): Н.Ф. Шишмарева и Е.Н. Боброва старшими библиотекарями библиотеки института [2, л. 143].

Принят на должность старшего научного сотрудника по совместительству Р.Ю. Рожевиц, ему поручена работа по комплектованию иностранными изданиями библиотеки БИН [2, л. 155].

3 мая. Президиум АН СССР распорядился отпустить 50 костюмов для сотрудников БАН, БИН и Физиологического института им. И.П. Павлова (ФИН), «которые будут работать в качестве экскурсоводов во время юбилейных мероприятий» [5, л. 58].

Приступили к работе: главный библиотекарь Е.А. Княжецкая, болевшая с 2 марта по 2 мая; В.И. Шильникова, болевшая с 16 по 30 апреля; помощник библиотекаря А.Г. Ольдерогге, болевшая с 16 по 30 апреля; старший библиотекарь О.В. Динзе, болевшая с 23 по 30 апреля (с оплатой бюллетеня по месту основной работы) [2, л. 151, 153].

Уволилась старший библиотекарь О.В. Динзе по собственному желанию [2, л. 152].

Объявлен выговор старшему библиотекарю Т.Л. Римской-Корсаковой «за несоблюдение правил библиотечной дисциплины» [2, л. 154].

4 мая. БАН телеграфирует СССБ об отправке в их адрес 806 кг (15 ящиков) книг [10, л. 50].

В БАН состоялась лекция востоковеда, историка искусств профессора В.А. Крачковской [6, л. 140].

БАН направила историкам науки М.А. Шателену, В.В. Данилевскому, И.Е. Тыслеру подготовленную Библиотекой «библиографию трудов и литературы о деятельности А.С. Попова» [11, л. 112–114].

5 мая. БАН просит задержать в Москве книги, участвующие в выставке, «по причине невозможности командировать представителя библиотеки» для их отправки в Ленинград [22, л. 23].

7 мая. БАН телеграфирует СССБ об отправке в их адрес 293 кг (7 ящиков) книг [10, л. 49].

БАН доверяет старшине 2-й статьи И.М. Самобаеву получить «груз в количестве 16 мест весом 659 кг» [6, л. 138].

БАН просит ИРЛИ «одолжить на период юбилея два-три кресла, диван, два столика стильной мебели для убранства комнаты, где будут представлены материалы XVIII века», а также «на период юбилей-

ных торжеств» мебель стиля XX в. и 14 выставочных витрин [6, л. 117, 139].

Приняты в штат Р.Ш. Портнова, Е.И. Гольцман старшим библиотекарем [2, л. 150; 23, л. 8].

Приступила к работе старший библиотекарь Ю.П. Кирпичева, болевшая с 23 февраля по 6 мая [2, л. 150].

8 мая. Приступила к работе главный библиотекарь Э.П. Файдель, болевшая с 3 по 7 мая [2, л. 150].

9 мая. ДЕНЬ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ!

Для организации выставки «Русская книга о Военно-морском Флоте» командированы в Кронштадт главный библиотекарь Л.М. Гаркави и старший библиотекарь В.И. Бородина на срок по 13 мая [2, л. 146].

10 мая. БАН информирует заместителя управляющего делами АН СССР М.Е. Федосеева о необходимых материалах «для внутреннего убранства»: сукно настольное — 26 м (зеленого цвета — 16 м, красного — 10 м), ткань «репс» для оконных портьер — 60 м; 16 комплектов специальных костюмов для «обслуживающего выставку и магазины персонала». Кроме того, представлен список «подлежащих убранству помещений и количества требуемого материала» [6, л. 134, 135].

БАН просит Архив АН СССР «сообщить данные для характеристики деятельности географического департамента» для юбилейной выставки [10, л. 48].

БАН просит академика Л.С. Берга «просмотреть материалы из картографического отделения Библиотеки, отобранные для выставки» [10, л. 47].

БАН просит техснаб АН СССР отпустить пять литров спирта «для полировки и расчистки мебели» [6, л. 132].

БАН просит заместителя управляющего делами АН СССР М.Е. Федосеева для многочисленных служебных поездок, связанных с подготовкой к юбилейным мероприятиям, предоставить автомашину [6, л. 133].

БАН просит Василеостровское райбюро по учету и распределению рабочей силы направить в Библиотеку Э.Я. Бухштаб [12, л. 93].

Закончен ремонт комнат 15, 18, 32 [6, л. 131].

Приступила к работе библиотекарь А.М. Фридлендер, болевшая с 4 по 8 мая [2, л. 148].

11 мая. БАН телеграфирует СССБ об отправке в их адрес 853 кг (18 ящиков) книг [10, л. 46].

Для приведения в порядок и оборудования выставочных помещений организована бригада в составе М.А. Богдзевич, А.А. Петровой, Е.В. Бобровой, Л.Я. Ковалевой, З.П. Горюновой, С.Г. Мениной, И.С. Алитовской, Т.Л. Римской-Корсаковой, В.И. Александровой [2, л. 149].

Уволена грузчик И.Н. Чаева [2, л. 148].

12 мая. БАН просит ЛАХУ отпустить пять литров бензина, предназначенного, по требованию Октябрьской железной дороги, для уплаты работы подъемного крана при разгрузке контейнера с книгами [6, л. 130].

Вернулись из Кронштадта главный библиотекарь Л.М. Гаркави и старший библиотекарь В.И. Бородина, находившиеся там для организации выставки «Русская книга о Военно-Морском Флоте» [2, л. 146].

Приступила к работе старший библиотекарь З.И. Ильина, болевшая с 10 по 11 мая [2, л. 147].

15 мая. БАН просит директора литературного музея ИРЛИ М.М. Каляушина зайти в Библиотеку для решения ряда вопросов по оформлению выставки [10, л. 45].

БАН телеграфирует СССБ об отправке в их адрес 880 кг (19 ящиков) книг [10, л. 43].

16 мая. Переведены из штата СССБ в штат БАН старший библиотекарь В.Б. Ечеистова и главный библиотекарь Н.П. Сурина [2, л. 128; 23, л. 7].

17 мая. БАН информирует Вл.А. Петрова о завершении работ по отбору книг для юбилейной выставки: упаковано для отправки в Москву 78 ящиков, в 48 — периодика, в 32 — монографии [10, л. 42, 42об.].

Для работы в пионерских лагерях в Келломяках направлены Г.Н. Масловская и В.И. Александрова [12, л. 91].

18 мая. Приступила к работе библиотекарь В.М. Решетникова, болевшая с 8 по 17 мая [2, л. 145].

19 мая. Сданы в эксплуатацию помещения после восстановительных отделочных работ: большой читальный зал (№ 17), газетный зал (№ 18), круглая выставочная комната (№ 15), кабинет № 32, каталог (№ 30, 31), малый читальный зал (№ 29), коридор большого читального зала, коридор галереи, передняя и служебная лестницы [6, л. 128].

Премированы в размере месячного оклада «за досрочное выполнение работы по расстановке основного фонда академических изданий» сотрудники отдела хранения Е.В. Боброва, Е.А. Егоркина, А.А. Петрова и А.И. Царева [2, л. 144].

22 мая. Приступила к работе старший библиотекарь Г.А. Маркова, болевшая с 15 по 21 мая [2, л. 141].

23 мая. БАН просит БК разрешить покупку книг члена-корреспондента С.Д. Балухатого (4 тыс. экз. за 60 тыс. руб.). Разрешение получено [13, л. 60, 61].

БАН положительно отзывается о «предполагаемом издании каталога инкунабул ГПБ» [24, л. 28].

БАН выражает соболезнование Е.М. Ферсман в связи со смертью академика А.Е. Ферсмана и просит СССБ принять участие в похоронах [12, л. 89, 90].

24 мая. БАН просит Президиум АН СССР удовлетворить просьбу Вс.А. Петрова об освобождении от должности директора ЛКРД, так как он «фактически не приступил к исполнению возложенных на него обязанностей, так как сначала тяжело заболел, а после не имел возможности заняться организацией Лаборатории» [12, л. 87, 146].

БАН просит магазин отпустить 40 комплектов «настольных музыкальных пультов» [6, л. 127].

БАН рекомендует СССБ проанализировать состояние работы межбиблиотечного абонемента по обслуживанию читателей [4, л. 42].

В БАН созданы инвентарная (В.М. Тамань, Г.Ф. Подозерская, П.Г. Спица и М.В. Цветкова) и оценочная (К.И. Шафрановский, М.А. Богдзевич, Я.И. Давидович, Э.А. Козак, Е.А. Лаппа-Старженецкая и А.Н. Хренов) комиссии «для упорядочения работ по исключению из инвентаря Биб-

блиотеки утраченных книг и приема взамен их равных по стоимости изданий и для оценки вновь приобретенных книг, вышедших за прошлые годы» [2, л. 140].

Приступили к работе: старшая библиотекарь В.М. Римская-Корсакова, болевшая с 16 апреля по 23 мая, и библиотекарь В.Ф. Соколова, болевшая с 16 по 23 мая [2, л. 138].

25 мая. БАН просит заместителя управляющего делами АН СССР М.Е. Федосеева отпустить 140 м «репса или другого материала для оформления 24 витрин и щитов к ним; 80 м гранитоля для исправления покрытия столов большого и малого читального зала; 100 м белого стекла для окантовки гравюр, карт и др.» [6, л. 126].

БАН сообщает отделу кадров АН СССР, что в библиотеке работает 48 человек с высшим образованием [12, л. 85].

Приступила к работе библиотекарь А.Г. Боголепова, болевшая с 15 по 24 мая [2, л. 138].

В.М. Римской-Корсаковой разрешено работать дома в течение двух недель «по вычитке рукописи „Ф.Н. Чернышев“» [2, л. 139].

26 мая. В распоряжение Ленинградской комиссии по организации празднования юбилея АН СССР направлены 2 человека [2, л. 137].

В Эрмитаж для осмотра витрин, необходимых для оформления выставки, направлены М.А. Богдзевич и Т.А. Доброхотова [10, л. 41].

Зачислен в штат БАН старшим библиографом библиотеки ЗИН И.Г. Мусатов переводом из штата института [2, л. 138].

Приступила к работе рабочий-пожарный В.П. Абросимова, болевшая с 1 февраля по 25 мая и переведенная на инвалидность второй группы [2, л. 136].

27 мая. В Москву отправлены книги в 20 ящиках весом 1 т [6, л. 118].

28 мая. БАН просит ИРЛИ поставить на окна институтской библиотеки решетки, «в виду имевших место попыток хищения книг» [6, л. 125].

29 мая. БАН просит академика И.А. Орбели «предоставить БАН 14 витрин типа Рембрандт, а также вазу для украшения круглого стола, находящегося в выставочном помещении» [10, л. 40].

БАН просит академика А.С. Орлова согласовать аннотации к рукописям, представленным на юбилейной выставке [10, л. 39].

30 мая. БАН телеграфирует СССБ об отправке в их адрес 475 кг (15 ящиков) и 419 кг (10 ящиков) книг [10, л. 38].

31 мая. БАН просит академика С.И. Вавилова разрешить использовать в экспозиции выставки единственный в фонде Библиотеки экземпляр «второй части Каталога Кунсткамеры и статьи Крафта» (Кабинет Петра Великого, или подробное и обстоятельное описание воскового его величества изображения... Ч. 2. СПб., 1793; Эйлер Л., Крафт Г. [Замечания к проекту штата АН. СПб., 1732?]) [10, л. 37].

1 июня. БАН телеграфирует СССБ об отправке в их адрес 84 ящиков с книгами и просит сохранить тару [10, л. 36].

Переведены: старший библиотекарь С.М. Данини — в старшие редакторы; библиотекари Г.Н. Мясоедова, В.И. Шильникова, Е.И. Боцановская, А.П. Потапова — в старшие библиотекари; помощник библиотекаря В.М. Субботина — в библиотекари [2, л. 142].

Установлен новый оклад старшему научному сотруднику И.С. Книжнику [2, л. 105].

Принята в штат В.А. Буткова старшим библиотекарем с месячным испытательным сроком [2, л. 135].

Приступила к работе старший библиотекарь А.И. Царева, болевшая с 21 по 31 мая [2, л. 135].

С просьбой о приеме на работу обратилась бывшая сотрудница Е.К. Копьева [12, л. 76, 76об.].

2 июня. БАН просит заместителя управляющего делами АН СССР М.Е. Федосеева дать указание отпустить 2 ящика стекла, необходимого для «окантовки под стекло гравюр» и остекление выставочных витрин [6, л. 116, 117].

Приступила к работе старший библиотекарь М.Н. Мурзанова, болевшая с 28 мая по 1 июня [2, л. 134].

3 июня. Командирована в Москву, по вызову вице-президента АН академика Л.А. Орбели, главный бухгалтер В.К. Табор [2, л. 134].

4 июня. БАН просит Книжный отдел АН «ввиду задержки получения литературы направлять непосредственно в Ленинград все издания, выписанные Библиотекою и ленинградскими учреждениями» [8, л. 101].

БАН просит БК разрешить выдать Белорусской АН книги из бронированного фонда при наличии десяти экземпляров [11, л. 105].

5 июня. Переведена из ФТИ в штат БАН Е.И. Гусенкова старшим библиотекарем

6 июня. БАН выданы Архиву АН СССР для экспонирования на выставке заграничный паспорт Петра I, рисунок Х. Марселиуса с незаконченным зданием Кунсткамеры [11, л. 106].

7 июня. БАН просит техснаб ЛАХУ принять обратно два куска розовой материи «как не подходящей» [6, л. 113].

БАН просит заместителя управляющего делами АН М.Е. Федосеева отпустить одно зеркальное стекло для выставочного помещения [6, л. 114].

8 июня. БАН информирует заместителя управляющего делами АН М.Е. Федосеева о результатах рассмотрения эскиза оформления читального зала БАН и отказе от этого проекта [6, л. 111, 111об.].

Переводится в штат БАН главным библиотекарем работающая временно Е.И. Михайлова [2, л. 132].

9 июня. БАН на состоявшемся совещании (И.И. Яковкин, В.М. Тамань, К.И. Шафрановский, заместитель заведующего отдела каталогизации ГПБ М.Г. Михайлова, заведующий библиотекой Ленинградского дома ученых (ЛДУ) А.А. Палтов) рассматривался вопрос о состоянии библиотеки ЛДУ. С докладом выступил А.А. Палтов. Совещание решило организовать при ЛДУ Библиотечный совет, включить библиотеку в сеть специальных библиотек АН СССР, а также ходатайствовать в Президиум АН СССР об отнесении библиотеки ЛДУ «к категории библиотек научного типа» [9, л. 13, 14].

БАН просит академика Т.П. Кравца просмотреть книги по физике и другим смежным дисциплинам, отобранным для выставки академических изданий [4, л. 40].

Рабочему-пожарному В.П. Абросимовой предоставлен отпуск без содержания до 1 сентября «для выезда в деревню в виду тяжелого состояния здоровья» [2, л. 127].

10 июня. Указом Президиума Верховного Совета СССР о награждении работников АН СССР «за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники, в связи с 220-летием Академии Наук СССР» награждены: Орденом Ленина — И.И. Яковкин; Орденом «Знак Почета» — В.М. Тамань; медалью «За трудовую доблесть» — Л.М. Гаркави, Т.А. Доброхотова-Станчул, Л.Ф. Иванова-Беклешова, Е.А. Княжецкая, Е.Г. Людевиг, Д.Л. Марголина, Г.Ф. Подозерская, Э.П. Файдель, М.В. Цветкова, К.И. Шафрановский; медалью «За трудовое отличие» — А.И. Беликова, О.И. Карсеева, В.М. Римская-Корсакова, А.И. Царева [16, л. 14–15].

День (воскресенье) объявлен рабочим в связи с необходимостью «ускорить работу по устройству выставки» [2, л. 131].

11 июня. Приступили к работе: библиотекарь В.Ф. Соколова, болевшая с 1 по 9 июня, и грузчик М.В. Крюкова, болевшая с 31 мая по 9 июня [2, л. 130].

12 июня. Проведена техническая проверка огнетушительных средств [6, л. 109].

13 июня. БАН просит редакционно-издательский совет АН СССР разрешить издать набранную еще в 1941 г. библиографию «Химия в изданиях АН» двумя частями [24, л. 26].

БАН информирует Институт теоретической геофизики АН о том, что произведена оценка библиотеки Ф.Л. Сочинского в количестве более 1 тыс. экз. и что «приобретение их для библиотеки института желательно» [13, л. 59].

15 июля. БАН просит Эрмитаж выдать для юбилейной выставки «ткань для установки на ней вазы и материи для покрытия двух столов <...> половых дорожек шесть штук разных размеров» [6, л. 106, 107].

18 июня. БАН просит ЛАХУ выделить 50 метров ткани для обивки мебели в кабинете директора, магазин лакокрасочных изделий отпустить три метра нитропленки для оформления выставки [6, л. 104, 105].

19 июня. Ленинградское отделение издательства АН СССР выразило готовность издать в третьем квартале 1945 г. первый выпуск указателя «Химия в изданиях АН» [24, л. 27].

Принята в штат БАН Ф.А. Шустина помощником библиотекаря с месячным испытательным сроком [2, л. 126].

20 июня. Президиум АН СССР установил продолжительность отпусков библиотечных работников на уровне 1930 г.: главные библиотекари — 48 рабочих дней, старшие библиотекари — 38 рабочих дней, библиотекари I и II разр. — 24 рабочих дня, выполняющим научно-библиографическую работу — до 38 рабочих дней [12, л. 62].

БАН просит «Академкнигу» предусмотреть выделение для Библиотеки по 25 экземпляров всех изданий, выпускаемых в связи с юбилеем АН, для обеспечения всех спецбиблиотек и отделов БАН [8, л. 99].

БАН информирует ЗИН и ФИН о том, что костюмы и обувь были выделены только для работников центральной библиотеки, заявка о выдаче товаров работникам филиальных библиотек была отклонена заместителем управляющего делами АН СССР М.Е. Федосеевым [6, л. 102, 103].

21 июня. БАН просит ГПБ «разрешить В.С. Люблинскому присутствовать в БАН для демонстрации коллекции инкунабул гостей, прибывающим в Ленинград на празднование 220-летия АН СССР» [12, л. 64].

22 июня. БАН направляет В.И. Бородину в Дом офицеров в Кронштадте для упаковки книг и просит Дом офицеров доставить ящики с книгами в Библиотеку, «так как мы не располагаем ни рабочей силой, ни транспортом», а также сообщить о том, какое впечатление произвела на моряков выставка «Русская книга о Военно-Морском Флоте», которая была развернута полтора месяца назад по просьбе Политуправления КБФ [6, л. 100; 10, л. 32].

БАН просит Архив выдать «несколько грамм бронзовой краски для реставрации рам на выставке» и интересуется, нет ли «какой-нибудь коричневой краски для покрытия деревянных рей» [6, л. 99].

23 июня. БАН просит столярную мастерскую ЛАХУ изготовить «срочно в вечернее время для нужд выставки» два фанерных подрамника под карты [6, л. 96, 97].

БАН просит Ленинградский Главхимснабсбыт отпустить для Библиотеки две банки гуаши бежевого цвета [6, л. 98].

24 июня. День объявлен рабочим в ИЭ, ЗИН, ФИН, ФТИ, БИН, БАН и ЛАХУ «для окончательной подготовки к приему гостей в дни празднования 220-летия Академии наук СССР» [2, л. 124].

25 июня. Распоряжением по БАН установлен режим работы 59 сотрудников на период празднования 220-летия АН СССР 26–28 июня с 10 утра, все они закреплены за конкретными помещениями (большой читальный зал, справочный отдел, малый синий зал, каталог, книжный киоск, канцелярия, бухгалтерия, газетный читальный зал, большой синий зал, отдел хранения, отдел иностранного комплектования, комн. № 44, парадный вход, контроль, коридоры 2 и 3-го этажей) [2, л. 123; 7, л. 16].

Приступила к работе грузчик Х.Б. Урманчеева, болевшая с 21 по 24 июня [2, л. 122].

26 июня. БАН просит президента АН академика В.Л. Комарова «посетить выставку и дать руководящие указания для того, чем дополнить ее каталог» [10, л. 31].

28 июня. Из Москвы получено 312 ящиков с иностранными книгами, вывезенными из Ленинграда во время блокады [7, л. 24].

Разрешено выдать из бронированного фонда по одному экземпляру книг для передачи в дар приехавшим гостям (Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1–2. М.; Л., 1936–1938; Марр Н.Я. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до-истории. Л., 1926; Андрианова-Перетц В.П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937) [11, л. 104].

БАН приглашает на выставку О.Л. Вайнштейна (библиотека Ленинградского государственного университета), Е.Ф. Егоренкову (ГПБ), Е.А. Горш (Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена) [10, л. 28–30].

БАН просит разрешения на командировку в Москву Е.А. Лаппа-Старженецкой для урегулирования «взаимоотношений с Международной

книгой в отношении аннулирования всех невыполненных МК заказов на иностранную литературу 1941–1943 гг.» [22, л. 21].

30 июня. БАН приглашает на выставку академика И.А. Орбели, И.Е. Тыслера, Я.С. Эдельштейна [10, л. 25, 26].

Материалы за 1941–1944 гг. опубликованы в журнале «Петербургская библиотечная школа» (2018. № 3. С. 57–71, № 4. С. 129–148; 2019. № 1. С. 97–114, № 2. С. 40–62, № 3. С. 115–133, № 4. С. 127–150; 2020. № 1. С. 3–20).

Список источников

1. Приказы по личному составу // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 10. 137 л.
2. Приказы БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 17. 204 л.
- м3. Отчет БАН за 1944 г., 1-й квартал 1945 г. и планы на 1945 г. // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 10. 67 л.
4. Переписка по получению изданий во временное пользование... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 16. 65 л.
5. Распоряжения и постановления Академии наук общие и относящиеся к БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 1. 62 л.
6. Переписка по хозяйственным и ремонтно-строительным вопросам... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 26. 160 л.
7. Переписка по организации выставки к 220-летию юбилею АН СССР, поздравления с юбилейными датами отдельных лиц // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 9. 44 л.
8. Переписка по поступлению, приобретению и обмену изданиями, в т. ч. из-за границы // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 13. 117 л.
9. Протоколы совещаний при директоре БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 3. 18 л.
10. Переписка по организации и участию в выставках, в т. ч. в юбилейной выставке АН и «Русская книга о Военно-Морском Флоте» // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 8. 78 л.
11. Акты и переписка по передаче книг из фондов БАН академическим и неакадемическим библиотекам и учреждениям и отдельным лицам // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 14. 158 л.
12. Справки и переписка по личному составу // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 21. 146 л.
13. Протоколы оценочной комиссии. Акты и переписка по осмотру и приобретению книжных собраний... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 11. 81 л.
14. Положения о Библиотечной комиссии и отделах БАН, постановления и переписка по организации библиотечного дела в АН СССР... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 5. 39 л.
15. Журнал ежедневных записей дежурств по объектам МПВО // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1943). Д. 11. 114 л.
16. Списки и переписка по награждению орденами и медалями личного состава БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 22. 33 л.
17. Заметки и статьи о БАН и Рукописном отделе (для журналов и газет), замечания на газетные заметки // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 6. 29 л.
18. Переписка по аспирантуре, о курсах по повышению квалификации для сотрудников БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 24. 13 л.
19. Переписка по эвакуации сотрудников БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 20. 14 л.
20. Переписка с Финансовым отделом в Москве по сметным и дополнительным ассигнованиям и штатным вопросам // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 25. 26 л.

21. Списки личного состава, в том числе с анкетными сведениями и датами зачисления // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 19. 168 л.
22. Переписка о предоставлении командировок сотрудникам БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 23. 26 л.
23. Штатные расписания на декабрь 1944 г. и 1945 г. и переписка по остаткам // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 18. 23 л.
24. Переписка по подготовке трудов к изданию... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 7. 31 л.

О.А. Комарова

СЕМЬЯ КРУШТЕЙНОВ В ПЕТЕРБУРГЕ

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена происхождению и биографии Элеоноры Карловны Суворовой (в девичестве Круштейн), заведующей главным читальным залом Библиотеки Академии наук до 1972 г., награжденной медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Ключевые слова: Карл Яковлевич Круштейн, Элеонора Карловна Круштейн, Петроград, Ленинград, революция 1917 г., блокада Ленинграда, Библиотека Академии наук.

25 декабря 1941 сотрудница БАН Берта Владимировна Злочевская записала в дневнике: «Сегодня все поздравляют друг друга, целуются: радость! Прибавили хлеба. Служащим 200 гр., рабочим 350. У хлебных лавок безумные очереди, точно неделю не получали хлеба... Люди воспряли духом, говорят только о том, сколько еще и чего нам прибавят. Вообще все последнее время нигде, в том числе и в учреждениях, ни о чем другом не говорили. И ничего не делали, а только передавали “из самых достоверных источников”, что с такого-то числа хлеба будет столько-то, а с 1-го января “знакомый литографщик знакомого типографа сам резал камни для карточек нового образца”. А люди продолжают умирать, обессиливать и опухать.

За последние 2 дня на моем горизонте 3 смерти: Борисова, мать Леоноры и мать Лары... А похоронить людей невозможно. На кладбищах лежат сотни незахороненных трупов. Могильщики хоронят только за продукты, которых почти ни у кого нет; кроме того, они, по-видимому, выворачивают трупы из гробов, которыми торгуют. А так гроб достать невозможно, и покойников хоронят просто так, в чем попало» [1].

Редкое имя Леонора носила сослуживица Берты Владимировны. Биографический словарь сотрудников библиотеки Российской Академии наук дает о ней справку: «Суворова (Круштейн) Элеонора Карловна. 24/X 1916, Ревель — 1974, Ленинград. В 1933 г. окончила 7-летнюю школу и поступила на работу в БАН библиотечно-техническим сотрудником в отдел хранения, позже переведена библиотекарем в спецхран. С 1939 по 1941 училась на рабфаке Ленинградского текстильного института. С началом войны оставалась в городе, продолжала работать в БАН. Входила в состав противопожарной службы библиотеки. С 1943 по 1945, будучи мобилизованной в армию, исполняла обязанности начальника библиотеки Дома офицеров. В октябре 1945 вернулась на работу в БАН на должность библиотекаря в отдел русского комплектования, где занималась проверкой лакун русскоязычных изданий. С июля 1961 г. переведена старшим библиотекарем в отдел обслуживания. Заведовала главным читальным залом БАН. Уволена в марте 1972 в связи с уходом

Фотография Э.К. Суворовой с сайта «Ленинградский альбом» www.albomspb.ru

на пенсию. Отмечалась благодарностями за успехи в труде. Награждена медалями “За оборону Ленинграда”, “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”» [2].

Итак, девичья фамилия Элеоноры Карловны — Круштейн. Имя ее отца вошло в ленинградскую топонимику и осталось там, в советском прошлом, — каналом Круштейна был Адмиралтейский канал с 1922 по 1991 г. 1-й и 2-й мосты Круштейна пересекают его по-прежнему, дореволюционное название — Новоголландские — им не возвращено.

Современный исследователь, соавтор «Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга», удостоенной Анциферовской премии за лучшее научно-исследовательское издание о Петербурге Алексей Ерофеев приводит такие сведения: «Карл Яковлевич Круштейн (1887–1921) — э-

стонский революционер, участник Гражданской войны, с 1919 года работал комиссаром Главного гидрографического управления, затем комиссаром Главного управления мореплавания. 3 ноября 1921 года погиб при невыясненных обстоятельствах; его тело выловили из Крюкова канала напротив Новой Голландии. В 1958 году в газете “Советская Эстония” появилась версия, что его убил эсер-террорист. Версия эта перекочевала во многие книги по истории города, но подтверждения ей найти не удалось» [3].

По-видимому, версии насильственной смерти Круштейна и не существовало до 1958 г., ибо его дочь писала в автобиографии: «Отец — Круштейн Карл Яковлевич, до революции столяр-краснодеревщик на заводе Беккера в Эстонии, после революции работал начальником Главного гидрографического управления КБФ и заместителем начальника Петроградского военного порта по политчасти.

Утонул в 1921 г.» [4].

Лирический очерк «Имени эстонского коммуниста» был опубликован под рубрикой «К 40-й годовщине Советской Армии» в газете «Советская Эстония» 16 января 1958 и подписан: А. Любарский г. Ленинград. В 1983 г., уже после смерти Элеоноры Карловны в 1974-м, в расширенном и доработанном виде был включен в книгу А. Любарского «Одного кремня искры» (автору, очевидно, не слышалось в этом названии «Одного поля ягоды») под заглавием «Заслуживает полного доверия». Приводим его почти полностью.

«В той части Ленинграда, откуда крейсер “Аврора” сделал исторический выстрел по Зимнему дворцу, от самой площади Труда текут воды небольшого канала. Шесть десятилетий носит он имя Карла Круштейна...

Я разыскал в Ленинграде дочь эстонского коммуниста. И узнал, что, уйдя на Балтику, столяр с завода Беккера стал вскоре членом судового комитета линкора “Андрей Первозванный”. Узнал, что в середине восемнадцатого года Карла Круштейна избрали заместителем председателя Кронштадтского военно-морского комитета.

Это было в те дни, когда иностранная военная интервенция, походы белогвардейских генералов, заговоры контрреволюционеров ставили под угрозу завоевания Октября. В Кронштадте тогда днем и ночью формировались матросские отряды, команды бронепоездов, формировались новые флотилии для борьбы против врагов Советского государства. И глуховатый голос Карла Круштейна слышали уезжавшие на Север, отправлявшиеся на Южный фронт. А порой эстонский коммунист и сам возглавлял боевой отряд. “Военный моряк Балтийского флота тов. Круштейн, — сообщил однажды в Москву главный комиссар Балтийского флота И. Флеровский, — назначен мною сопровождать отряд военных моряков в 300 матросов и 9 офицеров в Саратов на формирование флотилии. Военный моряк Круштейн — партийный товарищ и заслуживает полного доверия”.

В те осенние дни восемнадцатого года петроградская газета “Вооруженный народ” опубликовала короткую заметку: “Открыта запись в первый ревельский эстонский коммунистический стрелковый полк: Подъездной переулоч, у Царскосельского вокзала. Полк ставит себе задачей осуществить Эстонскую рабоче-крестьянскую советскую республику.

Все, кому дорога социалистическая революция, поступайте в стрелковый полк.

Помните, что только смелые и храбрые могут быть свободны”.

Круштейн прочел это в Кронштадте. И сразу отправился в Петроград.

— Прошу зачислить меня в полк, — попросил он.

Его поддержали. Послали комиссаром в формирующуюся эстонскую часть.

Минувший год. Снова пришла дождливая осень. Под Петроградом сложилась напряженная обстановка. На фасадах питерских домов появились яркие плакаты со стремительными фигурами рабочего, матроса, крестьянина, энергично сжимавшими винтовки со штыками наперевес. Огромные буквы будили тревогу: “Враг у ворот!” А листовки призывали: “Товарищи, напряжем все силы в последней борьбе за землю, за все наше достояние, за лучшую светлую жизнь”. Но именно в то тяжелое время получил Круштейн новое, неожиданное назначение — комиссаром Главного гидрографического управления.

Ему разъяснили: — Мы должны с тобой думать сегодня не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне.

Это был приказ партии. И Круштейн его выполнял. Под Питером еще шли бои, а в небольшой комнате Адмиралтейства, занятой новым комиссаром, уже обсуждались обширные планы, разрабатывались первые шаги гидрографической службы Советской России.

Дочь Круштейна Элеонора Карловна познакомила меня с воспоминаниями о своем отце П. Бойкова. “Без преувеличения можно сказать, — рассказывал балтийский моряк, — что гидрография спаслась от развала

и справлялась со своей работой только и исключительно благодаря настойчивости тов. Круштейна... У него хватало энергии на все. И то дело, за которое он брался, всегда выполнялось точно, аккуратно и с любовью. Он никогда и никому не стеснялся высказывать в глаза любую правду, как бы он иногда ни была неприятна”.

Его спрашивали:

— Знаешь ли ты, Карл, что такое сон?

И это не было шуткой: в 1920 г. Круштейн одновременно руководил политической частью Гидрографического и Главного морского технического управлений, возглавлял коллектив коммунистов всех расположенных в Петрограде центральных морских учреждений, заведовал созданным им же морским клубом, выполнял бесчисленные поручения и политотдела, и райкома, и губернского комитета партии.

А когда выпадала свободная минута, комиссар открывал деревянный футляр, вынимал скрипку и из его комнаты доносились грустные мелодии. С другом своим, скрипкой, делился моряк тоской по семье, томившейся в угнетенной Эстонии.

“Зимой 1920 года Круштейн, наконец, получил возможность перевезти в Петроград свою семью, — вспоминал в 1922 году балтийский моряк П. Бойков. — Я тогда работал в Москве и как сейчас помню его письмо по этому случаю: это был сплошной крик радости отцовского сердца”.

Он был уже комиссаром военного порта, когда питерские рабочие послали его своим депутатом в Петросовет.

“Мы жили с ним в одной квартире, — вспоминал Бойков. — Однажды в разгар предвыборной кампании он пришел домой с какого-то собрания около двенадцати часов ночи усталый и голодный. Жена пошла готовить ему ужин, а детишки полезли к нему на руки... Вижу, человек повеселел”» [5].

Прервемся на время, чтобы снова обратиться к личному делу Э.К. Суворовой (Круштейн).

«В 1920 переехали с матерью, сестрой и братом из Ревеля в Петроград к отцу.

Мать — Круштейн (урожденная Эйдзе) Вильгельмина Гансовна (1889-1941). До революции работала по найму, после революции швеймашинистка в Ленинградском военном порту на фабрике “Парус” с 1921 по 1934, с 1934 персональный пенсионер. Член ВКП(б).

Брат — рабочий, умер в январе 1941» [6].

Книга памяти «Блокада» сообщает о судьбе семьи комиссара Круштейна.

«Круштейн Артур Карлович, 1913 г. р. М. прож.: В. о., 10-я линия, д. 15-б, кв. 19. Дата смерти: январь 1942. М. захор.: Смоленское кладб.

Круштейн Вильгельмина Гансовна, 1884 г. р. М. прож.: В. о., 10-я линия, д. 15-б, кв. 19. Дата смерти: декабрь 1941. М. захор.: Смоленское лютеранское кладб.» [7].

По тому же адресу и после войны проживала Элеонора Карловна.

Очерк А. Любарского под названием «Заслуживает полного доверия» заканчивается так:

«17 октября 1921 года Круштейн получил новое назначение — комиссара Главного управления мореплавания морского штаба республики.

Спустя две недели он вступил в эту должность. Но рапорт о принятии им дел был последним документом, подписанным Круштейном.

Ранним утром 3 ноября часовой, стоящий у проходной военного порта, увидел медленно плывущий по каналу портфель. Его выловили. По монограмме определили — принадлежал портфель Карлу Круштейну. А вскоре со дна подняли и труп комиссара. Он погиб от руки эсера.

Тысячи питерских рабочих и моряков провожали в последний путь коммуниста, моряка, комиссара. В канун четвертой годовщины Октября они прощались с тем, кто всю свою жизнь отдал делу революции» [8].

О журналисте Анатолии Владимировиче Любарском весьма нелестно отзывался безусловный эталон научной этики, известнейший филолог, историк и культуролог Борис Федорович Егоров:

«А. Любарский — ленинградский беспринципный популяризатор науки, который нашел благоприятную почву в тогдашних эстонских издательствах и газетах, публикуя работы, где “доказывалось” преобладание русской науки в Эстонии и замалчивалась или искажалась деятельность немецких и эстонских ученых. Мы с Ю.М. [Лотманом] опубликовали в “Правде” (28 ноября 1954 г.) заметку “Безграмотный комментатор”, что на несколько месяцев остановило фальсификатора, но потом все вернулось на круги своя» [9].

Перу Любарского, в частности, принадлежит книга «Свет русской науки». Очерки о Тартусском университете. (Таллин, 1952).

Тень комиссара Круштейна, несомненно, легла на строки ленинградского поэта Роальда Мандельштама.

Запах камней и металла,
Острый, как волчьи клыки.
— помнишь? —
В изгибе канала
Призрак забытой руки?
— видишь? —
Деревья на крыши
Позднее золото льют.
В Новой Голландии
— слышишь? —
Карлики листья куют.
И, листопад принимая
В чаши своих площадей,
Город лежит, как Даная
В золотоносном дожде [10].

Список источников

1. Блокадный дневник сотрудницы БАН Берты Владимировны Злочевской (рукопись). Тетр. 2, л. 36. Семейный архив Н.Г. Суховой.
2. Биографический словарь сотрудников библиотеки Российской Академии наук. Кн. 2. Санкт-Петербург, 2014. С. 716.
3. Владимирович А., Ерофеев А.Д. Легендарные улицы Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург, 2013.
4. Дело Э.К. Суворовой. Архив БАН. Ф. 158. Оп. 2. № 10. Л. 349–357.

5. Любарский А. Одного кремня искры. Документальные повествования. Репортажи со страниц истории. Таллин, 1983. С. 246–249.
6. Дело Э.К. Суворовой. Архив БАН. Ф. 158. Оп. 2. № 10. Л. 349–357.
7. Блокада 1941–1944. Ленинград. Книга памяти. Санкт-Петербург, 2005. С. 145.
8. Любарский А. Одного кремня искры. Документальные повествования. Репортажи со страниц истории. Таллин, 1983. С. 249.
9. Лотман Ю.М. Письма 1940–1993. Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Б.Ф. Егорова. Москва, 1997. С. 114–115.
10. Мандельштам Р. Алый трамвай. Санкт-Петербург, 1994. С. 6.

УДК 01-051+929 Бокан М.Г.
ББК 78.5г(2)

Н.В. Пономарева, Л.О. Самара
ПРЕДАННОСТЬ ПРОФЕССИИ
(Памяти М.Г. Бокан)

АННОТАЦИЯ

Освещена научная и организационная деятельность кандидата педагогических наук, старшего научного сотрудника, заведующего сектором библиотековедения БАН М.Г. Бокан (1942–2019).

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Кабинет библиотековедения, история сектора библиотековедения, Мария Георгиевна Бокан.

17 декабря 2019 г. ушла из жизни кандидат педагогических наук, заведующий сектором Кабинета библиотековедения Мария Георгиевна Бокан. Более 25 лет она успешно осуществляла руководство и организацию научной и производственной работы сектора.

М.Г. Бокан в 1964 г. с отличием окончила Ленинградский государственный институт культуры им. Н.К. Крупской (ЛГИК) по специальности библиотекарь-библиограф высшей квалификации. В 1974 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Рекомендательная библиография в библиотечно-библиографической периодике 20-х годов», кандидат педагогических наук.

После окончания института работала в научно-технической библиотеке завода «Красная Заря», с 1972 г. в Справочно-библиографическом отделе Библиотеки Академии наук, 15 лет, с 1977 по 1992 г. возглавляла службу научно-медицинской информации в Институте акушерства и гинекологии им. Д.О. Отто, а в апреле 1992 г. М.Г. Бокан пригласили в Библиотеку Академии наук (БАН) на должность заведующего сектором (Кабинетом) библиотековедения Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения (НИОБиБ), который был образован на базе двух отделов — Научно-библиографического и Научно-методического.

Судьба иногда удивительно переплетает события. Интерес Марии Георгиевны к архивной деятельности совпал с предоставляемой возможностью заниматься любимым делом в БАН.

В 1992 г. по инициативе директора Библиотеки Академии наук доктора В.П. Леонова и заведующего НИОБиБ к.п.н. Н.К. Леликовой был приобретен личный архив выдающегося русского библиографа Н.В. Здобнова у сына Р.Н. Здобнова, который активно сотрудничает с Библиотекой. Архив был передан на хранение и обработку в Кабинете библиотековедения (КБ). С этого времени открывается новая страница научно-исследовательской работы сектора. Впервые в БАН архивные документы были переданы не в Рукописный отдел, а в специализированный фонд библиотековедения. Появился новый подход к комплектованию, учету и раскрытию содержания архивных документов. В июне 1994 г. Ученый

Слева на право: Д.Л. Евстафьев, М.Г. Бокан, Л.О. Самара

совет БАН утверждает программу исследования «Архивные материалы как составная часть специализированного фонда» на примере личного архива Н.В. Здобнова. Планируется научно-техническое описание Архива, предполагается выявление неопубликованных работ Николая Васильевича, которые не только интересны как исторические сведения, но и актуальны своим научным содержанием. Вся работа с этими документами проводилась под руководством и при непосредственном участии М.Г. Бокан.

Мария Георгиевна вместе с сотрудниками осваивают основы архивного дела и приступают к обработке и научному описанию архивных документов. Осуществляется научное описание архива Н.В. Здобнова. Для хранения архива Мария Георгиевна добивается выделения микроклиматических контейнеров, которые были созданы в процессе работы по реставрации и консервации книг, пострадавших после пожара 1988 г. В ходе работы по научному описанию архива Н.В. Здобнова, М.Г. Бокан было выявлено наличие полного текста рукописи главного труда Н.В. Здобнова «История русской библиографии до начала XX в.» (в том числе рукописные и машинописный варианты текста). Богатство выявленного материала и его значение для историков библиографии определили подход к подготовке первого оригинального научного издания «История русской библиографии до начала XX в.». Коллективами ученых из Библиотеки Академии наук (БАН), Российской национальной библиотеки (РНБ), Санкт-Петербургского государственного института культуры (СПбГИК) было осуществлено комментированное издание «Истории русской библиографии» Н.В. Здобнова, вышедшее в 2012 г. [1]. В настоящее время архив Н.В. Здобнова насчитывает 640 ед. хранения и

широко используется специалистами, книговедами и библиографоведами. Является самым крупным в Российской Федерации личным архивом ученого.

Работа с архивными фондами российских библиографов продолжалась. В 2006 г. в фонд Кабинета библиотековедения поступил архив Александра Владимировича Ратнера (1948–1991), историка, библиографа, книговеда, редактора журнала «Советская библиография» (с 1980 г.). В его архиве, поступившем в фонд библиотековедения БАН, — письма, дневники, подлинные документы, воспоминания, неопубликованные работы, библиографические карточки, фотографии. Под руководством М.Г. Бокан была сформирована опись работ А.В. Ратнера и его эпистолярного наследия, которое включает переписку со многими книговедами, литературоведами, библиографами и в том числе с духовным учителем А.В. Ратнера А.В. Храбровицким (1912–1989), а также архивные материалы купцов Рогожиных. В 2008 г. БАН был приобретен архив библиографа, книговеда, педагога, доктора педагогических наук, проф. Э.К. Беспаловой (1930–2007). Архив приняли на учет и обработку в сектор библиотековедения. Важное место в научном наследии Э.К. Беспаловой занимают воспоминания, библиографические материалы, научные труды, деловая и научная переписка, материалы из архива Русского библиографического общества, часть документов известного книговеда и библиографа Б.С. Боднарского (1874–1968) и др. Предварительный анализ архива Э.К. Беспаловой, проведенный Марией Георгиевной, дает возможность понять его значимость для изучения [2].

Мария Георгиевна Бокан проводила исследования в области библиографоведения и архивоведения, являлась руководителем и ответственным исполнителем ряда библиографических указателей, научных сборников и трудов. Среди них: «Путеводитель по изданиям текущей отечественной библиографической информации. Естественные науки», «Сводный систематический каталог иностранных книг по библиотековедению, библиографоведению, книговедению и информатике: 1990–1991 гг.», биобиблиографический указатель «В.П. Леонов», «Библиотечное дело и библиография в мире советской науки» указатель трудов В.П. Леонова и публикаций о нем, указатель содержания журнала «Библиография» за 1992–2008 гг., сборник трудов Б.В. Банка «Избранное», «Библиотека РАН: указатель трудов сотрудников» (1989–1999, 2000–2009 гг.) и др. Многообразие материала характеризует Марию Георгиевну как библиографа, который всегда творчески подходит к любой работе.

Многогранная научно-практическая деятельность Марии Георгиевны отражена в более чем 80-ти ее работах. Это в основном статьи, опубликованные в отечественных и зарубежных периодических изданиях и сборниках. Значительная часть публикаций посвящена архивным материалам.

Особого внимания заслуживает участие Марии Георгиевны в работе конференций и симпозиумов. В своих докладах она не только информировала о деятельности Кабинета библиотековедения Библиотеки Академии наук, но и затрагивала проблемы непрерывного библиотечного образования. Сегодня в Кабинете библиотековедения Библиотеки Академии наук ощущается необходимость в библиотечных курсах, счита-

ла М.Г. Бокан. В библиотеки академических учреждений приходят специалисты с гуманитарным и техническим образованием. Специалисты Кабинета библиотековедения постоянно оказываются перед необходимостью проводить консультации для сотрудников БАН и библиотекарей сети академических учреждений по библиографическому описанию, систематизации статей по ББК и УДК.

Для сотрудников НИОБиБ и аспирантов БАН Мария Георгиевна проводила обзоры новой литературы, поступившей в фонд библиотековедения, для студентов и гостей БАН вела экскурсии в Кабинете библиотековедения, являлась оппонентом диссертационных исследований и рецензентом авторефератов диссертаций, учебных пособий, программ, в которых продемонстрировала высокий профессиональный уровень.

Живя и работая в современном быстро меняющемся мире, Мария Георгиевна стремилась соответствовать его требованиям, внедрять все новые технологии в библиотечную работу.

Ее инновационная направленность проявлялась в организационно-управленческой деятельности: введении нового раздела «Библиографические указатели» в фонде Кабинета библиотековедения, детализации системы учета ежедневной работы, квалифицированной методической помощи сотрудникам библиотеки и студентам СПбГИК, работающим в БАН.

Мария Георгиевна уделяла большое внимание текущему и ретроспективному комплектованию, расширяя профиль комплектования кабинета. В фонд стали поступать книги, отражающие многообразие библиотечной жизни России и зарубежья. Сектор стал комплектоваться диссертациями, расширилось комплектование по книговедению, книжному делу, библиофильству. Из фонда Организационно-методического отдела (ОМО) фонда Кабинета библиотековедения под руководством М.Г. Бокан трансформировался в единый документально-архивный комплекс по четырем основным профилирующим наукам библиотековедения, библиографоведения, книговедения и информатики, который научные сотрудники Библиотеки используют в своей исследовательской работе.

Мария Георгиевна являлась руководителем ряда проектов кабинета. По ее инициативе были осуществлены работы по подготовке указателей содержания ряда изданий: «Информационного бюллетеня РБА», «Трудов БАН и ФБОН», продолжена работа над указателем «Библиотека Российской Академии Наук: указатель трудов сотрудников» (1999–2009 г.).

Требовательность к себе и другим сотрудникам, включенность в жизнь страны, панорамное видение проблемы, педагогический талант позволяли Марии Георгиевне оптимизировать работу Кабинета библиотековедения. В своей деятельности Мария Георгиевна стремилась сохранить традиции и микроклимат, сложившиеся в Кабинете библиотековедения Библиотеки Академии наук. Это был друг и советчик, неравнодушный, интеллигентный человек.

Мария Георгиевна была членом диссертационного совета БАН. За свои трудовые достижения была награждена медалями «В память 300-летия Санкт-Петербурга» (2003), «Ветеран труда». Но самое главное достижение — уважение коллег, для которых М.Г. Бокан всегда будет являться примером невероятной работоспособности, стойкости и преданности профессии. Светлая память о ней сохранится в наших сердцах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Указатель работ М.Г. Бокан

1. Библиотечно-библиографические процессы научной библиотеки в новых социально-экономических условиях / М.Г. Бокан, Т.Н. Данченко // Научная библиотека в современном социокультурном обществе. Киев, 1993. С. 67–68.
2. Архив Н.В. Здобнова в фондах Библиотеки Российской Академии наук / М.Г. Бокан, Н.К. Леликова // Библиография. 1994. № 1. С. 111–113.
3. Труд, так и оставшийся незавершенным: [по материалам арх. фонда Н.В. Здобнова «Библиография Дальневосточного края»] // Библиография. 1995. № 3. С. 79–91.
4. Боднарский Б.С. «Душевно преданный Вам...» : письма Б.С. Боднарского к Н.В. и Н.И. Здобновым / публ.: М.Г. Бокан, С.Н. Чебановой // Историко-библиогр. исслед. СПб., 1998. Вып. 7. С. 178–188.
5. Материалы Н.В. Здобнова в фондах БАН // Мир библиогр. 1999. № 6. С. 59–62.
6. Непрочитанный доклад Николая Васильевича Здобнова / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Мир библиогр. 2001. № 5. С. 35–41.
7. Специализированный фонд библиотековедения крупной библиотеки в новых исторических условиях : (на примере БАН России) // Библиотечное дело. 2002. Библиотечное образование и практика: поиски взаимопонимания : тез. докл. 7-й Международный науч. конф., Москва, 24–25 апр. 2002 г. М., 2002. С. 150–151.
8. Библиотековедение как точная наука / М.Г. Бокан, В.П. Леонов, Н.В. Пономарева // Библиотечное дело. 2003. № 11. С. 19. — Рец. на кн.: Российское библиотековедение: XX век. Направления развития, проблемы и перспективы : опыт моногр. исслед. / сост. Ю.П. Мелентьева ; науч. ред. Л.М. Инькова. М. : ФАИР-Пресс, 2003.
9. Архив Н.В. Здобнова в фондах Библиотеки РАН // Петерб. библиотеч. шк. 2004. № 3. С. 11–15.
10. Библиотека Российской академии наук : [приветствие] : (к 75-летию журн. «Библиография») / М.Г. Бокан, В.П. Леонов, Н.В. Пономарева // Библиография. 2004. № 2. С. 4–6.
11. Одна, но пламенная страсть... : [о Н.К. Леликовой] / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Мир библиогр. 2004. № 3. С. 13–14.
12. Педагог по призванию / М.Г. Бокан, К.В. Лезунова // Петерб. библиотеч. шк. 2004. № 3. С. 81–82.
13. Педагог по призванию : (памяти Н.Г. Чагиной) // Информ. бюл. РБА. 2004. № 30. С. 99–100.
14. «Информационный бюллетень РБА»: итоги и перспективы развития // Информ. бюл. РБА. 2005. № 33. С. 29–30.
15. Многоаспектное обслуживание специалистов профессиональной литературой // Петерб. библиотеч. шк. 2006. № 1/2. С. 93–95.
16. Профессиональная литература — создатели и потребители // Науч.-техн. б-ки. 2007. № 4. С. 83–85.
17. Проблема сохранности культурного наследия БАН на примере личных архивов известных российских библиографов // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев : материалы науч. конф., Санкт-Петербург, 14–15 февр. 2008 г. СПб., 2008. С. 80–83.
18. Создание автоматизированной информационно-поисковой системы «Архив Н.В. Здобнова» / В.В. Рубцов, М.Г. Бокан, Н.Н. Ёлкина // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев : материалы науч. конф., Санкт-Петербург, 14–15 февр. 2008 г. СПб., 2008. С. 104–110.
19. Путешествие в мир книги и библиотеки / М.Г. Бокан, Ю.П. Ньюша // Библиотековедение. 2008. № 6. С. 123–124. — Рец. на кн.: Леонов В.П. *Besame mucho* : путешествие в мир книги и библиофильства / В.П. Леонов. М. : Наука, 2008. 268 с.
20. Все об РБА // Библиография. 2009. № 5. С. 106–108. — Рец. на кн.: Справочник Российской библиотечной ассоциации, 2007–2010: основные сведения и документы. СПб. : Изд-во РНБ, 2009. 328 с.

21. Вспоминая учителя : (к 90-летию со дня рождения Нины Григорьевны Чагиной) // Информ. бюл. РБА, 2010. № 55. С. 96–98.
22. Забытые имена в истории Библиотеки Академии наук: работа с архивными документами // Сб. науч. трудов : (по материалам научных конференций БАН). СПб., 2010. С. 182–186.
23. «История русской библиографии до начала XX века» Н.В. Здобнова: судьба и время / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Библиография. 2010. № 4. С. 14–18.
24. Проблемы книговедения и библиографии в переписке Н.В. Здобнова с ленинградскими учеными / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Книжная культура. Опыт прошлого и проблемы современности : к 90-летию Науч.-исслед. ин-та книговедения в Петрограде : материалы IV междунар. науч. конф. (Москва, 24–45 ноября 2010 г.). М., 2010. С. 54–57.
25. Электронный научно-справочный аппарат «Архива русского библиографа Н.В. Здобнова» / В.В. Рубцов, М.Г. Бокан, Н.Н. Елкина // Библиотечные, музейные, архивные учреждения в век электронных коллекций и библиотек : материалы VI науч.-практ. семинара. СПб., 2010. С. 145–151.
26. Научно-информационный альманах о библиотеках, издательствах, вузах / В.П. Леонов, М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Библиотековедение. 2010. № 4. С. 122–124. — Рец. на журн. «Власть книги» (Владивосток, 2001–2009).
27. Информационно-поисковая система архивных документов (на примере личного архива Н.В. Здобнова): технологические аспекты / В.В. Рубцов, М.Г. Бокан, Д.Л. Евстафьев // Чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973) : сб. трудов Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2008 г.) / Библиотека Рос. Акад. наук ; [редкол.: сост.: Н.М. Баженова, М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева, А.А. Романова, О.В. Скворцова (отв. ред.) ; науч. рук. В.П. Леонов]. СПб., 2011. С. 225–229.
28. Личные архивы русских библиографов: проблемы сохранения библиографического и культурного наследия // Чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973) : сб. трудов Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2008 г.) / Библиотека Рос. Акад. наук ; [редкол.: сост.: Н.М. Баженова, М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева, А.А. Романова, О.В. Скворцова (отв. ред.) ; науч. рук. В.П. Леонов]. СПб., 2011. С. 44–49.
29. Личный архив А.В. Ратнера в специализированном фонде Библиотеки РАН // Библиография. 2012. № 5. С. 58–60.
30. Коммуникативная сущность книги / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Книга. Исследования и материалы / Рос. акад. наук, Науч. совет «История мировой культуры» [и др. ; редкол.: Б.В. Ленский (гл. ред.) и др.]. М., 2012. Сб. 98/99. С. 210–212. — Рец. на кн.: Маркова В.А. Книга в социально-коммуникативном пространстве: прошлое, настоящее, будущее. — Харьков, 2010.
31. Личные архивы библиографов в Библиотеке Российской академии наук // Труды С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. Т. 201. Книжное дело: вчера, сегодня, завтра. Ч. 1. СПб., 2013. С. 199–203.
32. Научное наследие Н.В. Здобнова / Н.М. Баженова, М.Г. Бокан // Библиография. 2013. № 5. С. 114–119.
33. Весомый вклад в историю отечественной библиографии : к выходу в свет комментированного издания «Истории русской библиографии ...» Н.В. Здобнова / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 58–62.
34. Возвращенное научное наследие / Н.М. Баженова, М.Г. Бокан // Вестник РАН. 2014. Т. 84, № 1. С. 77–81.
35. Известный библиотековед и любимый педагог : Римма Федоровна Гринина / М.Г. Бокан, Е.Е. Ительсон // Библиографические чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973). СПб., 2014. С. 75–79.
36. Концепция Библиотеки Российской академии наук: конец XX — начало XXI в. // Библиотека Академии наук: 300 лет служения науке: тезисы юбил. междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию Б-ки Рос. академии наук (Санкт-Петербург, 27–28 ноября 2014) / науч. рук. В.П. Леонов ; отв. сост. О.В. Скворцова. СПб., 2014. С. 18.

37. А.Н. Маслова в Библиотеке Российской академии наук / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Александра Николаевна Маслова (1933–2011) : биобиблиогр. указ. СПб., 2014. С. 28–30.

38. Научное и архивное наследие Э.К. Беспаловой в фонде Библиотеки Российской академии наук / М.Г. Бокан, М.Н. Баженова // Библиография. 2014. № 3. С. 129–133.

39. Проблемы непрерывного библиотечного образования в крупной научной библиотеке / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Просвещение в России: традиции и вызовы нового времени : материалы 7-й сессии Обществ.-пед. форума, 3–4 апреля 2014 г. / МОФ «Центр национальной славы» [и др.] ; [редкол.: З.Г. Медоева и др. ; ред.-сост. А.А. Корольков]. СПб., 2015. С. 213–217.

40. Биографика как направление научной деятельности сектора библиотековедения БАН / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития : материалы 5-го Междунар. науч. семинара, Минск, 19–20 апреля 2016 г. / Междунар. ассоц. Акад. наук [и др.] ; редкол.: Авгуль Л.А. [и др.]. Минск ; Москва, 2016. С. 36–41.

41. «...Как фатально Вас не хватает!» : памяти М.А. Шапарневой // Информ. бюл. РБА. 2016. № 78. С. 120–121.

42. Коллекция отечественных изданий по библиофилии в фонде библиотековедения Библиотеки Российской академии наук / Мария Бокан, Нина Пономарева, Людмила Самара // Библиотеки. Четене. Коммуникации : 14-я нац. науч. конф. с междунар. участие, Велико Тырново (Болгария), 17–18 ноября 2015 г. : посветена на 830-год. от въстанието на боярите Петър и Асен и възстановяването на българската държава. Велико Тырново, 2016. С. 19–28.

43. Концепция Библиотеки Российской академии наук: конец XX — начало XXI в. // Петерб. библиошкола. 2016. №4. С. 44–47.

44. Личные архивы библиографов как составная часть научно-биографической работы в области библиотечно-информационной деятельности / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Петерб. библиошкола. 2016. № 3 (55). С. 47–53.

45. Особенности академического издания историко-библиографических трудов / Мария Бокан, Нина Пономарева, Людмила Самара // Библиотеки. Четене. Коммуникации : 14-я нац. науч. конф. с междунар. участие, Велико Тырново (Болгария), 17–18 ноября 2015 г. : посветена на 830-год. от въстанието на боярите Петър и Асен и възстановяването на българската държава. Велико Тырново, 2016. С. 162–169.

46. П.Н. Берков о труде Н.В. Здобнова «История русской библиографии...» : (по материалам архива Н.В. Здобнова в БАН) / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов, 2017 : материалы Междунар. науч. конф., Полоцк, 24–25 мая 2017 / Междунар. ассоц. акад. наук [и др. ; сост. Авгуль Л.А. (Беларусь), Бакун Д.Н. (Россия) ; редкол.: Авгуль Л.А. (Беларусь) и др.]. Минск ; Москва, 2017. С. 46–51.

47. Начало научно-библиографической деятельности Э.К. Беспаловой : (по материалам архива БАН) / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Библиография. 2017. № 4. С. 77–84.

48. Профессиональные стандарты в деятельности крупных научных библиотек России / Бокан М.Г., Пономарева Н.В. // Библиотеки. Четене. Коммуникации : 15-я нац. науч. конф. с междунар. участие, Велико Тырново (Болгария), 17–18 ноября 2016 г. : посветена на дигитална конверсия на кн. и културно-ист. наследство. В. Тырново, 2017. С. 379–384.

49. Роль биографики в профессиональном образовании и сохранении культурного и научного наследия / Бокан М.Г., Пономарева Н.В. // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов, 2019 : материалы Междунар. науч. конф., Пинск, 29–30 мая 2019 / Междунар. ассоц. акад. наук [и др. ; сост. Авгуль Л.А. (Беларусь), Бакун Д.Н. (Россия) ; редкол.: Авгуль Л.А. (Беларусь) и др.]. Минск ; Москва, 2019. С. 57–63.

50. Участие Н.В. Здобнова в работе над «Библиографией русской библиографии» : (по материалам архива Н.В. Здобнова) / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Библиографическая деятельность РНБ за 100 лет: 1918–2018 : сб. статей и воспоминаний / Рос. нац. б-ка ; сост. и науч. ред. Н.К. Леликова. СПб., 2019. С. 75–79.

М.Г. Бокан — член редколлегии

51. Банк Б.В. Избранное / Б.В. Банк ; сост. А.Н. Ванеев и В.С. Крейденко ; науч. рук. В.П. Леонов ; редкол.: М.Г. Бокан, Н.В. Колпакова (отв. ред.), Н.В. Пономарева, О.Г. Юдахина ; Библиотека Рос. акад. наук, С.-Петербург. ун-т культуры и искусств. СПб. : БАН, 2011. 425, [2] с. : ил.

52. Чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973) : сб. трудов Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2008 г.) / Библиотека Рос. Акад. наук ; редкол.: сост.: Н.М. Баженова, М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева, А.А. Романова, О.В. Скворцова (отв. ред.) ; науч. рук. В.П. Леонов]. СПб. : БАН, 2011. 288 с.

53. Здобнов Н.В. История русской библиографии от древнего периода до начала XX века : коммент. изд. / Б-ка Рос. акад. наук, Рос. нац. б-ка ; под ред. Н.К. Леликовой, М.П. Лепехина ; [науч. рук. В.П. Леонов ; отв. ред. Н.К. Леликова ; редкол.: Н.М. Баженова и др.]. М. : Рус. слово, 2012. 1243 с. — (История русской науки : исслед. и материалы / ред. серии П.Г. Гайдуков, М.П. Лепехин).

Участие в подготовке библиографических указателей

54. Сводный систематический каталог иностранных книг по библиотековедению, библиографоведению, книговедению и информатике, 1990–1991 / Библиотека РАН ; сост. Т.Н. Данченко ; под ред. М.Г. Бокан. СПб., 1993. 92 с.

55. Библиотека Российской академии наук : указ. лит. сотр. (1989–1999) / сост.: Т.Н. Данченко, М.Г. Бокан, Н.В. Колпакова, Н.В. Пономарева ; библиогр. ред.: О.А. Булдина, К.В. Степанов ; отв. ред. В.П. Леонов. СПб. : БАН, 2001. 255 с.

56. Валерий Павлович Леонов : биобиблиогр. указ. / сост.: А.И. Богданов, М.Г. Бокан, О.А. Булдина (библиогр. ред.) ; отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб. : БАН, 2002. 59 с.

57. «Библиография» : указ. содержания журнала, 1992–2008 гг. / Рос. кн. палата, Библиотека Рос. акад. наук, Рос. нац. б-ка ; [сост.: О.А. Булдина [и др.] ; редкол.: Р.А. Айгистов (пред.), В.П. Леонов (науч. ред.) [и др.] ; отв. ред. Н.К. Леликова, Н.В. Пономарева ; авт. вступ. ст. В.П. Леонов, Н.К. Леликова]. М. : Бук Чэмбэр Интернэшнл, 2010. 447 с.

58. Библиотечное дело и библиография в мире современной науки : к 70-летию д-ра пед. наук проф. Валерия Павловича Леонова : указ. публикаций / Рос. акад. наук, Б-ка Рос. акад. наук ; сост.: А.И. Богданов, М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева, О.В. Скворцова. СПб. : БАН, 2012. 71 с.

59. Библиотека Российской Академии наук : указ. трудов сотрудников, 2000–2009 / отв. ред.: А.И. Богданов, Н.В. Колпакова ; сост.: М.Г. Бокан, Т.Б. Маркова, Н.В. Пономарева, Л.А. Хвощевская. СПб. : БАН, 2015. 235, [1] с.

60. Библиотечно-библиографические процессы в пространстве науки и культуры : к 75-летию со дня рождения д-ра пед. наук, проф. В.П. Леонова : указ. публикаций ученого и лит. о нем / Б-ка Рос. акад. наук ; [сост.: М.Г. Бокан, Т.Б. Маркова, Н.В. Пономарева (отв. сост.) ; авт. вступ. ст. И.М. Беляева ; отв. ред. Н.В. Колпакова]. СПб. : БАН, 2017. 133 с.

Список источников

1. Здобнов Н.В. История русской библиографии от древнего периода до начала XX века: коммент. изд. / Б-ка Рос. акад. наук, Рос. нац. б-ка ; под ред.: Н.К. Леликовой, М.П. Лепехина; [науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.К. Леликова; редкол.: Н.М. Баженова и др.]. Москва: Рус. слово, 2012. 1243 с. — (История русской науки: исслед. и материалы / ред. серии: П.Г. Гайдуков, М.П. Лепехин).

2. Бокан М.Г. Научное и архивное наследие Э.К. Беспаловой в фондах Библиотеки РАН / М.Г. Бокан, Н.М. Баженова // Библиография. 2014. № 3. С. 129–133.

Н.С. Беляев

**МАРИЯ МИХАЙЛОВНА ШАТЕЛЕН —
СОТРУДНИК БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК:
известные и неизвестные факты биографии. К 125-летию со дня рождения**

АННОТАЦИЯ

Мария Михайловна Шателен — известный отечественный деятель культуры, организатор Музея-заповедника А.Н. Островского в Щельково, сотрудник Библиотеки Академии наук, участник Великой Отечественной войны. Статья подготовлена на основе архивных источников и опубликованных материалов.

Ключевые слова: Библиотека Академии наук, Александр Николаевич Островский, Великая Отечественная война.

Судьбы ярких представителей русской интеллигенции XX столетия представляют значительный интерес для современного российского общества. К их числу, безусловно, относится и Мария Михайловна Шателен — внучка русского драматурга А.Н. Островского. В последние десятилетия вышли отдельные публикации, посвященные ее жизненному пути и большому вкладу в развитие отечественной культуры [1, 2, 3, 4]. В настоящей статье будут представлены ранее известные факты из биографии М.М. Шателен и проанализированы новые архивные материалы (личное дело М.А. Шателен, Архив Библиотеки Академии наук, ф. 1, оп. 2 л., д. 2).

Мария Михайловна родилась 1 (по новому стилю — 13) июля 1895 г. в селенье Мухравань (ныне находящемся в 30 километрах от Тбилиси) в семье Михаила Александровича Шателена, ученого-энергетика, педагога, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, Героя Социалистического Труда, профессора Ленинградского политехнического института, депутата Ленинградского городского совета депутатов трудящихся, бывшего в числе специалистов — организаторов Энергетического института АН СССР, именем которого названа одна из улиц в Выборгском районе С.-Петербурга и Марии Александровны Шателен, художницы, переводчицы, педагога дочери русского драматурга А.Н. Островского [5].

В двухмесячном возрасте М.М. Шателен была увезена из Грузии в С.-Петербург — город, с которым она связала большую часть своей жизни. В детском и юношеском возрасте часто выезжала за границу: в 1900, 1901, 1902, 1910, 1912 гг. вместе с матерью она посетила Францию, Англию, Италию, Швейцарию. В 1907 г. поступила в 4 класс 8-ми классной Петербургской женской гимназии Л.С. Таганцевой, находившейся в ведении попечителя С.-Петербургского учебного округа [6]. При этом по архивным сведениям известно следующее: «В документальных материалах частной женской гимназии Л.С. Таганцевой, в ведомостях об успехах учениц VII класса значится: Шателен Мария Михайлов-

на, окончила 7 классов гимназии в 1911 г. на аттестат. В годовом отчете на 1912 г. значится Шателен Мария Михайловна, окончила 8-й класс гимназии Таганцевой и получила звание домашней учительницы. Аттестатов не имеется. Документальный материал сохранился не полностью. В 1913 г. Шателен М.М. поступила на юридический факультет Петербургских высших женских курсов. Примечание: Настоящая справка наведена по материалам Гос. архивного фонда, хранилищ. В ГИЛЛО. Частная женская гимназия Л.С. Таганцевой, ф. 177, св. 7, д. 61, 73 и Петербургские высшие женские курсы ф. 113, основные книги приема 1913 г. Начальник Государственного исторического архива Ленинградской области Соколов (подпись). Зав. столом справок Филиппова (подпись)» [7, л. 119].

После окончания гимназии Л.С. Таганцевой в 1912 г. М.М. Шателен поступила в Парижский университет (Сорбонну) на юридический факультет, однако, в связи с кончиной матери была вынуждена вернуться в Россию и продолжить свое обучение на юридическом факультете Высших женских (Бестужевских) курсов, где, кстати говоря, в разное время преподавали ее родители: Мария Александровна Шателен — французский язык в 1893–1899 гг., а Михаил Андреевич Шателен — физику и электротехнику в 1890–1897 гг. [8, с. 238]. В 1914 г. сдала экстерном экзамены 3-х годовичных курсов сестер милосердия при Евгеньевской общине Красного Креста и в октябре того же года оказалась на Северо-западном фронте в качестве палатной сестры. В феврале 1916 г. в связи с замужеством (стала женой студента политехнического института Михаила Владимировича Малышева) демобилизовалась. Вскоре, в 1916 г., у М.М. Малышевой (Шателен) родилась дочь Мария Михайловна Малышева (в замужестве Трутнева (1915 или 1916–1997), инженер Промкомбината Октябрьского района г. Ленинграда (в 1940-е гг.); в 1936 г. появился на свет внук Александр. В 1918 г. родился второй ребенок, сын — Малышев Владимир Михайлович — инженер, гидротурбиностроитель, педагог, профессор; в 1945–1947, 1952–1990 гг. работал на Ленинградском металлическом заводе (с начала 1960-х гг. — заместитель главного конструктора конструкторского отдела водяных турбин), в конце 1940-х гг. — инженер на Кировском заводе; лауреат Государственной премии СССР (1967 в составе коллектива), участник Великой Отечественной войны (награжден орденом Великой Отечественной войны II ст. и медалью «За боевые заслуги»); его супруга — Зоя Робертовна Малышева (1925–2009?) — сотрудник Библиотеки Академии наук (1947–1982), заведующая Отделом научной обработки литературы (1963–1982), награждена медалью «За оборону Ленинграда» [9, с. 465]; дети — дочь Ольга и сын Михаил.

Однако вернемся в более раннее время. В 1918 г. М.М. Шателен была вынуждена оставить Бестужевские курсы, так их и не закончив. 1918 г. в судьбе М.М. Шателен стал знаковым — она становится сотрудником Центрального электротехнического комитета и на протяжении более 20 лет посвящает себя этому делу. В период Гражданской войны в 1919–1921 гг. она находится в Красной Армии в качестве помощника преподавателя Классов военных мотористов и штурвальных Судовой базы Главного Военного инженерного управления в Череповце и Ораниенбауме. В 1921–1922 гг. тяжело болеет и находится на излечении дома. Примеча-

тельно, что в 1922 г. М.А. Шателен решил возродить журнал «Электричество» (основанный еще в 1880 г., но в связи с известными революционными событиями прекративший свое существование в 1918 г.), освещавший теоретические и научно-практические проблемы этой отрасли промышленности. Он являлся органом Всесоюзного электротехнического объединения (ВЭО), Всесоюзного объединения энергетического хозяйства (Энергоцентр) ВСНХ СССР, Секции технической реконструкции и электрификации Института техники и технической политики Коммунистической академии ЦИК СССР и Всесоюзного энергетического комитета (ВЭК). Примечательно, что М.А. Шателен входил в редколлегию этого периодического издания, а его дочь, М.М. Шателен, стала секретарем журнала (1922–1931). В 1920–1930-е гг. она неоднократно выезжала зарубеж, в 1925 г. в качестве секретаря-переводчика советской делегации на международной электротехнической конференции во Франции и Англии. В 1926, 1927, 1930 гг. посетила Париж, курорт Бад-Вильдунген, Бад-Наухайм, города Австрии, с целью поправки своего здоровья и здоровья родных.

Как она сама пишет в автобиографии в период 1922–1939 гг.: «В основном работала по стандартизации электрических изделий и внутризаводской нормализации. Много занималась переводами технической литературы по заданиям руководства, как с иностранных языков на русский, так и наоборот» [7, л. 119]. В 1935 г. окончила Ленинградские курсы повышения квалификации инженерно-технических работников при Ленинградском энергетическом институте с присвоением квалификации стандартизатор.

В архивном личном деле М.М. Шателен содержится подробная информация о ее трудовой деятельности начиная с 1914 г., с учетом того, что данные сведения, по всей вероятности, будут интересны специалистам, они приводятся полностью: октябрь 1914 — февраль 1916 — медсестра Госпиталя Красного Креста в действующей армии (1-я армия); 15 сентября 1917 — 9 января 1918 — делопроизводитель хозяйственного отдела Управления Продовольственного комитета Лесного подрайона в Петрограде; 10 января 1918 — 27 марта 1918 — кассир кассы взаимопомощи студентов Политехнического института в Петрограде; декабрь 1918 — 5 сентября 1919 — делопроизводитель Изол. комиссии Центрального Электротехнического комиссариата сооружений ВСНХ; ноябрь 1919 — февраль 1921 — помощник преподавателя классов военных мотористов и штурвальных Судовой базы Главного Военного инженерного управления в Череповце и Ораниенбауме; 15 июля 1922 — 1 декабря 1928 — делопроизводитель Русского электрического комитета Международной электротехнической комиссии (при Госплане СССР) в Ленинграде; 15 июля 1922 — 4 апреля 1931 — машинистка, затем секретарь редакции журнала «Электричество» Главэлектро ВСНХ; 1 января 1930 — 4 апреля 1931 — заведующий ленинградским отделением редакционно-издательского отдела Всесоюзного электротехнического объединения; 4 апреля 1931 — 11 февраля 1933 — переводчик-ученый секретарь, инженер по стандартизации ленинградского отделения отдела стандартов и нормол. Всесоюзного электротехнического объединения, инженер по стандартизации; 11 февраля 1933 — 5 марта

1934 — инженер по стандартизации завода «Электрик» в Ленинграде; 6 марта 1934 — 8 февраля 1936 — инженер по нормал., заведующая сектором нормал. Государственного института по проектированию заводов электрослаботочной промышленности (Гипроэнергопром); 5 марта 1936 — 7 июля 1936 — старший инженер по проектированию объекта Государственного института по проектированию заводов аккумуляторно-элементной промышленности «Вактопроект» (Москва); 26 апреля 1936 — 16 сентября 1936 — заведующая Бюро технической информации Центральной аккумуляторной лаборатории в Ленинграде; 22 сентября 1936 — 1 сентября 1939 — экономист, старший экономист бюро экономии материалов телефонного завода «Красная Заря» в Ленинграде; 26 сентября 1939 — 13 марта 1940 — инженер-плановик Районной конторы связи Московского района Ленинграда; 13 марта 1940 — 7 марта 1941 — старшая медсестра (старший военфельдшер) Красноармейского военного госпиталя и эвакогоспиталей его формирования; 11 марта 1941 — 10 июля 1941 — инженер-плановик Районной конторы связи Московского района Ленинграда [7, л. 114].

Не столь просто складывалась личная жизнь М.М. Шателен: с первым мужем М.В. Малышевым она развелась в 1926 г., в 1930 г. был заключен новый брак с немецким подданным, специалистом в области производства изделий из пластмасс Иосифом Францевичем Айхингером — будучи приглашенным на работу в СССР, он отказался от немецкого гражданства, однако советские органы власти также не дали ему возможности обосноваться в России, что вынудило его эмигрировать в США. В 1937 г. супруги развелись, в 1948 году развод был оформлен официально, и только в ноябре 1950 г. ЗАГС Октябрьского района г. Ленинграда выдал «Свидетельство о прекращении брака» за № 372. С этого времени во всех документах Мария Михайловна вновь значилась под фамилией Шателен.

Примечательно, что М.М. Шателен была настоящим патриотом своей Родины: во время Первой Мировой войны, Гражданской войны, Советско-финской войны она оказывалась на фронте. Безусловно, что, когда началась Великая Отечественная война, М.М. Шателен почти сразу же (10 июля 1941 г.) вступила в качестве старшей медсестры в медико-санитарное звено добровольческой дружины Ленинграда; находилась в составе 27 армии Северо-Западного фронта, непосредственно служила в 160 полевом подвижном госпитале, была на Северо-Западном, Воронежском, 1-м и 2-м Украинском фронтах, принимала участие в боях под Старой Русой, Орлом, в Корсунь-Шевченковской операции, в сражениях под Яссами, Киевом, Клужом, Будапештом, у озера Балатон. В ноябре 1944 г. была награждена орденом Красной Звезды. Начальник госпиталя майор О.О. Бильдюк в наградном документе отмечал: «За время работы в ППГ с 10.X 1941 г. по настоящее время сестра Айхингер проявила себя, как исключительно добросовестный работник, она не считаясь с временем по 2 суток и больше без сна, много работает по сортировочному и эвакоотдел. И поставила образцовую работу сортировочного отделения. За последние операции г. Айуд — Турди — Клуж в трудных условиях самоотверженно работая, хорошо организовала работу. Раненые были хорошо обслужены и обработаны в санитарном отношении. За послед-

ние операции через сортировочное отделение прошло 3326 чел. Работает на своем посту 4-й год. Достояна награждения правительственной награды орденом «Красной Звезды» (Информация из архива Министерства обороны РФ, сайт «Подвиг народа») (2). М.М. Шателен завершила войну в звании старшего лейтенанта, заведующим делопроизводственной части полевого подвижного госпиталя № 4383.

После окончания Великой Отечественной войны М.М. Шателен нужно было найти себя в мирной жизни, реализовать свой творческий и профессиональный потенциал. 1 ноября 1945 г. в адрес директора БАН И.И. Яковкина поступило заявление от «демобилизованной Айхингер Марии Михайловны»: «прошу предоставить мне работу в вверенной Вам библиотеке, знаю французский, английский и немецкий языки» [7, л. 111]. В соответствии с заявлением на следующий день была получена резолюция «Зачислить с 2/XI 45 г. младшим научным сотрудником в Лабораторию реставрации и консервации документов. Оклад 700 руб.» [7, л. 111]. Вскоре М.М. Шателен смогла проявить свои лучшие профессиональные качества уже как сотрудник Библиотеки Академии наук. «В день 8 марта, празднуемого в первый раз после войны в условиях мирного времени, поздравляю всех женщин, работающих в Библиотеке Академии наук СССР. Коллектив женщин, сотрудниц Библиотеки, провел большую и самоотверженную работу в тяжелых условиях в библиотечных помещениях, полностью еще не восстановленных после блокады. За проведенную работу объявляю благодарность всему коллективу женщин Библиотеки Академии наук СССР. Отмечаю работу и выношу благодарность с занесением в трудовой список <...> За работу в Отделе иностранного комплектования М.М. Айхингер» [7, л. 122]. (Документ был подписан директором БАН И.И. Яковкиным 8 марта 1946 г.). В следующем году И.И. Яковкин так характеризовал деятельность М.М. Шателен на посту заведующей сектором Библиотеки Академии наук СССР: «Хорошо знает иностранные языки. Порученную ей работу по разборке иностранных книг, полученных из-за границы в 1945 г. выполняла с большой энергией. За время работы в Библиотеке АН СССР ознакомились с работой библиотеки в целом. Работник дисциплинированный. Постоянно принимает участие в общественных мероприятиях Библиотеки АН СССР» [7, л. 113].

В личном деле, хранящемся в архиве БАН, указано, что М.М. Шателен владела несколькими иностранными языками: английским, немецким, французским, украинским, шведским. Столь важное обстоятельство стало решающим в период ее работы по комплектованию фондов Центральной библиотеки и филиалов при академических учреждениях, особенно, когда речь шла о пополнении их фондов зарубежными изданиями.

В 1954 г. окончила Ленинградский государственный библиотечный институт им. Н.К. Крупской по специальности библиотекосведение с присвоением квалификации библиотковеда, где была старостой группы экстерната. В аттестационном листе, подписанном директором БАН Чеботаревым и датированном 1954 г., было указано следующее: «Тов. Шателен М.М. работает старшим редактором отдела запасных фондов. За время работы в Библиотеке показала себя как работница, хорошо

знающая иностранную литературу на многих иностр. языках, как ценный сотрудник при обработке и комплектовании иностранной литературой институтов и учреждений Академии наук. За хорошую работу имеет благодарности от дирекции библиотеки. Тов. Шателен систематически повышает свою производственную квалификацию — занимаясь на 3 курсе Библиотечн. ин-та. Принимает активное участие в общественной жизни — член бюро РОКК, командир санитарного звена МПВО» [7, л. 130]. В том же году директор БАН Г.А. Чеботарев за № 247 издал приказ «За умелое сочетание учебы и производительной работы, в связи с успешным окончанием Ленинградского Государственного Библиотечного института имени Н.К. Крупской объявляю благодарность <...> Шателен М.М. — старшему редактору БАН» [7, л. 132].

С 1953 г. М.М. Шателен — старший редактор библиотеки Зоологического института, где занималась обработкой и каталогизацией иностранных изданий, организацией топографического и систематического каталогов библиотеки. В период масштабного ремонта здания института в 1956–1960 гг. на ее плечи легла большая нагрузка по руководству процесса обработки вновь поступаемых изданий и их каталогизации.

В июне 1954 г. зам. директора БАН В.Ф. Экономов писал: «За время работы в библиотеке Зоологического института проявила себя инициативным работником. Принимает активное участие по инвентаризации книжных фондов библиотеки и в планировании этой работы, хорошо владеет иностранными языками. Производственную работу М.М. Шателен успешно сочетает с занятиями на заочном отделении Ленинградского Государственного Библиотечного института имени Н.К. Крупской. Среди сотрудников библиотеки пользуется авторитетом. К общественным поручениям относится добросовестно» [7, л. 131]. В БАН М.М. Шателен занималась и общественной работой: являлась членом Бюро Российского отделения Красного Креста, командиром санитарного звена команды МПВО. «Послужной список» М.М. Шателен в БАН выглядел следующим образом: 9 ноября 1945 — младший научный сотрудник, 1 апреля 1946 — старший библиотекарь, 13 ноября 1946 — старший редактор, 1 июля 1947 — заведующий сектором, 9 мая 1950 — старший редактор, с 1 июля 1960 г. — находилась на пенсии, в декабре 1960, январе, марте, апреле 1961, мае, июне 1962 — работала в библиотеке Зоологического института старшим редактором и старшим библиотекарем, уже будучи на заслуженном отдыхе.

Примечательно, что М.М. Шателен многое сделала для сохранения наследия А.Н. Островского. В мае 1929 г. от нее в Пушкинский Дом поступила часть библиотеки А.Н. Островского, ранее принадлежавшая сыну писателя С.А. Островскому. По некоторым сведениям это был дар [10, с. 7], по другим — приобретение (4 июня 1929 г. Пушкинский Дом «препроводил» в Управление делами Академии наук счет за купленную у М.М. Малышевой «книжную коллекцию, принадлежавшую писателю А.Н. Островскому», состоявшую из иностранных изданий, большая часть которых имела владельческие пометы; сумма в 50 рублей должна была быть оплачена ей из «кредита Пушкинского Дома на библиотечные расходы») [11, л. 21] (1). Между тем она представляла собою только часть личного собрания русского драматурга. Об этом свидетельствовал

и тот факт, что большинство русских и иностранных многотомных изданий оказались разрозненными.

В декабре 1929 г. М.М. Шателен подписала с Пушкинским Домом договор о продаже архива писателя за 800 рублей, который включал автографы и авторизованные копии 21 пьесы, 7 произведений написанных в соавторстве с Н.Я. Соловьевым, материалы, связанные с жизнью и творчеством драматурга, а также газетные вырезки. В середине 1950-х гг. в качестве дара от М.М. Шателен Рукописный отдел Пушкинского Дома получил рукописи А.Н. Островского, включая список пьесы «Бедность не порок», черновой вариант работы о русском театре, записи произведений народного творчества (поговорок, поговорок, загадок и др.), воспоминания М.М. Шателен об А.Н. Островском и другие документы [12, с. 236, 310]. В 1963 г. сотрудниками библиотеки Пушкинского Дома Ф.В. Ильиной, К.Ф. Ванягиной, А.Н. Бруханским и А.Н. Степановым был подготовлен каталог «Библиотека А.Н. Островского», в качестве консультанта издания выступила М.М. Шателен [10, с. 8].

Неоценимую роль М.М. Шателен сыграла в реконструкции и сохранении усадьбы А.Н. Островского в Щельково — благодаря ее успешной деятельности усадьба превратилась в настоящий музейный комплекс, известный не только в России, но и за рубежом. Столь серьезный вклад был высоко оценен государством, и М.М. Шателен было присвоено почетное звание — Заслуженный работник культуры РСФСР.

В М.М. Шателен необыкновенным образом сочетались высокий профессионализм, преданность семейным ценностям, глубокое чувство любви и долга к своей Родине, что делало ее гармоничной личностью, живым примером для нынешнего молодого поколения.

Примечания

1. По всей вероятности, русские книги были действительно подарены, а иностранные — проданы, или же русская часть была передана еще С.А. Островским. Имеющиеся документы не позволяют сделать более точный вывод.

2. URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (дата обращения: 08.04.2020).

Список источников

1. Орлова Г.И. Внучка Мария // Губернский дом. 1998. № 1–2. С. 32–34.
2. Орлова Г.И. О Марии Михайловне Шателен (из фондов «Рукописи и документы») // Музей-заповедник «Щельково». К 100-летию Октябрьской революции, 1917–2017: электрон. кн. Щельково, 2017. С. 12–17.
3. Орлова Г.И. Шателен Мария Михайловна (1895–1977) // А.Н. Островский: энциклопедия. Кострома; Шуя, 2012. С. 479.
4. Шателен Мария Михайловна // Российская биографическая энциклопедия: биографический словарь сотрудников Библиотеки Академии наук. Книга 2. Санкт-Петербург, 2014. С. 832. (Великая Россия. Том 14).
5. Орлова Г.И. М.А. Шателен (Островская). Штрихи к портрету // Щельковские чтения. [2000]. Кострома, 2000. С. 75–78.
6. Гимназия Л.С. Таганцевой в Петербурге / публ. А.В. Грабовой // Люди и судьбы на рубеже веков. Воспоминания. Дневники. Письма, 1895–1925: сборник. Санкт-Петербург, 2000. С. 231–239.

7. Архив БАН. Ф. 1. Оп. 2 л. Д. 2.
8. *Вахромеева О.Б.* Духовное пространство Университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1918 гг.: исследование и материалы. Санкт-Петербург, 2003. С. 238.
9. Малышева (Бумейстер) Зоя Робертовна // Российская биографическая энциклопедия: биографический словарь сотрудников Библиотеки Академии наук. Книга 1. Санкт-Петербург, 2014. С. 832. (Великая Россия. Том 13).
10. Библиотека А.Н. Островского: описание / сост.: Ф.В. Ильина, К.Ф. Ванягина, А.Н. Бруханский. Ленинград, 1963.
11. СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1. 1929. Д. 25.
12. *Иванова Т.Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома. Санкт-Петербург, 2006.

Д.Д. Дымская

**С.В. МЕЛИКОВА-ТОЛСТАЯ:
служба в Библиотеке Академии наук**

АННОТАЦИЯ

В статье представлена деятельность российского филолога-классика С.В. Меликовой-Толстой (1885–1942) в качестве сотрудника Библиотеки Российской академии наук. Этапы ее карьеры рассматриваются на фоне развития специализированных отделов библиотеки, предназначенных для создания карточного систематического каталога. Описано участие в усовершенствовании классификационных таблиц К.М. Бэра и разработке оригинальных схем БАН.

Ключевые слова: София Венедиктовна Меликова-Толстая, Библиотека Российской академии наук, систематизационный отдел, история, систематический каталог, библиотечно-библиографические классификации.

Среди сотрудников Библиотеки Российской академии наук (БАН) было немало известных деятелей науки. К ним несомненно можно отнести крупного отечественного филолога-классика конца XIX — первой половины XX в. Софию Венедиктовну Меликову-Толстую (1885–1942).

Общие биографические сведения о С.В. Меликовой-Толстой приводятся во многих публикациях [1–5], однако акцент в них делается по преимуществу на ее филологических штудиях и преподавательской деятельности. Мы же хотели уделить более пристальное внимание периоду ее работы в Библиотеке академии наук.

На работу в БАН С.В. Меликова-Толстая поступила 7 октября 1924 г. и была принята на должность рядового библиотекаря [6, л. 34об.]. Надо сказать, что изначально она вовсе не стремилась работать в библиотеке, поскольку больше всего ее привлекало преподавание. Однако вакантных преподавательских ставок в ленинградских ВУЗах в то время не было, а потому Софии Венедиктовне пришлось обратиться к иному роду деятельности и ее выбор пал на библиотечную службу, которая до известной степени ее также интересовала [2, с. 145].

В БАН проблема недостатка компетентных сотрудников стояла в этот период достаточно остро, ибо для работы в библиотеке требовались образованные люди со знанием иностранных языков. До революции такие кадры подбирались в университетско-академической среде, а после революционных событий 1917 г. и установления новой власти появились сотрудники, не имеющие надлежащих знаний [7, с. 329]. В этом смысле С.В. Меликова-Толстая была почти идеальной кандидатурой — она окончила Высшие Бестужевские курсы, прошла стажировку в Берлинском университете, где ее учителями были такие выдающиеся немецкие ученые, как Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф, Герман Дильс и Эдуард Норден; прекрасно знала древние и некоторые современные языки; преподавала греческий и латынь на Бестужевских курсах и в Женском

педагогическом институте, а также читала курсы по истории античной литературы и вела занятия по изучению текстов древних авторов в Саратовском университете [2, с. 144; 4, прим. 10; 6, л. 4–4об.]. Однако особенности библиотечной работы были ей не знакомы, а потому пришлось многому учиться.

Надо сказать, что в БАН София Венедиктовна пришла в довольно непростое время, т.к. в 1922 г. начался переезд книжных фондов в новое здание на Биржевой линии — туда, где библиотека располагается ныне. К концу 1924 г. переезд уже был практически завершен, и С.В. Меликова-Толстая, по словам ее супруга академика И.И. Толстого, «первое время выполняла чисто физическую работу, помогая расставлять по полкам нового, только что выстроенного тогда роскошного здания книжные фонды» [2, с. 145–146]. Однако этим ее деятельность, разумеется, не ограничивалась.

В ноябре 1924 г. начал свою работу только что созданный систематизационный отдел II (Иностранного) Отделения (1), и С.В. Меликова-Толстая вошла в число первых его сотрудников. При этом, как следует из заключения библиотечного совещания от 20 марта 1925 г., «из работников технического труда только небольшая часть исполняет чисто физическую работу по уборке помещений, употребляя на это в среднем около 2-х часов в день. Остальное время эта часть работников, а также все технические служащие библиотеки, посвящают работе умственного характера: каталогизации книг, разбору газет и журналов, отысканию книг для выдачи читателям и обратной постановке их на места и т. д. Все эти работы по существу весьма ответственны и требуют от работников чрезвычайной внимательности, точности и аккуратности» [9, л. 51]. Судя по всему, эти качества были присущи С.В. Меликовой-Толстой в полной мере, ибо И.И. Толстой пишет, что она «старательно входила во все мелочи библиотечной техники, а потом вошла и в теоретические вопросы библиотековедения» [2, с. 146].

С 27 января 1925 г. в отделе началось формирование собственного карточного систематического каталога по системе К.М. Бэра, и для этого «отделы системы были распределены между сотрудниками по их научной специальности для постоянного заведывания в качестве хозяев отделов, ответственных за состояние систематических каталогов и за порядком книг на полках в пределах своих отделов» [10, л. 31–32]. Впрочем, специализация не всегда соблюдалась: так, в 1925 г. филолог-классик С.В. Меликова-Толстая занималась систематизацией отделов XIX Строительное дело и XIII Искусство и общая археология; ее рабочий день длился с 11 до 15 часов [9, л. 60]. Распределение также было не окончательным: как будет видно из приведенных ниже материалов, в последующие годы за С.В. Меликовой-Толстой были закреплены уже иные отделы, а те, с которыми она работала раньше, были переданы другим сотрудникам. Очевидно, София Венедиктовна успешно справлялась с порученными ей задачами, поскольку 13 ноября 1925 г. была переведена на должность научного сотрудника I разряда, а также получила премию «за хорошую работу» в размере 200 рублей [6, л. 34об.].

Обязанности научных сотрудников прописаны, в частности, в заключении библиотечного совещания от 20 марта 1925 г. Их работа заключа-

лась в «научной каталогизации книг, в научном библиографировании их, в критическом изучении, и описании рукописей и архивных материалов и т. п.». Кроме того, научный сотрудник должен был быть в курсе «новых библиотечных и историко-литературных достижений, взглядов, направлений, научных открытий и т. п.», т. е. «стоять на высоте современной ему науки» в своей области, а для этого было необходимо «неослабно пополнять свой научный багаж и освежать свои научные познания [9, л. 50–51]. Надо полагать, что С.В. Меликовой-Толстой это вполне удавалось, ибо за годы службы в БАН ею было опубликовано немало научных работ, которые печатались в том числе в Издательстве Академии наук [6, л. 6–7]. Ее старания не остались незамеченными: в 1926 г. С.В. Меликова-Толстая была избрана делегатом на II Всероссийский библиотечный съезд [6, л. 5], а 1 октября 1928 г. вновь была повышена в должности и стала старшим библиотекарем. Ее заработная плата в этом качестве составляла 225 рублей [11, л. 22] (2).

Мы располагаем отчетами, которые С.В. Меликова-Толстая предоставляла каждый месяц в течение 1928 и 1929 гг., и на их основании можем судить о характере ее работы в этот период. Так, в начале 1928 г. она занималась инвентаризацией библиотеки академика П.В. Никитина. Работа заключалась в выделении дублетов, систематизации книг, относящихся к отделам XIII, XIV Изящная словесность и ХА История и география отдельных народов и стран, а также сверке состава означенной библиотеки с карточным каталогом. Эта задача была выполнена к концу апреля [12, л. 240–241]. В марте-сентябре С.В. Меликова-Толстая проводила ревизию отдела X [12, л. 241–244], а в конце года осуществила проверку отдела IX Всемирная история и политическая география [12, л. 246]. Помимо этого она составляла заявки на приобретение книг по своим отделам, а также отчасти — относящимся к отделу II Полиграфия [12, л. 240], проводила шифрование книг по отделам XIII и XIV [12, л. 241], проверяла счета от фирмы Voss' Sortiment [12, л. 243] (3) и участвовала в приемке полученных от этой компании книг [12, л. 246], а также работала в составе различных комиссий, в частности, по составлению правки для сводного каталога [14, л. 241], по переработке системы Бэра [12, л. 242] (4), по пересмотру инструкции для алфавитного каталога II Отделения [12, л. 245], по составлению инструкции для сводного каталога [12, л. 245] и др. Работа с отделами XIII и XIV была закончена к концу года, после чего С.В. Меликова-Толстая передала их в ведение помощника библиотекаря В.Г. Конради и приняла от научного сотрудника II (Иностранного) Отделения Г.Г. Гельда отделы II и III Языкознание [12, л. 246].

В 1929 г. продолжалась работа с отделами II, III, ХА и XIV. С.В. Меликова-Толстая проводила ревизию книг II отдела, составляла заявки на книги по II и III отделам и работала с фирмой Voss' Sortiment — готовила заявки, занималась счетами и принимала присланные книги [15, л. 68, 83, 104, 140, 143]. Стоит также отметить, что летом этого года в Академии наук проводилась чистка госаппарата (5), в результате которой было сокращено немало сотрудников. Проверке подверглась и София Венедиктовна, в результате которой ее оставили в прежней должности [6, л. 30б.].

С 1 января 1930 г. БАН перешла на систематизацию по десятичной классификации. В это же время структура библиотеки была перестроена по функциональному принципу, в числе других был создан Научно-библиографический отдел (НБО), в ведении которого находились работы по созданию реальных каталогов (7). С.В. Меликова-Толстая стала сотрудником этого отдела.

В 1931 г. С.В. Меликова-Толстая занималась систематизацией и предметизацией книг по истории и теории художественной литературы, искусству, спорту, языкознанию, справочно-библиографических пособий, а также вела работу по комплектованию связанных с этими темами отделов. «С.В. со свойственной ей добросовестностью неизменно тщательнейше следила за всей новой, и советской, и иностранной, литературой по классической филологии и всегда заботилась о возможно полной ее выписке», — с восхищением пишет И.И. Толстой [2, с. 146]. Она работала пять дней в неделю с 10 до 16 часов, а с 12 до 13 был перерыв. Один день был отведен для подготовки выставки, посвященной Г.В.Ф. Гегелю [11, л. 96].

Кроме того, в течение нескольких дней в августе, сентябре и октябре этого года С.В. Меликова-Толстая вела работу в классификационно-библиографическом подотделе и занималась приемкой книг бывшего отдела русских книг XVIII в. [11, л. 71, 75, 78об., 82–82об.].

С 1932 г. работу в библиотеке она стала совмещать с преподаванием на основанной в этом же году кафедре классической филологии Ленинградского государственного университета (ЛГУ), куда ее пригласила профессор О.М. Фрейденберг [17, л. 1] (6).

Между тем, поскольку БАН стала центром библиотечной сети, встал вопрос о выработке единых принципов классификации поступающих книг, и этой проблеме, по сути, были посвящены все 1930-е гг. С 1 мая 1933 г. началась разработка классификационных схем для систематического каталога. Эта работа велась под руководством Научно-библиографического отдела [18, с. 412]. С.В. Меликова-Толстая отнеслась к поставленной задаче со всей серьезностью и готова была вместе с коллегами искать пути ее решения. 22 февраля 1933 г. она присутствовала на расширенном заседании Ученого совета БАН по вопросу о реальных каталогах [19] (8), где был заслушан доклад ученого секретаря БАН В.В. Успенского, в 1936 г. возглавившего вновь созданный Отдел систематизации и информации, о важности создания именно систематического, а не предметного каталога. К 1934 г. были разработаны предварительные схемы для каталогов по естественным наукам, а их обсуждение состоялось уже в более широком масштабе: 7–9 июня 1934 г. в БАН была проведена 1-я Всесоюзная конференция по систематическому каталогу [18, с. 412], и С.В. Меликова-Толстая также была среди участников [5, с. 166]. Однако выступала ли она с докладом, сказать сложно, поскольку в сохранившемся стенографическом отчете сведений об этом нет, но известно, что он не в полной мере отражает материалы конференции, ибо стенографировались не все заседания [5, с. 10].

Следует особо отметить, что в силу специфики развития советского общества в это время наблюдалось повсеместное усиление роли марксистско-ленинской идеологии, и этот процесс не обошел стороной

Академию наук, что проявилось при обсуждении вопросов составления систематического каталога — на конференции 1934 г. доля идеологической проблематики по сравнению с заседанием 1933 г. заметно увеличилась, а многие участники дискуссий в конце 1930-х гг. были репрессированы [5, с. 10–11].

Тем не менее, работа продолжалась. К 1937 г. были разработаны классификационные схемы как раз по тем областям, которыми занималась София Венедиктовна — по всеобщей истории, языкознанию, литературоведению и книговедению. Однако впоследствии они пересматривались и переделывались так же, как и сами каталоги [18, с. 413]. О продолжении работы в данном направлении свидетельствует ряд производственных совещаний Отдела систематизации и информации 1938 г., в которых С.В. Меликова-Толстая принимала живейшее участие. Так, на совещании 7 января вновь обсуждалась инструкция по формированию систематического каталога, в связи с чем София Венедиктовна отмечала, что «ключ к каталогу должен быть составлен только после индексации», и что «работа по составлению ключа чисто техническая, на основе разделителей». Также она указывала, что «читатель не обязан пользоваться ключом, он может взяться сразу за каталог, поэтому ключ не должен быть полнее каталога» [20, л. 12]. 5–7 марта на совещании в отделе рассматривались соответствующие тезисы нового сотрудника И.В. Новосадского, который, в отличие от В.В. Успенского, придавал первостепенное значение идеологии. «Почти каждое его положение, — отмечают В.П. Комарова и Н.Г. Атаршикова, — вызывало критические замечания» [20, с. 15–16], причем, как видно из протокола, С.В. Меликова-Толстая активно участвовала в развернувшейся дискуссии [21, л. 22–23] (9). В целом систематический каталог по геологии, химии, книговедению, языкознанию, математике, антропологии и технике был готов к 1939–1940 гг., а каталоги по астрономии, гидрологии и метеорологии находились в стадии завершения [18, с. 413].

Однако вопросами создания каталога София Венедиктовна не ограничивалась. В обязанности сотрудников отдела входило также участие в научно-библиографической деятельности. До 1936 г. этой работой занимались 2–3 сотрудника, а затем уже весь отдел «полностью переключился на составление библиографий и библиографических указателей» [18, с. 423]. Так, София Венедиктовна вместе с коллегами подготовила и опубликовала указатели к изданиям Академии наук СССР за 1930, 1931, 1932 и 1933 гг., а также «Указатель периодических изданий и серий, полученных Библиотекой Академии наук СССР в 1931 г.» (и то, и другое — «в части общественных наук») [6, л. 7].

С 1 января 1937 г. С.В. Меликова-Толстая была повышена до главного библиотекаря, исполняла обязанности заместителя заведующего отделом, что принесло ощутимое повышение заработной платы, каковая составляла теперь 550 рублей. Впоследствии эта сумма была увеличена до 650 рублей [6, л. 34об.]. Однако с 1 марта 1938 г. она была переведена на половину оклада, а 11 августа по собственному желанию оставила службу в Библиотеке [6, л. 34об.] (10). В это время София Венедиктовна также занималась преподаванием латинского языка на историческом факультете ЛГУ, а в 1940 г. была зачислена на должность старшего на-

учного сотрудника в Кабинет классической филологии Института языка и мышления им. Н.Я. Марра Академии наук. Однако ее научная деятельность на новом месте прервалась в силу внешних обстоятельств: в 1941 г. началась Великая Отечественная война, а вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо блокады. В 1942 г. вместе с семьей София Венедиктовна была эвакуирована в Казань, где 31 июля того же года скончалась в больнице [2, с. 148–149; 4, прим. 10].

Подводя итоги, следует отметить, что в целом карьера С.В. Меликовой-Толстой в БАН складывалась достаточно успешно. Она прошла путь от рядового библиотекаря до главного и даже замещала заведующего отделом; проделала большую, полезную работу по систематизации литературы и формированию систематического каталога по языкознанию; неоднократно была премирована, а работа ее признавалась ударной [6, л. 5об.]. В заключение хотелось бы дать слово самой Софии Венедиктовне: «Выполняемая мною работа в Библиотеке Академии наук дает удовлетворение», — писала она в автобиографии 1936 г. [6, л. 5об.].

Примечания

1. Отдел был создан в структуре II (Иностранного) Отделения в конце 1923 г., но функционировать начал лишь после завершения переезда в новое здание [8, с. 196].

2. Данные приводятся по состоянию на 1931 г.

3. Эту работу С.В. Меликова-Толстая выполняла, замещая в августе заведующего отделом.

4. В этой связи стоит отметить, что вся вторая половина 1920-х гг. ознаменовалась попытками улучшения классификации К.М. Бэра. Еще 29 октября 1925 г. состоялось совещание, на котором обсуждался вопрос о целесообразности сохранения его системы, и С.В. Меликова-Толстая была в числе присутствовавших, хотя и не принимала участия в дискуссии (высказывались в основном заведующие отделов) [13]. На совещании было принято решение заняться усовершенствованием системы К.М. Бэра, что означало новую, большую работу для сотрудников отдела. Однако впоследствии на совещании 23 декабря 1929 г. было решено с 1 января 1930 г. перейти на систематизацию по десятичной классификации. С.В. Меликова-Толстая также присутствовала на этом заседании: [14, л. 1]. О десятичной классификации см. [5, с. 7, прим. 9].

5. Все сотрудники должны были пройти проверку анкетных данных и процедуру обсуждения допустимости их оставления в занимаемой должности [16].

6. В 1935 г. квалификационная комиссия Ленинградского института истории, философии и лингвистики, на основании совокупности научных трудов, представила ее к получению ученой степени кандидата исторических наук без защиты диссертации [19, л. 1–1об.]. По словам И.И. Толстого, саму степень С.В. Меликова-Толстая получила лишь в 1938 г. [2, с. 148].

7. В его состав вошла и группа «реального каталога». В конце 1934 г. последняя стала частью отдела обработки, а уже в 1936 г. был организован самостоятельный Отдел систематизации и информации [5, с. 8].

8. О присутствии С.В. Меликовой-Толстой [5, с. 54].

9. Одним из последствий данного обсуждения стала докладная записка, направленная И.В. Новосадским директору БАН, где он, помимо прочего, обвинил руководство отдела в «политических извращениях» [20, с. 16 (с указанием источника)].

10. Правда, после увольнения С.В. Меликова-Толстая, судя по записям в протоколе, присутствовала на производственном совещании 9 ноября 1938 г., во время которого обсуждалась инструкция по составлению систематического каталога, и высказывала свое мнение относительно новых положений И.В. Новосадского [22, л. 10–11]. С чем это было связано, неясно, однако на последующих совещаниях этого года она уже не появлялась [22, л. 1].

Список источников

1. *Казанский Н.Н.* О Софии Венедиктовне Меликовой-Толстой // Лингвистика в годы войны. Санкт-Петербург, 2005. С. 304.
2. *Толстой И.И.* О С.В. Меликовой-Толстой // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. Санкт-Петербург, 1997. С. 143–150.
3. *Кабанова И.В.* Меликова София Венедиктовна // Литературоведы Саратовского университета, 1917–2009: материалы к биографическому словарю. Саратов, 2010. С. 141–143.
4. *Поникаровская М.В.* И.И. Толстой в годы Великой Отечественной войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, вып. 1 (87). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840008369-4-1/> (дата обращения: 23.05.2020).
5. К истории разработки библиотечных классификаций в 1930-е годы: сборник документов: коммент. изд. / авт.-сост.: Н.В. Бекжанова (отв. сост.), Д. Дракулич-Прийма, Д.М. Омельченко, С.В. Перекрест. Санкт-Петербург, 2018. 254 с.
6. [Личное дело С.В. Меликовой-Толстой] // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 7. Д. 645. 34 л.
7. [Кукушкина М.В.]. Библиотека Академии наук СССР в 1917–1924 гг. // История Библиотеки Академии наук СССР, 1714–1964. Москва, 1964. С. 301–343.
8. *Бекжанова Н.В.* Систематический каталог Библиотеки Российской академии наук: начальный этап создания (1924–1929 гг.) // Библиотековедение. 2019. Т. 68, № 2. С. 195–204.
9. Отчеты отделов Библиотеки за 1924 г. ... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1925). Д. 11. 126 л.
10. Отчет БАН за 1924–1925 акад. год и материалы к нему // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1924). Д. 3. 3 л.
11. Планы, отчеты, программы, сметы и протоколы совещаний Научно-библиографического отдела... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1931). Д. 17. 146 л.
12. Материалы к отчету II Отделения БАН за 1928 г. ... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1928). Д. 24. 249 л.
13. Протокол заседания заведующих II Отделения... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1925). Д. 6. 73 л.
14. Протоколы совещаний сотрудников отдела систематизации II Отделения... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1929). Д. 16. 2 л.
15. Отчеты Отделов и отдельных сотрудников II Отделения... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1929). Д. 27. 147 л.
16. Официальный сайт Библиотеки Российской академии наук [Электронный ресурс]. URL: http://www.rasl.ru/library/history_1929_repress.php (дата обращения: 21.05.2020).
17. Отзыв о научных работах С.В. Меликовой-Толстой председателя кафедры классической филологии профессора О.М. Фрейденберг // СПбФ АРАН. Ф. 912. Оп. 1. Д. 26. 2 л.
18. [Кукушкина М.В.]. Библиотека Академии наук СССР в 1930–1940 гг. // История Библиотеки Академии наук СССР, 1714–1964. Москва, 1964. С. 382–426.
19. Протокол заседания и стенограмма доклада «О реальных каталогах в системе Академии наук» // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1933). Д. 8. 81 л.
20. *Комарова В.П., Атаршикова Н.Г.* Из истории центрального систематического каталога Библиотеки академии наук СССР (1930–1982 гг.). Ленинград, 1989. 46 с.
21. Протоколы производственных совещаний отдела систематизации... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1938). Д. 43. 31 л.
22. Протоколы производственных совещаний отдела систематизации и схема систематического каталога // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1938). Д. 44. 42 л.

УДК 026
ББК 78.33

С.И. Зенкевич

«ЗВУК ПОНЯТНЫЙ И ЗНАКОМЫЙ...»

(Беляев Н.С. История библиотеки Пушкинского Дома, 1906–2016 / Н.С. Беляев; отв. ред. Г.В. Бахарева; Б-ка РАН; ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). СПб.: Реноме, 2019. 688 с.)

АННОТАЦИЯ

Рассмотрена монография научного сотрудника библиотеки Пушкинского Дома Н.С. Беляева, на основе документов пяти архивов тщательно и убедительно прослеживающая историю одной из крупнейших российских специализированных библиотек, входящих в академическую библиотечную сеть.

Ключевые слова: библиотека Пушкинского Дома, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Библиотека Академии наук, академическая библиотечная сеть, Николай Сергеевич Беляев, Галина Викторовна Бахарева.

Рецензируемая монография — масштабное библиотековедческое исследование, проведенное научным сотрудником Отдела Библиотеки Российской академии наук при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ РАН) Николаем Сергеевичем Беляевым. Это не первая работа такого рода, принадлежащая перу Н.С. Беляева: так, «История Научной библиотеки Российской академии художеств (1757–2000)» увидела свет в 2005 г. и вскоре стала основой его кандидатской диссертации. В новой книге с опорой на документы пяти архивов (1), как опубликованные ранее, так и впервые вводимые в научный оборот, детально прослеживается более чем вековая история одной из крупнейших российских специализированных библиотек, входящих в академическую библиотечную сеть, — библиотеки Пушкинского Дома.

Н.С. Беляев поставил себе задачу не только осветить события прошлого, но и охарактеризовать текущее состояние библиотеки и ведущейся в ней работы. Перед нами история, написанная «изнутри» действующим сотрудником. Поэтому жанр книги можно назвать синтетическим: это и хроника, и отчет, а также своеобразный «пример для подражания», методическое руководство для библиотекарей, призванное содействовать современным библиотечно-библиографическим процессам.

Прослеживая историю библиотеки Пушкинского Дома шаг за шагом, автор сделал ощутимый акцент на ее уникальности. Для этого есть все основания: складывавшийся десятилетиями богатейший четко структурированный фонд, прицельная заинтересованность Института в процветании библиотеки, коллектив профессионалов, интенсивная разнонаправленная библиотечная и научная работа. Вместе с тем, по мнению рецензента, также представляющего академическую библиотечную сеть, в судьбе библиотеки Пушкинского Дома есть и то, что роднит ее с другими сетевыми библиотеками. В первую очередь это тесная и неразрывная связь с Институтом и проводимыми в нем исследованиями, с од-

ной стороны, и с Центральной Библиотекой, с другой, и «перекрестная» зависимость от двух учреждений одновременно. В каждом конкретном случае специфично соотношение этих сил.

Применительно к Пушкинскому Дому двойная зависимость имеет такие очертания: вскоре после его возникновения (декабрь 1905 г.) обозначились три равноправные составные части нового учреждения — Рукописный отдел, Литературный музей и Библиотека. По мере того как набирали силу научные, а не только музейные функции Пушкинского Дома, библиотека шаг за шагом становилась не только вспомогательным, но и полновесным исследовательским звеном, что и составляет основной сюжет интересующей нас книги. В 1930 г. библиотека Пушкинского Дома вошла в ЦБС БАН, то есть была включена в централизованные библиотечные процессы. Поэтому вполне закономерно в рецензируемом исследовании красной нитью проходит вторая тема — это баланс тех шагов в адрес библиотеки, которые делали и делают Институт и БАН. Один из колоритных тому примеров в истории — попытка руководства Пушкинского Дома вмешаться, когда над библиотекой нависла угроза потери обязательного бесплатного экземпляра в области литературы и литературоведения: в конце 1948 г. и.о. директора Института Л.А. Плоткин обратился к директору БАН И.И. Яковкину с просьбой противостоять этому, а для вящей убедительности вскоре направил соответствующее письмо и президенту АН СССР С.И. Вавилову (см. с. 279–280). Однако эта и другие меры не помогли, и отдаленные последствия случившегося сильнее всего сказались в 1990–2000-е гг., когда значительно сократились средства на приобретение литературы для библиотеки Пушкинского Дома (с. 282).

Периодизация истории библиотеки, предложенная автором, выглядит так: 1906–1930; 1930–1991; 1992–2016 гг. (или даже лучше — по настоящее время; 2016 — это «титовская» верхняя граница исследования, связанная со 110-летием ИРЛИ). При этом автор учитывает и другие периодизации, предложенные его предшественниками, изучавшими этот предмет, поскольку написано о библиотеке Пушкинского Дома немало. Впервые, еще в 1940-х гг., подобную датировку наметила сотрудница библиотеки с 1931 г., позже ее заведующая, Л.Г. Гринберг (см. с. 12). С тех пор прошло много времени, однако выделение 1930 года как особого в судьбе библиотеки сохранилось. Эта дата представляется наиболее бесспорной. А вот почему второй период охватывает столь разнородные с точки зрения истории нашей страны 1930–1980-е гг., не совсем понятно. Более того, внутри этого периода располагается важное для библиотеки ИРЛИ событие: в 1979 г. она получила статус отдела БАН (с. 263). Как можно предположить, широкая периодизация сделана в основном ради структурирования книги. Как бы то ни было, логике повествования это не препятствует.

Большой массив использованного материала выстроен последовательно и достаточно удобно для восприятия. В соответствии с тремя предложенными автором периодами истории библиотеки книга разделена на три главы. Каждая глава после аналитического вступления, характеризующего общие тенденции развития библиотеки в данный период, делится на тематические разделы, связанные с библиотечно-библиогра-

фической работой (комплектование фонда с подробным рассмотрением включенных в то или иное время частных собраний; обработка и раскрытие фонда — каталогизация, систематизация; меры по сохранности фонда, работа с читателями и т.п.). Примерно треть объема книги занимают приложения. Прежде всего, это биографические очерки всех сотрудников библиотеки в алфавитном порядке — те ценные, в том числе, архивные сведения, которые в «основном» тексте книги могли бы несколько увести в сторону ход повествования. Также в качестве приложения приводится краткая летопись библиотеки Пушкинского Дома, дающая опорные точки истории и помогающая читателю лучше сориентироваться в большом объеме информации.

* * *

Итак, библиотека Пушкинского Дома восходит к обретению в 1906 г. личного книжного собрания А.С. Пушкина, положившего начало ее фонду. Эта дата традиционно считается точкой отсчета библиотеки. Между тем важны и другие «первоначальные» даты: и 1905 (основание Пушкинского Дома), и 1907 (первый его устав), и 1898 г. Так, в 1898 г. Николай II одобрил образование при Академии наук Комиссии по празднованию 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина под председательством президента, великого князя Константина Константиновича, о чем члены Отделения русского языка и словесности были уведолены 7 ноября [1, с. 588]. Учитывая этот «институциональный» факт, автор в приложении к своему исследованию ведет летопись библиотеки именно с 1898 г.

Первый период истории библиотеки ознаменован интенсивным умножением фонда, определением основных источников комплектования и его профиля. Едва ли не каждая библиотека, не только собрание такого масштаба, начинается с одной или нескольких уже «готовых» книжных коллекций, которые в силу тех или иных интеграционных причин объединены и дальше уже существуют вместе. Для библиотеки Пушкинского Дома эти многочисленные книжные собрания литераторов и ученых, составившие первоначальный фонд, принципиально важны. В первый период в фонд библиотеки помимо коллекции А.С. Пушкина вошли личные собрания П.В. Анненкова, Л.Н. Андреева, А.А. Тихонова-Лугового, членов императорской семьи, А.Ф. Онегина-Отто, М.Н. Лонгинова, В.А. Жуковского, Ф.К. Сологуба, Н.А. Котляревского, А.Ф. Кони, Б.Л. Модзалевского, А.Н. Островского и мн. др. (автор рассказывает о каждой коллекции отдельно). Также вошли сюда собрания нескольких учреждений: Пушкинского музея Александровского лицея, Лермонтовского музея при Николаевском кавалерийском училище, Толстовского музея. Н.С. Беляев подробно рассматривает исходный и «конечный» состав этих коллекций, организационные вопросы их передачи, работу по каталогизации. Так, например, уникальная коллекция П.А. Ефремова, представляющая очевидную ценность, была передана в Пушкинский Дом с большими сложностями финансового и «целевого» (содержательного) характера и в урезанном количестве (с. 94–98).

Существенно, что Н.С. Беляев указывает и перспективы дальнейшего изучения частных собраний, хорошо зная, какие «места» нуждаются в более детальной проработке с привлечением новых источников. На-

пример, с его точки зрения, дополнительных специальных изысканий требует судьба библиотеки В.П. Гаевского (с. 112).

Уже в первые годы существования библиотеки началась работа по каталогизации, был выработан план по документальной фиксации книжного фонда. Интенсивно шло упорядочение обработки, а также размещения фонда. При расстановке книг сотрудники начали руководствоваться тематическим принципом. С учетом многочисленности личных коллекций приходилось решать большую проблему: оставлять их неделимыми или же структурировать книги по тематическому принципу?

Отметим, что эта проблема опять-таки достаточно широка. В любой библиотеке приходится постоянно думать, растворять ли частные собрания в общем фонде или нет. Если во главу угла поставлена задача сохранения облика коллекционера, круга его чтения, общения и т.п., то коллекцию лучше оставить неделимой. Однако это, помимо масштаба личности самого коллекционера, зависит и от многих привходящих обстоятельств — от объема фонда, его специализации, истории обретения той или иной коллекции, соотношения ее с профилем комплектования, наличия экслибрисов и инскриптов, количества дублетов и даже от свободного места в книгохранилище. Более того, если библиотека — это корпус отдельных мемориальных собраний, требующих описания и изучения, она выполняет музейную функцию. Существуют и промежуточные варианты решения этой непростой задачи — например, специальные картотеки, позволяющие в любой момент разыскать те или иные элементы коллекции. В библиотеке Пушкинского Дома с первых лет ее существования начала складываться целая система служебных картотек, и автор не раз о них упоминает.

* * *

Переход от первого этапа ко второму (1930) объясняется целым рядом причин. Прежде всего, 30 мая 1930 г. ЦИК СССР утвердил «Список учреждений, входящих в состав Академии наук СССР» [2, с. 708–709], в числе которых — Институт новой русской литературы АН СССР. Вскоре произошло и важное «внутрибиблиотечное» событие: 2 октября 1930 г. Общее собрание АН приняло «Положение о центральной и специальных библиотеках Академии наук СССР». Н.С. Беляев, детально анализируя этот важнейший документ, обнаруживает при этом массу сопутствующих обстоятельств. Так, согласно положению 1930 г. библиотека Пушкинского Дома принадлежит БАН, а по положению об ИРЛИ 1937 г. — продолжает входить в Институт (см. с. 202), являясь одним из его важных отделов.

Н.С. Беляев подробно останавливается на том, что в середине 1930-х гг. БАН признала положение с библиотекой Пушкинского Дома удовлетворительным, а руководство Института думало иначе (с. 204–205), начав конкретные действия по улучшению работы одного из важнейших своих отделов. Профессиональное руководство библиотека получила благодаря известному литературоведу С.Д. Балухатому, возглавившему ее. На посту заведующего, как показывает автор, он сделал все для того, чтобы работа библиотеки не ограничивалась хранением книг и простым обслуживанием читателей: в соответствии с задачами Института была

организована целенаправленная справочно-библиографическая помощь читателям-литературоведам (см. с. 385).

Важную роль в судьбе библиотеки всегда играли сотрудники-филологи. Так, например, представляет интерес документ под названием «Основные сведения о библиотечных кадрах Библиотеки Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР на 15 августа 1960 года». Здесь, в том числе, отмечается, что должностные библиотечные обязанности в целом лучше осваивают выпускники филологических факультетов, чем библиотечных институтов, так как обладают более глубокими знаниями по основному профилю деятельности ИРЛИ (с. 253).

Вторая глава рецензируемой книги принципиально важна для понимания деятельности академической библиотечной сети в целом.

Сетевая библиотека, как уже говорилось, находится в двойственной позиции: это и подчинение БАН, и тесная связь с институтом, — и здесь речь идет скорее не об уникальности, а о характерных особенностях положения библиотеки Пушкинского Дома, связанной с двумя учреждениями. С другой стороны, отметим: шаги по формированию библиотечной сети начались в Академии наук еще 200 с лишним лет назад. Эта тенденция активно проявилась после принятия нового академического устава 1836 г., обозначившего начавшуюся дифференциацию изначально единой коллекции Кунсткамеры [3, 4], в результате которой каждому новому отпочковавшемуся учреждению желательно было предоставить свой «подсобный» книжный фонд. Применительно к истории библиотечной сети не лишним было бы упоминание знаменитого руководителя II (Иностранного) отделения Библиотеки К.М. фон Бэра, ревностно относившегося к набирающему силу распадению основного фонда и составившего в 1836 г. специальную «Записку о взаимоотношениях Главной и специальных библиотек Академии наук» [5].

Автор рассматривает финансирование библиотечной деятельности как Академии наук в целом, так и специальных библиотек. В том числе подчеркивает, что обязательный экземпляр в 1930-е гг. распространялся только на центральную библиотеку; иностранная же литература в библиотеки учреждений поступала на основании собственных заявок (см. с. 201). Добавим здесь, что собственные заявки библиотек при академических учреждениях централизованно обрабатывались в созданном 19 января 1933 г. Отделе комплектования БАН [6, с. 389]. Более того, 1930-е гг. в целом — это период очень тщательного комплектования академических библиотек. Так, например, библиотека Института истории науки и техники АН СССР (2) в первой половине 1930-х гг. могла предложить своим читателям новейшие зарубежные историко-научные исследования, большинства из которых, кстати, нет в основном фонде БАН.

В начале второго этапа в библиотеке Пушкинского Дома функционировали три кабинета, существующих и поныне: Пушкинский, Лермонтовский и Горьковский. Эти кабинеты во многом определяют структуру библиотеки и сегодня, причем Лермонтовский кабинет, включенный в состав библиотеки в 1938 г. (см. с. 217), возглавляет сам Н.С. Беляев. Расширение фонда библиотеки неизбежно вело к росту его специализации, что было связано также и с институтскими процессами. Реструкту-

ризация библиотеки состояла и в формировании новых секторов: древнерусской литературы, фольклора.

Вторая глава посвящена также положению библиотеки и не прекращающейся в ней работе во время войны и в первые послевоенные годы, когда необходимо было вернуться к привычному рабочему ритму.

По ходу изложения событий Н.С. Беляев с опорой на документы показывает, что в работе библиотеки Пушкинского Дома несколько раз возникали определенные сложности (такие как, например, обнаружение нешифрованной части фонда). С учетом методической направленности книги для автора здесь важно уяснить, как эти проблемы выявлялись и какие меры по изживанию недочетов принимало руководство (см., например, с. 237–238).

Немаловажный аспект, рассматриваемый в книге, — это распределение обязанностей между сотрудниками библиотеки, тем более что ее штат, как правило, был немаленький: в 1936 г., например, — 12 человек (с. 651). Автор, со ссылкой на обнаруженные им архивные документы, несколько раз приводит сводку по годам, кто из сотрудников на каком участке был занят. Это, с одной стороны, показывает, какие виды работ осуществлялись и осуществляются в библиотеке, — и некоторые из них достаточно оригинальны. Например, помимо общеизвестных обслуживания читателей, расстановки, вливания карточек здесь издавна ведется составление альбомов газетных вырезок (см. с. 213). С другой стороны, это характеризует конкретные шаги руководства по оптимизации работы библиотеки с учетом знаний и опыта каждого сотрудника.

* * *

Третий этап (с начала 1990-х гг.) с внешней стороны ознаменован распадом СССР, повлекшим коренные изменения жизни российского общества. С внутренней точки зрения в 1990-е гг. были приняты два Устава БАН (1992 и 1998), согласно которым БАН представляет собой централизованную библиотечную систему, включающую центральную библиотеку и филиалы — библиотеки научно-исследовательских учреждений; причем по второму Уставу сетевые библиотеки являются не только отделами и секторами БАН, но и научно-вспомогательными подразделениями учреждений НИУ СПбНЦ РАН.

Этот «открытый» период истории библиотеки Пушкинского Дома, что вполне закономерно, максимально обращен к происходящим сегодня процессам. В то же время речь здесь идет о событиях 20–30-летней давности, которые остались в памяти у многих библиотекарей. Изменения в «привычном» для сотрудников ходе библиотечных событий были разительны. В 1990-е гг. буквально на глазах произошел резкий спад новых поступлений. Если в предыдущее десятилетие библиотека Пушкинского Дома получала порядка 4500 библ. ед. ежегодно, то в 1996 г. — 960, то есть почти в пять раз меньше (см. с. 422)! Учитывая уникальность библиотеки, финансирование многих статей расхода тогда взял на себя ИРЛИ.

В этот период существенно возросла роль такого источника комплектования, как пожертвования. (Это, что характерно, также касается большинства сетевых библиотек, если не всех.) Среди дарителей библиотеки Пушкинского Дома оказались и частные лица, и издательства, специали-

зирующиеся на выпуске гуманитарной литературы. Важность комплектования библиотеки такого уровня очевидна. В это время в фонд влилось и много частных коллекций. В отличие от прошлых лет, это в основном не писательские собрания, а рабочие библиотеки отечественных литературоведов: В.Н. Перетца и В.П. Адриановой-Перетц, В.Е. Гусева, В.А. Мануйлова, Г.М. Фридлиндера и др. Автор рассматривает и пути международного книгообмена, характерные для этого периода.

Учитывая нацеленность книги на усовершенствование библиотечно-библиографических процессов и на расширение современного опыта библиотечной работы, Н.С. Беляев как действующий сотрудник изучаемой им библиотеки уделяет большое внимание ныне существующим картотекам и каталогам, в формировании которых и сам принимал активное участие. Читатели могут подробно ознакомиться с деталями технической работы библиотеки (например, как происходило вливание в Генеральный алфавитный каталог отдельных картотек, как разрабатывались новые рубрикаторы и т.п.). Это особенно важно ныне работающим библиотекарям, для которых рецензируемая книга может послужить своего рода методическим руководством, в чем, собственно, и состоит одна из заявленных ее целей. Организация фонда и текущее обслуживание читателей — также в поле зрения автора, равно как и обзор проводимых в отделе книжных выставок.

Рецензируемая монография — результат многолетней исследовательской деятельности сотрудников библиотеки Пушкинского Дома и ее заведующей Г.В. Бахаревой. Поэтому так важен раздел «Научная и библиографическая работа», завершающий третью главу. Прежде всего, здесь приводятся сведения о ретроспективных и современных библиографических указателях, готовящихся в отделе. Основные герои персональных указателей — А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и М. Горький. Сотрудники библиотеки вовлечены не только в процесс составления указателей, но и в издание трудов русских писателей. В отделе ведется активная редакторская работа, а также рецензирование научных трудов по гуманитарному профилю. Проводится изучение фонда: например, поиск автографов, «обратное» выявление поступивших в свое время в фонд личных коллекций. Идет постоянное пополнение «Картотеки дарственных надписей» и «Картотеки личных библиотек». Этот раздел имеет большую ценность, так как изнутри, пером научного сотрудника, характеризует обширную научную работу отдела.

Учитывая активную включенность автора в рабочий процесс, последний раздел в принципе, как уже говорилось, можно отнести к «жанру» научного отчета. Кстати, Н.С. Беляев не раз справедливо подчеркивает значимость такого исторического источника, как ежегодные отчеты: это не рутинная, как порой может показаться, а характеристика живой жизни того или иного отдела и ценная информация для исследователей. Автор постоянно ссылается на отчеты, хранящиеся в архиве: по сути дела, это основная ткань рецензируемого исследования.

Подводя итоги, автор намечает перспективы работы библиотеки Пушкинского Дома: перевод справочного аппарата на электронные носители, оцифровка ценных и редких изданий, непременно согласованная с аналогичной деятельностью других учреждений, и многое другое.

* * *

Как уже говорилось выше, книга снабжена богатым справочным аппаратом. Охвачены все сотрудники библиотеки, включая тех, кто работал здесь совсем недолго. Открытие некоторых имен — результат специальных архивных разысканий. Как отметил автор, заведующая библиотекой Пушкинского Дома Г.В. Бахарева, ответственный редактор его книги, в течение долгого времени собирала сведения о бывших сотрудниках (с. 467–468), однако эту работу «поглотила» подготовка двухтомного общего справочника «Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук» (СПб., 2014).

За прошедшие с момента выхода юбилейного справочника годы многие биографические материалы удалось дополнить, а также «вернуть» целый ряд имен (например, такой любопытный частный факт: в 1953 г. для проведения инвентаризации сотрудники библиотеки привлекли в помощь некую крестьянку А.М. Орехову, имевшую шесть классов образования). Уточнены по архивам некоторые уже известные даты наградений сотрудников библиотеки (например, точное время вручения медали «За оборону Ленинграда»). Материалы далеко не обо всех сотрудниках были доступны; приходилось проводить специальные разыскания. Персональные статьи характеризуют работу каждого сотрудника, причем в книге приведены не только справочные сведения, но и «живые» детали.

Библиотека всегда была и остается в тесной связке с научной работой в ИРЛИ. В том числе, поэтому среди сотрудников библиотеки были известные литературоведы, например, С.Д. Балухатый, Е.Н. Купреянова, К.Д. Муратова, Т.И. Орнатская, Г.А. Тиме, Б.В. Томашевский, которым также посвящены «именные» статьи.

В этом разделе есть достаточно подробные сюжетные очерки — к примеру, о С.А. Шахматовой-Коплан, дочери академика А.А. Шахматова, умершей от голода в первую блокадную зиму. В начале 1942 г. умер и сотрудник библиотеки Я.М. Ясинский — сын писателя И.И. Ясинского. Рецензируемое исследование — это, в том числе, страница истории нашего города.

Летопись основных библиотечных событий представляет собой своего рода конспект книги.

Книга богато иллюстрирована как уже известными портретами, так и сделанными специально к этому изданию фотографиями. Иллюстрации сгруппированы согласно логике повествования, позволяя представить лица прошлых и настоящих сотрудников, увидеть страницы рукописных каталогов, заглянуть в не видные читателю интерьеры библиотеки, ознакомиться с отдельными документами, а также фотоотчетами о проведенных в библиотеке ключевых книжных выставках.

К небольшим недочетам книги можно отнести некоторые стилистические шероховатости, а также порой слишком большие абзацы, осложняющие освоение большого массива материалов. Есть отдельные неточности в фамилиях и названиях упоминаемых работ. Однако по сравнению с масштабом проделанного это практически незаметно.

Н.С. Беляев адресовал свое исследование широкому кругу гуманитариев: историкам, филологам, библиографам, книговедам, культурологам.

Оно может живо заинтересовать и неспециалиста, погруженного в историю нашего города, в том числе блокадную.

Таким образом, перед нами богатая история библиотеки и хорошее руководство по организации библиотечной работы. Выход в свет рецензируемой книги — заметное событие в истории Пушкинского Дома, Библиотеки академии наук и отечественного литературоведения.

Примечания

1. Это: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН; попутно отметим, что автор последовательно использует предыдущую аббревиатуру названия этого учреждения — СПФ АРАН), Рукописный отдел Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ РАН), Архив Библиотеки Академии наук (Арх. БАН), Российский государственный исторический архив (РГИА) и Архив Отдела БАН при ИРЛИ РАН.

2. Институт истории науки и техники — предшественник ныне существующего Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Учрежден в Ленинграде на базе Комиссии по истории знаний в 1932 г., в 1936 г. переведен в Москву и расформирован в 1938 г., незадолго до расстрела его первого директора Н.И. Бухарина.

Список источников

1. Летопись Российской академии наук. Т. III / отв. ред. М.Ф. Хартанович. Санкт-Петербург : Наука, 2003. 728 с.

2. Летопись Российской академии наук. Т. IV / отв. ред.: Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина. Санкт-Петербург : Наука, 2007. 1051 с.

3. Басаргина Е.Ю. Становление музейного комплекса Императорской академии наук // Вопросы музеологии. 2012. № 1 (5). С. 78–87.

4. Хартанович М.Ф. Музеи Академии наук XIX в.: от Кунсткамеры к узкоспециальным научным центрам // Вопросы музеологии. 2015. № 2 (12). С. 38–45.

5. Бэр К.М. Записка о взаимоотношениях Главной и специальных библиотек Академии наук // 250 лет Академии наук СССР: Сборник докладов юбилейной научной конференции 25–26 ноября 1964 г. / отв. ред. М.С. Филиппов; пер. и публ. А.И. Копанева. Москва ; Ленинград : Наука, 1965. С. 295–298.

6. История Библиотеки академии наук СССР. 1714–1964 / отв. ред. М.С. Филиппов. Москва ; Ленинград : Наука, 1964. 599 с.

М.П. Лепехин

О ФЕЛИКСЕ МОИСЕЕВИЧЕ ЛУРЬЕ И КНИГЕ ЕГО ВОСПОМИНАНИЙ

АННОТАЦИЯ

Рецензируется изданная в 2020 г. книга воспоминаний известного Санкт-Петербургского историка Феликса Моисеевича Лурье «Жизнь в обещанном Раю». Автор рассказывает о своей жизни с 1931 года и судьбе многочисленных родственников. Особое внимание уделено расхождению личного мировосприятия автора с официальными идеологическими установками. Во главе повествования — значение литературы, музыки и изобразительного искусства для становления личности автора.

Ключевые слова: Феликс Моисеевич Лурье, Ленинград, убийство Кирова, Блокада, Горный институт, книги, музыка, живопись, архитектура.

14 августа 2020 г. исполнилось 89 лет Феликсу Моисеевичу Лурье — одному из наиболее значимых и востребованных персонажей интеллектуальной жизни современного Санкт-Петербурга. С днем рождения Ф.М. поздравили многочисленные друзья, знакомые и почитатели его творчества.

В свою очередь и Ф.М. сделал им подарок: незадолго до этой даты известный Санкт-Петербургский издатель историк С.Н. Полтораки издал воспоминания Ф.М. Лурье «Жизнь в обещанном Раю» в количестве 500 экз.; почти сразу весь тираж разошелся. Ранее данные мемуары опубликовало издательство «Коста» (СПб., 2018. 2 тома) тиражом 25 экз. (Данное издательство специализируется на подготовке и выпуске в свет изданий за счет авторов и спонсоров). Согласно первоначальному намерению автора, воспоминания Ф.М. не предназначались для продажи или для передачи в государственные книгохранилища — весь тираж был поднесен автором родным и близким. К некоторым лицам Ф.М. обратился с пожеланием узнать мнение о возможных допущенных автором неточностях (*память человеческая несовершенна*) с тем, чтобы в основном тираже воспоминаний их устранить.

Автор настоящей заметки считает для себя честью быть прикосновенным к чтению корректурного тиража. Будучи знакомым с Ф.М. (с 1982 г.) и с большинством его трудов — считаю себя вправе высказать мнение и о его опыте мемуарного жанра.

Сам Ф.М. в предисловии искусным плетением цитат показывает иллюзорность любых мемуарных опытов для воссоздания сюжетной канвы реальных событий — и всем последующим повествованием показывает необходимость осмысления прошлого именно сквозь призму воспоминаний.

Воспоминания Ф.М. обнимают большую часть XX столетия — от начала века до 1987 г. Повествование начинается рассказом о жизни родственников на Витебщине с предреволюционной эпохи и до нашествия

гитлеровцев в 1941 г. Заканчиваются мемуары 1987-м годом, когда проживший полвека в Ленинграде Ф.М. оставил государственную службу, приняв решение всецело посвятить себя литературному труду. Книга состоит из 17-ти глав, расположенных в хронологической последовательности; обозначены границы описываемого времени. Изобразительный ряд в книге достаточно насыщен фотографиями семейного архива — в итоге получился «свет зримый в лицах»: при чтении сразу можно увидеть изображение того лица, о котором повествует автор.

В первых главах книги главными героями повествования являются родители Ф.М. — отец Моисей Львович Лурье (1901–1941), видный историк революционного движения, и мать Мария Ароновна (урожд. Вайсфельд) (1906–1991). Отправной точкой исторической памяти Ф.М. является пребывание в двухлетнем возрасте в местечке Шумилино недалеко от Витебска. Скупыми, но сочными мазками Ф.М. нарисовал скромную, но счастливую своей безмятежностью жизнь этого местечка.

«В Шумилино жили белорусы, евреи и русские, все изъяснялись на трех языках, старики говорили по-русски с ярким еврейским акцентом, молодые — с легким белорусским налетом. Все понимали друг друга, не враждовали. Дома независимо от национальности хозяев были похожи друг на друга, почти одинаковые, неказистые, без украшений, бревенчатые, с крышами из дранки. Солнце, дожди и ветры покрасили их одинаковым серым цветом. Хотелось прикоснуться ладонью к старым, в продольных трещинах бревнам, излучающим тепло многолетнего человеческого жилья. Все были равны, богатеи при советской власти не было. Все знали друг о друге все, многие породнились. Как же благородно некоторые шумилинцы проявили себя во время войны!»

Вторая Мировая война уничтожила традиционную культуру Черты. Исключением Шумилино не стало: 1941 г. подвел черту под многовековой относительно спокойной жизнью восточноевропейского еврейства.

«Моего троюродного брата Мишу Сувальского родители в это проклятое лето отправили в Шумилино. Когда пришли немцы, русские его спрятали. Через несколько дней на рыночную площадь согнали евреев и повели из села. Миша, увидев среди них деда и бабушку, закричал, что хочет к ним, и бросился в толпу евреев. Его разорвали сыновья “никого не обижавших немцев”, привязав к дереву и танку. Такую невинную забаву придумали представители высшей расы. Нужны же развлечения во время отдыха между победоносными сражениями. Я не сторонник “око за око”, наоборот. Но когда наши солдатики вели себя с “мирными” немцами не идеально, можно бы вспомнить о миллионах таких, как Миша Сувальский».

Перевод в 1928 г. М.Л. Лурье в Ленинград в будущем спас жизнь его сыну. «После войны в Шумилино мне побывать не удалось, говорят, евреи больше там не живут». — «Почти все мужчины из огромной отцовской родни погибли в этом кромешном аду». Столь же трагично сложилась судьба киевских родных матери. «Они погибли в Бабьем Яру. В чем и перед кем они провинились?..». Завершается глава двумя генеалогическими таблицами Лурье и Вайсфельдов.

Вторую Мировую войну Ф.М. воспринимает закономерным продолжением Первой, изменившей традиционные представления о миро-

устройстве и значимости человеческой жизни. «Все перевернула Первая мировая война. Кровь, куски человеческого мяса, смешанные с землей, насилие, чудовищная жестокость, невиданные до того убийства людей привели к пересмотру прежних моральных ценностей, разочарованию в демократии, не сумевшей защитить народы от истребления, открыли дорогу тоталитаризму. Огромные человеческие массы втянулись в политическую борьбу. Европе удалось оправиться, но прежней жизни не удалось».

Корень зла Ф.М. склонен усматривать в невежестве масс и их отступлении от норм нравственности. «Достижения науки и технический прогресс сопровождаются утратой моральных ценностей. Все наши беды от воинствующего невежества и, в связи с этим, отсутствию морали. Невеждами легче, но опаснее управлять». По сути дела, общественно-политический фон воспоминаний Ф.М. посвящен обоснованию этого тезиса.

В главе «Кирова убили, 1934–1957» автор рассказывает о первых впечатлениях детства, связанных с Ленинградом. Бытовые реалии занимают значимое место в рассказе Ф.М.: быт довоенных коммунальных квартир передан достаточно сочно — при всем том, что его отец с семейством проживал отнюдь не в квартире, сплошь населенной зощенковскими персонажами. Повествуя о главном событии в жизни Ленинграда 1930-х — убийстве С.М. Кирова 1 декабря 1934 г., разделившем жизнь дроблокадного города на до и после — Ф.М. приводит ценные подробности, не отмеченные исследователями. Его отец по службе в Институте истории партии хорошо знал Л.В. Николаева, однако с домашними об этом не говорил. Со слов сотрудницы Института Е.Ф. Пашкевич, приведено мнение Ф.Д. Медведя о том, что Николаев действовал по чьему-то приказу. Даже несмотря на то, что в настоящее время убийство Кирова перестало быть загадкой, а распространенное в среде старых большевиков и либеральной интеллигенции мнение о том, что заказчиком был И.В. Сталин не нашло подтверждение, мнение главы ПП ОГПУ в Ленинграде следует учитывать в историографии вопроса. С мнением Ф.М.: «Чей же еще это мог быть приказ, если не Сталина?» — едва ли следует согласиться хотя бы потому, что именно Сталину это убийство было политически невыгодно, а гибель самого близкого к нему на политическом Олимпе тех лет стала для него личной трагедией. обстоятельно взвесив все *за* и *против*, в конце главы Ф.М. приходит к здравому выводу: «Циркулируют слухи, будто некие сотрудники НКВД умело руководили действиями ничего не подозревавшего Николаева. Можно ли управлять поступками ненадежного неврастеника, если он сам управлять ими не в состоянии?» В этой главе также сообщены подробности биографии П.М. Рутенберга, не нашедшие упоминания в монументальном его жизнеописании, написанном В. Хазаном.

Прекрасно выписан психологический портрет директора ленинградского филиала Истпарта В.А. Быстрянского (наст.: Ватин, 1885–1940).

«Доктор исторических наук, профессор, директор института не пользовался служебным автомобилем, в бухгалтерии денег брал меньше, чем ему причиталось, и только на самое необходимое; одевался скромно, с осени до весны ходил в одном и том же пальто и драных ботинках. Вадим Александрович экономил на себе не из жадности; он полагал,

что так приближает победу коммунизма. Приятель отца, работавший в горкоме партии, рассказывал, что перед XVI съездом Сталин позволил в Смольный и буркнул:

– Оденьте Быстрянского.

Сотрудники и ученики боготворили Вадима Александровича, одного из последних нерядовых членов партии, коммуниста-романтика, пережившего Большой террор. От зарождения партии до Октябрьского переворота многие коммунисты, не стремившиеся повелевать, свято верили в утопические идеи, провозглашенные вождями-теоретиками и вписанные в программу партии. После победы большевиков бескорыстных романтиков разбавили циничные карьеристы, устремившиеся под крыло победителей. Заблудившийся среди сталинских приверженцев чистосердечный Быстрянский, поглощенный своими идеями, жил тихо, никому не перебегая дорогу. Его не подвергли ни одной проработке, ни одному допросу, ни одному аресту. После убийства Кирова его ни в чем не обвинили; возможно, Сталин, симпатизировавший ему, распространил на него свое покровительство».

Столь пространная цитата приведена не столько для характеристики человека, о котором, кроме Ф.М., едва ли кто-либо сейчас помнит — сколько для показа творческого метода Ф.М. и его мастерства как незаурядного стилиста. С этими же целями согрешим еще одной пространной цитатой о восприятии 5-летним Ф.М. реалий городской жизни:

«Среди страждущих в очередях всегда находился оратор, разъяснявший старушкам и детям, что в стране временные перебои с маслом потому что изверги рода человеческого Каменев с Зиновьевым натолкли туда стекла, пришлось испорченное выбросить, вот мы и вынуждены довольствоваться маргарином. Вся очередь понимающе ахала и кивала головами. Я пытался вообразить эту картину: два старика толкут стекло и подмешивают в масло. Но воображение не справлялось, картина не рисовалась: как могли два человека испортить все масло, предназначенное для одной шестой части земного шара? Точно так же мое воображение не могло примириться с где-то услышанным рассказом о том, что какие-то врачи дали всеми любимому писателю Максиму Горькому вместо лекарства толченое стекло, и от этого он умер. Я не мог понять, неужели Горький не посмотрел, что ему дают, и не отличил порошка от стекла, оно же блестит. Странно. Этими своими сомнениями я очень хотел поделиться с мамой, но не случилось, а когда я высказал их домработнице Гале, она так на меня шикнула, что повторять не захотелось. Галя приехала из деревни, откуда еле сумела сбежать. Она многое повидала, многое понимала. Деревенские лучше городских разбирались в том, что к чему, а уж во внутренней политике — точно».

Вторая глава заканчивается размышлением Ф.М. о Большом терроре, унесшем жизнь и здоровье многих знакомых отца. Без гнева и пристрастия Ф.М. сопоставляет его с событиями полуторавековой давности во Франции. Более того, после своих размышлений Ф.М. обнаружил неизданную заключительную часть труда Е.В. Тарле «Революционный трибунал Великой Французской революции» и опубликовал весь труд полностью в 2010 г. (В 12-томное собрание сочинений Тарле он включен не был).

Начиная с 3-й главы «Запахи Войны. Война. 1939–1942» по мере взросления юного Ф.М. общественно-политические и бытовые реалии стали вытесняться подробностями частной жизни автора. Этапы развития ребенка — отрока — юноши — молодца — мужчины показаны через призму его взаимоотношений с родными, близкими, друзьями, знакомыми и недругами. (Ретроспективный беспристрастный разбор многих драматических коллизий проведен автором с настолько большим тактом, что остается лишь пожалеть о том, что мемуарные источники почти не используются в университетских курсах психологии или конфликтологии). Ф.М. последовательно показал перемещения во времени и пространстве — от комнаты на Лермонтовском пр., где Ф.М. пережил страшную первую блокадную зиму, до эвакуации в Ялutorовск, Тюмень и Хохлово; в Ленинград он возвратился в 1944 г. Все последующие этапы жизни Ф.М. (увлечение музыкой и пространственными искусствами, учеба в Горном институте, работа горным мастером на Куровских шахтах в Калужской обл., возвращение в Ленинград (служба в «Конторе щитовых проходок» и в «Проекстальконструкции»), 9-летнее пребывание в Мончегорске и вновь возвращение в Ленинград (служба в ЛЕНЗНИИЭП)). Почти полувековой период 1939–1987 гг. уместился в 10 глав, к которым добавлены отдельные: «Музыка», «Пространственные искусства», «Книги» и «Коктебель». Пересказывать их излишне — книгу следует прочесть полностью.

Для читателей «Петербургской библиотечной школы» наибольший интерес должна представить 13-я глава «Книги», повествующая о начале собирательской деятельности Ф.М. и об его домашней библиотеке, а также о повседневности ленинградской книжной культуры 1950–1980-х гг. Впервые эта глава в виде отдельного издания и с указанием в качестве соавтора владельца издательства «Альфарет» Ю.В. Шестакова появилась в 2012 г. В 2013 г. этот вчетверо увеличенный текст двух авторов был издан с полиграфическими ухищрениями (если не роскошью) отдельной книгой под названием «Обаяние “бумажной” книги» тиражом 100 экз. Книга сразу по выходе стяжала значительный успех, и в 2015 г. «Альфарет» сделал допечатку 1000 экз. (Одно то, что допечатка на порядок превосходит основной тираж, служит наглядным доказательством востребованности издания). В новом варианте текста, ставшем более интересным, были удалены общие места о роли книги в эволюции человечества, зато оказалась расширена именно мемуарная часть о книжной культуре Ленинграда 1950–1980-х в связи с собирательскими наклонностями самого Ф.М.

Заключительная, 17-я глава называется «Вольные хлеба» (1988–2011). Значительная часть ее посвящена Елене Константиновне Крандиевской (1932–2011), жене Ф.М., самому близкому ему человеку. Е.К. одобрила решение Ф.М. покинуть государственную службу для того, чтобы всецело посвятить себя историческим разысканиям. Три последующих десятилетия творческой активности Ф.М. показали справедливость данного решения.

Сегодня Ф.М. Лурье является не только одним из самых известных историков Санкт-Петербурга и революционного движения в России, но и одной из самых значимых личностей в культурной жизни Север-

ной столицы. Познания и отзывчивость Ф.М. весьма востребованы издателями («Альфарет», «Вита Нова», С.Н. Полторак и др.), творческими союзами (Союз писателей Санкт-Петербурга, Русский ПЕН-центр (Всемирная ассоциация писателей) и др.). Ф.М. является автором более 200 статей, автором и составителем более 40 книг, альбомов и библиографических указателей. К сожалению, как то было указано выше, мемуары Ф.М. имеют верхним хронологическим пределом год 1987-й — в то время как основная творческая активность Ф.М. относится к периоду более позднему. Остается надеяться, что в этот миг, когда гипотетический читатель «Петербургской библиотечной школы» читает данную строку — Ф.М. трудится над продолжением воспоминаний...

Принятый 26 мая 1988 г. закон «О кооперации» не только выбил скамейку из-под ног обреченного на заклятие СССР, но и способствовал буйному расцвету книгоиздания. С того времени предназначенные кооперативными издательствами к публикации мемуары *de facto* были лишены начальственного надзора. (De jure цензура была отменена 12 июня 1990 г. законом «О печати и других средствах массовой информации»). Перепроизводство книг за последующие без малого три десятилетия отнюдь не лучшим образом сказалось на усредненном их качестве. Одно то, что любой способный оплатить верстку, бумагу и расходы по печатанию, мог именовать себя *мемуаристом* — привело к девальвации жанра воспоминаний. Даже если учесть, что не все издания РФ поступают во Всероссийскую книжную палату и поддаются библиографическому учету — все равно можно сделать одно наблюдение, как то: творческие и служебные воспоминания в отношении количественном значительно превышают семейные и личные.

В первом случае рассказ о творческих достижениях или служебной карьере автора преобладает над повествованием об его происхождении, семейной жизни и личностном становлении; во втором случае все происходит в обратной пропорции. Достоинством же воспоминаний Ф.М. Лурье является продуманное сочетание того, что принято именовать *личным* — с тем, что обтекаемо именуют *общественно значимым*. Восприятие мира совсем юным (2 года) или достаточно зрелым (56 лет) автором показано через восприятие им реалий как повседневного быта, так и политической жизни, определявших массовое сознание описываемой им эпохи. Достоинством мемуариста является полное отсутствие ретроспективного смещения оценок того или иного события за счет современных знаний о нем. Более того, в тексте ненавязчиво, но строго разделены восприятие автора той эпохи — и его современная оценка. Ненавязчиво, но сжато и точно комментируются все те реалии ушедшего времени, которые без пояснений будут непонятны читателям, родившимся в XXI веке. (Ф.М. не скрывает, что воспоминания им написаны прежде всего для внучки Елизаветы).

Несомненной заслугой Ф.М. является также то, что в данной книге он совместил роли автора и редактора. Все замечания, полученные им после раздачи корректурного тиража, были тщательно изучены и учтены при подготовке Ф.М. окончательного варианта текста. Слог автора являет собой прекрасный образец русской художественной прозы: нет места ни малейшей вычурности, отсутствуют повторы и длинноты, все

изложено просто, ясно и интересно — отчего читается на одном дыхании с неослабным интересом. Все это в совокупности делает книгу Ф.М. Лурье заметным явлением отечественной мемуаристики, и остается лишь пожалеть о том, что такая достойная книга издана столь незначительным тиражом. (Впрочем, выход в свет очень хорошей книги сам по себе является достаточно значимым событием).

В заключение следует отметить великолепное полиграфическое оформление книги, что является несомненной заслугой художника С.Д. Минаева.

Научные исследования

Горская Л.И. «Библиография изданий Академии наук» как зеркало истории Академии наук

Горская Лариса Игоревна — кандидат педагогических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук
Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: lvaganova@yandex.ru

Gorskaya L. «Bibliography of publications of the Academy of Sciences» as a mirror of the history of the Academy of Sciences

Gorskaya Larisa — Candidate of Pedagogical Sciences, Researcher of Scientific Research Department of Publications of the Academy of Sciences
Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: lvaganova@yandex.ru

ANNOTATION

The article traces the history of the Academy of Sciences in the structure of the yearbook «Bibliography of publications of the Academy of Sciences» and the dynamics of publication activity of its scientific institutions. Statistical data of academic book publishing for more than 60 years are given. The article describes the contemporary structure of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences Library, publications of the Academy of Sciences, Bibliography of publications of the Academy of Sciences, structure of the Academy of Sciences, yearbook «Bibliography of publications of the Academy of Sciences».

Красникова О.А. Прекраснейшие небеса — от Античности до формирования Нового естествознания: Atlas coelestis seu Harmonia Macrocosmica / Andreas Chr. Cellarius. 1660

Красникова Ольга Алексеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник, заведующий сектором картографии Отдела фондов и обслуживания
Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: okras05@mail.ru

Krasnikova O. Beautiful heavens — from Antiquity to the formation of the New Natural Science:

Atlas coelestis seu Harmonia Macrocosmica / Andreas Chr. Cellarius. 1660

Krasnikova Olga — Candidate of Historical Sciences, Scientific Researcher, Head of the Sector of Cartographical Fund of the Department of Funds and Services

Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: okras05@mail.ru

ANNOTATION

The collection of cartographic documents on astronomy of the DFS RASL Cartographic Department holds three editions of the «Atlas coelestis seu Harmonia Macrocosmica» by German astronomer A. Cellarius (1596–1665). This is the almanac on the history of astronomy

development, from antiquity to the end of the 17th c. The article gives information about the history of atlas compilation, astronomy and the main variants of the world system — Ptolemy, Copernicus, Tycho Brahe, etc.

Keywords: Sector of Cartography of the Academy of Sciences Library, history of astronomy, atlas, Andreas Cellarius, Gerard Mercator, star sky, Geocentric and heliocentric models of the world system, constellations of the Zodiacal circle.

Кнорозова Е.Ю. Покровитель книгопечатания Лыонг Ньы Хок и ранняя вьетнамская антология «Тщательно отобранные старинные и современные поэты» (XV век)

Кнорозова Екатерина Юрьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела литературы стран Азии и Африки

Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: knorozova@yandex.ru

Knorozova E. Printing Patron Lương Như Hoc and the Early Vietnamese Anthology «Carefully Selected Ancient and Modern Poets» (15th century)

Knorozova Ekaterina — Candidate of Philological Sciences, Researcher, Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library

Saint-Petersburg, Russia

e-mail: knorozova@yandex.ru

ANNOTATION

Lương Như Hoc edited the anthology «Carefully Selected Ancient and Modern Poets». It was believed that Lương Như Hoc mastered the art of printing woodcuts in China, returning to his homeland, taught this to his fellow villagers, who began to revere him as the spirit of the keeper of the area and the founder who spread the art of woodcutting.

Keywords: woodcuts, Buddhism, Vietnam, anthology, typography, poetry.

Пригорицкая Ю.В. Становление научного изучения Африки в Европе по изданиям научных европейских обществ в фондах БАН (Royal African Society of Great Britain и пр.)

Пригорицкая Юлия Валерьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела литературы стран Азии и Африки

Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: prigor_yulia@mail.ru

Prigoritskaya Yu. Formation of the scientific study of Africa in Europe based on the study of publications of scientific European societies in the funds of the BAN (Royal African Society of Great Britain)

Prigornitskaya Yulia — Candidate of Philological Sciences, Scientific Researcher of Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library

Saint-Petersburg, Russia

e-mail: prigor_yulia@mail.ru

ANNOTATION

The article gives an outline of the development of African studies in Europe in the 18th — early 20th century based on the study of publications of scientific European societies in the RASL and other sources. Information on the content of the societies' work at different stages, development of the concept of African studies, scientific publications, biographical information on prominent members, including the first women researchers, are provided.

Keywords: African studies, Russian Academy of Sciences Library, African Association, Royal African Society of Great Britain, African Affairs, Mary Kingsley, Alice Stopford Green, John Donnelly Fage.

Дунаева Ю.А. Старинная нумерация на форзацах и шмуцтитулах книг отдела БАН при Зоологическом институте РАН

Дунаева Юлия Александровна — младший научный сотрудник отдела БАН при Зоологическом институте РАН

Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: bibl@zin.ru

djiuna@rambler.ru

Dunaeva Y. An old numbering on the fly-leafs and fly-titles of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences Library books

Dunaeva Yulia — Junior Researcher of the Department of Russian Academy of Sciences Library at the Institute of Zoology Russian Academy of Sciences

Russian Academy of Sciences Library

Saint-Petersburg, Russia

e-mail: bibl@zin.ru

djiuna@rambler.ru

ANNOTATION

In 2018 the ancient handwritten numbers were revealed on the fly-leafs and fly-titles of 236 books in the Library of the Zoological institute of the Russian Academy of Sciences. It was able to link these numbers with a part of the multi-volume manuscript catalog of the Academic Library, compiled circa 1790. Similarly designed numbers on the books held by the other departments of Russian Academy of Sciences Library could be linked to the other thematic volumes of the same catalog.

Keywords: history of the Russian Academy of Sciences Library, catalogs of the Academic Library of the 18th century, handwritten notes, Department of the Academy of Sciences Library at the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences, library of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences.

Данилов И.А. Портрет аугсбургского ювелира второй половины XVII в. (по материалам НИОРК БАН)

Данилов Игорь Алексеевич — младший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги

Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: igordanilov1990@gmail.com

Danilov I. Portrait of Augsburg goldsmith of the second half of the 17th century (on the materials of Research Department of Rare Books Russian Academy of Sciences Library)

Danilov Igor — Junior Researcher of the Research Department of Rare Book

Russian Academy of Sciences Library

Saint-Petersburg, Russia

e-mail: igordanilov1990@gmail.com

ANNOTATION

The article describes a funeral sermon of pastor Georg Philipp Rees, dedicated to the Augsburg goldsmith Johann Abraham Jordan (1652-1688). This unique casuality is not only the one and only source of information about the master, but also includes his engraved portrait by Philip Kilian, which is absent from other known copies of this publication. It was previously located in the library of the counts of Gersdorf and currently held in the collection of Research Department of Rare Books Russian Academy of Sciences Library.

Keywords: rare casuality, engraving, Russian Academy of Sciences Library, Early modern period, Augsburg, Saxony, Johann Abraham Jordan, Georg Philipp Rees, Philipp Kilian.

Кульматова Т.В. Мраморная бумага в России: материалы к истории
Кульматова Татьяна Васильевна — кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела изданий
Академии наук

Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: kulmatova@gmail.com

Kulmatova T. Marbled paper in Russia: materials for history

Kulmatova Tatyana — Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Re-
searcher of the Research Department of Academy of Sciences Editions

Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: kulmatova@gmail.com

ANNOTATION

Decorative marbled paper in Russia in 1676–1911: existence and production. Publication of two manuals of the 18 century on its manufacture.

Keywords: decorative paper, marbled paper, Russian binding.

Цевелева И.В. Превентивная консервация. Современные подходы
к организации хранения собраний и коллекций

Цевелева Ирина Владимировна — ведущий инженер Научно-иссле-
довательского отдела консервации и реставрации библиотечных фондов

Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: itseveleva@yandex.ru

Tseveleva I. Preventive conservation. Modern approaches to the organization
of collections' storage

Tseveleva Irina — Senior Engineer of the Scientific Department of the
Preservation and Restoration of Library Funds

Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: itseveleva@yandex.ru

ANNOTATION

The paper discusses modern methods and techniques that help optimize the conditions for storing documents in libraries, archives and museums. The global experience of experts in preservation of documents shows that using simple and affordable ways to optimize the storage of documents and collections of documents can improve the quality of storage. These methods are simple, but effective enough.

Keywords: cultural heritage, preventive conservation, storage of collections, standards, microclimate, ecosystems, zoning, materials science.

Тилева Е.А., Крупин В.И., Заборовская В.А. Удаление масляных за-
грязнений с бумажных документов. Практическая реставрация: очистка
загрязненных маслом листов книги «Псалтырь следованная». Москва:
Изд-во Единоверческой церкви, 1875 г.

Тилева Екатерина Анатольевна — кандидат биологических наук,
заведующий Научно-исследовательского отдела консервации и реставра-
ции библиотечных фондов

Крупин Валентин Иванович — научный сотрудник Научно-ис-
следовательского отдела консервации и реставрации библиотечных
фондов

Заборовская Виктория Александровна — художник-реставратор
Научно-исследовательского отдела консервации и реставрации библио-
течных фондов

Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: vikaz@yandex.ru
v.krupin1939@gmail.com
tilekaterina@ya.ru

Tileva E., Krupin V., Zaborovskaya V. The practical restoration:
removing extensive oil contamination from the pages of the Book of Psalms
(1875)

Tileva Ekaterina — Candidate of Biological Sciences, Chief of the Scientific
Department of the Preservation and Restoration of Library Funds

Krupin Valentin — Researcher of the Scientific Department of the
Preservation and Restoration of Library Funds

Zaborovskaya Victoria — Restorer of the Scientific Department of the
Preservation and Restoration of Library Funds

Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: vikaz@yandex.ru
v.krupin1939@gmail.com
tilekaterina@ya.ru

ANNOTATION

One of the important problems of restoration of paper documents is the removal extensive fat or oil contamination, in cases where the document is completely filled with oil. Often such contaminations are old and oxidized, and collects dust particles. This all leads to accelerated destruction of the document and makes it impossible to use. This article discusses one of the methods to clean and restoration an oil contaminated paper document.

Keywords: restoration of paper and books, oil and fat contamination of the document, restoration method, paper document, document preservation, chemical solvents.

Книжные памятники

Питулько Г.Н. О книжных раритетах эпохи Реформации в Европе
в Библиотеке Академии наук

Питулько Галина Николаевна — доцент Северо-Западного институ-
та управления Российской Академии народного хозяйства и государст-
венной службы при президенте Российской Федерации, кандидат исто-
рических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского
отдела редкой книги

Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: pitulgal@yandex.ru

Pitulko G. About book rarities of the European Reformation epoch in the
Russian Academy of sciences Library

Pitulko Galina — Assistant Professor of the North-Western Institute of
Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of
the Research Department of Rare Book

Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: pitulgal@yandex.ru

ANNOTATION

In this article we are talking about the rare books of European Reformation period held by the Russian Academy of Sciences Library. There are some examples of the most interesting rare editions, related to the contemporaries of Reformation's events. The author considers this theme on the basis of Scientific department of rare books of Russian Academy of Sciences Library book collection.

Keywords: rare editions, European Reformation, Russian Academy of Sciences Library.

Гриша Е.А. Книжные памятники из коллекции Научной библиотеки Российской академии художеств: труды по анатомии XVII-XVIII вв. Франции и Италии

Гриша Елизавета Александровна — заведующий Отделом редких изданий

Научная библиотека при Российской академии художеств
Центр Научных учреждений Российской академии художеств
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: pelizabet@yandex.ru

Grisha E. Book monuments from the collection of Russian Academy of Arts Scientific Library: French and Italian works on the anatomy of the 17th — 18th centuries

Grisha Elizaveta — Head of the Rare Book Department
Scientific Library of the Russian Academy of Arts
Centre of Scientific Institutions of the Russian Academy of Arts
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: pelizabet@yandex.ru

ANNOTATION

The article examined rare books on medicine and anatomy of the 17th — 18th centuries, published in France and Italy, and analyzes their illustrative material created by famous artists. These works as teaching aids were useful both to the physicians of various specializations, and to the artists of the past and present in their work.

Keywords: book monuments, anatomical drawings, teaching aids, art collection, engravings of the 17th–18th centuries.

Реброва Н.А. О генезисе избранных трактатов из корпуса Псевдо-Раймонда Луллия в рукописи «Louvre de Raymond Lulle» из коллекции Научной библиотеки Российской академии художеств

Реброва Наталья Александровна — главный библиотекарь Отдела редких изданий Научная библиотека Российской академии художеств

Центр Научных учреждений Российской академии художеств
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: rebrova.nataly@gmail.com

Rebrova N. The genesis of selected treatises of Pseudo-Lullian corpus included in «Louvre de Raymond Lulle» manuscript from the collection of Research Library of the Russian Academy of Arts

Rebrova Nataly — Chief Librarian of the Rare Book Department
Scientific Library of the Russian Academy of Arts
Centre of Scientific Institutions of the Russian Academy of Arts
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: rebrova.nataly@gmail.com

ANNOTATION

The study is focused on analysis of the manuscript which was misattributed to the original Raymond Lullian corpus. Also the structure of the manuscript was deconstructed and the genesis of selected the alchemic treatises included in «Louvre de Raymond Lulle» manuscript was described.

Keywords: manuscript, Raymond Lull, Pseudo-Lull, corpus of Raymond Lull, Alchemy, alchemic treatises in Raymond Lulle works.

Вознесенская И.А. «Собрано новгородским дворянином...»: рукописные «родословия» П.Н. Крекшина и гравюра Алексея Зубова

Вознесенская Ирина Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей

Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: voznesen@list.ru

Voznesenskaya I. «Collected by the Novgorod nobleman...»: P.N. Krekshin's handwritten «genealogy» and Alexey Zubov's engraving

Voznesenskaia Irina — Candidate of Historical Sciences, Scientific Researcher of Research Department of Manuscripts

Russian Academy of Sciences Library

Saint-Petersburg, Russia

e-mail: voznesen@list.ru

ANNOTATION

This article is devoted to the works on the history of Romanov genealogy by the 18th c. historian Pyotr Nikiforovich Krekshin. Krekshin had his own opinion on the origin of the ruling dynasty and popularized this point of view in his works. Despite criticism from academic community, Krekshin has continued to defend his views, accused his opponents of being unpatriotic. This study focuses on previously unknown illustrated «genealogies» by P.N. Krekshin.

Keywords: Petr Nikiforovich Krekshin, Alexey Zubov, genealogy, Rurikovich, Romanovs, engraving.

Митрофанов В.В. Труды В.О. Ключевского и читатели в женском Педагогическом институте

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры «Теории и истории государства и права»

Автономная некоммерческая организация высшего образования

«Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС»

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: viktor-n1962@mail.ru

Mitrofanov V. Proceedings of V.O. Klyuchevsky and readers at the Women's Pedagogical Institute

Mitrofanov Viktor — Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Theory and History of State and Law

Autonomous non-profit organization of higher education

«University under the Interparliamentary Assembly of the EurAsEC»

Saint-Petersburg, Russia

e-mail: viktor-n1962@mail.ru

ANNOTATION

With the involvement of unknown archival materials, an interesting page of the activities of the Women's Pedagogical Institute and the role of its director S.F. Platonov on providing the educational process with literature are analyzed in the article. Clerical sources — invoices, receipts on postal orders allows to trace the book titles, the number of copies shipped from the V.O. Klyuchevsky's warehouse, his books, their cost, lead time. They were intended for students of institute personal using.

Keywords: Vasiliy Osipovich Klyuchevskiy, educational process, Sergey Fedorovich Platonov, order books, postal items.

Долгих Ю.А. «Из книг соборного диакона»: к вопросу о биографии Т.В. Кедрова и составе его библиотеки

Долгих Юлия Анатольевна — научный сотрудник Отдела редкой книги

Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: ju-d@mail.ru

Dolgikh J. «From the books of the Cathedral's deacon»: to the question of T.V. Kedrov's biography and his library's composition

Dolgikh Julia — Researcher of the Research Department of Rare Book

Russian Academy of Sciences Library

Saint-Petersburg, Russia

e-mail: ju-d@mail.ru

ANNOTATION

Many libraries hold books with the deacon from Novaya Ladoga T.V. Kedrov's ownership inscriptions. There is little information about the deacon and his bookplate is absent in the major catalogues of exlibris. This article attempts to summarize Kedrov's biographical data and make a suggestion about the possible composition of his library.

Keywords: Trifiliy Vasilevich Kedrov, bookplate, private library, Research Department of Rare Book Russian Academy of Sciences Library.

Баженова Н.М. Вехи создания в России государственной системы книгораспространения и книжной регистрации в XVIII веке (по материалам «Летописи БАН»)

Баженова Наталья Михайловна — кандидат филологических наук, заведующий Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук

Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: n_bagenova@inbox.ru

Bazhenova N. Creation steps of the state system of book distribution and book registration in Russia in the 18 century (according to the materials «Annals of the Library of the Russian Academy of Sciences»)

Bazhenova Natalia — Candidate of Philological Sciences, Head of the Research Department of Academy of Sciences Editions

Russian Academy of Sciences Library

Saint-Petersburg, Russia

e-mail: n_bagenova@inbox.ru

ANNOTATION

The article is devoted to the state system of book distribution and book registration in Russia, formed in the 18th century in the Imperial Academy of Sciences Library. Main library processes: formation of a library stock, creation of a mandatory copy, registration systems, book distribution and censorship restrictions. The creation of these processes shows the importance of the Library for the organization of other large state libraries, which arose in the 19th century on its experience.

Keywords: History of Russia, 18th century, Russian Academy of Sciences Library, state system of book distribution, state system of book registration, library stock, mandatory copy, book distribution system, mandatory publication registration system, censorship restriction system.

Люди и книги

Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г. Сотрудники Российской национальной библиотеки — участники проекта «Такая разная война...»

Гринченко Наталья Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора книговедения Отдела редких книг

книг

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующий сектором книговедения Отдела редких книг
Российская национальная библиотека
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: patrusheva@nlr.ru
books@nlr.ru

Grinchenko N., Patrusheva N. Employees of the Russian National Library — participants in the project «Such a different war...»

Grinchenko Natalia — Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Book Studies Sector, Rare Books Department, Russian National Library

Patrusheva Natalya — Doctor of Historical Sciences, Head of the Book Science Sector of the Department of Rare Books

Russian National Library
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: patrusheva@nlr.ru
books@nlr.ru

ANNOTATION

The article is devoted to the participation of the employees of Russian National Library in the project of Northern Star publishing house in St. Petersburg creating collections of materials about the Great Patriotic War, including documents from family archives. Currently, 9 issues have been released (2017–2020). The articles, memoirs, stories of 20 employees of the National Library of Russia were published in these.

Keywords: Russian National Library, Great Patriotic War, memories.

Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, январь–июнь 1945 года

Бекжанова Науля Вилевна — кандидат педагогических наук, заведующий Отделом научной систематизации литературы

Балакина Анна Арефьевна — ведущий библиотекарь сектора музейно-выставочной и архивной работы

Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: onsl@rasl.nw.ru
bekzan17@rambler.ru

Bekzhanova N., Balakina A. The Russian Academy of Sciences Library (RASL): chronicle of the war years, January–June 1945

Bekzhanova Nailya — Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Systematic Catalog

Balakina Anna — Leading Librarian of the Department of Museum-Exhibition and Archival Work

Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: onsl@rasl.nw.ru
bekzan17@rambler.ru

ANNOTATION

The article presents a chronicle of the life of Russian Academy of Sciences Library during the Great Patriotic War of 1941–1945 on the basis of archival documents.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, RASL, Great Patriotic War of 1941–1945, Blockade, Leningrad, chronicle.

Комарова О.А. Семья Круштейнов в Петербурге

Комарова Ольга Александровна — младший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук

Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: olga.komarova3013@yandex.ru

Komarova O. Family of Krushtein in St. Petersburg

Komarova Olga — Junior Researcher of the Research Department of Academy of Sciences Editions

Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: olga.komarova3013@yandex.ru

ANNOTATION

The article is devoted to the origin and biography of Eleanor Karlovna Suvorova (nee Krushtein), head of the main reading room of the Academy of Sciences Library until 1972. She was awarded the medals «For the Defense of Leningrad», «For Valiant Labor in the Great Patriotic War of 1941-1945», «For the Victory over Germany in the Great Patriotic War of 1941-1945».

Keywords: Karl Yakovlevich Krushtein, Eleanor Karlovna Krushtein, Petrograd, Leningrad, 1917 revolution, siege of Leningrad, Academy of Sciences Library.

Пономарева Н.В., Самара Л.О. Преданность профессии. (Памяти М.Г. Бокан)

Пономарева Нина Васильевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения

Самара Людмила Орестовна — главный библиотекарь Кабинета библиотековедения Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения

Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: nvponomareva@inbox.ru
sonysamlu@gmail.com

Ponomareva N., Samara L. Devotion to the profession. (In memory of M.G. Bokan)

Ponomareva Nina — Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher of the Research Department of Bibliography and Library Science

Samara Ludmila — Chief Librarian Cabinet of Library Science of the Scientific Research Department of Bibliography and Library Science

Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: nvponomareva@inbox.ru
sonysamlu@gmail.com

ANNOTATION

This article is devoted to the scientific and organizational activity of candidate of pedagogical sciences, senior researcher, head of the Library science sector of the RASL M.G. Bokan (1942–2019).

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, Cabinet of Library Science, History of the Library Science Sector, Maria Bokan.

Беляев Н.С. Мария Михайловна Шателен — сотрудник Библиотеки Академии наук: известные и неизвестные факты биографии. К 125-летию со дня рождения

Беляев Николай Сергеевич — кандидат педагогических наук, научный сотрудник, заведующий Лермонтовским кабинетом Отдела Библиотеки Академии наук

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: belyaev_77@mail.ru

Belyaev N. Maria Mikhailovna Shatel is the employee of the The Library of The Academy of Sciences: the known and unknown facts of the biography. To the 125-th anniversary of his birth

Belyaev Nikolay — Candidate of Pedagogical Sciences, Research Fellow at the Russian Academy of Sciences Library, Head of Lermontov Studies
Institute of Russian Literature (Pushkin House) Russian Academy of Sciences
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: belyaev_77@mail.ru

ANNOTATION

Maria Mikhailovna Shatel (1895-1977) is the well-known Russian cultural figure, the organizer of The Museum-reserve of A.N. Ostrovsky in Shchelykovo, the employee of The library of The Academy of Sciences, the participant of The Great Patriotic war. The article is based on the archival sources and the published materials.

Keywords: The Library of the Academy of Sciences, Aleksandr Nikolayevich Ostrovsky, The Great Patriotic war.

Дымская Д.Д. С.В. Меликова-Толстая: служба в Библиотеке Академии наук

Дымская Дарья Дмитриевна — кандидат исторических наук, библиотекарь I категории Отдела научной систематизации литературы
Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: cromwell@inbox.ru

Dymskaya D. S.V. Melikova-Tolstaya: Work in the Russian Academy of Sciences Library

Dymskaya Daria — Candidate of History, Librarian of the Department of Systematic Catalog
Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: cromwell@inbox.ru

ANNOTATION

The paper deals with the work of Russian classical philologist S.V. Melikova-Tolstaya (1885-1942) in the Russian Academy of Sciences Library. Her librarian career path examined against the backdrop of the development of Systematization Department of the II (Foreign) Branch of the Russian Academy of Sciences Library and in relation to the problems of creation of systematic catalog.

Keywords: Sofia Venediktovna Melikova-Tolstaya, Russian Academy of Sciences Library, Systematization Department, history.

Зенкевич С.И. «Звук понятный и знакомый...»

Зенкевич Светлана Игоревна — кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора БАН при Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук

Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: s.zenkevich@gmail.com

Zenkevich S. «The Sound Is Clear and Familiar...»

Zenkevich Svetlana — Candidate of Philological Sciences, Researcher of the Russian Academy of Sciences Library Department in the Saint-Petersburg

Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Sciences and Technology
Russian Academy of Sciences

Russian Academy of Sciences Library

Saint-Petersburg, Russia

e-mail: s.zenkevich@gmail.com

ANNOTATION

The paper presents a review of the monograph written by the scientific researcher of Pushkin House Library Nicolay S. Belyaev. The monograph based on the documents of five archives carefully and conclusively traces the history of one of the largest Russian specialized libraries, which is the part of a centralized academic library network.

Keywords: Pushkin House Library, Institute of Russian Literature (Pushkin House) Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences Library, academic library network, Nicolay Belyaev, Galina Bakhareva.

Лепехин М.П. О Феликсе Моисеевиче Лурье и книге его воспоминаний

Лепехин Михаил Пантелеевич — старший научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел библиографии и библиотековедения

Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: mpl2612@yandex.ru

Lepekhn M. About Felix Moiseevich Lurie and the book of his memories

Lepekhn Mihail — Senior Researcher of the Scientific Research Department of the Bibliography and Library Science

Russian Academy of Sciences Library

Saint-Petersburg, Russia

e-mail: mpl2612@yandex.ru

ANNOTATION

The book of memoirs of the famous St. Petersburg historian Felix Moiseevich Lurie «Life in the Promised Paradise», published in 2020, is being reviewed. The author tells about his life since 1931 and the fate of numerous relatives. Particular attention is paid to the discrepancy between the personal worldview of the author and the official ideological guidelines. At the head of the story is the importance of literature, music and fine arts for the formation of the author's personality.

Keywords: Felix Moiseevich Lurie, Leningrad, the murder of Kirov, Blockade, Mining Institute, books, music, painting, architecture.

Научное издание

НАУКА И БИБЛИОТЕКА.
Сборник научных трудов. Вып. 1

Редактор *М.Д. Савченко*
Оригинал-макет *А.В. Ухваловой*

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-03

Подписано в печать 20.10.2020.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Тираж 300 экз. Печ. л. 15.

Заказ № 74.

Отпечатано в ОПП БАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., д. 1)